

ISBN 2782-3067 (Print)

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

№ 4(18) | No. 4(18)
ДЕКАБРЬ | DECEMBER 2025

Наука, исследования,
аналитика

Консалтинг,
рекомендации

Цифровые технологии
и решения

Издательская
и медиадеятельность

Просвещение
и обучение

Гуманитарные
коммуникации

*Искусство диалога
и доверия*

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

№4(18) | No.4(18)
ДЕКАБРЬ | DECEMBER 2025

18+

ISBN 2782-3067 (Print)

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2025-4-4(18)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Информация об издании

Россия и мир: научный диалог

– печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.

Издается с 2021 года, выходит 4 раза в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС77-81013 от 17 мая 2021 года.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

ISSN 2782-3067 (Print)

Архивация:

Российская государственная библиотека

Национальный электронно-информационный консорциум

Журнал «Россия и мир: научный диалог» предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту исходя из следующего принципа: свободный, открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки «КиберЛенинка».

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Учредитель, Издатель

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

119034, г. Москва, пер. Коробейников, д. 22, стр. 1

E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Партнеры

Институт востоковедения РАН

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Тел.: +7 (495) 621-18-84. www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Адрес редакции

АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций»

Редакция журнала «Россия и мир: научный диалог»

119034, Российская Федерация,

Москва, Коробейников пер., 22, стр. 1

Веб-сайт: <https://www.russia-world.ru/jour>

Электронная почта: rw.journal@nicrus.ru

Цели и задачи

Целью журнала является создание научной дискуссионной платформы для коллегиального обсуждения проблем и выработки оптимальных решений в области международного сотрудничества, проведения совместных исследований и публикации их результатов. К публикации в журнале и рецензированию поступающих на рассмотрение материалов приглашаются отечественные и зарубежные ученые и эксперты.

Научная концепция издания предполагает публикацию научных материалов (собственно научных и дискуссионных статей, обзоров, рецензий) в области политологии, социологии, мировой экономики, культурологии. Содержательно-тематический профиль журнала включает темы, отражающие международные и региональные процессы, политические, экономические, социальные, культурные аспекты международных отношений, межстрановых и межкультурных коммуникаций, международной безопасности и устойчивого развития.

Научные специальности и соответствующие им отрасли науки:

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы

5.4.5. Политическая социология

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

© «Россия и мир: научный диалог», 2025

© АНО «Национальный исследовательский институт развития коммуникаций», 2025

ISSN 2782-3067 (Print)
DOI: 10.53658/RW2025-4-4(18)
УДК: 94; 316; 327
ББК: 60.5; 63; 66

Information about the journal

The journal «Russia & World: Scientific Dialogue»

– print media (mass media), magazine.

Published since 2021, 4 times a year.

Registration number and date of the decision on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor): PI No. FS77-81013 dated May 17, 2021.

The journal is registered in the National ISSN Center of the Russian Federation ISSN 2782-3067 (Print)

Archive:

Russian State Library

National Electronic-Information Consortium

Open Access Policy

«Russia & World: Scientific Dialogue» is an open access journal. All articles are made freely available to readers immediately upon publication. The open access is granted in accordance with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) definition: all articles are available free of any charge on the public internet, permitting any users to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of these articles, crawl them for indexing, pass them as data to software, or use them for any other lawful purpose, without financial, legal, or technical barriers other than those inseparable from gaining access to the internet itself. For more information please read BOAI statement.

All articles and materials published in the journal are indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI) database on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and they are also available through the website of the scientific electronic library "CyberLeninka". The journal is included by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of a dissertation for the degree of doctor and candidate of sciences should be published.

Founder, Publisher

ANO «National Communications Development Research Institution»
22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow, 119034
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Partners

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12 Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 621-18-84 www.orientalistica.com orientalistica@ivran.ru

Address of the Editorial Office

ANO «National Communications Development Research Institution»
Editorial Office «Russia & World: Scientific Dialogue» 22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow, 119034
Russian Federation
Website: <https://www.russia-world.ru/jour>
E-mail: rw.journal@nicrus.ru

Aim and Scope

The purpose of the journal is to create a scientific discussion platform for peer discussion of problems and for the development of optimal solutions in the field of international cooperation, joint research, and publication of its results. Foreign scientists and experts are invited to publish and review the materials submitted for consideration.

The scientific concept involves the publication of scientific papers, including research insights and scholarly results, discussion articles and reviews, in the field of political science, sociology, world economy, cultural studies. The substantive and thematic profile of the journal includes topics reflecting international and regional processes, political, economic, social, cultural aspects of international relations, interstate and intercultural communications, international security and sustainable development

Scientific specialties and branches of science corresponding to them

SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

HISTORICAL SCIENCES

5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy

SOCIOLOGICAL SCIENCES

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.5. Political Sociology (sociological)

POLITICAL SCIENCES

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relations, global and regional studies

© «Russia & World: Scientific Dialogue», 2025

© ANO «National Communications Development Research Institution», 2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиадеятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО МИД России (Россия)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРСЕНТЬЕВ Николай Михайлович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н.П.Огарёва (Россия)

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсамаровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры религиоведения и культурологии Казахского национального университета имени Аль-Фараби (Казахстан)

ВИНОГРАДОВ Андрей Владимирович – доктор политических наук, руководитель Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН, главный редактор научного и общественно-политического журнала «Проблемы Дальнего Востока» (Россия)

ВОЛКОВ Владислав Викторович – доктор социологических наук, ведущий исследователь Института философии и социологии Латвийского университета, профессор Балтийской международной академии (Латвия)

ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации политической науки, член Общественной палаты РФ (Россия)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич – доктор политических наук, член-корреспондент РАН, профессор РАН, директор Института Европы РАН (Россия)

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (Россия)

ЕГОРОВ Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, почетный доктор Института социологии РАН (Россия)

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Россия)

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова РАН (Россия)

ЗУБИР Арус – профессор социологии, директор лаборатории «Религия и общество», факультет социальных наук, Университет Алжира 2 (Алжир)

ЛЕОН-ДАРДЕР Фидель – доктор экономики (PhD), профессор Университета Валенсии (Испания)

ЛЕТЯЕВ Валерий Алексеевич – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия); профессор Дипломатической академии МИД РФ (Россия)

НАЗАРОВА Елена Александровна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России (Россия)

РАХИМОВ Мирзохид Акрамович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением общественно-гуманитарных наук, директор Центра новейшей истории Узбекистана АН Республики Узбекистана, руководитель отдела «Современной истории и международных отношений» Института истории АН Республики Узбекистан (Узбекистан)

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, профессор, директор Института демографических исследований РАН (Россия)

ШАБРОВ Олег Федорович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В.Ломоносова, президент Академии политических наук (Россия)

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Research of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Communications Development Research Institution, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

EDITORIAL BOARD

Nikolay M. ARSENTIEV – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Historical and Sociological Institute of the N.P.Ogarev National Research Mordovian State University (Russia)

Kalimash K. BEGALINOVA – DSc (Philos.), professor, Professor of the Department of Religious and Cultural Studies, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Andrey V. VINOGRADOV – DSc (Polit.), Head of the Center for Political Research and Forecasts, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-chief of the scientific and socio-political journal «Problems of the Far East» (Russia)

Vladislav V. VOLKOV – DSc (Soc.), Leading researcher at the Institute of Philosophy and Sociology, University of Latvia; Professor at the Baltic International Academy (Latvia)

Oksana V. GAMAN-GOLUTVINA – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor, Head of the Department of Comparative Political Science of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, President of the Russian Association of Political Science, member of the Public Chamber of the Russian Federation (Russia)

Alexey A. GROMYKO – DSc (Polit.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Denis A. DEGTEREV – DSc (Polit.), Professor, Leading Researcher, Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Vladimir K. EGOROV – DSc (Philos.), professor, Head of the UNESCO Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Alexey E. ZAGREBIN – DSc (Hist.), professor, professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Irina D. ZVYAGELSKAYA – DSc (Hist.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia), Professor, Head of the laboratory «Center for Middle Eastern Studies» of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Arous ZOUBIR – Professor of Sociology, Director of the Laboratory of Religion and Society, University of Algiers 2, Faculty of Social Sciences (Algeria)

Fidel LEON-DARDER – PhD, professor at the University of Valencia (Spain)

Valerii A. LETIAEV – DSc (Law), CandSc (Hist.), professor, professor of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia); professor of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Russia)

Elena A. NAZAROVA – DSc (Soc.), professor, professor of the Department of Sociology of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Mirzokhid A. RAKHIMOV – DSc (Hist.), professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan; Director of the Center for Modern History, Head of the Department of Modern History and International Relations, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan)

Sergey V. RYAZANTSEV – DSc (Econ.), corresponding member of the Russian Academy of Sciences, professor, Director of the Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Oleg F. SHABROV – DSc (Polit.), professor, professor of the Department of State Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, President of the Academy of Political Sciences (Russia)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

ГАСУМЯНОВ Владислав Иванович – доктор экономических наук, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций, заведующий базовой кафедрой корпоративной безопасности МГИМО МИД России (Россия)

АТЛАГИЧ Синиша – доктор философских наук, профессор, директор Центра русских исследований Белградского университета (Сербия)

ДЖОРОБЕКОВА Айнура Эшимбековна – доктор политических наук, директор Центра российских исследований Кыргызского национального университета имени Ж.Баласагына, заведующая кафедрой международных отношений и права Дипломатической академии МИД Кыргызской Республики имени К.Дикамбаева (Кыргызстан)

ИСКАНДАРОВА Косимшо – доктор исторических наук, профессор, главный ученый секретарь Национальной академии наук Таджикистана (Таджикистан)

КИКНАДЗЕ Тамар – доктор политических наук, профессор, руководитель Департамента политических наук и международных отношений Грузинского технического университета (Грузия)

МАРТИНОВИЧ Владимир Александрович – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской духовной академии, доктор теологии Венского университета (Беларусь)

ПОГОСЯН Геворг Арамович – доктор социологических наук, профессор, академик Национальной академии наук Республики Армения, иностранный член РАН (Армения)

УСАРОВА Феруза Халматовна – кандидат политических наук, и.о. директора Координационно-методического центра новейшей истории Узбекистана Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан)

БЕЛОУСОВ Михаил Владимирович – кандидат социологических наук (Россия)

КАМАЛОВ Армаис Альбертович – доктор медицинских наук, академик РАН, профессор (Россия)

ХОДЬКО Вячеслав Трофимович – кандидат технических наук (Россия)

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

CHAIRMAN

Alexander V. FEDOROV – CandSc (Law), professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Russia)

DEPUTY CHAIRMAN

Vladislav I. GASUMYANOV – DSc (Econ.), Director of the National Communications Development Research Institution, Head of the Basic Department of Corporate Security MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Russia)

Sinisha ATLAGIC – DSc (Philos.), Professor, Director of the Center for Russian Studies at the University of Belgrade (Serbia)

Ainur E. JOROBKOVA – DSc (Polit.), Director of the Center for Russian Studies of the Kyrgyz National University named after J.Balasagyn, Head of the Department of International Relations and Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Kyrgyz Republic named after K.Dikambayev (Kyrgyzstan)

Kosimsho ISKANDAROV – DSc (Hist.), Professor, Chief Scientific Secretary of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan)

Tamar KIKNADZE – DSc (Polit.), Professor, Head of the Department of Political Sciences and International Relations, Georgian Technical University (Georgia)

Vladimir A. MARTINOVICH – DSc (Soc.), Associate Professor, Head of the Department of Apologetics at the Minsk Theological Academy, DSc (Theology) at the University of Vienna (Belarus)

Gevorg A. POGHOSYAN – DSc (Soc.), Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Armenia)

Feruza Kh. USAROVA – CandSc (Polit.), Acting Director of the Coordination and Methodological Center for the Modern History of Uzbekistan of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan)

Mikhail V. BELOUSOV – CandSc (Soc.) (Russia)

Armais A. KAMALOV – DSc (Med.), professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, (Russia)

Slava T. KHODKO – CandSc (Tech.) (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Наумкин В.В. 16

От главного редактора

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

Тимакова О.А. 24

Фактор доверия в динамике трансатлантических отношений: перспективы развития НАТО

Дегтерев Д.А., Кирикова Т.Н. 37

«Стратегия без стратегии»: африканская политика Д.Трампа

Лукина Ю.В. 58

Информационное противоборство как механизм глобального управления: современное состояние, методы и ключевые акторы

Беликова А.А. 75

Иновещание и дипломатия «второго трека»: от истоков пересечения до настоящего времени

Коновалов И.А. 87

Вопросы дальнейшего взаимодействия с недружественными государствами в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Тихонов Ю.П. 102

Коммуникационный режим Армении в условиях трансформации внешнеполитического курса: роль дискурсов

Фаттахов А.И. 118

Системное влияние акторов международных отношений на когнитивное пространство как фактор силы в мировой политике

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.
Политическая социология

Комлева В.В. 130

Социальный психоанализ международных отношений: теоретический базис и опыт применения

Головко-Охременко А.А., Еремина К.С. 151

Основные параметры входящей образовательной миграции в Канаде

Каландаров Т.С. 168

«Халяльные» кафе Москвы как пространство репрезентации «мусульманскости»: постановка проблемы

Кавун С.А. 179

Социально-экономическое положение женщин в Иране к началу Конституционной революции 1905–1911 гг. как кризисогенный фактор общественных отношений

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

Сажин В.И. 194

Ирано-израильская война: предпосылки, итоги и последствия

Деремян Н.М. 210

Механизмы и стратегии проникновения российских нарративов в западный публичный дискурс

Василенко А.В. 225

Политические риски в сфере искусственного интеллекта: сравнительный анализ

Салаватов И.Х. 239

Генезис научных представлений о военно-гражданских отношениях до XX в.

Сайидзода З.Ш. 255

Рецензия на монографию В.В.Комлевой, Х.П.Нигматуллаевой «Современная политическая мысль Таджикистана»

CONTENTS

Naumkin V.V. 16
Editor-in-chief Forword

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations, global and regional studies

Timakova O.A. 24
The Trust Factor in the Dynamics of Transatlantic Relations: NATO's Development Prospects

Degterev D.A., Kirikova T.N.37
"A Strategy without a Strategy": Donald Trump's African Policy

Lukina Yu.V. 58
Informational Control as a Mechanism of Global Governance, Modern Status, Methods and Key Actors

Belikova A.A.75
International Broadcasting and Track-II Diplomacy: From the Origins of the Intersection to the Present

Kononov I.A.87
Issues of Further Cooperation with Unfriendly Countries in the Asia-Pacific Region

Tikhonov Yu.P. 102
Armenia's Communication regime in the context of Foreign policy transformation: the role of discourses

Fattakhov A.I.118
Systemwide Impact of International Relations Actors on the Cognitive Space as a Factor of Power in World Politics

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Komleva V.V. 130
Social Psychoanalysis of International Relations: Theoretical Basis and Practical Experience

Golovko-Okhremenko A.A., Eremina K.S. 151
The Main Parameters of Incoming Educational Migration in Canada

Kalandarov T.S. 168
“Halal” Cafés in Moscow and “Muslimness”: Problem Statement

Kavun S.A.179
Women’s Social-Economic Position in Iran by the 1905–1911 Constitutional Revolution as a Crisis-Ridden Factor of the Public Affairs

POWER, POLITICS, STATE

Political institutions, processes and technologies

Sazhin V.I. 194
Iran-Israel War: Background, Outcome and Consequences

Deremian N.M. 210
Mechanisms and Strategies for the Infiltration of Russian Narratives into Western Public Discourse

Vasilenko A.V. 225
Political Risks in Artificial Intelligence: A Comparative Analysis

Salavatov I.Kh. 239
The Genesis of Scientific Ideas About Military-Civil Relations Before the 20th Century.

Sayidzoda Z.Sh.255
Review of the Monograph by V.V.Komleva, H.P.Nigmatullayeva "Modern Political Thought in Tajikistan"

Виталий Вячеславович НАУМКИН,
академик Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Россия и мир: научный диалог»

Vitaly V. NAUMKIN,
Full Member of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-Chief of the Journal
«Russia & World: Scientific Dialogue»

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается свежий номер нашего издания, включающий результаты новейших исследований ведущих российских и зарубежных специалистов из разных научных сфер. В материалах рассматривается влияние Российской Федерации на глобальные процессы, происходящие в различных уголках мира. Мы стремимся предоставить читателям объективный и всесторонний анализ воздействия нашей страны на международные политические, экономические и социальные события, опираясь на методологически обоснованные подходы и актуальные данные.

В разделе «Международные, глобальные и региональные процессы» представлен детальный анализ ключевых аспектов формирования новой глобальной архитектуры международных отношений. Особое внимание уделено исследованию динамики развития Евразийского континента, что позволяет глубже понять сложные геополитические и геоэкономические трансформации, происходящие в данном регионе.

Доверие как ключевой элемент институциональной архитектуры НАТО, особенно в контексте кризиса доверия при Трампе, исследует О.А.Тимакова. Анализируются дискурсивные стратегии и факторы устойчивости альянса в условиях глобализации. Статья представляет научный интерес благодаря конструктивистскому подходу, углубляющему понимание механизмов доверия в международных отношениях, и практической значимости анализа адаптационных стратегий Европы в условиях асимметрии коллективной безопасности.

Африканскую политику Д.Трампа анализируют Д.А.Дегтерева и Т.Н.Кирикова. Концепция

EDITOR-IN-CHIEF FORWARD

Dear Readers!

We present the latest issue of our publication, which includes the results of recent research by leading Russian and international experts in various fields. These materials examine Russia's influence on global processes taking place in different parts of the world. We aim to provide readers with an objective and comprehensive analysis of Russia's impact on international political, economic and social events based on sound methodological approaches and relevant data.

The "International, Global and Regional Processes" section provides a detailed analysis of the key aspects of the formation of a new global architecture for international relations. Special attention is paid to studying the development dynamics of the Eurasian continent, which allows for a deeper understanding of complex geopolitical and geo-economic transformations taking place in this region.

O.A.Timakova examines trust as a key element of NATO's institutional architecture, particularly in the context of the Trump crisis of trust. She analyzes discursive strategies and factors contributing to the alliance's resilience in a globalized world. This article is of academic interest due to its constructive approach, deepening understanding of trust mechanisms in international relations and the practical significance of examining Europe's adaptation strategies within the context of asymmetric collective security.

D.A.Degterev and T.N.Kirikova analyze Donald Trump's African policy. The concept of "trade instead of aid" is examined from the

«торговля вместо помощи» рассматривается с позиций США и Африки, выявляя разнонаправленные эффекты. Особое внимание уделяется новой американской ресурсной дипломатии и росту субъектности африканских стран, что может изменить геополитический ландшафт континента. Авторы обсуждают последствия для России, подчеркивая необходимость пересмотра политики в Африке.

Рассматривая информационное противоборство как когнитивную форму войны, направленную на контроль восприятия и разрушение идентичности противника, Ю.В.Лукина анализирует антироссийские кампании западных стран, методы когнитивного воздействия и современные технологии, такие как дипфейки и астротурфинг. Особое внимание уделяется стратегическим коммуникациям ключевых международных игроков (США, ЕС, НАТО, ЮНЕСКО) и российским мерам по защите информационного суверенитета.

А.А.Беликова проводит углубленный анализ иновещания и дипломатии «второго трека», рассматривая их как сложные и динамичные инструменты международной коммуникации. В статье представлена эволюция этих феноменов от традиционных форм пропаганды к более современным моделям диалогового взаимодействия. Особое внимание уделяется роли медиаплатформ, которые значительно расширяют круг участников коммуникационного процесса, включая не только профессиональных журналистов, но и блогеров, а также представителей гражданского общества и активистов.

Анализ нарастающего геополитического напряжения в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), акцентируя внимание на его стратегической значимости в глобальной политической повестке, проводит И.А.Коновалов. В условиях трансформации международных взаимодействий и изменений в формате отношений с Россией исследование механизмов и перспектив сотрудничества с ключевыми акторами АТР приобретает особую актуальность. В статье представлен прогноз развития конфликтов интересов и их потенциальное влияние на геополитическое позиционирование России. Исследование опирается на междисциплинарный подход, интегрирующий экономические, военно-политические и культурно-цивилизационные аспекты. Особое внимание уделено роли России в регионе и ее способности к адаптации к новым геополитическим реалиям.

В статье Ю.П.Тихонова «Коммуникационный режим Армении в условиях трансформаций внешнеполитического курса: роль дискурсов» рассматривается роль информационного пространства

perspectives of the United States and Africa, revealing divergent effects. Particular attention is paid to the new American resource diplomacy and the growing agency of African countries, which could change the continent's geopolitical landscape. The authors discuss implications for Russia, emphasizing the need to reconsider its African policy.

Viewing information warfare as a cognitive form of warfare aimed at controlling perceptions and destroying the adversary's identity, Yu.V.Lukina analyses Western countries' anti-Russian campaigns, cognitive influence methods, and modern technologies such as deepfakes and astroturfing. Particular attention is paid to the strategic communications of key international players (the US, EU, NATO and UNESCO), and Russia's measures to protect information sovereignty.

A.A.Belikova conducts in-depth analysis of international broadcasting and "track two" diplomacy, examining them as complex and dynamic tools for international communication. The article examines the evolution of these phenomena, from traditional forms of propaganda to more modern models of dialogue-based interaction. Special attention is paid to media platforms, which significantly increase the range of participants in the communication process, including professional journalists, bloggers, civil society representatives and activists.

I.A.Kononov examines the growing geopolitical tensions in the Asia-Pacific region (APR), focusing on its strategic significance on the global political agenda. Given the transformation of international interactions and changes in relations with Russia, research into the mechanisms and prospects for cooperation with key Asia-Pacific actors is particularly relevant. The article presents a forecast for the development of conflicts of interest and their potential impact on Russia's geopolitical positioning. The study is based on an interdisciplinary approach integrating economic, military-political, and cultural-civilizational aspects. Particular attention is paid to Russia's role in the region and its ability to adapt to new geopolitical realities.

Yu.P.Tikhonov's article "Armenia's Communication Regime in the Context of Foreign Policy Transformation: the Role of Discourses" surveys the role of information space in shaping state foreign policy strategies using Russian-

в формировании внешнеполитических стратегий государств. На примере российско-армянских отношений после «бархатной революции» 2018 г. автор выявляет двойственность отношений с Россией, проявляющуюся в противоречивых заявлениях и поляризации общественного мнения по вопросам интеграции в ОДКБ, ЕАЭС и ЕС. Тихонов подчеркивает важность поддержания дружественного дискурса и предлагает комплекс мер по снижению негативной риторики, направленных на стабилизацию коммуникационного режима.

А.И.Фаттахов представляет результаты исследования влияния международных акторов на когнитивное пространство как стратегический ресурс. В статье рассматриваются современные тенденции, структура и механизмы воздействия на когнитивное пространство, включая гибридные методы. Автор проводит исторический анализ, позволяющий классифицировать технологии, применяемые для воздействия на когнитивное сознание. На основе комплексного анализа текущих тенденций автор формулирует практические рекомендации по управлению когнитивным пространством, направленные на повышение его устойчивости и эффективности.

Раздел «Изменяющийся социум» затрагивает несколько значимых тем, связанных с анализом институциональных, социальных и экономических процессов в различных странах. В этом номере журнала в данном разделе рассматривается социальный психоанализ как междисциплинарный метод для изучения международных отношений; обсуждаются ключевые аспекты образовательной миграции в Канаде; представлены результаты исследования, посвященного «халяльным» кафе в Москве как пространству репрезентации мусульманской культуры; анализируется социально-экономическое положение женщин в Иране на момент начала Конституционной революции 1905–1911 гг.

В.В.Комлева представляет результаты исследования социального психоанализа как междисциплинарного инструмента для оценки международных отношений. Особое внимание уделяется бессознательным мотивам, архетипическим структурам, психологическим травмам и идеологическим конструкциям, что позволяет глубже понять динамику международных конфликтов, включая армяно-азербайджанский. Несомненный научный интерес представляет реализованный эксперимент по интеграции искусственного интеллекта (GPT) с психоаналитическими методами, что открывает новые перспективы для проведения анализа. Автор подчеркивает значимость

Armenia relations after the Velvet Revolution of 2018 as an example. The author identifies the dual nature of relations with Russia, which is manifested in conflicting statements and polarized public opinion regarding issues of integration with the CSTO, EAEU and EU. Tikhonova emphasizes the importance of maintaining friendly discourse and suggests a set of measures to reduce negative rhetoric to stabilize the communication regime.

A.I.Fattakhov presents the results of a study examining the influence of international actors on cognitive space as a strategic resource. The article examines current trends, structure and mechanisms of influencing cognitive space, including hybrid methods. The author conducts a historical analysis to classify the technologies used to influence cognitive consciousness. Based on a comprehensive analysis of current trends, the author formulates practical recommendations for managing cognitive space aimed at increasing its sustainability and effectiveness.

The "Changing Society" section addresses several significant topics related to the analysis of institutional, social, and economic processes in various countries. This issue of the journal examines social psychoanalysis as an interdisciplinary method for studying international relations; discusses key aspects of educational migration in Canada; presents the results of a study on "Halal" cafes in Moscow as a space for representing Muslim culture; and analyzes the socioeconomic status of women in Iran at the beginning of the Constitutional Revolution of 1905–1911.

V.V.Komleva presents the results of her study of social psychoanalysis as an interdisciplinary tool for analyzing international relations. She pays particular attention to unconscious motives, archetypal structures, psychological trauma, and ideological constructs. This allows for a deeper understanding of the dynamics of international conflicts, including the Armenian-Azerbaijani conflict. The experiment integrating artificial intelligence (GPT) with psychoanalytic methods is of undoubted scientific interest, opening up new perspectives for analysis. The author emphasizes the importance of further developing this approach in the context of Russian political science and international relations.

A comprehensive study of the phenomenon of educational migration in Canada is presented in the article by

дальнейшего развития данного подхода в контексте российской политической науки и международных отношений.

Комплексное исследование феномена образовательных миграций в Канаде представлено в статье А.А.Головки-Охременко и К.С.Еремина. Охватывая широкий спектр аспектов, включая географические, демографические, структурные и правовые, авторы анализируют механизмы академической мобильности и разрабатывают стратегии, направленные на повышение конкурентоспособности канадской системы высшего образования в глобальном образовательном пространстве.

Рынок «халяльных» кафе и ресторанов в Москве исследует в своей статье Т.С.Каландаров, используя методику RDS для сбора данных. Проведено пять интервью и организовано наблюдение, что позволило выявить тенденции роста числа таких заведений и их значение для мусульманских сообществ.

С.А.Кавун исследует положение женщин в Иране накануне Конституционной революции 1905–1911 гг., анализируя их роль в социальной, семейной, экономической и образовательной сферах. Исследование выявляет факторы формирования женского движения и необходимость устранения гендерного неравенства, что имеет большое значение для понимания социально-политических процессов в Иране того периода.

Раздел «Власть, политика, государство» включает статьи, посвященные анализу ключевых аспектов международных и внутренних политических процессов, что представляет интерес для специалистов в области политологии, военной науки. Раздел предлагает комплексный и многоаспектный взгляд на международные и внутренние процессы, их взаимосвязь и влияние на глобальную и региональную стабильность. Такой подход способствует более глубокому пониманию сложных политических феноменов и их последствий для международной системы.

В статье «Ирано-израильская война: предпосылки, итоги и последствия» В.И.Сажин проводит всесторонний анализ причин, динамики и последствий военного конфликта между Ираном и Израилем, развернувшегося в 2025 г. и ставшего апогеем 45-летнего противостояния. С момента Исламской революции 1979 г. Иран последовательно выступал с антиизраильской риторикой, что стало краеугольным камнем его внешнеполитической идеологии. Конфликт прошел три стадии: пропагандистскую (1980–2003 гг.), связанную с иранской ядерной программой (2003–2024 гг.) и вооруженную (с 2024 г.). Особенностью войны 2025 г.

A.A.Golovko-Okhremenko and K.S.Eremina. The authors cover a wide range of aspects, including geographic, demographic, structural, and legal ones. They analyze the mechanisms of academic mobility and develop strategies aimed at increasing the competitiveness of the Canadian higher education system in the global educational space.

T.S.Kalandarov explores the market of "halal" cafes and restaurants in Moscow using the RDS methodology for data collection in his article. Five interviews were conducted, and surveillance was carried out, which revealed growing trends in the number of these institutions and their significance to Muslim communities.

S.A.Kavun examines the status of women in Iran on the eve of the Constitutional Revolution of 1905–1911, analyzing their role in social, familial, economic, and educational spheres. The study identifies factors in the formation of the women's movement and the need to eliminate gender inequality, which is crucial for understanding sociopolitical processes in Iran during that period.

The "Power, Politics, State" section includes articles dedicated to the analysis of key aspects of international and domestic political processes that are of interest to political scientists and military experts. This section provides a comprehensive and multifaceted overview of international and national processes, their interactions, and their influence on global and regional stability. This approach helps to better understand complex political phenomena and their consequences for the international system.

In the article "The Iran-Israel War: Background, Outcome and Consequences", V.I.Sazhin provides a comprehensive analysis of the causes, dynamics, and consequences of the military conflict between Iran and Israel that erupted in 2025 and marked the culmination of a 45-year standoff. Since the 1979 Islamic Revolution, Iran has consistently maintained anti-Israeli rhetoric, which has become the cornerstone of its foreign policy ideology. The conflict has gone through three stages: propaganda (1980–2003), related to the Iranian nuclear program (2003–2024), and armed (since 2024). A distinctive feature of the war in 2025 has been the widespread use of missiles and unmanned aerial systems, due to the significant distance between opposing sides. For Iran, this conflict has become a turning point, significantly

стало широкое применение ракетных и беспилотных систем, обусловленное значительным расстоянием между противоборствующими сторонами. Для Ирана этот конфликт стал переломным моментом, существенно повлиявшим на его геополитическое положение и внутреннюю политику.

В своем исследовании И.Х.Салаватов анализирует эволюцию военно-гражданских отношений в историческом контексте до XX в. Автор рассматривает взгляды мыслителей Античности, Средневековья, Возрождения и Нового времени на формирование военных институтов, принципы рекрутирования, взаимодействие военных и гражданских структур, а также их роль в политических кризисах. Анализ показывает, что исторический опыт играет ключевую роль в понимании современных трансформаций в этой сфере, позволяя выявить закономерности и тенденции развития военно-гражданских отношений.

Исследование механизмов проникновения российских нарративов в западные дискурсивные практики посредством инструментов «мягкой силы» представлено в статье Н.М.Деремьяна. Исследование основывается на анализе медиапространства и официальных документов, что позволило выявить ключевые нарративы и оценить их воздействие на общественное мнение. Результаты анализа свидетельствуют о высокой эффективности российских нарративных стратегий, обусловленной комплексным использованием различных платформ и коммуникационных инструментов. Автор акцентирует внимание на значимости инвестиций в «мягкую силу» как стратегического ресурса для достижения внешнеполитических целей Российской Федерации.

А.В.Василенко рассматривает угрозы политической стабильности и цифрового суверенитета Узбекистана, обусловленные фрагментарным регулированием искусственного интеллекта. В стране отсутствуют специализированное законодательство, нормы этического регулирования, механизмы оценки рисков и система разграничения ответственности в сфере ИИ. Это создает благоприятные условия для манипуляций и потенциального ущемления суверенитета. Для минимизации этих рисков необходимо принятие комплексного нормативного акта, учитывающего международный опыт и современные вызовы в области цифровых технологий.

В завершение номера журнала представлена рецензия доктора исторических наук, заведующего отделом СНГ Института изучения проблем стран Азии и Европы Национальной академии наук Таджикистана З.Ш.Сайдзоды на монографию

affecting its geopolitical position and domestic politics.

I.Kh.Salavatov analyses the evolution of military-civil relations in a historical context up to the 20th century. The author examines the views of thinkers from antiquity, the Middle Ages, the Renaissance and the modern era on the formation of military institutions, recruitment principles, interaction between military and civilian structures and their role in political crises. This analysis demonstrates that historical experience plays a key role in understanding current transformations in this area, enabling us to identify patterns and trends in the development of military civil relations.

The study of the mechanisms of penetration of Russian narratives into Western discursive practices through the tools of "soft power" is presented in an article by N.M.Deremyan. The study is based on an analysis of media space and official documents, which allowed identifying key narratives and assessing their impact on public opinion. The results of this analysis indicate the high effectiveness of Russian narrative strategies, due to the integrated use of various platforms and communication tools. The author emphasizes the importance of investing in "soft power", as a strategic resource, for achieving foreign policy goals of the Russian Federation.

A.V.Vasilenko examines the threats to political stability and digital sovereignty in Uzbekistan posed by the fragmented regulation of artificial intelligence. The country lacks specialized legislation, ethical standards, risk assessment mechanisms, and a system for delineating responsibilities in the AI field. This creates favorable conditions for manipulation and potential infringement of sovereignty. To minimize these risks, it is necessary to adopt a comprehensive regulatory act that takes into account international experience and current challenges in digital technology.

This issue concludes with a review by Z.Sh.Sayidzoda, Doctor of Historical Sciences and Head of the CIS Department at the Institute for Asian and European Studies of the National Academy of Sciences of Tajikistan, of the monograph "Modern Political Thought in Tajikistan" by V.V.Komleva and H.P.Nigmatullaeva. This study is the first in the national academic tradition to comprehensively analyze the genesis and evolution of a national school of political thought. The relevance of this research stems from the need to deepen scholarly dialogue and

В.В.Комлевой и Х.П.Нигматуллаевой «Современная политическая мысль Таджикистана». Данное исследование является первым в отечественной научной традиции комплексным анализом генезиса и эволюции национальной школы политической мысли. Актуальность исследования обусловлена необходимостью углубления научного диалога и усиления взаимопонимания между Российской Федерацией и странами Центральной Азии. Автор рецензии акцентирует внимание на методологической строгости работы, охватывающей широкий спектр таджикских научных публикаций за период с 2000 по 2024 г., что позволяет провести историко-генетический, сравнительно-сопоставительный и контент-анализ. Исследование характеризуется высокой научной новизной и концептуальной целостностью, внося значительный вклад в развитие сравнительной политологии и регионоведения. Рецензент отмечает академическую значимость работы, ее методологическую выверенность и рекомендует ее для широкого научного и образовательного использования. Монография представляет собой важный вклад в изучение политической мысли Таджикистана и способствует углублению понимания политических процессов в Центральной Азии.

Мы продолжаем публиковать результаты междисциплинарных исследований. Междисциплинарный подход, интегрирующий новейшие научные достижения и инновационные методологические инструменты, не только расширяет горизонты научного познания, но и способствует усилению синергетического взаимодействия между различными научными сообществами, является ключевым фактором, определяющим современный вектор научного прогресса.

Стратегическая цель нашего журнала заключается в создании не только платформы для отражения текущих научных тенденций через публикации, но и в формировании среды для обмена передовыми идеями и инновационными концепциями. Такой подход стимулирует развитие междисциплинарных исследований и ускоряет внедрение научных достижений в практическую деятельность.

Мы призываем исследователей и их коллег активно участвовать в данном процессе, делаясь результатами своих исследований на страницах нашего издания, что будет способствовать обогащению общего научного наследия и продвижению науки на новый уровень.

С искренним уважением к нашим читателям
и авторам,
Академик РАН
Виталий Наумкин

strengthen mutual understanding between the Russian Federation and the countries of Central Asia. The author emphasizes the methodological rigor of the work, which covers a wide range of Tajik academic publications from 2000 to 2024, allowing for historical, genetic, comparative, and content analysis. The study is characterized by high scientific novelty and conceptual integrity, making a significant contribution to the development of comparative political science and regional studies. The reviewer notes the academic significance of the work, its methodological validity, and recommends it for wide scholarly and educational use. The monograph represents an important contribution to the study of political thought in Tajikistan and contributes to a deeper understanding of political processes in Central Asia.

We continue to publish the results of interdisciplinary research. An interdisciplinary approach integrating the latest scientific advances and innovative methodological tools not only expands the horizons of scientific knowledge, but also fosters synergistic interactions between various scientific communities, and is a key factor in determining the current direction of scientific progress.

The strategic goal of our journal is to create not only a platform for reflecting on current scientific trends through publications, but also to foster an environment for the exchange of cutting-edge ideas and innovative concepts. This approach stimulates interdisciplinary research development and accelerates the implementation of scientific advances in practical applications.

We encourage researchers and their colleagues to actively participate in this process by sharing their research results on the pages of our publication. This contributes to the enrichment of the common scientific heritage and advances science to new levels.

With sincere respect to our readers
and authors,
Full Member of the Russian Academy
of Sciences,
Vitaly Naumkin

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International relations

Последние десятилетия союзники по НАТО публично демонстрировали поведение, противоречащее нормативным ожиданиям, что делает неустойчивыми связи внутри альянса и сказывается на общей солидарности.

Тимакова О.А.

Фактор доверия в динамике трансатлантических отношений: перспективы развития НАТО

В рамках своей африканской «стратегии без стратегии» США намеренно отказываются от роли крупнейшего донора на континенте в пользу тактики торга и навязывания условий, минимизируя традиционные формы долгосрочных обязательств и переходя к транзакционному империализму.

Дегтерев Д.А., Кирикова Т.Н.

«Стратегия без стратегии»: африканская политика Д.Трампа

Если XX в. был веком геополитических блоков, то XXI – это век когнитивного влияния, информационной войны, в которой противоборствующие стороны борются за умы, идентичность и интерпретацию реальности.

Лукина Ю.В.

Информационное противоборство как механизм глобального управления:
современное состояние, методы и ключевые акторы

Иновещание все больше эволюционирует от пропаганды к диалогу, подталкивая и дипломатию «второго трека» к переходу от закрытых встреч к публичным кампаниям, например, посвященным теме экологии.

Беликова А.А.

Иновещание и дипломатия «второго трека»:
от истоков пересечения до настоящего времени

В стратегической перспективе для акторов [Японии, Республики Корея и Сингапура], поддерживающих санкционный режим в отношении России, от указанных мер больше вреда чем выгоды... Несмотря на массированное санкционное давление и его охват, следует отметить ряд факторов, которые положительно сказались на устойчивости внешнеэкономической и внешнеполитической позиции России.

Коновалов И.А.

Вопросы дальнейшего взаимодействия с недружественными государствами
в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Коммуникационный режим Республики Армения демонстрирует трансформацию в контексте происходящей смены геополитических приоритетов... увеличение активности разных политических акторов в информационно-коммуникационном пространстве привело к столкновению их интересов и усугублению противоречий (по линии ЕС – ЕАЭС, НАТО – ОДКБ, РФ – Запад).

Тихонов Ю.П.

Коммуникационный режим Армении в условиях трансформации
внешнеполитического курса: роль дискурсов

Системное воздействие на когнитивное пространство имеет форму долгосрочной программы с множеством каналов влияния как на народонаселение государства-оппонента, так и на собственное народонаселение.

Фаттахов А.И.

Системное влияние акторов международных отношений
на когнитивное пространство как фактор силы в мировой политике

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-24-36](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-24-36)

Политические науки

Фактор доверия в динамике трансатлантических отношений: перспективы развития НАТО

Ольга Александровна Тимакова✉

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

o.timakova@dipacademy.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4185-0194>

Аннотация. Статья посвящена изучению «доверия» в НАТО как ключевого элемента структуры альянсов и его влияния на динамику взаимодействия между США и европейскими союзниками. Отношения в альянсе на протяжении всей истории блока являлись асимметричными. Основное внимание уделено кризису доверия, обострившемуся во время президентства Дональда Трампа, который поставил под сомнение традиционные основы альянса, такие как взаимные обязательства безопасности и разделяемые ценности. Цель исследования – выявление основных дискурсивных практик и моделей поведения союзников, которые могут служить маркерами «недоверия», проанализировать их причины и последствия для стабильности НАТО. В работе определяются основные факторы, влияющие на динамику отношений «доверия» внутри НАТО. Научная значимость исследования заключается в применении конструктивистского подхода к изучению альянсов, что позволяет раскрыть нормативные и поведенческие аспекты доверия. Практическая ценность работы связана с анализом стратегий европейских стран в условиях усиления асимметрии и транзакционного характера отношений с США. В целом доверие в трансатлантических отношениях демонстрирует все более тенденции к неустойчивости и зависимости от внутренних конъюнктурных изменений и внешних шоков. Действия администрации Трампа усилили кризисные тенденции,

но его корни лежат в долгосрочных расхождениях между США и Европой. Европейские инициативы по укреплению оборонной автономии пока не способны заменить трансатлантическую солидарность.

Ключевые слова: США, Европа, НАТО, Европейский союз, трансатлантические отношения, доверие

Для цитирования: Тимакова О.А. Фактор доверия в динамике трансатлантических отношений: перспективы развития НАТО // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 24-36, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-24-36](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-24-36)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-24-36](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-24-36)

Political Sciences

The Trust Factor in the Dynamics of Transatlantic Relations: Prospects for NATO Development

Olga A. Timakova✉

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

o.timakova@dipacademy.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4185-0194>

Abstract. The article is devoted to the study of “trust” in NATO as a key element of the alliance structure and its impact on the dynamics of interactions between the United States and its European allies. Throughout the history of the bloc, relations within the alliance have been asymmetrical. The main focus is on the crisis of trust that escalated during the presidency of Donald Trump, who questioned the traditional foundations of the alliance such as mutual security commitments and shared values. The goal of the study is to identify major discursive practices and behavioral patterns of allies that serve as indicators of “mistrust”, to analyze their causes and implications for NATO stability. The work identifies the main factors affecting the dynamics of “trust” relations within NATO. The scientific significance of the study lies in the application of a constructivist approach to the study of alliances, which allows us to reveal normative and behavioral aspects of trust. The practical value of the work is associated with an analysis of the strategies of European countries in the context of increasing asymmetry and the transactional nature of relations with the United States. Overall, trust in transatlantic relations has been showing a tendency towards instability and dependence on internal and external changes and shocks. The Trump administration's actions have intensified these crisis tendencies, but they lie in long-term differences between the US and Europe. European initiatives to strengthen defense autonomy are not yet able to replace transatlantic solidarity.

Keywords: USA, Europe, NATO, European Union, transatlantic relations, trust

For citation: Timakova O.A. The Trust Factor in the Dynamics of Transatlantic Relations: NATO's Development Prospects. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 4(18): 24-36, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-24-36](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-24-36)

Введение

Переизбрание Д.Трампа президентом США возобновило дискуссию о будущем трансатлантических отношений. Общие обязательства безопасности, разделяемые ценности и восприятие угроз, а также поддержка коллективных институциональных международных платформ, создающие Атлантический порядок [4], на протяжении десятилетий являлись основой устойчивых отношений между США и странами Европы.

После инаугурации Д.Трамп снова поставил на повестку дня вопрос об условиях предоставления гарантий безопасности европейским союзникам, торговых отношениях и участии Америки в многосторонних институтах. Такие действия ведущего члена альянса усугубили кризисные тенденции в трансатлантической солидарности. Несмотря на то, что похожие противоречия возникали неоднократно за историю существования блока, многие эксперты соглашались в оценках: конфликт с Д.Трампом может в значительной степени изменить динамику отношений между США и Европой¹. Разногласия между союзниками многомерные и комплексные – они включают как вопросы распределения бремени ответственности и стратегического целеполагания альянса, так и ценностный компонент. С другой стороны, они проявляются не только в сотрудничестве внутри НАТО, но и в двусторонних контактах, а также при взаимодействии на площадках иных международных организаций, например, в отношениях США – ЕС. США и страны Европы, и ЕС в целом, как интеграционная структура, демонстрируют сохраняющуюся способность принимать консолидированные решения, когда их интересы и цели совпадают, но они также все чаще становятся конкурентами и соперниками, имеющими совершенно разные приоритеты и задачи.

В условиях все большей сконцентрированности Соединенных Штатов на конкуренции с Китаем среди официальных лиц и в экспертной среде проявляется понимание в расхождении внешнеполитических интересов стран-членов НАТО. Действия и публичные высказывания руководителей стран альянса в последние годы свидетельствуют об увеличении маркеров «недоверия» в отношениях между сторонами. Риторика взаимных оскорблений, использование термина «враг» и уничижительный тон указывают на кризис устойчивости базовых основ трансатлантических отношений.

Материалы и методы

Альянсы представляют собой особый тип организации, вся структура которой строится на фундаменте взаимных обязательств и гарантий, без выполнения которых долговременное существование союза становится невозможным [7]. Второй

¹ America's Stab in the Back // Project Syndicate, February 27, 2025. URL: <https://www.project-syndicate.org/onpoint/america-s-stab-in-the-back>.

ключевой основой становится передача части ответственности за «выживание государства» в руки другого государства [12]. В случае нарушения обязательств или злоупотребления предоставляемыми правами более уязвимая сторона столкнется с угрозой собственным жизненно важным интересам, вплоть до потери субъектности.

Теоретики конструктивистской парадигмы международных отношений подчеркивают, что именно эти два основания и являются главными элементами, вокруг которых строятся отношения «доверия». Часто они существуют не только на уровне военно-политических элит, но охватывают все сферы и уровни социально-экономического и гражданского взаимодействия [15]. С одной стороны, это создает более устойчивую основу для функционирования организации, но в случае кризиса доверия конфликт переходит за рамки отношений на высоком уровне.

Страх, что союзник нарушит свои обещания, является одним из основных факторов, которые влияют на структуру таких организаций и динамику взаимодействия внутри них. В том случае, если подозрения и сомнения начинают превалировать в поведении стран-союзников, нахождение консенсуса и управление организацией становятся проблематичными. Как следствие – постоянная необходимость подкрепления доверия между странами-участниками союза как в нормативно ожидаемом поведении, так и в публичных заявлениях.

Такая политика стран-членов альянсов представляется через концепцию «передачи сигналов», определяемую как «форму внешнеполитического взаимодействия – дискурсивно или поведенчески, с целью изменить восприятие и действия одного или нескольких других государств» [10]. Как и другие дискурсивные практики, «передача сигнала» требует ответной реакции получателя и не может считаться успешной, если получатель его таковым не интерпретирует [16]. Немецкий исследователь Дж.Плагеман, в частности, указывает: еще первая администрация Д.Трампа предоставила уникальный набор противоречивых сигналов внешней политики, что сбивало с толку других акторов [10].

В рамках концепции «доверия» выделяется несколько моделей поведения «недобросовестного союзника». Первая из них включает такие особенности: «союзник может сблизиться с общим противником; он может просто выйти из союза, аннулировав договор альянса; он может не выполнить свои явные обязательства; или он может не оказать поддержку в непредвиденных обстоятельствах, когда поддержка ожидается» [14]. Другая модель предполагает позицию «безбилетника» – политику по намеренному уклонению от выполнения собственных обязательств при получении выгод от помощи других стран-членов организации. В связи с этим неравное распределение бремени также расценивается в рамках концепции «доверия» и интерпретируется как отказ выполнять обязательства перед альянсом [11].

Уязвимость перед нарушением обязательств «недобросовестным союзником» является фундаментальной чертой отношений внутри НАТО и была характерна для организации на протяжении всей ее истории [14]. Она является следствием асимметричности отношений между странами-членами альянса. Непропорционально могущественные Соединенные Штаты берут на себя обязательства предоставления

гарантий безопасности для стран Европы, но одновременно делают европейских союзников зависимыми от решений Америки, их интересов и «доброй воли».

Европейские страны блока оказываются в ситуации несоразмерного «выигрыша» и «проигрыша» в результате трансатлантического взаимодействия [9], так как существует асимметричность, помимо прочего, и внутри европейского пространства. Те из них, кто воспринимает свою стратегическую ситуацию как геополитически уязвимую, более склонны к уступкам к требованиям США.

Противоречия между странами-членами НАТО по широкому кругу вопросов, действия и публичная риторика союзников позволяют интерпретировать развивающийся конфликт как кризис доверия – как со стороны европейских союзников, так и со стороны США. Исследователи все больше уверены, что и США, и страны Европы последовательно теряют доверие по отношению к гарантиям взаимных обязательств, что в особенности проявится в долгосрочной перспективе [5].

Европейские страны-члены НАТО в первую очередь не доверяют надежности и долговечности гарантий США: среди союзников широко распространен страх, что Америка не будет готова выполнить свои обязательства². Недоверие среди европейских стран проявляется и в ценностном измерении. Под угрозой оказались общие интересы и идентичность, строящиеся на общих институтах мультилатерализма.

В частности, происходит расхождение в стратегическом видении многостороннего сотрудничества по решению глобальных проблем. Отказ Д.Трампа от принципов многосторонности оспорил базовую идентичность Европейского союза, ведь, по словам председателя Еврокомиссии У.фон дер Ляйен, «мультилатерализм – это ДНК Евросоюза»³. Под сомнение был поставлен потенциал Европейского союза как одного из основных акторов мирового порядка, основанного на правилах.

Еще первый срок президентства Д.Трампа оказал сильное влияние на динамику отношений внутри альянса и за его рамками на политический процесс в Европейском союзе. Критика европейских союзников со стороны США – явление достаточно частое в истории альянса. Публичная постановка вопроса о значимости и ценности европейских союзников как таковых для Америки – значительно более редкое явление. Несмотря на заявления новой администрации Д.Трампа, что Америка все еще привержена принципам трансатлантической солидарности, европейские официальные лица и эксперты расценили речь Дж.Д.Вэнса на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2025 г. как полный отказ от трансатлантической солидарности⁴.

² Walt S.M. In Praise of a Transatlantic Divorce // Foreign Policy, 2017. URL: <http://foreignpolicy.com/2017/05/30/in-praise-of-a-transatlantic-divorce-trump-merkel-europe-nato/>.

³ The European Union and the multilateral system Lessons from past experience and future challenges // Briefing. European Parliament, March, 2021. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/689365/EPRS_BRI\(2021\)689365_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/689365/EPRS_BRI(2021)689365_EN.pdf).

⁴ Bunde T. A Westless World // Project Syndicate, February 21, 2025. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/westlessness-means-end-of-transatlantic-cooperation-based-on-liberal-democratic-values-by-tobias-bunde-2025-02>.

Основная же причина «недоверия» Д.Трампа европейским союзникам – его давнее убеждение, что европейские страны-члены – это «безбилетники» [9], что подкрепляет его мнение в ненадежности их союзнических обязательств. Суверенитет и безопасность Америки не основываются на трансатлантических отношениях – обязательства союзников в таком контексте являются именно основой глобальной мощи Америки [8]. США оказались способны устанавливать геополитическое господство и миропорядок, основанный на правилах, во многом благодаря поддержке европейских стран-членов НАТО. Поэтому для Америки ключевой проблемой «доверия» является именно приверженность стран Европы обязательствам по поддержанию лидерства США, внешнеполитических и внешнеэкономических решений Америки.

«Недоверие» США по отношению к европейским партнерам проявляется не только в публичных заявлениях, но и во внешнеполитических решениях. Нужно обратить внимание, что изначально в экспертном сообществе США была распространена точка зрения, что поскольку Америка несет максимальную ответственность за безопасность евроатлантического пространства, то правомерна политика принуждения союзников в отношении ряда вопросов⁵, а значит, и закономерно отсутствие необходимости согласовывать решения, касающиеся национальных интересов Америки.

В урегулировании значимых международных вопросов США все реже консультировались с европейскими союзниками. В период президентства Д.Трампа было несколько таких показательных событий: выход из СВПД с Ираном, перенос посольства в Иерусалим, выход из Парижского соглашения по климату. Отдельно необходимо отметить понижение Д.Трампом дипломатического статуса представительства ЕС в США без предварительного уведомления об этом Брюсселя как свидетельство негативного отношения президента Америки к европейскому интеграционному проекту.

Эти тенденции свидетельствуют о том, что ожидания членов НАТО относительно того, что споры и разногласия будут решаться путем консультаций, уже значительно ослабли. Европейские государства в целом исключаются из процесса принятия решений трансатлантического сообщества, их национальные интересы игнорируются Соединенными Штатами, совместные консультации по тем или иным вопросам международной повестки не проводятся. Все это мы можем толковать как маркеры «недоверия». Причем все более распространяется точка зрения, что приход к власти Д.Трампа не явился катализатором раскола между союзниками: проблемы в трансатлантическом «доверии» накапливались давно, и еще большие разногласия проявятся в ближайшие годы, независимо от партийной принадлежности следующего президента.

⁵ Trachtenberg M. Is There Life After NATO? // Cato Institute, October 22, 2024. URL: <https://www.cato.org/policy-analysis/there-life-after-nato>.

Результаты исследования

Значимость трансатлантических отношений для объединенной Европы сложно переоценить. Европейские государства и ЕС в целом долгое время основывали свой глобальный статус на двух внешнеполитических инструментах: трансатлантическом партнерстве и потенциале многосторонних институтов, созданных Западом. Более того, особые отношения с США и НАТО обладают сильнейшим потенциалом для внутренней консолидации европейского пространства – большинство государств Европы готовы к компромиссу для поддержания статус-кво в трансатлантической солидарности. США играют роль стабилизатора внутренних отношений в Европе и одновременно легитимируют внешнеполитические действия Евросоюза [3].

Важно отметить, что во время первого срока Д.Трампа «недоверие» европейцев было явно направлено на президента, а не на США в целом. Сенату удалось продемонстрировать европейским странам приверженность Америки трансатлантическому единству. Для противодействия решениям Д.Трампа Конгрессом США было принято несколько законодательных актов в защиту НАТО, что лишает президента возможности единолично снизить финансовую поддержку НАТО или вовсе выйти из альянса.

Как политическую фигуру Д.Трампа руководство европейских государств изначально воспринимало «резким, непредсказуемым, непоследовательным и обидчивым», поэтому они продолжают с опасением относиться к нему. Европейские правительства знали о его неуважительном и пренебрежительном отношении к европейскому интеграционному проекту – Д.Трамп видит Европейский союз как изначально плохую и неполноценную организацию. Поэтому руководство многих европейских стран не считает, что президент США действительно стремится создать работоспособную архитектуру безопасности в Европе. Политика Д.Трампа в отношении европейских союзников, следовательно, оценивается ими как враждебная: любая инициатива президента США, таким образом, воспринималась как принуждение [11].

Д.Трамп неоднократно подтверждал своими действиями, что он, кроме того, готов отказываться от своих заявлений. Например, во время саммита НАТО в 2017 г. он взял назад свои слова о том, что блок «устарел», и указал, что «он с гордостью подтверждает приверженность альянсу и разделяет его вечные ценности»⁶. Теперь же, после переизбрания, Д.Трамп заявил, что союзникам по НАТО необходимо тратить 5% ВВП на оборону (вместо установленных 2%)⁷. Сами США тратят на оборону

⁶ Joint press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the President of the United States, Donald Trump // NATO, April 12, 2017. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_143135.htm.

⁷ Sharp A. Can Trump's 5 Percent Defense Spending Threshold Save NATO? // Foreign Policy, March 06, 2025. URL: <https://foreignpolicy.com/2025/03/06/nato-5-percent-defense-spending-trump-russia-ukraine/>.

примерно 3,4% ВВП, что дает основание полагать, что такие требования – лишь предлог для последующего оправдания снижения поддержки со стороны Америки.

Европейские страны в таких условиях демонстрируют несколько стратегий поведения по отношению к политике Д.Трампа. Первая группа стран придерживается политики публичного осуждения Соединенных Штатов в вопросе нарушения норм трансатлантического взаимодействия и отношений между союзниками. Как в риторике, так и в действиях официальных лиц стран Европы, но и шире – в восприятии общественности, можно наблюдать сохраняющееся недоверие к президенту США. Риторически сомнения в доверии к обязательствам США были высказаны как бывшим канцлером Германии А.Меркель, так и президентом Франции Э.Макроном. Даже представители восточноевропейских стран, традиционно более благосклонно настроенные к США, выражали недоверие к гарантиям Америки. Необходимо уточнить также, что важно учитывать и многие критические замечания, высказываемые лидерами Европы в отношении НАТО, т.к. они являются относительно безопасным способом осуждать политику Соединенных Штатов. К примеру, высказывания официальных лиц Франции против альянса совпадают по времени с односторонними действиями США, которые ущемляют интересы Парижа, в том числе действия на Ближнем Востоке и в Индо-Тихоокеанском регионе.

Вторая группа включает страны Европы, которые всеми силами стараются избегать конфликтов с Вашингтоном, даже если это противоречит их национальным или общеевропейским интересам. Такой политики придерживаются чаще «новые члены» НАТО и Евросоюза. Превалирующая точка зрения среди руководства стран Восточной Европы такова: «Временно ненадежные гарантии США лучше постоянно ненадежных гарантий, предоставляемых “старой Европой”»⁸. Также важно учесть, что страны Прибалтики и Восточной Европы развивают отношения союзничества с США непродолжительное время, что может служить дополнительной причиной, почему они воздерживаются от публичной демонстрации «недоверия» в отношении Америки [6]. Политику по «умиротворению» Соединенных Штатов проводит и Евросоюз в целом. Например, при выходе в 2018 г. из договора СВПД с Ираном (договор подписан в 2015 г.) США объявили о введении санкции против бизнеса стран Европы, если те будут продолжать отношения с Ираном, что европейские институты не стали оспаривать.

Данная модель поведения стран Европы, однако, негативно будет сказываться на общеевропейском единстве – отдельные страны будут пытаться выстраивать особые отношения с США, что будет подрывать способность ЕС к единым, согласованным решениям. Внутренние противоречия в европейских институтах и неспособность стран Европы выработать консолидированную стратегию для противодействия многочисленным кризисам последних лет уже свидетельствуют о фрагментации европейского пространства, где страны-члены Евросоюза заинтересованы в собственных национальных интересах. Также в случае, если европейские страны

⁸ Charlemagne. 'Coming for EU' // The Economist, October 12, 2024.

захотят развивать более тесные двусторонние отношения в сфере безопасности с Соединенными Штатами, это может привести к сбоям в функционировании многосторонних структур.

Другим важным фактором в развитии трансатлантических отношений и их динамики является трансформация европейской оборонной интеграции. Как и Д.Трампа, другие президенты США всегда поддерживали большой военный потенциал европейских стран. Среди официальных лиц НАТО также отсутствовали заявления о том, что оборонные инициативы ЕС несут угрозу главенствующей роли альянса как гаранта европейской безопасности [13]. Тем не менее в рамках НАТО изначально был оговорен еще в 90-х гг. тогда госсекретарем США М.Олбрайт принцип «Трех Д»⁹: не допускать отделения Соединенных Штатов от Европы, не допускать дискриминации в отношении стран-членов НАТО, не входящих в ЕС, и не допускать дублирования европейских и трансатлантических оборонных ресурсов (no decoupling, no discrimination, no duplication).

Тем не менее результаты оборонных инициатив европейских стран вызывают много критики у администрации Д.Трампа. В этих проектах наблюдаются значительные недостатки: в первую очередь отмечаются отсутствие стратегического видения проблем (и предложение в связи с этим лишь технократических решений – разработки новой Белой книги ЕС по обороне), инициация новых форматов заседаний в институтах ЕС и изменение процедуры голосования на принцип квалифицированного большинства¹⁰.

Несмотря на риторику «стратегической автономии», этот импульс не превратился в центроостремительную силу, которая привела бы к существенно более независимым действиям Европы в сфере обороны [9; 2].

Достижение «стратегической автономии» через большой оборонный потенциал в понимании европейских стран позволило бы избавиться от американских претензий и разговаривать с Д.Трампом и последующими президентами США на равных. ЕС таким образом отошел бы от роли «младшего партнера» и заявил бы о себе как о глобальном геополитическом акторе. Такое развитие событий не сможет не сказаться на динамике трансатлантических отношений. Российские исследователи также соглашались, что проведение необходимых реформ в направлении военно-политической автономии Европы может сопровождаться «катастрофическим снижением влияния США» [1]. При изменении баланса распределения сил в НАТО существующая асимметрия, базирующаяся на лидерстве США, окажется реформирована, а влияние Америки в Европе окажется ниже – союзники могут потребовать большее участие в принятии решений, а возможность принуждения их к действиям, необходимым Штатам, также станет ограниченной.

В связи с этим дискуссия о «стратегической автономии» Европы вызвала ответную реакцию официальных лиц НАТО. Тогда генеральный секретарь альянса

Й.Столтенберг еще в речи на Мюнхенской конференции по безопасности в 2018 г. прямо заявил, что ЕС не может защитить Европу самостоятельно. Он открыто критиковал концепцию «стратегической автономии», пояснив, что ЕС не стоит реализовывать стратегические цели в одиночку. Действия Евросоюза, по его мнению, приведут к дублированию компетенций альянса, дискриминации членов НАТО, которые не входят в ЕС, и, как следствие, ослаблению трансатлантической солидарности.

Выводы

Ключевое условие для сохранения устойчивости альянсов, основанных на взаимных гарантиях безопасности, – это поддержание доверия между его членами. «Доверие» в данном случае является нормативным ожиданием каждого члена группы о поведении остальных. Однако последние десятилетия союзники по НАТО публично демонстрировали поведение, противоречащее нормативным ожиданиям, что делает неустойчивыми связи внутри альянса и сказывается на общей солидарности.

Трансатлантические отношения внутри НАТО изначально были построены на асимметричной взаимозависимости. Данное геополитическое неравенство проявлялось как в исходных ресурсных и материальных возможностях и потенциале союзников, так и в закреплённой динамике взаимодействия. Отношения «доверия» в связи с этим по-разному проявляются для более устойчивых и более уязвимых государств альянса. Непропорционально более сильный партнер, каким являются США по отношению к странам Европы, имеет больше возможностей выбора перед лицом отказа, чем его менее сильные союзники или даже их коалиция.

Причиной ослабления трансатлантической солидарности в последнее десятилетие являются не только личные отношения между Д.Трампом и европейскими лидерами, но и – намного шире – расхождение стратегических целей и приоритетов во внутренней и внешней политике. Постепенно, с окончания холодной войны, все больше проявлялась разница в восприятии угроз и приоритетах политики, а также допустимых действиях для достижения стратегических целей, поэтому все чаще действия союзников казались противоположными друг другу.

Исходя из видения Д.Трампа лидерской роли США в мире, можно сделать вывод, что он не заинтересован в ликвидации асимметрии в трансатлантических отношениях, одновременно институционально он не сможет осуществить выход из НАТО – эта организация является комплексной бюрократической системой, вписанной в структуру государственного управления всех стран-участниц. Однако Д.Трампа будет и дальше своими действиями усиливать противоречия в альянсе: он, скорее всего, будет отдавать предпочтение двустороннему сотрудничеству с теми европейскими странами, которые готовы подчиняться любым решениям США, с остальными же союзниками отношения все больше будут приобретать транзакционный характер.

⁹ Albright M. The Right Balance Will Secure NATO's Future // Financial Times, December 07, 1998.

¹⁰ Koenig N. From Soft Talk to Hard Power: Ten To-Dos for the European Defence Union // Munich Security Conference, 2024.

Список литературы

1. Голуб Ю., Шенин С. Дональд Трамп и европейские союзники: американские эксперты о судьбе НАТО [Donald Trump and European Allies: American Experts on the Future of NATO] // Современная Европа. 2021. № 1. С. 5–15. <https://doi.org/10.15211/soveurope120210515>.
2. Тимакова О.А. Дорожная карта укрепления безопасности и обороны Европы: перспективы реализации «стратегического компаса» ЕС [Roadmap for Stronger Security and Defence of Europe: EU “Strategic Compass” Implementation Prospects] // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9. № 2. С. 151–167. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-2-151-167>.
3. Alcaro R., Dijkstra H. Re-imagining EU Foreign and Security Policy in a Complex and Contested World // The International Spectator. 2024. № 59(1). P. 1–18. <https://doi.org/10.1080/03932729.2024.2304028>.
4. Anderson J.G., Ikenberry J., Risse T. (eds.) The End of the West? Crisis and Change in the Atlantic Order. Ithaca: Cornell University Press, 2008.
5. Anghel V., Jones E. The Transatlantic Relationship and the Russia–Ukraine War // Political Science Quarterly. 2024. № 139(4). P. 509–528. <https://doi.org/10.1093/psquar/qgae051>.
6. Blanc E. Crisis in EU-US Relations under Trump: an Emotional Contemptuous Double Game of Misrecognition // Journal of European Integration. 2024. № 46(5). P. 685–705. <https://doi.org/10.1080/07036337.2024.2360154>.
7. Booth K., Wheeler N. Security Dilemma: Fear, Cooperation, and Trust in World Politics. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008.
8. Norrlof C., Wohlforth W.C. Raison De L'Hegemonie: Theory of the Costs and Benefits of Hegemony // Security Studies. 2019. № 28(3). P. 422–450. <https://doi.org/10.1080/09636412.2019.1604982>.
9. Pesu M., Sinkkonen V. Transatlantic (Mis)trust in Perspective: Asymmetry, Abandonment and Alliance Cohesion // Cambridge Review of International Affairs. 2024. № 37(2). P. 206–225. <https://doi.org/10.1080/09557571.2023.2225650>.
10. Plagemann J. Introduction to Special Issue: ‘Foreign Policy Signaling in the Indo-Pacific: Responses to the US-China Rivalry in a Multipolar World’ // British Journal of Politics and International Relations. 2025. № 27(1). P. 3–19. <https://doi.org/10.1177/13691481241306387>.
11. Rapp-Hooper M. Shields of The Republic: The Triumph and Peril of America's Alliances. Harvard: Harvard University Press, 2020.
12. Ruzicka J., Keating V.Ch. Going Global: Trust Research and International Relations // Journal of Trust Research. 2015. № 5(1). P. 8–26. <https://doi.org/10.1080/21515581.2015.1009082>.
13. Schuette L.A. Shaping Institutional Overlap: NATO's Responses to EU Security and Defence Initiatives Since 2014 // The British Journal of Politics and International Relations. 2023. № 25(3). P. 423–443. <https://doi.org/10.1177/13691481221079188>.
14. Snyder G.H. The Security Dilemma in Alliance Politics // World Politics. 1984. № 36(4). P. 461–495. <https://doi.org/10.2307/2010183>.
15. Vuorelma J., Haukkala H., van de Wetering C. (eds.) Trust in International Relations: Rationalist, Constructivist, and Psychological Approaches. Abingdon: Routledge, 2018.
16. Yarhi-Milo K., Kertzer J.D., Renshon J. Tying Hands, Sinking Costs, and Leader Attributes // The Journal of Conflict Resolution. 2018. № 62(10). P. 2150–2179. <https://doi.org/10.1177/0022002718785693>.

Информация об авторе

ТИМАКОВА Ольга Александровна. Кандидат политических наук. Доцент кафедры политической теории Дипломатической академии МИД России. <https://orcid.org/0000-0003-4185-0194>. Адрес: Российская Федерация, 119021, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1. o.timakova@dipacademy.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13 июня 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Golub Yu., Shenin S. Donald Trump and European Allies: American Experts on the Future of NATO. Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]. 2021; 1:5–15 [In Russian]. <https://doi.org/10.15211/soveurope120210515>.
2. Timakova O.A. Roadmap for Stronger Security and Defence of Europe: EU “Strategic Compass” Implementation Prospects. Problemy Postsovetskogo Prostranstva [Post-Soviet Issues]. 2022; 9(2):151–167 [In Russian]. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-2-151-167>.
3. Alcaro R., Dijkstra H. Re-imagining EU Foreign and Security Policy in a Complex and Contested World. The International Spectator. 2024; 59(1):1–18 [In English]. <https://doi.org/10.1080/03932729.2024.2304028>.
4. Anderson J.G., Ikenberry J., Risse T. (eds.) The End of the West? Crisis and Change in the Atlantic Order. Ithaca: Cornell University Press, 2008 [In English].
5. Anghel V., Jones E. The Transatlantic Relationship and the Russia–Ukraine War. Political Science Quarterly. 2024; 139(4):509–528 [In English]. <https://doi.org/10.1093/psquar/qgae051>.
6. Blanc E. Crisis in EU-US Relations under Trump: an Emotional Contemptuous Double Game of Misrecognition. Journal of European Integration. 2024; 46(5):685–705 [In English]. <https://doi.org/10.1080/07036337.2024.2360154>.
7. Booth K., Wheeler N. Security Dilemma: Fear, Cooperation, and Trust in World Politics. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008 [In English].
8. Norrlof C., Wohlforth W.C. Raison De L'Hegemonie: Theory of the Costs and Benefits of Hegemony. Security Studies. 2019; 28(3):422–450 [In English]. <https://doi.org/10.1080/09636412.2019.1604982>.
9. Pesu M., Sinkkonen V. Transatlantic (Mis)trust in Perspective: Asymmetry, Abandonment and Alliance Cohesion. Cambridge Review of International Affairs. 2024; 37(2):206–225 [In English]. <https://doi.org/10.1080/09557571.2023.2225650>.
10. Plagemann J. Introduction to Special Issue: ‘Foreign Policy Signaling in the Indo-Pacific: Responses to the US-China Rivalry in a Multipolar World’. British Journal of Politics and International Relations. 2025; 27(1):3–19 [In English]. <https://doi.org/10.1177/13691481241306387>.
11. Rapp-Hooper M. Shields of The Republic: The Triumph and Peril of America's Alliances. Harvard: Harvard University Press, 2020 [In English].
12. Ruzicka J., Keating V.Ch. Going Global: Trust Research and International Relations. Journal of Trust Research. 2015; 5(1):8–26 [In English]. <https://doi.org/10.1080/21515581.2015.1009082>.
13. Schuette L.A. Shaping Institutional Overlap: NATO's Responses to EU Security and Defence Initiatives Since 2014. The British Journal of Politics and International Relations. 2023; 25(3):423–443 [In English]. <https://doi.org/10.1177/13691481221079188>.
14. Snyder G.H. The Security Dilemma in Alliance Politics. World Politics. 1984; 36(4):461–495 [In English]. <https://doi.org/10.2307/2010183>.
15. Vuorelma J., Haukkala H., van de Wetering C. (eds.) Trust in International Relations: Rationalist, Constructivist, and Psychological Approaches. Abingdon: Routledge, 2018 [In English].
16. Yarhi-Milo K., Kertzer J.D., Renshon J. Tying Hands, Sinking Costs, and Leader Attributes. The Journal of Conflict Resolution. 2018; 62(10):2150–2179 [In English]. <https://doi.org/10.1177/0022002718785693>.

About the author

Olga A. TIMAKOVA. CandSc. (Polit.), Associate Professor of Department of Political Theory, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0003-4185-0194>. Address: building 1, 53/2, Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russian Federation. o.timakova@dipacademy.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: June 13, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

Политические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-37-57](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-37-57)

«Стратегия без стратегии»: африканская политика Д.Трампа

Дегтерев Денис Андреевич^{1a}✉, Кирикова Татьяна Николаевна^{2b}✉

^{1,2} Институт Африки РАН, Москва, Россия

^a ddegterevev@inafr.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7426-1383>

^b kirikova.tn7@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-5853-1229>

Аннотация. Объектом данного исследования является африканская политика администрации Д.Трампа во время второго президентского срока. Авторы анализируют, почему формальные рамки стратегического планирования на Африканском континенте оказались тесны для новой администрации США. Особое внимание уделяется последовательному снижению роли международной помощи в африканской стратегии США. Если в первый срок президентства Трампа речь шла об упорядочивании целеполагания Агентства по международному развитию (АМР), то во второй – АМР было вовсе расформировано, что создает новые международные реалии. Восприятие концепции «торговля вместо помощи» анализируется как с позиций США, так и африканских стран в контексте реализации американской инициативы AGOA и торговых войн, затронувших в т.ч. и многих участников данной инициативы. Авторы также исследуют новые механизмы американской ресурсной дипломатии, которая с 2025 г. стала охватывать в т.ч. и конфликтные регионы континента. Особое внимание уделяется вопросу агентности африканских государств в контексте реализации американской стратегии ситуационного давления и явной асимметрии потенциалов США и их партнеров на континенте. Авторы приходят к выводу, что по мере становления Африканской континентальной зоны свободной торговли коллективная субъектность африканских стран будет возрастать, что позволит избежать волатильности в случае будущих торговых войн. В заключение статьи сделаны выводы о влиянии текущей стратегии США на интересы РФ в Африке.

Ключевые слова: Африка, США, Дональд Трамп, стратегия США в Африке, транзакционная политика, глобальная конкуренция США – КНР

Для цитирования: Дегтерев Д.А., Кирикова Т.Н. «Стратегия без стратегии»: африканская политика Д.Трампа // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 37-57, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-37-57](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-37-57)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-37-57](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-37-57)

“A Strategy without a Strategy”: Donald Trump’s African Policy

Denis A. Degterev^{1a}✉, Tatyana N. Kirikova^{2b}✉

^{1,2} Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia

^a ddegterev@inafr.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7426-1383>

^b kirikova.tn7@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-5853-1229>

Abstract. This study focuses on the African policy of the Trump administration during his second term. The authors analyze why the formal framework for strategic planning in Africa proved too restrictive for the new US administration. Particular attention is paid to the consistent decline in international aid as a part of US African strategy. During Trump’s first term, there was a focus on streamlining goal-setting at the US Agency for International Development (USAID). In his second term, this agency was disbanded completely, creating new realities for international relations. The perception of the “trade instead of aid” concept is analyzed from both US and African perspectives in the context of implementation of the American AGOA initiative and trade wars affecting many of its participants. The authors also examine new mechanisms of American resource diplomacy that has expanded since 2025 to include conflict regions on the continent, paying particular attention to the agency of African states within the context of American strategy of situational pressure, as well as clear asymmetry in capabilities between the US and its African partners. The authors conclude that, as the African Continental Free Trade Area develops, collective agency of African countries increases, avoiding volatility in future trade wars, leading to greater stability in Africa’s economic development. The article also concludes with discussion about impact of current American strategy on Russia’s interests in Africa.

Keywords: Africa, USA, Donald Trump, US strategy in Africa, transactional policy, US-China global competition

For citation: Degterev D.A., Kirikova T.N. «A Strategy without a Strategy»: Donald Trump’s African Policy. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 4(18): 37-57, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-37-57](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-37-57)

Введение

На протяжении последних десятилетий африканская политика Соединенных Штатов Америки характеризовалась изменчивой комбинацией стратегических подходов и применяемых инструментов влияния [12]. В последние годы

отношения Вашингтона с отдельными африканскими государствами стали менее предсказуемыми и стабильными, что связано с нарастающей конкуренцией с КНР [13; 3, с. 128-141], а также с другими незападными акторами на континенте в контексте формирования многополярного мира.

Либеральная внешнеполитическая парадигма, ассоциируемая с периодом президентства Дж.Байдена [21] и Б.Обамы [22], ориентированная на имплементацию соответствующих общеафриканских стратегий США¹, включая проведение двух саммитов США – Африка (2014 и 2022 гг.), продемонстрировала свою неспособность обеспечить устойчивое влияние в новых реалиях. Очевидным стал кризис либерального миротворчества, наглядным проявлением которого в Африке стала волна антинеоколониальных переворотов в Сахеле с последующим созданием Альянса государств Сахеля (АГС) и выдворением всех западных провайдеров безопасности, включая Францию, ЕС, США и даже Миротворческую миссию ООН в Мали (MINUSMA) [2; 31]. Провалился и «демократический» подход по тотальному контролю за региональным медиадискурсом, при котором иные точки зрения объявляются «дезинформационными кампаниями»² [17].

На смену прежнему в очередной раз приходит откровенно прагматичный и доведенный до абсолюта транзакционный подход Дональда Трампа [26]³. Во второй срок президентства Д.Трампа «стратегия» США в Африке демонстрирует дальнейшее усиление прагматизма, в котором интересы американского бизнеса и приоритет конкуренции с Китаем преобладают над выстраиванием долгосрочной стратегии с самими африканцами. Хотя еще на предвыборном этапе аналитиками (в т.ч. африканского происхождения, включая нигерийку З.Усман) и был предложен достаточно интересный набор рекомендаций для новой администрации [33].

Материалы и методы

Д.Трамп старается избегать прямого столкновения с проявлениями африканской агентности [8] и panaфриканской солидарности, отдавая предпочтение двусторонним (реже – минилатеральным) форматам. В свой первый президентский срок Д.Трамп не был в Африке. Кроме того, в 2018 г. он назвал страны континента «вонючими дырами» («shithole nations»)⁴. Первоначально запланированный на 2025 г.

1 См.: U.S. Strategy Toward Sub-Saharan Africa. The White House, June 2012. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/209377.pdf>; U.S. Strategy Toward Sub-Saharan Africa. The White House, August 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/08/U.S.-Strategy-Toward-Sub-Saharan-Africa-FINAL.pdf>.

2 Mapping a Surge of Disinformation in Africa // Africa Center for Strategic Studies. 13.03.2024. URL: <https://africacenter.org/spotlight/mapping-a-surge-of-disinformation-in-africa>.

3 Новиков Д.П. Доктрина Трампа-Вэнса: есть ли у Вашингтона внешнеполитическая концепция? // РСМД. 13.08.2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/doktrina-trampa-vensa-est-li-u-vashingtona-vneshnepoliticheskaya-kontseptsiya/>.

4 Vitali A., Hunt K., Thorp F. Trump referred to Haiti and African nations as ‘shithole’ countries // NBC News. 11.01.2018. URL: <https://www.nbcnews.com/politics/white-house/trump-referred-haiti-african-countries-shithole-nations-n836946>.

саммит на высшем уровне США – Африка («на полях» ГА ООН в сентябре в Нью-Йорке) был отложен. При этом 9–11 июля 2025 г. в США состоялся мини-саммит с участием прибрежных стран: Габона, Гвинеи-Бисау, Либерии, Мавритании и Сенегала (в трактовке «Аль-Джазиры» – «мастер-класс по современному колониальному театру»⁵). США обвинили ЮАР, пожалуй, наиболее агентную из всех стран континента (члена «Группы двадцати» и БРИКС), в «нарушении прав человека и подрыве внешней политики США» за проводимую земельную реформу⁶. Попытка южноафриканской делегации во главе с президентом С.Рамафосой оправдаться в мае 2025 г. в ходе визита в Белый дом и выстроить взаимоуважительный диалог оказалась неубедительной. Эта ситуация послужила прецедентом для других стран континента, куда менее влиятельных.

Учитывая очевидную асимметрию экономического и политического потенциала, а также неравноправный характер формирующихся партнерств, для концептуализации исследуемых отношений целесообразно обратиться как к советским работам по американскому неокOLONIALISMУ в Африке [14], так и к зарубежным критическим трудам, посвященным особенностям современного империализма [32]. В октябре 2024 г. вышел специальный номер «Журнала африканской политэкономии» на тему: «Империализм и Африка»⁷. По мере развития ИКТ и ИИ особую актуальность данные тенденции, получившие название «технофеодализм», приобретают в технологическом секторе [6]. В самом деле, регулирование платформенной экономики в странах Африки сталкивается с множеством вызовов [11]. Примеры использования концепции империализма непосредственно для описания современных отношений США – Африка в зарубежной литературе также встречаются [29].

В своем исследовании авторы также обращаются к статьям, посвященным политике США в Африке при Д.Трампе и Дж.Байдене [21; 7; 5; 20, с. 164-198] и особенностям политики помощи и торговой дипломатии США в более ранние периоды [5, с. 324-341; 10], материалам научных семинаров, экспертных дискуссий [15, с. 29-35], статистическим базам, а также зарубежным аналитическим докладам [30; 33] и публикациям [31; 34].

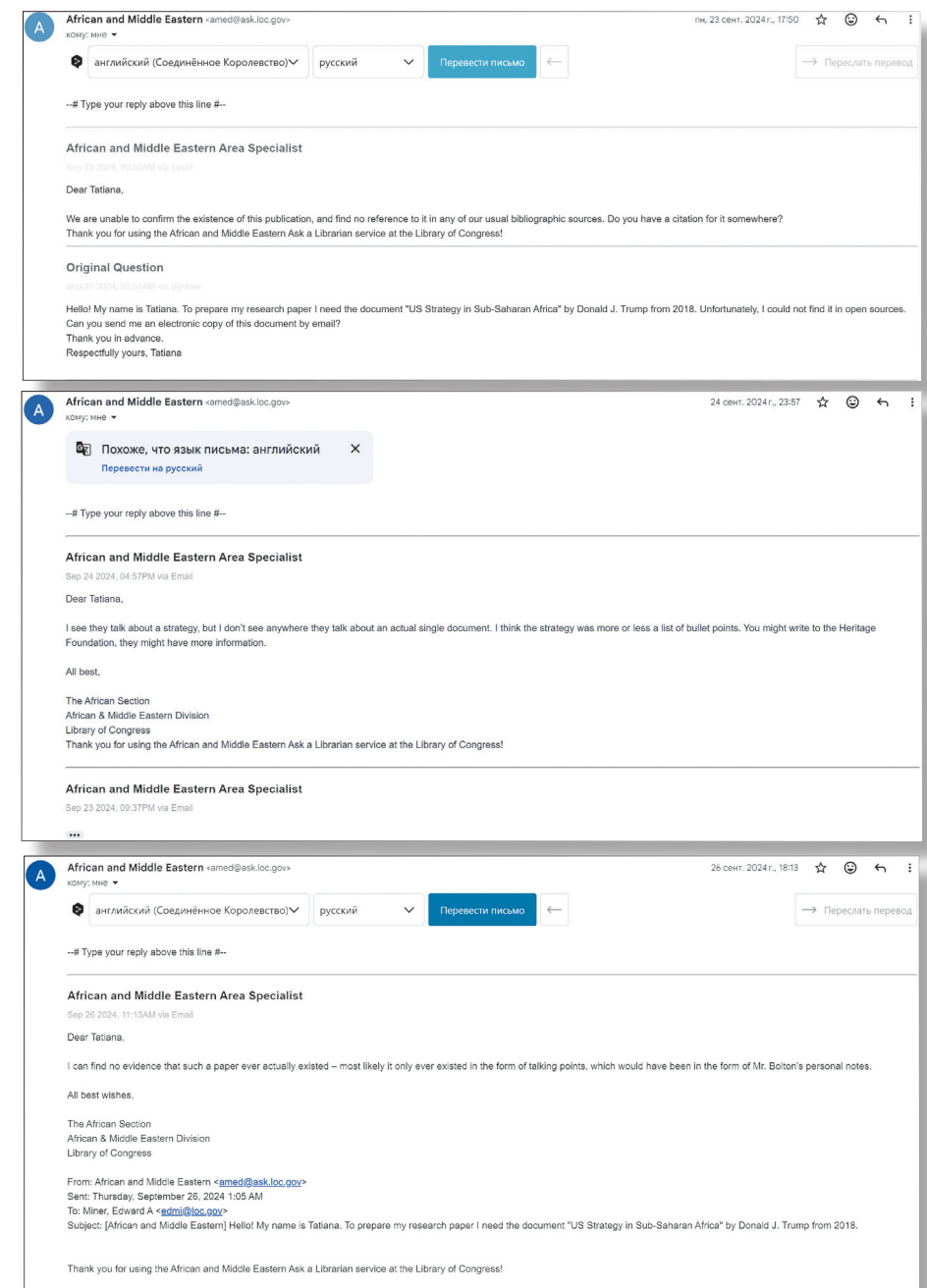
В процессе подготовки статьи одним из авторов был направлен запрос в Библиотеку Конгресса США и аналитический центр Heritage Foundation с целью получения текста стратегии администрации президента Д.Трампа в отношении стран Африки к югу от Сахары, представленной в публичном выступлении Дж.Болтона в 2018 г. следующими словами: «И мне особенно приятно быть здесь, чтобы представить

⁵ Mhaka T. Trump's African summit was a masterclass in modern colonial theatre // Al Jazeera. 11.07.2025. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2025/7/11/trumps-african-summit-was-a-masterclass-in-modern-colonial-theatre>.

⁶ «Белые друзья Трампа». Как Штаты сопротивляются восстановлению земельной справедливости в ЮАР // Африканская инициатива. 11.02.2025. URL: <https://afrinz.ru/2025/02/belye-druzya-trampa-kak-shtaty-soprotivlyayutsya-vosstanovleniyu-zemelnoj-spravedlivosti-v-yuar/>.

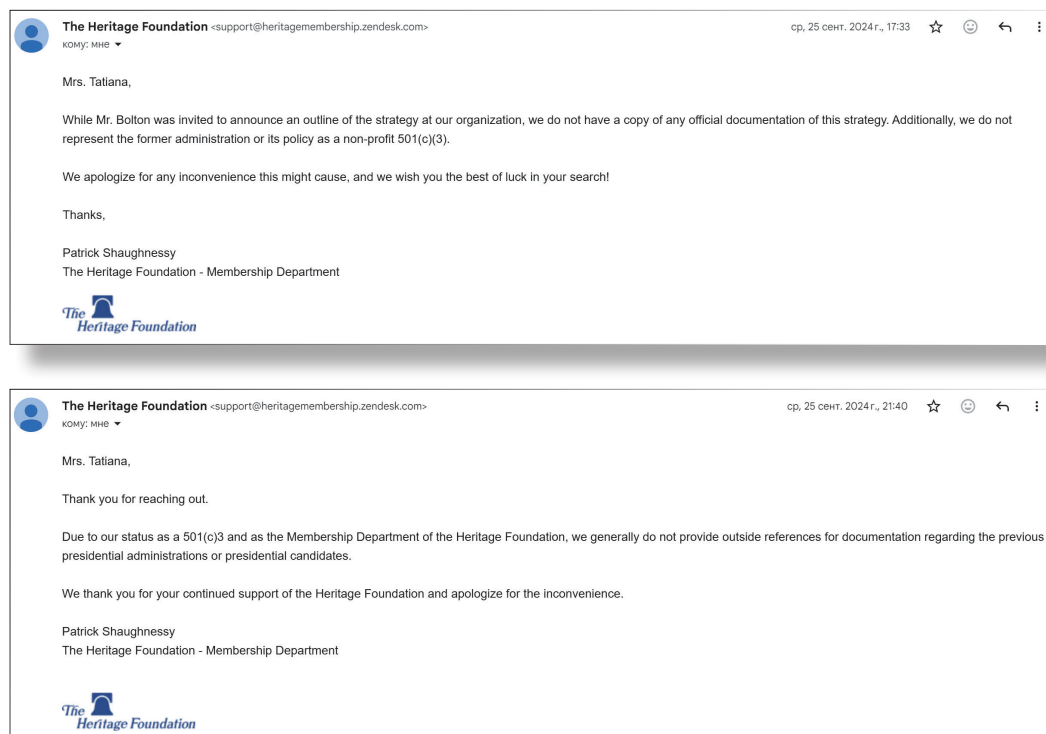
⁷ Подробнее см.: Imperialism and Africa // ROAPE. October 16, 2024. URL: <https://roape.net/2024/10/16/imperialism-and-africa>.

Рисунок 1. Переписка со специалистом Библиотеки Конгресса США
Figure 1. Correspondence with a Specialist at the US Library of Congress

Источник: Личная переписка авторов
Source: Personal correspondence of the authors

Рисунок 2. Переписка со специалистом Heritage Foundation
Figure 2. Correspondence with a specialist at the Heritage Foundation

Источник: Личная переписка авторов
Source: Personal correspondence of the authors

новую Стратегию администрации Трампа по Африке, которую президент одобрил вчера и которую администрация начнет реализовывать немедленно»⁸.

В ответ на запрос специалист Библиотеки Конгресса сообщил, что «не смог найти ни одного подтверждения, что такой документ когда-либо действительно существовал. Скорее всего, он существовал в виде тезисов, изложенных в личных заметках г-на Болтона» (рисунок 1) и порекомендовал обратиться напрямую в Heritage Foundation для получения дополнительных разъяснений.

В полученном ответе от Heritage Foundation сообщалось, что «г-н Болтон был приглашен презентовать стратегию в Heritage Foundation, но сотрудники центра никогда не видели текст африканской стратегии» (рисунок 2).

⁸ Remarks by National Security Advisor Ambassador John R. Bolton on the Trump Administration's New Africa Strategy. White House. 13.12.2018. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-national-security-advisor-ambassador-john-r-bolton-trump-administrations-new-africa-strategy/>.

Также специалист аналитического центра упомянул о том, что «Heritage Foundation, будучи некоммерческой организацией, не представляет бывшую администрацию и ее политику», а также «не предоставляет внешние ссылки на документы, которые касаются бывшей администрации и кандидатов в президенты».

Результаты исследования

Почему не нужна стратегия?

Отсутствие нового доктринального документа по Африке в некоторой степени отражает идеологию, представленную в «Проекте 2025» («Project 2025»)⁹, который предусматривал упразднение экспертных институтов, снижение роли внешнеполитического аппарата, принятие радикальных кадровых решений и консолидацию власти в руках лояльных назначенцев, а также продвижение независимой от решений Конгресса США политики. В случае со странами Африки такой подход подразумевает усиление ситуативного давления – санкционного, торгового, логистического и военного – при отсутствии заранее согласованных обязательств и бюджетов.

Разработка стратегий политики США в Африке южнее Сахары давно вышла за рамки инструментального планирования. Столкнувшись с непредсказуемостью политических процессов в регионе, где за последние 20 лет многие страны пережили смену режима или вооруженные конфликты, система подменяет оперативную гибкость и глубокое погружение в контекст формализацией подхода. Стратегии служат обоснованием для многомиллиардных бюджетных ассигнований перед Конгрессом США, объединяя противоречивые, а зачастую и конкурирующие приоритеты целого ряда ведомств.

С критикой африканской стратегии Дж.Байдена в апреле 2025 г. выступил сам ее создатель – Джадд Девермонт, бывший специальный помощник президента Дж.Байдена и старший директор по африканским вопросам в Совете национальной безопасности. Многостраничные стратегии администраций Б.Обамы и Дж.Байдена, перегруженные эклектичными целями, превратились в классический пример документа, который пытается угодить всем внутриполитическим группам интересов, теряя при этом фокус на реальной цели. Как метко заметил сам «архитектор» байденовской стратегии по Африке, это породило расплывчатость целей и – главное – отсутствие политической воли и поддержки для их финансирования и реализации¹⁰.

⁹ Mandate for Leadership 2025: The Conservative Promise. The Project 2025. Presidential Transition Project // The Heritage Foundation. 31.01.2023. URL: https://static.heritage.org/project2025/2025_MandateForLeadership_FULL.pdf.

¹⁰ Judd Devermont. On Strategies // Post Strategy. 30.04.2025. URL: <https://poststrategy.substack.com/p/on-strategies>.

После возвращения Д.Трампа стратегия США сменилась, что позволяет действовать без сдержек, координаций и публичных обязательств, обычно сопутствующих имплементации стратегических документов. Так, в мае 2025 г. в Абиджане (Кот-д'Ивуар) Трой Фитрелл из Бюро по делам Африки Госдепартамента представил новые ключевые приоритеты африканской политики США в русле концепции «Торговля, а не помощь» (см. ниже). В июне 2025 г. он представил их в Комитете по международным делам Сената США, а уже в июле 2025 г. вышел в отставку после 30 лет службы в Госдепартаменте¹¹. Африканское бюро Госдепа возглавил Джонатан Пратт, имеющий богатый опыт дипломатической службы на континенте (Ангола, Джибути, Республика Конго и ДР Конго, Судан), а также прошедший стажировку в «Корпусе мира» в Гвинее-Бисау¹².

В 2025 г. африканское досье в Белом доме стал вести Массад Булос, старший советник президента по арабским и ближневосточным вопросам. Его сын Майкл женат на дочери Д.Трампа Тиффани. По вероисповеданию Массад Булос православный, ливанский грек, много лет проработавший в Нигерии (компания SCOA Nigeria), а его супруга родилась в Буркина-Фасо. 1 апреля 2025 г. М.Булос также был официально назначен старшим советником по Африке Госдепартамента США. С этого момента начинается его активная «челночная дипломатия» на континенте: в апреле в ходе визита в Африку он посетил сразу четыре страны (ДР Конго, Кению, Уганду, Руанду), а также провел неформальную встречу с президентом Нигерии Б.Тинабу в Париже. В мае он побывал в Египте, в июне открыл 17-й бизнес-саммит США – Африка, который проводит Корпоративный совет по Африке (объединяет крупнейший американский бизнес, работающий на континенте), в июле совершил североафриканское турне (Алжир, Ливия).

Интенсивность поездок, прямое общение с лидерами африканских стран, опора на неформальные сети (еще с колониальных времен практически в каждой стране Африки присутствует ливанское (левантийское) лобби), с одной стороны, и близость к Д.Трампу, с другой, в чем-то сближают его со знаменитым и одиозным Жаком Фоккаром (1913–1997 гг.). Он был «архитектором *Françafrique*», советником по континенту французских президентов Ш.де Голля и Ж.Помпиду, лично знавшим многих африканских президентов [23]. В связи с этим британский журнал «The Economist» даже стал использовать тег *Trumpafrique*¹³. Еще одна историческая аналогия (как и все аналогии, она носит условный характер) – это фигура У.Кейси, директора ЦРУ (1981–1987 гг.) при Р.Рейгане, который буквально не сходил с самолета, реализуя стратегию сдерживания СССР, что в конечном итоге привело к развалу Советского Союза и соцлагеря [24]. В данном случае речь идет о сдерживании КНР на Африканском континенте.

¹¹ Hammer M., Adegoke Y. Trump's top Africa diplomat to step down // Semafor. 15.06.2025. URL: <https://www.semafor.com/article/06/12/2025/trumps-top-africa-diplomat-to-step-down>.

¹² Jonathan Pratt. Senior Bureau Official. Bureau of African Affairs // US State Department. 16.07.2025. URL: www.state.gov/biographies/jonathan-pratt.

¹³ Donald Trump's approach to Africa is very, well, African // Economist. 08.07.2025. URL: <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2025/07/08/donald-trumps-approach-to-africa-is-very-well-african>.

Рисунок 3. Иерархия целеполагания в системе американской помощи в 1-й президентский срок Д.Трампа

Figure 3. Hierarchy of Goal Setting in the American Aid System During Donald Trump's First Term

Источник: Дегтерев Д.А. «Распространяя прогресс за пределами программ помощи»: возвращение либерального мессианства в американскую политику содействия международному развитию¹⁴

Source: D.A.Degterev Spreading Progress Beyond Aid Programs: The Return of Liberal Messianism to American International Development Assistance Policy¹⁴

Такой подход не требует стратегии в классическом ее понимании. Вместо институционально согласованной и документально оформленной политики реализуется модель оперативного принуждения, в которой ключевым аспектом становится не формальное утверждение рамок и направлений, а скорость принятия решений и централизованный контроль за их реализацией.

Деконструкция системы зарубежной помощи: два этапа

Особенностью африканского вектора внешнеэкономической стратегии ведущих государств мира является традиционно высокая доля помощи. При том, что в США программами зарубежной помощи занималось более двух десятков федеральных ведомств, основным донором, обеспечивающим около 40% помощи,

¹⁴ Дегтерев Д.А. «Распространяя прогресс за пределами программ помощи»: возвращение либерального мессианства в американскую политику содействия международному развитию // Россотрудничество. 24.03.2023. URL: <https://rs.gov.ru/news/rasprostranyaya-progress-zapredelami-programm-pomoshhi-vozvrashhenie-liberalnogo-messianstva-v-amerikanskuyu-politiku-sojdestviya-mezhdunarodnomu-razvitiyu/>.

являлось Агентство США по международному развитию (USAID^{*15}, далее – AMP). AMP также выступало в качестве локального администратора и по программам помощи, финансируемым другими американскими государственными органами. За счет этого его доля в администрировании американских программ зарубежной помощи де-факто превышала половину. Доля Африки среди крупнейших получателей американской помощи последовательно увеличивалась. Из топ-15 реципиентов в 1995 г. лишь 3 были африканскими, в 2005 г. – уже 5, а в 2015 г. – 10 из 15. Доля континента как реципиента помощи по линии AMP выросла примерно с 25% в 2003 г. до почти 40% в 2013 г. и в дальнейшем оставалась на данном уровне [5, с. 324-335].

В первый президентский срок Д.Трамп попытался максимально конкретизировать целеполагание при оказании зарубежной помощи, поставив его в жесткие рамки (см. рисунок 3). Фактически собственные цели AMP стали показателями третьего уровня – после ориентиров Стратегии национальной безопасности и совместных целей Госдепартамента США и AMP.

Буквально каждый из Стандартных индикаторов международной помощи (Foreign assistance standard indicators), по которым оценивалась эффективность конкретных мероприятий помощи, был интегрирован в основные задачи AMP. Каждая из основных задач – в стратегические цели Госдепа и AMP; каждая из стратегических целей, в свою очередь, сопрягалась с соответствующими «опорами» Стратегии национальной безопасности 2017 г.: 1) защищать американский народ, Родину и американский образ жизни; 2) содействовать американскому процветанию; 3) сохранять мир посредством силы; 4) продвигать американское влияние [9, с. 68-77].

Однако на практике бюрократия AMP достаточно легко «жонглировала» КПЭ, гибко встраивая их в соответствующие «целевые иерархии». Кроме того, в период президентства Дж.Байдена администратором AMP стала С.Пауэр, вернув (и даже усилив) «либеральное мессианство» программ международной помощи и укрепив автономию Агентства¹⁶. При этом в контексте начала СВО Западу (в т.ч. США) не приходилось рассчитывать на массовую поддержку своей политической позиции по Украине при голосовании в ГА ООН странами Африки [18]. Таким образом, масштабная американская помощь как рычаг влияния в этом вопросе не сработала.

Соответственно, новая администрация Д.Трампа пошла на более решительный шаг и с 1 июля 2025 г. распустила созданное в 1961 г. AMP. Из более чем 10 тыс. сотрудников лишь около 300 были трудоустроены в системе Госдепартамента США, который теперь администрирует три новых программы: America First Opportunity Fund, Global Health Programs и Humanitarian Assistance.

Отношение к данному процессу было неоднозначным как в США, так и в Африке. Более того, трудно дать объективную оценку последствиям закрытия AMP, поскольку основная часть глобальных, да и региональных СМИ была в значительной степени аффилирована с администраторами Агентства. Соответственно, в первой половине

2025 г. прошла целая волна панических публикаций в СМИ, аналитических докладов с основным рефреном «Все пропало!»¹⁷. Поскольку основная часть американской помощи Африке приходилась на сферу здравоохранения, то наиболее тревожные прогнозы касались влияния закрытия AMP на здоровье (и жизнь) тысяч африканских граждан [34].

При этом чиновники, представляющие администрацию Д.Трампа, стали говорить о том, что жизненно важные программы помощи сохранятся¹⁸. В первую очередь речь шла о реализуемом с 2003 г. Чрезвычайном плане президента США по оказанию помощи больным СПИДом (President's Emergency Plan for Aids Relief, PEPFAR). Несмотря на то, что Конгресс США одобрил финансирование программы в полном объеме в размере 6 млрд долл. США, на уровне исполнительной власти (Административно-бюджетное управление) расходы были сокращены до 2,9 млрд долл. США¹⁹.

В Африке последствия от сворачивания деятельности AMP уже ощутимы. Так, по некоторым оценкам, на средства AMP в ЮАР выплачивалась заработная плата около 15 тыс. медицинских работников, включая медсестер, фармацевтов и руководителей программ. По словам министра образования ЮАР А.Моцоаледи, после закрытия AMP возникла угроза для жизней 900 тыс. ВИЧ-инфицированных. Однако государственные медицинские учреждения постараются взять на себя обеспечение жизненно важными лекарствами²⁰. Основной поток клиентов при этом переходит из частных, ранее спонсируемых AMP, клиник в государственные, которые теперь переполнены. В этой связи Минздрав ЮАР выделяет 1,4 млрд рэндов на срочную закупку медицинского оборудования и 1,78 млрд – на оплату труда медицинских работников²¹. Дополнительные средства из государственных бюджетов экстренно выделяются и в других странах Африки, где были свернуты программы AMP.

Вкупе с другими шагами администрации Д.Трампа, в т.ч. выходом из Всемирной организации здравоохранения в январе 2025 г.²², игнорированием Четвертой международной конференции ООН по финансированию развития (Севилья, июнь-июль 2025 г.)²³, очередным выходом из ЮНЕСКО, все это говорит о последовательной

17 Data modelling reveals the heavy toll of USAID cuts on Africa // ISS. 28.02.1995. URL: <https://issafrica.org/iss-today/data-modelling-reveals-the-heavy-toll-of-usaid-cuts-on-africa>.

18 Saldinger S. State Department approves waiver for lifesaving humanitarian aid // Devex. 29.01.2025. URL: <https://www.devex.com/news/state-department-approves-waiver-for-lifesaving-humanitarian-aid-109198>.

19 Nolen S. Trump Budget Office Is Withholding H.I.V. Funds That Congress Appropriated // The New York Times. 21.08.2025. URL: <https://www.nytimes.com/2025/08/21/health/hiv-aids-pepfar-funding-trump.html>.

20 US aid cuts send South Africa's HIV treatment 'off a cliff' // BBC. 28.02.2025. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/c77887npl2mo>.

21 Impact of US funding cuts on HIV programmes in South Africa // UNAIDS. 22.04.2025. URL: https://www.unaids.org/en/resources/presscentre/featurestories/2025/april/20250422_southafrica.

22 Трамп подписал исполнительный указ о выходе США из ВОЗ // ТАСС. 21.01.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22928589>.

23 US ignored as Sevilla 'financing for development' outcome is adopted by consensus // Tax Justice Network. 17.06.2025. URL: <https://taxjustice.net/press/us-ignored-as-sevilla-financing-for-development-outcome-is-adopted-by-consensus/>.

15 *С 1 октября 2012 г. деятельность в РФ Агентства США по международному развитию прекращена.

16 Там же.

деконструкции не только АМР как отдельной организации, но и всего американского института международной помощи в целом. Это будет иметь долгосрочные последствия для глобальной архитектуры международной помощи и создаст новую международно-политическую реальность, к которой африканским правительствам необходимо адаптироваться уже сейчас. В этом контексте актуально формирование альтернативных механизмов содействия развитию стран Глобального Юга в рамках БРИКС²⁴.

«Торговля, а не помощь»: противоположные трактовки

В долгосрочной перспективе многие критические исследователи (как в Африке, так и в странах Запада) считают, что сокращение программ помощи позволит привести к укреплению национальных компетенций в соответствующих сферах. Сами африканцы резко осуждают масштабную западную помощь, «цементирующую» «матрицу зависимого развития» [16]. Американская администрация не сильно рефлексирует относительно моральной стороны принятых решений, ведь перед ней стоит масштабная задача перехода от трансферта ресурсов и услуг к созданию условий для деловых связей и финансовых сделок. На фоне значительного сокращения бюджетов на международную помощь США увеличивают расходы на Международную финансовую корпорацию развития (DFC), созданную еще во время предыдущего срока Д.Трампа²⁵.

В американской стратегической культуре экономика вполне может рассматриваться как инструмент политики. При этом зарубежная помощь традиционно выполняет роль «пряника» (позитивные санкции), в то время как собственно санкции и эмбарго, долгие годы применяемые против целого ряда стран Африки [4], – роль «кну́та» (негативные санкции). Кроме того, предполагается, что проекты, реализуемые на бизнес-основе, не должны «замещаться» благотворительной повесткой [25].

Трой Фитрелл, отвечавший за африканское направление до июля 2025 г., представил следующие ключевые направления деятельности американской дипломатии на континенте: сделать торговую дипломатию одним из основных направлений деятельности посольств США; работать с правительствами африканских стран над устранением тарифных и нетарифных барьеров; поддерживать устойчивые инфраструктурные проекты, которые открывают доступ к частным инвестициям; расширять торговые представительства США по всей Африке; вовлекать большее количество американских экспортеров в работу на африканских рынках²⁶.

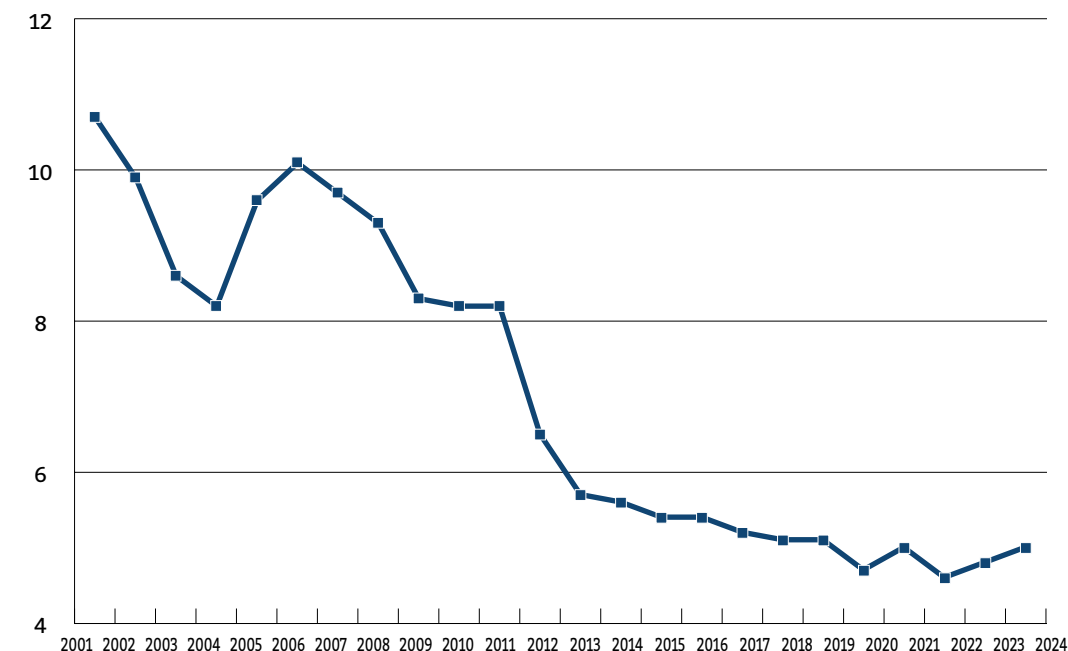
²⁴ Морозкина А.К. ОЭСР не могут, БРИКС не хотят: возможно ли изменение системы содействия международному развитию? // РСМД. 12.08.2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/oesr-ne-mogut-briks-ne-khotyat-vozmozhno-li-izmenenie-sistemy-sodeystviya-mezhdunarodnomu-razvitiyu/>.

²⁵ DFC FY 2026 Congressional Budget Justification. URL: <https://www.dfc.gov/sites/default/files/media/documents/FY26%20Congressional%20Budget%20Justification.pdf>.

²⁶ Remarks for Launch of Bureau of African Affairs Commercial Diplomacy Strategy Remarks. Ambassador Troy Fitrell, Abidjan. 14.05.2025. URL: <https://www.state.gov/remarks-for-launch-of-bureau-of-african-affairs-commercial-diplomacy-strategy>.

США прекрасно осознают перспективность африканского рынка, который, по их прогнозам, к 2050 г. может достичь 16 трлн долл. США при росте населения континента до 2,5 млрд человек²⁷. Они не заинтересованы, чтобы рынок занимали преимущественно незападные игроки во главе с КНР, однако в последние годы доля США (на быстрорастущем!) рынке существенно сократилась, стабилизировавшись на уровне 5–6% (см. рисунок 4). Отдавая отчет в том, что захватить весь рынок они не смогут, США стремятся контролировать торгово-экономическую зависимость африканских государств от КНР [27, р. 83].

Рисунок 4. Доля США во внешней торговле товарами стран Африки, в %
Figure 4. The US Share in African Countries' Foreign Trade in Goods, %

Источник: IMF Direction of Trade Statistics, September 2024

Source: IMF Direction of Trade Statistics, September 2024

С 2000 г. США открыли преференциальный доступ на свой рынок для стран Тропической Африки в рамках инициативы AGOA (African Growth Opportunity Act), действие которой закончилось в сентябре 2025 г. В начале 2025 г. 17 стран Тропической Африки не имели доступа к инициативе AGOA, включая «подсанкционные» страны Альянса государств Сахеля (АГС), Гвинею, Судан, Южный Судан, Зимбабве и др. Инициатива также не распространяется на страны Северной Африки. В целом сами

²⁷ Ibid.

африканцы выступают за приоритетность торговли по сравнению с помощью (‘Trade, not aid’) [28]. Поэтому данная инициатива, нацеленная на формирование более справедливых торговых режимов для стран Глобального Юга, считается достаточно прогрессивной. При этом, однако, основная часть товаров, которые поставлялись из Африки в США в рамках AGOA, – это минеральное сырье, хотя в последние годы существенно выросли и объемы переработанной продукции, в т.ч. промышленных товаров.

Вместе с тем в 2025 г. администрация Д.Трампа развязала глобальную тарифную войну, которая затронула и Африку, в том числе большинство стран-участниц AGOA (см. таблицу). На первом этапе наиболее крупные тарифы были введены как раз в отношении основных бенефициаров AGOA – Лесото (ставка в 60%), Маврикий (50%) и др., поставлявших на американский рынок преимущественно текстильную продукцию. После двусторонних переговоров с США, которым было необходимо ужесточение требований к локализации (и недопущение реэкспорта китайской продукции), ставки для большинства данных стран с 1 августа 2025 г. снова стали нулевыми.

Таблица. Страны Африки, участвовавшие в AGOA, для которых США установили ненулевые таможенные тарифы с 01.08.2025

Table. African Countries Participating in AGOA, for Which the US has Established Non-Zero Tariffs, Effective August 1, 2025

Страна	Тарифная ставка от 02.04.2025, в %	Тарифная ставка от 12.07.2025, в %	Тарифная ставка от 01.08.2025, в %	Доля США в экспорте страны, в %
ЮАР	31	30	30	7,68
Ангола	42	10	15	5,64
Ботсвана	47	10	15	6,96
Чад	23	10	15	1,98
ДР Конго	21	10	15	0,01
Гана	20	10	15	2,16
Кот-д'Ивуар	31	10	15	3,65
Лесото	60	10	15	16,07
Мадагаскар	57	10	15	14,24
Малави	27	10	15	3,60
Мозамбик	26	10	15	1,43
Намибия	10	10	15	2,66
Нигерия	24	10	15	8,87
Замбия	27	10	15	0,33

Источник: Mathiasen K., Martinez N. US Tariff Tyranny and Africa: An Update²⁸

Source: Mathiasen K., Martinez N. US Tariff Tyranny and Africa: An Update²⁸

28 Mathiasen K., Martinez N. US Tariff Tyranny and Africa: An Update // Center for Global Development. 13.08.2025. URL: <https://www.cgdev.org/blog/us-tariff-tyranny-and-africa-update>.

Торговая война, развязанная Д.Трампом, во многом основана на нагнетании коллективного страха. Ведь объективно доля США в экспорте большинства стран Африки не велика (менее 10%), хотя и от доступа на американский рынок зачастую зависят наиболее перспективные отрасли перерабатывающей промышленности, которая с таким трудом зарождается на континенте. На фоне волатильности американских тарифов КНР предоставила в июне 2025 г. беспопылинный доступ на свой рынок 53 странам континента (кроме Эсватини за сохранение дипломатических отношений с Тайванем)²⁹.

Таким образом, и США, и африканские страны придерживаются подхода «Торговля, а не помощь», вот только понимают они его прямо противоположным образом. Формирование Африканской континентальной зоны свободной торговли (АфКЗСТ, African Continental Free Trade Area, AfCFTA) в перспективе может существенно повысить агентность Африки в ходе будущих торговых войн.

Африканские ресурсы в обмен на безопасность

Африка традиционно является регионом глобальной конкуренции США и КНР за месторождения природных ресурсов [19], особенно «зеленых металлов» [1]. На Африканском континенте сосредоточено порядка 30% мировых запасов никеля, марганца, кобальта, меди, лития, а также редкоземельных и полупроводниковых ресурсов (галлий, германий, кремний)³⁰. Демократическая Республика Конго обладает крупнейшими запасами кобальта и тантала, а ЮАР – хрома, магния и платины. Обширные залежи бокситов, необходимых для производства алюминия, располагаются в Гвинее, Камеруне и Нигерии. Залежи графита, в импорте которого Америка нуждается на 100%, находятся в Мадагаскаре, Мозамбике и Танзании³¹.

Администрация Д.Трампа формирует новый режим доступа к природным ресурсам как внутри страны, так и за ее пределами, стимулируя международную ресурсную экспансию американских ТНК³². Еще при Дж.Байдене США начали реализацию проекта «Коридора Лобиту» (Ангола – ДРК – Замбия) [15, с. 29-35]. Его основная роль заключается в обеспечении вывоза в США (а не в Китай) критически важных минералов из конголезских провинций, а также из Замбии. В апреле 2025 г. посол США в Анголе Дж.Стори заявил, что, несмотря на сокращение объемов международной помощи, правительство США готово предоставить кредит в размере

29 China-Africa Changsha Declaration on Upholding Solidarity and Cooperation of the Global South // PRC Ministry of Foreign Affairs. 11.06.2021. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjzbhd/202506/t20250611_11645736.html.

30 Chen W., Laws A., Valckx N. Harnessing Sub-Saharan Africa's Critical Mineral Wealth // IMF. 29.04.2024. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2024/04/29/cf-harnessing-sub-saharan-africas-critical-mineral-wealth>.

31 Mineral Commodity. Summaries 2023 // U.S. Geological Survey. 31.01.2023. URL: <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2023/mcs2023.pdf>.

32 Unleashing America's Offshore Critical Minerals and Resources // The White House. 24.04.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/04/unleashing-americas-offshore-critical-minerals-and-resources/>.

550 млн долл. США через DFC³³. Таким образом, Ангола, через которую проходит основная часть «Коридора Лобиту», приобретает статус ключевого стратегического узла в Южной Африке, обеспечивая контроль над транзитом ресурсов от медного пояса ДРК и Замбии до нефтяного шельфа Атлантики. Именно в Анголе в июне 2025 г. прошел бизнес-саммит США – Африка.

В апреле 2025 г. США и Украина подписали т.н. ресурсную сделку, согласно которой США приобретают роль стратегического партнера над природными ресурсами страны, что позволяет им блокировать китайские инвестиции. По схожей схеме («преференциальный доступ к минеральным ресурсам в обмен на урегулирование конфликтов») США стали действовать и в Африке, откуда поступило сразу несколько аналогичных предложений от стран континента.

В июне 2025 г. ДР Конго и Руанда вышли на проект мирного соглашения при посредничестве США и Катара³⁴, который ранее также участвовал в мирных переговорах между Эфиопией и Эритреей и выступал в качестве посредника в конфликтах в Сомали и Судане³⁵. Горнодобывающий сектор не был напрямую упомянут в совместном заявлении, но стоит отметить, что администрация Д.Трампа активизировала свое посредничество только после того, как президент ДРК Ф.Чисекеди предложил содействовать инвестициям США в минеральные ресурсы, о чем вел переговоры М.Булос. Реализация подобных договоренностей повлечет за собой активизацию американского частного капитала и военных подрядчиков в восточных провинциях ДРК.

До настоящего времени США недостаточно инвестировали в ДРК, в то время как Китай установил контроль над ключевыми рудниками с помощью государственного финансирования и сделок по принципу «инфраструктура в обмен на ресурсы»³⁶. Хотя Соединенные Штаты поддерживали отношения с ДРК, торговые отношения сводились к минимуму из-за ограничений США на импорт из затронутых конфликтом государств и запретов на импорт «конфликтных минералов» – ресурсов, таких как олово и золото, которые добываются вооруженными группировками в ДРК и соседних странах для получения прибыли³⁷. В настоящее время американская администрация, напротив, видит в конфликтных ситуациях возможности для ресурсного обеспечения своей экономики.

33 Gomes M. US committed to funding Angola's Lobito rail corridor despite spending cuts, diplomat says // Reuters. 03.04.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/us-committed-funding-angolas-lobito-rail-corridor-despite-spending-cuts-diplomat-2025-04-03/>.

34 DRC and Rwanda Reach a Draft Peace Deal // Council on Foreign Relations. 20.06.2025. URL: <https://www.cfr.org/article/drc-and-rwanda-reach-draft-peace-deal>.

35 Dent A., Mariel F. Africa and the Gulf Are Growing Closer. Will It Increase Global Tensions? // Council on Foreign Relations. 08.08.2024. URL: <https://www.cfr.org/in-brief/africa-and-gulf-are-growing-closer-will-it-increase-global-tensions>.

36 Lipton E., Searcey D. How the U.S. Lost Ground to China in the Contest for Clean Energy // The New York Times. 21.11.2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/11/21/world/us-china-energy.html>.

37 Fact Sheet. Disclosing the Use of Conflict Minerals // U.S. Securities and Exchange Commission, 28.06.2024. URL: <https://www.sec.gov/newsroom/press-releases/2012-2012-163-related-materials>.

Выводы

В рамках своей африканской «стратегии без стратегии» США намеренно отказываются от роли крупнейшего донора на континенте в пользу тактики торга и навязывания условий, минимизируя традиционные формы долгосрочных обязательств и переходя к транзакционному империализму. На фоне институционально выверенной и ресурсно обеспеченной китайской стратегии действия США на континенте страдают от дефицита ресурсов и зависимости от внутренней политической турбулентности. Для Африки это выражается в росте непредсказуемости, где ценность страны определяется исключительно ее конъюнктурной полезностью для интересов Вашингтона.

Транзакционная гибкость Вашингтона, опора на частный капитал и неформальные сети обостряют междержавную конкуренцию даже в странах, традиционно ориентированных на сотрудничество с РФ. С другой стороны, импульсивность действий администрации Д.Трампа создает для России в Африке окно возможностей за счет предложения структурированных и долгосрочных альтернатив, нацеленных на укрепление национального суверенитета как гарантии от любых неблагоприятных изменений международной среды. На повестке дня – использование гибких инструментов сотрудничества и усиление координации африканских стран с другими незападными центрами силы, в первую очередь – членами БРИКС.

Список литературы

1. Абрамова И.О., Шарова А.Ю. Геостратегические риски при переходе к зеленым технологиям (на примере Африки) [Geostrategic Risks in the Transition to Green Technologies (on the Example of Africa)] // Геология рудных месторождений. 2023. Т. 65. № 5. С. 428–443. <https://doi.org/10.31857/S0016777023050027>. EDN: WETDLJ.
2. Аду Я.Н., Бокерия С.А., Дегтерев Д.А., Месяев А.Б., Шамаров П.В. Незападное миротворчество как фактор многополярного мира: контуры исследовательской программы [Non-Western Peacekeeping as a Factor of a Multipolar World: Outlines of Research Program] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 3. С. 415–434. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-415-434>. EDN: EYISPO.
3. Африка в современной структуре международных отношений: к десятилетию «Повестки дня 2063» [Africa in the Modern Structure of International Relations: Towards the Tenth Anniversary of Agenda 2063] / Отв. ред. С.Н.Волков, А.М.Жамбиков. М.: Институт Африки РАН, 2025. 196 с. EDN: ZTQNZD.
4. Африка: санкции, элиты и суверенное развитие [Africa: Sanctions, Elites, and Sovereign Development] / Под ред. Л.Л.Фитуни. М.: Институт Африки РАН, 2021. 368 с. EDN: VDPNMJ.
5. Африка: современные стратегии экономического развития [Africa: Modern Strategies of Economic Development] / Отв. ред. И.О.Абрамова, Е.В.Морозенская. М.: Институт Африки РАН, 2016. 432 с. EDN: XZQXNJ.
6. Варуфакис Я. Технофеодализм. Что убило капитализм [Technofeudalism: What Killed Capitalism]. М.: Ad Marginem, 2025. 342 с.
7. Вилловых А.В. Африка во внешней политике США: новые акценты, новые противоречия [The US Foreign Policy Towards Africa: New Accents, New Contradictions] // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 3(78). С. 88–113. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2023_3_88. EDN: WQRNLT.
8. Дегтерев Д.А. «Африканская агентность» в конструировании «африканской агентности»: международные исследования на Черном континенте [«African Agency» in the Construction of

- «African Agency»: International Studies on the Black Continent] // Международная аналитика. 2024. Т. 15. № 2. С. 57–73. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-57-73>. EDN: CUTUGY.
9. Дегтерев Д.А. Эффективность международной помощи развитию: от анализа проектов к оценке стратегического воздействия [Aid Effectiveness: From Project Appraisal to Strategic Impact Evaluation] // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 1. С. 57–86. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-1-57-86>. EDN: CRSODI.
 10. Дегтерев Д.А. США – поиск новых партнеров в Африке [The United States is looking for new partners in Africa] // Внешнеэкономический бюллетень. 2004. № 12. С. 28–33. EDN: UUUHJ.
 11. Игнатов А.А. Регулирование цифровых платформ в БРИКС: приоритеты и опыт ЮАР [Digital Platforms Regulation Framework in South Africa] // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 2. С. 161–182. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-02-09>. EDN: DLXRPY.
 12. Кирикова Т.Н. Инструментарий африканской политики США (на примере ЦАР) [US Foreign Policy Toolkit for Africa (in the Case of the CAR)] // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 6(87). С. 174–195. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_6_174. EDN: EIKJPQ.
 13. Конкуренция между США и КНР: возможности для России [Competition between the USA and China: Opportunities for Russia] / Под ред. Д.А.Дегтерева. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2024. 300 с. EDN: JRTLDDY.
 14. Озадовский А.А. США и Африка. Проблемы неокOLONиализма [USA and Africa. Problems of Neocolonialism]. М.: Мысль, 1977. 327 с.
 15. Линия разлома: конфликт в районе Великих африканских озер и его международный контекст [Fault Line: Conflict in the African Great Lakes Region and its International Context]. Рабочая тетрадь № 88. М.: НП РСМД, 2024. 56 с. EDN: DNNOOP.
 16. Нганг К.Ч. Право на развитие и роль иностранной помощи КСР ОЭСР в развитии Африки [Right to Development and the Role of DAC OECD Foreign Aid to Development in Africa] // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2. С. 40–59. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-40-59>. EDN: AFACJA.
 17. Околи А.Ч. Суверенитет Африки в контексте перехода к многополярному миропорядку (на примере дискурса вокруг Сахеля) [Africa's Sovereignty in the Context of the Multipolarizing Global Order: A Pre-Exploratory Discourse on the Sahel] // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2. С. 118–133. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-118-133>. EDN: SQUFTS.
 18. Панин Н.А. Практика голосования государств Африки южнее Сахары в Генеральной Ассамблее ООН: последние тенденции и основные стратегии [Voting Practices of Sub-Saharan African States in the UN General Assembly: Recent Trends and Key Strategies]. Рабочая тетрадь № 74. М.: РСМД, 2023. 64 с. EDN: VKIWQF.
 19. Пархоменко В.К. Соперничество США и КНР за природные ресурсы в Африке [US and China Competition for Natural Resources in Africa] // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 6(558). С. 20–36. EDN: WHMDMX.
 20. Современные африканские стратегии государств Европы и США [Africa in the European Union Strategy: Main Aspects, Challenges and Solutions]. СПб.: Политех-Пресс, 2024. 208 с. EDN: RSQEIX.
 21. Урнов А.Ю. Политика администрации Дж.Байдена в Африке. Конец 2021 г. – начало 2023 г. [The Biden Administration's Policy in Africa. Late 2021 – Early 2023]. М.: Институт Африки РАН, 2023. 322 с. EDN: TBERBV.
 22. Урнов А.Ю. США – Африка: политика администрации президента Б.Обамы. 2009–2014 годы [USA – Africa: Policy of the Obama Administration. 2009–2014]. М.: Институт Африки РАН, 2015. 206 с.
 23. Филиппов В.Р. «Франсафрик»: тень Елисейского дворца над Черным континентом [«Françafrik»: The Shadow of the Elysee Palace Over the Black Continent]. М.: Горячая линия-Телеком, 2016. 376 с. EDN: YGQFVR.
 24. Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря [Victory. The Role of the Secret Strategy of the US Administration in the Collapse of the Soviet Union and the Socialist Camp] / Пер. с польского. Минск: СП Авест, 1995. 464 с.
 25. Baldwin D. Economic Statecraft. New Edition. Princeton: Princeton University Press, 2020.
 26. Flint C. Hegemonic retreat: Transactionalism as foreign policy // The Geographical Journal. 2025. May. <https://doi.org/10.1111/geoj.70007>.
 27. Hassan A., Ali S.H. Evolving US Indo-Pacific Posture and Strategic Competition with China // Policy Perspectives. 2024. Vol. 22. № 1. P. 61–89. <https://doi.org/10.13169/polipers.22.1.ra4>.

28. Ilorah R. Trade, aid and national development in Africa // Development Southern Africa. 2008. Vol. 25. № 1. P. 83–98. <https://doi.org/10.1080/03768350701837796>.
29. Kieh G.K. Imperialism and U.S.-Africa Relations // Africa and the New World Era / Ed. by J.Mangala. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 21–35. https://doi.org/10.1057/9780230117303_2.
30. Kohnert D. Impact of Trump 2.0 on Sub-Saharan Africa. MPRA Paper 123735, University Library of Munich, Germany, 2005.
31. Papale S. Changing Course? The US Biden Administration and the Promotion of Peace and Counter-terrorism in Africa // International Peacekeeping. Online First. 2025. Vol. 32. № 4. P. 1–26. <https://doi.org/10.1080/13533312.2025.2486255>.
32. Patnaik U., Patnaik A. Theory of Imperialism. New Delhi: Tulika Book, 2017.
33. Priorities for the New US Administration and Congress on Strengthening Economic Relations with Africa / Ed. by Usman Z. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2024. 80 p.
34. Wallis A.B. What does a Trump presidency mean for maternal and infant health in Africa? // African Journal of Reproductive Health. 2024. Vol. 28. № 12. P. 11–15. <http://dx.doi.org/10.29063/ajrh2024/v28i12.1>.

Информация об авторах

ДЕГТЕРЕВ Денис Андреевич. Доктор политических наук. Кандидат экономических наук. Профессор. Главный научный сотрудник Центра изучения проблем переходной экономики, Институт Африки РАН. <https://orcid.org/0000-0001-7426-1383>. Адрес: Российская Федерация, 123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1. ddegterev@inafr.ru

КИРИКОВА Татьяна Николаевна. Соискатель Института Африки РАН. <https://orcid.org/0009-0002-5853-1229>. Адрес: Российская Федерация, 123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1. kirikova.tn7@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 24 августа 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Abramova I.O., Sharova A.Yu. Geostrategic Risks in the Transition to Green Technologies (on the Example of Africa). Geologiya rudnyh mestorozhdenij [Geology of Ore Deposits]. 2023; 65(5):428–443 [In Russian]. <https://doi.org/10.31857/S0016777023050027>. EDN: WETDLJ.
2. Adu Ya.N., Bokeria S.A., Degterev D.A., Mezyaev A.B., Shamarov P.V. Non-Western Peacekeeping as a Factor of a Multipolar World: Outlines of Research Program. Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodny'e otnosheniya [Vestnik RUDN. International Relations]. 2023; 23(3):415–434 [In Russian, English]. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-415-434>. EDN: EYISPO.

3. Africa in the Modern Structure of International Relations: Towards the Tenth Anniversary of Agenda 2063. Eds. S.N.Volkov, A.M.Zhambikov. Moscow: Institut Afriki RAN [Institute for African Studies RAS], 2025. 196 p. [In Russian]. EDN: ZTQNZD.
4. Africa: Sanctions, Elites, and Sovereign Development. Ed. L.L.Fituni. Moscow: Institut Afriki RAN [Institute for African Studies RAS], 2021. 368 p. [In Russian]. EDN: VDPNMJ.
5. Africa: Modern Strategies of Economic Development. Ed. I.O.Abramova, E.V.Morozenskaya. Moscow: Institut Afriki RAN [Institute for African Studies RAS], 2016. 432 p. [In Russian]. EDN: XZQXNJ.
6. Varoufakis I. Technofeudalism: What Killed Capitalism. Moscow: Ad Marginem, 2025. 342 p. [In Russian].
7. Vilovatykh A.V. The US Foreign Policy Towards Africa: New Accents, New Contradictions. Problemy nacionalnoj strategii [Problems of National Strategy]. 2023; 3(78):88–113 [In Russian]. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2023_3_88. EDN: WQRNLT.
8. Degterev D.A. "African agency" in the Construction of "African Agency": International Studies on the Black Continent. Mezhdunarodnaya analitika [International Analytics], 2024; 15(2):57–73 [In Russian]. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-57-73>. EDN: CUTUGY.
9. Degterev D.A. Aid Effectiveness: From Project Appraisal to Strategic Impact Evaluation. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya XXV. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [Lomonosov World Politics Journal. Series XXV. International Relations and World Politics]. 2020; 12(1):57–86 [In Russian] <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-1-57-86>. EDN: CRSODI.
10. Degterev D.A. The United States is looking for new partners in Africa. Vnesheekonomicheskij byulleten [Foreign Economic Bulletin]. 2004; 12:28–33 [In Russian]. EDN: UUUHJ.
11. Ignatov A.A. Digital Platforms Regulation Framework in South Africa. Vestnik mezhdunarodnyh organizacij [International Organisations Research Journal]. 2024; 19(2):161–182 [In Russian, English]. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-02-09>. EDN: DLXRPY.
12. Kirikova T.N. US Foreign Policy Toolkit for Africa (in the Case of the CAR). Problemy nacionalnoj strategii [National Strategy Issues], 2024; 6(87):174–195 [In Russian]. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_6_174. EDN: EIKJPQ.
13. Competition between the USA and China: Opportunities for Russia. Ed. D.A.Degterev. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press» [Aspect Press Publishing House], 2024. 300 p. [In Russian]. EDN: JRTL DY.
14. Ozadovsky A.A. USA and Africa. Problems of Neocolonialism. Moscow: My'sl' [Mysl'], 1977. 327 p. [In Russian].
15. Fault Line: Conflict in the African Great Lakes Region and its International Context. Rabochaya Tetrad [Working Paper] 88. Moscow: NP RSMD [NP RIAS], 2024. 56 p. [In Russian]. EDN: DNNOOP.
16. Ngang C.C. Right to Development and the Role of DAC OECD Foreign Aid to Development in Africa. Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN [Journal of the Institute for African Studies]. 2024; 2:40–59 [In Russian, English]. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-40-59>.
17. Okoli A.C. Africa's Sovereignty in the Context of the Multipolarizing Global Order: A Pre-Exploratory Discourse on the Sahel. Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN [Journal of the Institute for African Studies]. 2024; 2:118–133 [In Russian, English]. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-118-133>. EDN: SQUFTS.
18. Panin N.A. Voting Practices of Sub-Saharan African States in the UN General Assembly: Recent Trends and Key Strategies. Rabochaya Tetrad [Working Papers] 74. Moscow: NP RSMD [NP RIAS], 2023. 64 p. [In Russian]. EDN: VKIWQF.
19. Parkhomenko V.K. US and China Competition for Natural Resources in Africa. SShA i Kanada: ekonomika, politika, kultura [USA & Canada: Economics, Politics, Culture]. 2016; 6(558):20–36 [In Russian]. EDN: WHMDMX.
20. Africa in the European Union Strategy: Main Aspects, Challenges and Solutions. St. Petersburg: Politekh-Press [Politech-Press], 2024. 208 p. [In Russian]. EDN: RSQEIX.
21. Urnov A.Yu. The Biden Administration's Policy in Africa. Late 2021 – Early 2023. Moscow: Institut Afriki RAN [Institute for African Studies RAS], 2023. 322 p. [In Russian]. EDN: TBEPBB.
22. Urnov A.Yu. USA-Africa: Policy of the Obama Administration. 2009–2014. Moscow: Institut Afriki RAN [Institute for African Studies RAS], 2015. 206 p. [In Russian].
23. Filippov V.R. "Françafrique": The Shadow of the Elysee Palace Over the Black Continent. Moscow: Goryachaya Liniya-Telekom, 2016. 376 p. [In Russian] EDN: YGQFVR.
24. Schweitzer P. Victory. The Role of the Secret Strategy of the US Administration in the Collapse of the Soviet Union and the Socialist Camp. Translated from Polish. Minsk: SP Avest, 1995. 464 p. [In Russian].
25. Baldwin D. Economic Statecraft. New Edition. Princeton: Princeton University Press, 2020 [In English].

26. Flint C. Hegemonic Retreat: Transactionalism as Foreign Policy. The Geographical Journal. 2025. May [In English]. <https://doi.org/10.1111/geoj.70007>.
27. Hassan A., Ali S.H. Evolving US Indo-Pacific Posture and Strategic Competition with China. Policy Perspectives. 2024; 22(1):61–89 [In English]. <https://doi.org/10.13169/polipers.22.1.ra4>.
28. Ilorah R. Trade, Aid and National Development in Africa. Development Southern Africa. 2008; 25(1):83–98 [In English]. <https://doi.org/10.1080/03768350701837796>.
29. Kieh G.K. Imperialism and U.S. - Africa Relations. Africa and the New World Era. Ed. by Mangala J. New York: Palgrave Macmillan, 2010:21–35 [In English]. https://doi.org/10.1057/9780230117303_2.
30. Kohnert D. Impact of Trump 2.0 on Sub-Saharan Africa. MPRA Paper 123735, University Library of Munich, Germany, 2005 [In English].
31. Papale S. Changing Course? The US Biden Administration and the Promotion of Peace and Counter-Terrorism in Africa. International Peacekeeping. Online First, 2025; 32(4):1–26 [In English]. <https://doi.org/10.1080/13533312.2025.2486255>.
32. Patnaik U. Patnaik. A Theory of Imperialism. New Delhi: Tulika Book, 2017 [In English].
33. Priorities for the New US Administration and Congress on Strengthening Economic Relations with Africa. Ed. by Usman Z. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2024. 80 p. [In English].
34. Wallis A.B. What does a Trump Residency Mean for Maternal and Infant Health in Africa? // African Journal of Reproductive Health. 2024, 28(12):11–15 [In English]. <http://dx.doi.org/10.29063/ajrh2024/v28i12.1>.

About the authors

Denis A. DEGTEREV. DSc. (Polit.). CandSc. (Econom.). Professor. Principal Research Fellow at the Center for Transition Economy Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0001-7426-1383>. Address: 30/1, str. Spiridonovka, Moscow, 123001, Russian Federation. ddegterev@inafr.ru

Tatyana N. KIRIKOVA. PhD Candidate at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0009-0002-5853-1229>. Address: 30/1, str. Spiridonovka, Moscow, 123001, Russian Federation. kirikova.tn7@gmail.com

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: August 24, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 328

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-58-74](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-58-74)

Политические науки

Информационное противоборство как механизм глобального управления: современное состояние, методы и ключевые акторы

Юлия Владимировна Лукина✉

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
yulkalu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7075-0372>

Аннотация. В данной статье исследуется феномен информационного противоборства как важнейший инструмент глобального управления в современном международном контексте. Автор анализирует его как когнитивную форму войны, ориентированную на контроль над восприятием, разрушение идентичности и делегитимацию противника. В ходе исследования были проанализированы антироссийские информационные кампании, инициированные недружественными западными государствами, что позволило выявить методы и этапы когнитивного воздействия, включая внедрение тем в информационную повестку и формирование коллективного забвения. Теоретическую базу исследования составляют конструктивистские подходы, а также концепции, разработанные Копенгагенской школой безопасности, и адаптированная для анализа границ общественного дискурса теория «окна Овертона». Особое внимание уделяется изучению репутационных атак, дипфейков, астротурфинга и меметического оружия, которые представляют собой современные инструменты информационного воздействия. Кроме того, в статье анализируется деятельность ключевых международных акторов, таких как США, ЕС, НАТО и ЮНЕСКО, в сфере стратегических коммуникаций. Российские ответные меры рассматриваются через призму национальных доктрин и стратегий информационной безопасности. На основе проведенного исследования автор предлагает

типологизацию информационных воздействий, применяемых в рамках медийных кампаний. В заключение делается вывод о том, что информационное противоборство является стратегическим ресурсом, обеспечивающим ментальный суверенитет государства и оказывающим влияние на геополитические процессы без применения военной силы. Россия предпринимает превентивные меры для предотвращения распространения вредоносной информации, распространяемой недружественными государствами, особенно в контексте проведения СВО.

Ключевые слова: информационное противоборство, когнитивная война, дезинформация, дипфейк, стратегические коммуникации, пропаганда

Для цитирования: Лукина Ю.В. Информационное противоборство как механизм глобального управления: современное состояние, методы и ключевые акторы // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 58-74, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-58-74](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-58-74)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-58-74](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-58-74)

Political Sciences

Informational Control as a Mechanism of Global Governance, Modern Status, Methods and Key Actors

Yulia V. Lukina✉

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia
yulkalu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7075-0372>

Abstract. This article examines the phenomenon of information warfare as the most important tool of global governance in the modern international context. The author analyzes it as a cognitive form of warfare focused on controlling perception, destroying identity, and delegitimizing the enemy. The study analyzed anti-Russian information campaigns initiated by unfriendly Western states, which made it possible to identify methods and stages of cognitive impact, including the introduction of topics into the information agenda and the formation of collective oblivion. The theoretical basis of the research consists of constructivist approaches, as well as concepts developed by the Copenhagen School of Security, and the theory of the “Overton window” adapted to analyze the boundaries of public discourse. Special attention is paid to the study of reputational attacks, deepfakes, astroturfing and memetic weapons, which are modern tools of information influence. In addition, the article analyzes the activities of key international actors such as the United States, the EU, NATO and UNESCO in the field of strategic communications. Russian retaliatory measures are viewed through the prism of national information security doctrines and strategies. Based on the conducted research, the author suggests a typologization of information impacts used in the framework of media campaigns. In conclusion, information warfare can be considered a strategic resource for ensuring mental sovereignty and influencing geopolitical processes without the use of military force. Russia has taken preventive measures to stop the spread of harmful information from unfriendly countries, especially in relation to its operation.

Keywords: information confrontation, cognitive warfare, disinformation, deepfake, strategic communication, propaganda

For citation: Lukina Yu.V. Informational Control as a Mechanism of Global Governance, Modern Status, Methods and Key Actors. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 4(18): 58-74, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-58-74](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-58-74)

Введение

Современная архитектура международных отношений всё более явно оформляется не только через систему военно-политических союзов, но и посредством институционализации процессов информационного доминирования и противостояния в медиапространстве. Если XX в. был веком геополитических блоков, то XXI – это век когнитивного влияния, информационной войны, в которой противоборствующие стороны борются за умы, идентичность и интерпретацию реальности. Суть информационного противоборства заключается в том, что государства и международные структуры используют информационные ресурсы, технологии и нарративы как инструменты давления, разрушения идентичности противника, подрыва его легитимности и в конечном счете – управления глобальной картиной мира. Это борьба за восприятие, за интерпретацию событий, за то, какие смыслы будут доминировать в публичной сфере.

На примере антироссийской кампании, развернутой недружественными странами Запада, можно проследить эволюцию методов информационной войны и рост их значимости в межгосударственном взаимодействии. Основное внимание в данной статье уделяется определению существующих и применяемых на данном этапе проведения СВО методов информационного воздействия, научных подходов к изучению информационного противоборства (ИП), а также ключевых международных акторов и организаций, занимающихся разработкой и применением таких стратегий.

Материалы и методы

Основу теоретического анализа составляют идеи, лежащие в основе концептов когнитивной войны и концепции «окна Овертона». Среди западных теоретиков, наиболее значимых для анализа ИП, можно выделить: 1) Г.Лассуэлла, который является автором модели пропаганды «кто говорит – что – кому – с каким эффектом» [7]; 2) Э.Хермана и Н.Хомского [20, р. 35–36], создавших концепцию пяти фильтров медиадискурса, которая объясняет функционирование средств массовой информации в условиях глобализации и рыночной монополизации. В ее рамках рассматриваются ключевые механизмы влияния, такие как коммерциализация контента, репликация официальных источников, давление со стороны политико-экономических элит, введение ограничений на альтернативную повестку и конструирование образа внешнего или внутреннего противника (например, терроризм, миграционные потоки, идеологические противники; 3) У.Липпманна – концепт псевдоокружающей

реальности и стереотипов восприятия [25, р. 8, 36–60]; 4) Э.Бернейса – «отца» современной PR-пропаганды [16]; 5) Э.Лофтус, занимавшуюся психологическими исследованиями, мисинформацией и внушаемостью [26].

Современное информационное противоборство основывается не только на традиционных механизмах пропаганды, но и на разработанных научных концепциях. Особенный интерес представляют подходы Копенгагенской школы безопасности Б.Бузана и О.Вейвера [18; 19], конструктивизм, а также понятие «окна Овертона», впервые сформулированное Джозефом П.Овертоном, который предложил последовательные стадии изменения сознания общества для того, чтобы упростить понимание и внедрение систематизации оценки мнений. Позже Г.Д.Бобриком [17] была осуществлена попытка адаптации этой трансформации для политологического анализа как инструмента формирования рамок допустимого общественного дискурса. Механизмы воздействия в рамках когнитивной войны включают в себя следующие основные фазы, согласно концепции «окна Овертона»: введение темы как допустимой; нормализация через культуру и повседневность; институционализацию в политике и медиа. Автором статьи была предложена новая, седьмая фаза адаптации – «вакуум / забвение», когда общественное сознание уже не помнит оригинальные смыслы и живет в навязанной интерпретации благодаря продвижению идей через высказывания политиков, введение новых законов, соответствующую риторику средств массовой информации [8, с. 25, 62]. Использование в политике рамки «окна Овертона» может способствовать продвижению идеологии, действий, направленных на информационное противоборство в долгосрочной перспективе. К примеру, стадии «окна Овертона» помогают проследить изменения отношения к США в сознании японцев, происходившие после Второй мировой войны [8, с. 58-64].

Следует отметить, что термин «коллективный Запад» в рамках методологии Копенгагенской школы безопасности (Б.Бузан, О.Вейвер) выполняет функцию секьюритизации – перевода политического конфликта в область экзистенциальных угроз. В этой связи «коллективный Запад» становится аналитической категорией, отражающей процесс формирования образа противостоящего актора. Согласно теории, существует несколько шагов на пути к секьюритизации. Все более очевидно то, как коллективный Запад становится все более секьюритизированным в российском общественном и политическом дискурсе. Упрощение и обобщение актора ведет к усилению эффекта секьюритизации. Коллективный Запад становится прочным понятием с негативной коннотацией. При этом не всегда понятно, какие конкретно страны входят в это понятие. Коллективный Запад – это система антироссийских ценностей.

В статье представлены результаты авторского диссертационного исследования. В рамках написания диссертации по теме, касающейся информационных кампаний, автором были проанализированы многочисленные дипфейки, ложные новости, демонизирующие Россию, ее военных, гражданских. Фейки были размещены зарубежными средствами массовой информации в прессе, интернет-источниках, а также в качественных изданиях («The Financial Times», BBC, «The Economist» и др.), на социальных платформах, закрытых телеграм-каналах / чатах и активно

распространялись СМИ недружественных государств. Данный материал позволил полноценно определить основные темы очернения России и нанесения ущерба репутации стране. С целью верификации и опровержения дезинформации были проанализированы материалы статей нейтральных западных информационных и статистических агентств, информация с сайта МИД РФ рубрики «Опровержение». В рамках написания диссертации автором была проанализирована последовательность «отмены» России на мировой арене, будь то в культурной, спортивной и политической сферах, начиная с Олимпиады в Сочи по настоящее время¹.

Полученные в ходе исследования данные позволяют предложить типологизацию информационных воздействий, осуществляемых в рамках медийных кампаний. В числе приоритетных направлений следует выделить: подрыв традиционных социокультурных основ, дискредитацию доминирующих идеологических установок, формирование недоверия к решениям высших органов власти, искажение исторических фактов, в частности, в контексте Второй мировой войны, подрыв доверия к электоральным процедурам, распространение панических настроений и провоцирование когнитивной дезориентации населения [8, с. 203].

Результаты исследования

Методы информационного противоборства

Информационное противоборство осуществляется через множество инструментов, разработанных с учетом технологических и психологических

особенностей современной аудитории. Среди них – пропаганда и дезинформация. Пропаганда сегодня не агрессивна в лексике – она скрыта в естественных информационных потоках. Это «горизонтальная» пропаганда, описанная Ж.Эллюлем [21], встроенная в привычный контекст, подаваемая как здравый смысл. Дезинформация же принимает формы: частичной лжи; вырванных из контекста цитат (misrepresentation); правды, преподнесенной с деструктивной целью (malinformation); мифов (тактических операций, стратегической дезинформации, проводимой государством для введения противника в заблуждение)².

Фейковые новости и дипфейки работают на разрушение доверия. Побеждает не тот, кто говорит правду, а тот, кто «перехватил» поток информации и навязал свою повестку первым [9]. Исследования Е.С.Зиновьевой и С.В.Шитькова указывают на их прицельное воздействие на молодежь [15]. Решение руководства России отказаться от доминирующей идеологии в 1993 г. и его закрепление в Конституции РФ в статье 13 способствовало повышению эффективности меметических (от слова «мемы») войн и идеологической потерянности молодежи. Значимость этого оружия также отмечает в своей статье американский военнослужащий, майор Майкл Б.Проссер [27, р. 3–5].

Дипфейки также используются как меметическое оружие, через эмоциональное воздействие³. Даже для западных стратегов такая меметическая война является новшеством при внедрении технологического подхода ведения военных действий. Меметическое оружие – регулярное использование новейших сетевых технологий, внедрение в жизнь чуждых идей, вещей, стандартов в разные сферы жизни человека с целью изменения его сознания.

Астротурфинг, тролли, боты. Эти инструменты создают иллюзию массового общественного мнения. Эффект усиливается алгоритмами социальных сетей, которые «подстраивают» ленту пользователя под заданный вектор⁴. Астротурфинг – маскировка искусственной политической поддержки под общественную инициативу. Имитирует широкую поддержку общественности какой-либо идеи⁵.

Репутационные войны ведутся при помощи дискредитации лидеров, культурных символов, искажении истории. Это работает на подрыв доверия к национальным институтам и формированию у населения ощущения стыда за свою страну – cancel culture (англ. – «отмена культуры / страны»), приводит к распространению понятия

¹ Нужденов К. Спорт как инструмент политического воздействия на современное общество: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2012. 23 с.; Бах: бойкот рядом стран Олимпийских игр 1980 года в Москве был ошибкой // ТАСС, 2022. URL: <https://tass.ru/sport/8987333>; Захарова М. МОК проводит националистическую политику против народа России // ТАСС, 2024. URL: <https://tass.ru/sport/20158683>; Hartog E. How Russia Is Trying to Charm Its Way Out of an Olympic Doping Ban // TIME, 2016. URL: <https://time.com/4351721/russia-charm-olympic-doping-ban/>; Farhi P. Did the Winter Olympics in Sochi really cost \$50 billion? A closer look at that figure // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/lifestyle/style/did-the-winter-olympics-in-sochi-really-cost-50-billion-a-closer-look-at-that-figure/2014/02/10/a29e37b4-9260-11e3-b46a-5a3d0d2130da_story.html; Sochi 2014 Olympic Games Winter // Britannica, 2023. URL: <https://www.britannica.com/event/Sochi-2014-Olympic-Winter-Games>; The Massive Costs Behind The Olympic Games // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/niallmccarthy/2021/07/21/the-massive-costs-behind-the-olympic-games-infographic/?sh=1c67ac0d46b0>; Счетная палата подсчитала доходы и расходы от Олимпиады в Сочи // РБК, 2015. URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/04/2015/5527dc9b9a79474638bba371>; Пихлер передал IBU информацию о ложных свидетельствах Родченкова // RT, 2019. URL: <https://russian.rt.com/sport/news/594885-pihler-ibu-rodchenkov>; Ragonesi R. Doping Probe or witch hunt? // Times of Malta, 2016. URL: <https://web.archive.org/web/20241109202543/https://timesofmalta.com/article/Doping-probe-or-witch-hunt.608976>; Fisch F. "It feels toxic to be Russian now, and this is what our government wants" // Horizons, 2022. URL: <https://www.horizons-mag.ch/2022/09/01/it-is-not-a-good-time-to-ask-us-russians-how-we-feel/>; Ridley K., Neghaiwi B.H., Kaye, D. Sanctioned or not, Russians abroad find their money is 'toxic' // Reuters, 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/sanctioned-or-not-russians-abroad-find-their-money-is-toxic-2022-03-30/>; Burenkov A. Russian Art in Exile in Paris // Prize, 2023. URL: <https://artfocusnow.com/discoveries/russian-art-in-exile-in-paris/>; De-Russification War Why Does Russian Culture Deserve to be Cancelled? // Ukrainer, 2022. URL: <https://web.archive.org/web/20240327032736/https://www.ukrainer.net/russian-culture-cancelled/>.

² Захарова назвала мемом сообщения западных СМИ о вторжении на Украину, РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/02/2022/621370c59a794717e25f09fc>.

³ Вирусный украинский фейк об «убитых» русскими с «ожившим мертвым» // Euronews, 2022. URL: <https://web.archive.org/web/20240906005841/https://www.euronews.com/myeurope/2022/08/24/ukraine-war-five-of-the-most-viral-misinformation-posts-and-false-claims-since-the-conflict>; Video shows climate protest in Austria, not war report in Ukraine // Apnews. URL: <https://apnews.com/article/fact-checking-789622514314>.

⁴ Jee C. An Indian politician is using deepfake to win new voters // MIT Technology Review, Feb. 19, 2020. URL: <https://www.technologyreview.com/2020/02/19/868173/an-indian-politician-is-using-deepfakes-to-try-and-win-voters/>.

⁵ Единороссы решили использовать на выборах искусственный интеллект // РБК, 2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/04/2023/6442b5009a7947672f42b743>.

«токсичной нации», отстранению от олимпиад, форумов) [22]⁶. Информационные кампании по «демонизации» образа страны – мифологизация внешней политики РФ, приписывание ей агрессивных и иррациональных мотивов, дискредитации истории и символики РФ [2; 22]. Мисинформация – ненамеренное распространение искажающей информации, изученное в трудах Э.Лофтуса и С.Левандовского [24; 26]. Нарратив «вторжения» постоянно присутствует как медиашаблон.

Применение когнитивного орудия – стратегия управления восприятием через когнитивные войны – было проанализировано в работах О.Г.Карповича [3–5], М.А.Неймарка [10], Е.С.Зиновьевой [15], И.Ю.Алексеевой, А.П.Алексеева, И.А.Крыловой, А.Белоусова [1], Г.Г.Почепцова, Б.А.Грушина, Е.Н.Пашенцева, И.В.Сурмы [13], И.А.Крыловой, М.А.Попова, Г.З.Ганбарова, С.В.Старкина, А.И.Петренко [11], П.Я.Фельдмана, П.Померанцева, К.Э.Нужденова, С.Стойичева, Т.Науменко, С.И.Грачева, А.С.Аксанова, П.Ю.Цветова [14], С.В.Воробьева [2], А.В.Майнойло [9], А.Ю.Синицына [12] и других российских ученых.

Геополитические игроки: кто ведет информационные войны?

Активность проявляют недружественные страны, в особенности США и Евросоюз. Картина построена на дихотомии «демократия против авторитаризма», где действия России системно интерпретируются как агрессия. Используется принцип сериализации: каждый новый эпизод (спорт, культура, вооруженный конфликт) встраивается в общий негативный нарратив, подаваемый как логическое продолжение «имперской» модели поведения РФ.

Приведем перечень организаций, ведущих информационную войну против России и дружественных стран, и их цели: USAID^{*7} и RAND Corporation^{*8} разрабатывают обучающие пособия по информационным операциям; EUvsDisinfo публикует списки «российской дезинформации»⁹; Центры стратегических коммуникаций НАТО координируют действия по разрушению образа России в международной политике. Министерство обороны США опубликовало в 2023 г. стратегию наступательной киберобороны, с акцентом на «перманентное влияние»¹⁰. Центр анализа европейской

6 Посольство России обвинило США в попытке переписать историю // Регнум, 2024. URL: <https://regnum.ru/news/3862873>; No more Medvedev, Tchaikovsky, or Dostoevsky: the pros and cons of cancelling Russian culture // Bigthink, 2022. URL: <https://bigthink.com/the-present/cancelling-russia-culture-sanctions/>; Sergatskova E. The Cultural Diplomacy of Excluding Russians from Public Spaces // Wilson Center, 2023. URL: <https://web.archive.org/web/20230822002335/https://www.wilsoncenter.org/blog-post/cultural-diplomacy-excluding-russians-public-spaces>; De-Russification War Why Does Russian Culture Deserve to be Cancelled? // Ukrainer, 2022. URL: <https://www.ukrainer.net/russian-culture-cancelled/>

7 *С 1 октября 2012 г. деятельность в РФ Агентства США по международному развитию прекращена.

8 *RAND Corporation включена в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

9 EUvsDisinfo. URL: <https://web.archive.org/web/20250329180820/http://euvsdisinfo.eu/>.

*Сайт euvsdisinfo.eu заблокирован в России решением Роскомнадзора 04.10.2022/

10 Cyber Strategy of the Department of Defense 2023 // Defense.gov, 2023. URL: <https://media.defense.gov/2023/Sep/12/2003299076/-1/-1/2023DODCyberStrategySummary.pdf>.

политики (СЕРА)^{*11} осуществляет систематическое исследование медиаконтента, который трактуется ими как «дезинформация», распространяемая через ресурсы RT. Особое внимание уделяется статистике просмотров по регионам (Германия, Швеция, Польша), а также особенностям восприятия информации в странах Центральной и Восточной Европы. Помимо этого, СЕРА* акцентирует необходимость мониторинга социальных сетей, ключевых акторов и платформ распространения информации (SUMA). В данной деятельности активно участвуют ведущие лоббистские и коммуникационные агентства, включая SKS Knickerbocker, Yorktown Solutions, Your Global Strategy и PR-фирму Edelman, в совокупности формирующие сеть из более чем 150 структур, задействованных в создании и продвижении антироссийского информационного контекста [8, с. 90].

Ряд международных организаций предпринимает усилия по институционализации подходов к противодействию информационным угрозам. Так, ЮНЕСКО в 2018 г. охарактеризовала феномен фейковых новостей как глобальный вызов¹². ОБСЕ, в свою очередь, выступает за добровольное регулирование медиаполя, хотя и воздерживается от выработки объективных критериев достоверности¹³. Организация Объединенных Наций через Управление по наркотикам и преступности (UNODC) квалифицирует дезинформацию как инструмент подрыва электоральной легитимности.

Сравнительный анализ нормативно-правовых подходов к обеспечению информационной безопасности, проводимый с учетом системной методологии, выявляет как общие направления, так и принципиальные расхождения в стратегических установках Российской Федерации и государств Запада. В нормативно-правовом подходе РФ преобладает концепция суверенного контроля и защитного приоритета информационного пространства. Это выражено, в частности, в «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» (2016)¹⁴, а также в более поздних стратегических документах, включая Концепцию внешней политики РФ (2023)¹⁵ и Федеральные законы № 149-ФЗ, № 255-ФЗ и др.¹⁶ Российская модель исходит из того, что информационное пространство подвержено целенаправленному внешнему воздействию, способному дестабилизировать внутреннюю политическую, экономическую и социокультурную ситуацию. Согласно официальному заявлению

11 Решением Генеральной прокуратуры РФ от 23.10.2023 «Центр анализа европейской политики» признан нежелательным в России.

12 UNESCO. Journalism, “Fake news” and Disinformation, 2018. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265552>

13 Информационная война, дезинформация и мошенничество на выборах // UNODC (Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности), 2020. URL: <https://www.unodc.org/e4j/ru/cybercrime/module-14/key-issues/information-warfare--disinformation-and-electoral-fraud.html>.

14 Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646). URL: <https://www.prilib.ru/item/468350>

15 Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229) // МИД, 2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>.

16 Об информации, информационных технологиях и защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/; О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: федер. закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48170>.

Федеральной службы безопасности, в 2017 г. было зафиксировано свыше 70 млн кибератак, направленных на цифровую инфраструктуру Российской Федерации в течение одного календарного года, что свидетельствует о высоком уровне киберугроз и требует адекватного реагирования в рамках национальной стратегии информационной безопасности [8, с. 86]. Отсюда следует акцент на превентивной защите, мониторинге и локализации деструктивного информационного влияния.

Западный подход, прежде всего в исполнении США и Европейского союза, опирается на либерально-демократическую парадигму, предполагающую, что свобода выражения и саморегулирование являются краеугольными камнями устойчивости цифровой среды. Так, Стратегия национальной кибербезопасности США (2023), а также документы ЕС, включая создание HLEG (High-Level Expert Group) по дезинформации и инициативу Digital Services Act, делают акцент на механизмах совместного регулирования, прозрачности алгоритмов и частной ответственности платформ.

Давая характеристику законодательной архитектуре, следует ее определить как вертикаль против сетевого управления. Российская правовая система строится по принципу государственно-централизованного регулирования: ключевые акты утверждаются на уровне указов Президента или федеральных законов, подкрепляются регуляторной деятельностью Роскомнадзора и ФСБ. Это позволяет обеспечить быструю мобилизацию нормативной базы в ответ на внешние вызовы. Например, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации пересматривает версию от 2015 г.¹⁷ Основой данного документа является ориентирование на внутренние проблемы: возобновление самодостаточности страны, уделяется внимание демографии страны, повышению уровня жизни, повышению чувства патриотизма среди населения, выработке идеологии, которая повысит сплоченность и уровень национальной гордости среди населения. Упоминаются «недружественные страны», а также уменьшение зависимости от западных технологий. Большое внимание уделяется «традиционным русским ценностям». В документе упоминается об «иностранный пропаганде эгоизма, вседозволенности и отсутствия ответственности». Также подчеркивается недопустимость вестернизации страны.

Западная нормативная система, напротив, характеризуется сетевой структурой управления, где государства, частные корпорации, научное сообщество и гражданский сектор вовлечены в совместную разработку принципов регулирования. Например, в документах ОБСЕ и Совместной декларации о фейковых новостях (2017)¹⁸ провозглашается приоритет soft law (англ. – «мягкое право», документы, имеющие рекомендательный характер), саморегулируемых кодексов, фактчекинга и медиаграмотности населения как основы устойчивости информационного общества.

В российском дискурсе информационная безопасность трактуется как объект внешнего агрессивного воздействия, что предполагает приоритет оборонительной модели. В западных стратегиях, особенно в концепции «persistent engagement»

17 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.

18 OSCE. Joint declaration on freedom of expression and “fake news”, disinformation and propaganda, 2017. URL: <https://www.osce.org/fom/302796>.

(«постоянного вовлечения»), США и союзники рассматривают киберпространство как активный театр геополитического влияния, где допускается использование наступательных киберопераций, включая превентивные меры¹⁹.

Относительно практической реализации необходимо упомянуть институциональные различия. Россия применяет подход к «приземлению» иностранных IT-компаний (Закон № 236-ФЗ)²⁰, обязывающий их иметь представительство в стране и подчиняться российской юрисдикции, что западные государства воспринимают как инструмент давления на свободу Интернета. Западные страны развивают механизм регионального мультистейкхолдерного²¹ регулирования, наглядно представленного в инициативах ЕС по маркировке контента, борьбе с дипфейками и созданию центров цифровой устойчивости (Centre of Excellence in Countering Hybrid Threats, Хельсинки).

При всей противоположности стратегических ориентиров существуют и общие черты: обе стороны признают дезинформацию значимым вызовом для общественного порядка и безопасности; и в России, и на Западе формируется система реагирования на киберугрозы, включая развитие кибервойск²² [3], на фейковый контент и нормативную проработку ответственности платформ. Обе модели сталкиваются с трудностью объективной оценки эффективности принимаемых мер и балансом между безопасностью и свободой.

Российские компании, ведущие информационное противоборство

Сложившаяся институциональная конфигурация медиаструктур, представляющих интересы Российской Федерации в информационном пространстве, включает такие ключевые платформы, как «Россия сегодня»²³ и RT²⁴. МИА «Россия сегодня», основанное в 2013 г. как наследник Совинформбюро, функционирует в качестве важного элемента стратегической коммуникации, ориентированной на международную аудиторию. Внутренняя структура МИА «Россия сегодня» охватывает такие подразделения, как РИА Новости, Украина.ру, Arctic.ru, Baltnews, ИноСМИ, «Спутник» и др. Международный вектор представлен деятельностью агентства

19 Cyber Strategy of the Department of Defense 2018 // Defense.gov, 2018. URL: https://media.defense.gov/2018/Sep/18/2002041658/-1/-1/1/cyber_strategy_summary_final.pdf; Cyber Strategy of the Department of Defense 2023 // Defense.gov, 2023. URL: <https://media.defense.gov/2023/Sep/12/2003299076/-1/-1/1/2023DODCyberStrategySummary.pdf>.

20 Статья «Виды деятельности» // О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: федер. закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48170>.

21 Управление генеративным ИИ: формирование коллективного глобального будущего, 2024 // Generative AI Governance: Shaping a Collective Global Future, МЭФ, Accenture. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/tekhnologii-i-produkty-ii/2024_upravlenie_generativnym_ii_formirovanie_kollektivnogo_globalynogo_buduschego_generative_ai_governance_shaping_a_collective_global_future_mef_accenture/.

22 Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении; Bilal A. Russia's hybrid war against the West, NATO, 2024. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2024/04/26/russias-hybrid-war-against-the-west/index.html>.

23 МИА «Россия сегодня». URL: <https://xn--c1acbl2abd1kab1og.xn--p1ai/mediagroup/>.

24 RT. URL: <https://russian.rt.com/about>.

«Спутник», осуществляющего вещание на 36 языках и работающего в 19 странах через 16 пресс-центров. С 2014 г. эти медиаплатформы обеспечивают альтернативное освещение ключевых событий – от Олимпиады в Сочи и референдума в Крыму до украинского кризиса и специальной военной операции [8, с. 113-114].

Анализ хронологии создания ключевых российских медиаструктур, таких как РИА Новости, Совинформбюро, «Россия сегодня» и Sputnik, демонстрирует их институциональную активизацию в периоды, требующие усиленного информационного сопровождения государственной политики, мобилизации патриотического консенсуса и консолидации национальной идентичности. Сеть «Русских домов», а также представительства Россотрудничества, функционирующие с 2021 г. в 71 государстве, способствуют продвижению российской культурной и образовательной повестки. Использование цифровых платформ, включая VK, обеспечивает информационную поддержку соотечественников за рубежом. Кроме того, такие структуры, как RRN (Recent Reliable News), осуществляют опровержение недостоверных сведений о России, задействуя для этого фейковые веб-ресурсы и аккаунты, стилизованные под официальные государственные источники и национальные СМИ [8, с. 114].

Среди заметных участников медиапространства, поддерживающих пророссийскую информационную повестку, выделяется агентство «InfoRos», функционирующее в формате электронного издания и связанное с ГРУ. Оно инициировало создание более 270 прокси-площадок, продвигающих интересы РФ. Кроме того, АНО «Диалог», учрежденное при поддержке Департамента информационных технологий Москвы и аффилированное с Администрацией Президента РФ, активно вовлечено в медийную деятельность. Также задействованы Институт русской диаспоры, Агентство социального проектирования и IT-компания «Национальные технологии «Структура»», участвующие в реализации информационных кампаний [8, с. 117-118].

Информационное противоборство также проходит в форме блокировок интернет-страниц как со стороны России, так и со стороны недружественных государств. Блокируется материал, который гипотетически может содержать вредоносную информацию для населения. Все это требует финансовых ресурсов. Противодействие российскому информационному влиянию со стороны США сопровождается масштабным бюджетным обеспечением – общий объем ассигнований составляет 424,4 млн долл. США. Из данной суммы 30 млн долл. США направлены на поддержку «независимых» СМИ, 5 млн долл. США – на развитие медиа-акселераторов, 9 млн долл. США – на юридическую и репутационную защиту журналистов, а 3 млн долл. США выделены на запуск образовательной платформы для представителей медиасообщества, включающей психологическую и профессиональную поддержку [8].

Отмечая прогресс РФ в информационном противоборстве, стоит отметить следующие важные достижения: в России были созданы войска информационных операций²⁵; происходит популяризация и масштабное развитие цифровой дипломатии [13]. Информационное сопровождение приобрело большую значимость и расширило

²⁵ Шойгу рассказал о российских войсках информационных операций, РБК, 2017. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/02/2017/58ad78cd9a794757f3c80ece>.

диапазон. Были разработаны новые сайты, опровергающие и верифицирующие информацию, поступающую из иностранных СМИ. Они включают в себя интернет-сайты: «МИД опровержение», платформу «Вбросам.нет», разоблачающую фейки, РИА Новости, сайт «Лапша медиа». Развивается государственная платформа ВКонтакте и Рутуб. Для повышения эффективности контрпропагандистских мер в России были запущены телепроекты, направленные на повышение медиаграмотности населения и опровержение дезинформации; среди них: передачи на Rutube, программы «Фактчекинг», «Фейки недели», «Человек и закон», информационные блоки Михаила Онуфриенко, телеканал «Царьград», ток-шоу «60 минут» [8, с. 195].

Анализируя успешность и эффективность информационного противоборства, становится очевидно, что первенство будет принадлежать той стране, которая сможет: обладать контролем над интерпретацией событий, так как важно не то, что произошло, а как это описано; сформировать лояльные аудитории внутри чужих государств, особенно среди молодежи; провести делегитимацию оппонента без необходимости применения военной силы; создать иллюзию общественного консенсуса, за которым легко спрятать государственную волю; провести выход за рамки суверенитета через культурное и информационное вторжение.

Учитывая исторический опыт на примере стран СНГ, нельзя недооценивать продвижение русского языка. Анализируя причины «поворота» Украины в сторону Запада, стоит отметить, что Россия инвестировала 200 млрд долл. США в экономическое и социальное развитие Украины, в то время как США потратили всего лишь 5 млрд долл. на финансирование украинских учебников по истории [8, с. 91], благодаря которым целое молодое поколение украинцев было воспитано в ненависти к русскому.

Необходимо создавать программы повышения статуса русскости в дальнем и ближнем зарубежье по примеру израильской программы Таглита [8, с. 195], проводить обучающие программы по распознаванию пропаганды, дезинформации и фейков.

Как уже было ранее отмечено, очень важно знать влияние информационных войн на молодежь. Автором было проведено анкетирование фокус-группы, состоящей из студентов Дипломатической академии МИД РФ, в 2024 г. Была просчитана в процентном соотношении степень осведомленности о дезинформации среди данной студенческой аудитории, мнение которой может представлять собой объективное отношение к политике молодых людей от 18 до 39 лет (в фокус-группу входило 77 мужчин и 87 женщин). Несмотря на то, что ранее ученый Г. Лассуэл отмечал, что сложно просчитать и узнать, достигла ли дезинформация людей и какова степень ее эффективности, какой эффект был произведен. Автором в результате анкетирования женщин о степени осведомленности и фактах дезинформации в отношении России среди молодежи (женщины) в России 18–39 лет были получены сводные данные, которые обчислены при помощи математических формул, и были получены результаты в процентном соотношении [8, с. 183–186]. Были сделаны выводы. Приведем часть из них в данной статье.

Согласно результатам анкетирования фокус-группы, следует использовать социальные сети, создавать закрытые чаты в Телеграме и через них работать с молодежью [8]. Молодежь привлекают труднодоступные аккаунты, повышается их уровень

доверенности источнику, если присутствует секретность. Социальная платформа VK не пользуется популярностью как средство получения новостей (2,8% мужчин и 0,43% женщин получили информацию из VK, в то время как из Telegram – 48,05% и 44,03% респондентов, но к российской государственной платформе часто обращаются за верификацией – в VK обращались 113 раз мужчины, а в Telegram – 208 раз [8, с. 183].

Данные эмпирического анализа показывают, что около 60% женщин-респондентов получали информацию из текстовых источников, при этом значительно меньшая доля – из аудио- и видеоканалов. Мужская аудитория продемонстрировала сходные показатели, с преобладанием печатных (55%) и онлайн-новостей как основного канала восприятия информации. Уровень охвата через аудио и визуальные медиа остался сравнительно низким (1/4 мужчин слышали фейк, смотрели – 1/5 часть из них), однако указывает на наличие определенной глубины распространения информации в обществе [8, с. 184-185]. Эмоционально студенты не были особенно тронуты, это показывают результаты анкетирования. Социологические данные свидетельствуют о превалировании реакций, указывающих на когнитивную и эмоциональную незрелость значительной части молодежной аудитории. Более трети респондентов обоих полов отмечали чувство простого интереса, что может интерпретироваться как проявление отчужденности и инфантильности. При этом четверть респондентов демонстрировали равнодушие к обсуждаемым темам, что указывает на дефицит устойчивых мировоззренческих ориентиров. Страх и тревожность наблюдались преимущественно у женщин (около 20%), тогда как среди мужчин такие чувства зафиксированы у 10% опрошенных [8, с. 184]. Согласно результатам исследования, лишь 35,83% опрошенных студентов мужского пола и 25,6% женщин имели представление о распространенных в медиаполе фейковых новостях, что указывает на недостаточный уровень медиаграмотности в молодежной среде [8, с. 179]. Из общего числа респондентов, знакомых с фейковыми материалами, не поддались дезинформации 55,06% мужчин и 45,34% женщин, что демонстрирует наличие базовых навыков критического восприятия информации, особенно среди мужской аудитории [8, с. 180]. Российская молодежь не вовлечена в политику из-за концентрирования на себе, своих личных интересах в социальных сетях. Благодаря этой особенности поколений зумеров и миллениалов дезинформация демонстрирует низкий уровень эффективности, она не оказывает предполагаемое влияние на реципиентов, это можно рассматривать как естественный иммунитет этих поколений. Согласно данным Роспатриотцентра, молодежь дееспособного возраста, то есть начиная от 14 до 35 лет, получила название поколения «Нет», так как немногим более чем 1/10 часть этой возрастной категории не принимает участие ни в какой (социальной / политической / культурной) сфере страны²⁶. Их ничего не интересует.

Выводы

Для осуществления полномасштабного информационного противоборства необходимо инвестировать в технологии, в российские представительства

²⁶ Е.Круглов. Глава Росмолодежи рассказал, откуда в России появилось «поколение НЕТ» // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/glava-rosmolodezhi-rasskazal-otkuda-v-rossii-poyavilos-pokolenie-net.html>.

за границей, расширять диапазон контрпропаганды, использовать любые источники. Крайне важно создать общий центр по отслеживанию фейков, дезинформации, поступающих из частных и официальных источников, активно оповещать население о них через все имеющиеся в распоряжении каналы. В работе необходимо задействовать не только политологов, но и психологов, нейролингвистов, историков для эффективной пропаганды внутри страны и за границей. Должна быть выработана такая идеология, которая будет актуальна и близка населению всегда. Для этого необходимо проанализировать такого рода успешные программы других стран, как, например, США, Израиль. Гражданин своей страны должен всегда чувствовать свою принадлежность к своей нации и желание оставаться на своей Родине, не являться патриотом паспортов других стран, по примеру элиты компрадоров (например, Лужков, Козырев, Исинбаева). Сегодня информационное поле стало аренной, где происходят сражения, результаты которых в долгосрочной перспективе определяют исходы военных, экономических и даже цивилизационных конфликтов. Мы вступили в эпоху, когда победа больше не измеряется количеством танков или ракет, но способностью государства удерживать, формировать и навязывать смыслы. Россия в этих условиях должна не просто обороняться, но создавать и продвигать собственную смысловую архитектуру мира – основанную на правде, традиции, достоинстве и суверенитете. И, как отметил известный когнитивный нейробиолог А.Наскар, «кто умеет управлять контентом, может управлять людьми»²⁷. В XXI в. это управление приобрело цифровое лицо. Но его суть осталась прежней – это борьба за Человека. Сохранение суверенитета в информационной среде – это, по сути, борьба за ментальную независимость нации. Побеждает не тот, у кого больше танков, а тот, у кого крепче ценности и сильнее слово.

Список литературы

1. Белоусов А. От пропаганды до связей с общественностью (к выходу в свет русского издания книги Эдварда Бернейса «Пропаганда» (1928)) [From Propaganda to Public Relations (to the Publication of the Russian Edition of Edward Bernays' book "Propaganda" (1928))] // Свободная мысль. 2010. № 8(1615). С. 199–211.
2. Воробьев С.В. Исторические и современные аспекты формирования образа врага в современных международных отношениях [Historical and Modern Aspects of Enemy Image Formation in Modern International Relations] // Международные отношения в условиях новых угроз безопасности: Сборник материалов Первой Межд. науч.-практ. конференции, Москва, 28 апреля 2022 г. / под ред. О.И.Титковой, Т.В.Кашириной. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2023. С. 27–33.
3. Карпович О.Г. Информационная война против России в условиях осуществления специальной военной операции [Information Warfare against Russia in the Conditions of Implementation of a Special Military Operation] // Украинский кризис в условиях трансформации современного миропорядка: тенденции развития, угрозы и вызовы для России / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. 2-е изд., испр. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2022. С. 15–22.
4. Карпович О.Г. Информационные войны в политике и конкуренции современных государств [Information Wars in Politics and Competition of Modern States] // Информационные войны. 2017. № 4(44). С. 2–8.
5. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Когнитивные войны в контексте стратегических коммуникаций [Cognitive Wars in the Context of Strategic Communications]: монография. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2024. 268 с.

²⁷ Naskar Abjihijit, "Whoever controls the narrative, controls the people", Quotefancy. URL: <https://quotefancy.com/quote/3734159/Abjihijit-Naskar-Whoever-controls-the-narrative-controls-the-people>.

6. Коротков С. Злонамеренные дезинформационные кампании – дестабилизирующий фактор поддержания международной информационной безопасности [Malicious Disinformation Campaigns – a Destabilizing Factor in Maintaining International Information Security] // Международная жизнь. 2022. № 11. С. 68–75. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2745>.
7. Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне [Propaganda Technique in the World War] / пер. с англ. В.Г.Николаева. М.: РАН ИНИОН, 2021. 237 с.
8. Лукина Ю.В. Информационная кампания коллективного Запада в отношении России на современном этапе [Lukina Yu.V. Information Campaign of the Collective West against Russia at the Present Stage]: дис. ... канд. полит. наук: 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования. М., 2025. 264 с. URL: http://dipacademy.ru/documents/9687/Диссертац.рукопись_Лукиной_Ю.В._окончательный.pdf.
9. Манойло А.В. Информационная война в контексте специальной военной операции на Украине [Information Warfare in the Context of the Special Military Operation in Ukraine] // Международная жизнь. 2022. № 12. С. 74–83. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2762>.
10. Неймарк М.А. Красные линии стратегической безопасности России: от метафоры к критической альтернативе [Red Lines of Russia's Strategic Security: From Metaphor to Critical Alternative] // Обозреватель – Observer. 2022. № 1(384). С. 5–14. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_01_5.
11. Петренко А.И. Фейки как инструмент деформации сознания молодежи [Fakes as a Tool of Deformation of youth Consciousness] // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 4(22). С. 90–102.
12. Синицын А.Ю. Интеграционные процессы в АТР: Россия – АСЕАН // Международная жизнь. 2018. № 7. С. 88–96.
13. Сурма И.В. Цифровая дипломатия и информационное противостояние в мировой политике [Digital Diplomacy and Information Confrontation in World Politics] // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: Материалы 15-й Межд. конф., Москва, 25 мая 2017 г. М.: «КДУ», «Университетская книга», 2018. С. 531–539. URL: https://www.perspektivy.info/rus/gos/cifrovaja_diplomatija_i_informacionnoje_protivostojaniye_v_mirovoj_politike_2018-06-09.htm.
14. Цветов П.Ю. Манипулирование историческим сознанием в Северном Вьетнаме в годы отражения агрессии империализма США в 1965–1975 гг. [Manipulation of Historical Consciousness in North Vietnam during the Years of Repulsion of US Imperialism Aggression in 1965–1975] // Актуальные проблемы вьетнамоведения – 2018. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 81–87. EDN: JREUCL.
15. Цифровые международные отношения [Digital International Relations]: в двух томах / под ред. Е.С.Зиновьевой, С.В.Шитькова. Т. 1. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2023. 354 с.
16. Bernays E.L. Propaganda (1928). New York, 2005.
17. Bobric G.-D. The Overton Window: A Tool for Information Warfare, “Carol I”. Bucharest: National Defense University, 2021.
18. Buzan B., Weaver O., De Wilde J. Security: A new framework for analysis. Lynne Rienner Publishers, 1998.
19. Buzan B., Weaver O., De Wilde J. Security: A new framework for analysis. Lynne Rienner Publishers, 2010.
20. Herman E., Chomsky N. Manufacturing Consent, The Political Economy of the Mass Media / with a new afterword by Edward S.Herman. London: The Bodley Head, 2008. URL: https://files.libcom.org/files/2022-04/manufacturing_consent.pdf.
21. Illul J. Propaganda. New York, 1962. URL: https://archive.org/details/Propaganda_201512.
22. Laruelle M. Accusing Russia of Fascism // Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18, № 4. P. 100–123. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-100-123>.
23. Lasswell H.D. Propaganda Technique in the World War. New York: Peter Smith, 1938. URL: <https://archive.org/details/PropagandaTechniqueInTheWorldWar>.
24. Lewandowsky S., Ecker U.K.H., Seifert C.M., Schwarz N. Misinformation and its Correction: Continued Influence and Successful Debiasing // Psychological Science in the Public Interest. 2016. № 13(3). P. 106–131.
25. Lippmann W. Public Opinion. New York: Harcourt, Brace and Company, 1922. 185 p. URL: <https://www.globalgreybooks.com/public-opinion-ebook.html>.
26. Loftus E.F. Planting Misinformation in the Human Mind: A 30-year Investigation of the Malleability of Memory // Learning Memory. 2005. № 12(4). P. 361–6. <https://doi.org/10.1101/lm.94705>. URL: <https://learnmem.cshlp.org/content/12/4/361.full>.
27. Prosser M.B. Memetics—a Growth Industry in us Military Operations. Virginia, 2006. 23 p. URL: <https://web.archive.org/web/20250318215440/https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA507172.pdf>.

Информация об авторе

ЛУКИНА Юлия Владимировна. Кандидат политических наук. Старший преподаватель кафедры английского языка № 2 Дипломатической академии МИД России. <https://orcid.org/0009-0008->

7075-0372. Адрес: Российская Федерация, 119021, г. Москва, Россия, Остоженка 53/2, стр. 1, yulkalu@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 4 августа 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Belousov A. From Propaganda to Public Relations (to the Publication of the Russian Edition of Edward Bernays' book "Propaganda" (1928). Svobodnaya mysl' [Free Thought]. 2010; 8(1615):199–211 [In Russian.]
2. Vorobyev S.V. Historical and Modern Aspects of Enemy Image Formation in Modern International Relations. International Relations in the Conditions of New Security Threats: Collection of Materials of the First International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 28, 2022. ed. by O.I.Titkova, T.V.Kashirina. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet [Moscow State Linguistic University], 2023:27–33 [In Russian].
3. Karpovich O.G. Information Warfare against Russia in the Conditions of Implementation of a Special Military Operation. UKRAINIAN crisis in the Conditions of Transformation of the Modern World Order: Development Trends, Threats and Perils for Russia / Academy of Military Sciences, Research Center for National Security Problems. 2nd edition, revised. Moscow: Izdatel'stvo «Ekon-Inform» [Publishing House «Econ-Inform»]. 2022:15–22 [In Russian].
4. Karpovich O.G. Information Wars in Politics and Competition of Modern States. Informacionnye vojny [Information Wars]. 2017; 4(44):2–8 [In Russian].
5. Karpovich O.G., Shangaraev R.N. Cognitive Wars in the Context of Strategic Communications: a monograph. Moscow: Diplomaticeskaya akademiya MID Rossii [Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia], 2024. 268 p. [In Russian].
6. Korotkov S. Malicious Disinformation Campaigns – a Destabilizing Factor in Maintaining International Information Security. Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]. 2022; 11:68–75 [In Russian]. Available from: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2745>.
7. Lasswell H.D. Propaganda Technique in the World War. Translated from English by V.G.Nikolaev. Moscow.: RAN INION [RAS INION]. 2021. 237 p. [In Russian].
8. Lukina Yu.V. Information Campaign of the Collective West against Russia at the Present Stage: Theses ... CandSc (Political): 5.8.2. International Relations, Global and Regional Studies. Moscow, 2025. 264 p. [In Russian]. Available from: http://dipacademy.ru/documents/9687/Диссертац.рукопись_Лукиной_Ю.В._окончательный.pdf.
9. Manoilo A.V. Information Warfare in the Context of the Special Military Operation in Ukraine. Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]. 2022; 12:74–83 [In Russian]. Available from: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2762>.
10. Neimark M.A. Red Lines of Russia's Strategic Security: From Metaphor to Critical Alternative. Obozrevatel – Observer [Browser – Observer]. 2022; 1(384):5–14 [In Russian]. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2022_01_5.
11. Petrenko A.I. Fakes as a Tool of Deformation of youth Consciousness. Grazhdanin. Vyborny. Vlast' [Citizen. Elections. Power]. 2021; 4(22):90–102 [In Russian].
12. Sinitsyn A.Y. Integration processes in the Asia-Pacific Region: Russia – ASEAN. Mezhdunarodnaya zhizn' [International Life]. 2018; 7:88–96 [In Russian].

13. Surma I.V. Digital Diplomacy and Information Confrontation in World Politics. Public Administration of the Russian Federation: Challenges and Prospects: Proceedings of the 15th International Conf., Moscow, May 25, 2017. Moscow: KDU [KDU], Universitetskaya kniga [University Book], 2018:531–539 [In Russian]. Available from: https://www.perspektivy.info/rus/gos/cifrovaja_diplomatija_i_informacionnoje_protivostojanije_v_mirovoj_politike_2018-06-09.htm.
14. Tsvetov P.Y. Manipulation of Historical Consciousness in North Vietnam during the Years of Repulsion of US Imperialism Aggression in 1965–1975. Actual Problems of Vietnamese Studies – 2018. Moscow: IDV RAN [IDV RAS], 2018:81–87 [In Russian]. EDN: JREUCL.
15. Digital International Relations: in two volumes / ed. by E.S.Zinovieva, S.V.Shitkov. Vol. 1. Moscow: Aspect Press, 2023. 354 p. [In Russian].
16. Bernays E.L. Propaganda. (1928) New York, 2005 [In English].
17. Bobric G.–D. The Overton Window: A Tool for Information Warfare, “Carol I”. Bucharest: National Defense University, 2021 [In English].
18. Buzan B., Weaver O., De Wilde J. Security: A new framework for analysis. Lynne Rienner Publishers, 1998 [In English].
19. Buzan B., Weaver O., De Wilde J. Security: A new framework for analysis. Lynne Rienner Publishers, 2010 [In English].
20. Herman E., Chomsky N. Manufacturing Consent, The Political Economy of the Mass Media / with a new afterword by Edward S.Herman. London: The Bodley Head, 2008 [In English]. Available from: https://files.libcom.org/files/2022-04/manufacturing_consent.pdf.
21. Illul J. Propaganda. New York, 1962 [In English]. Available from: https://archive.org/details/Propaganda_201512.
22. Laruelle M. Accusing Russia of Fascism. Russia in Global Affairs. 2020; 18(4):100–123 [In English]. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-100-123>.
23. Lasswell H.D. Propaganda Technique in the World War. New York: Peter Smith, 1938 [In English]. Available from: <https://archive.org/details/PropagandaTechniqueInTheWorldWar>.
24. Lewandowsky S., Ecker U.K.H., Seifert C.M., Schwarz N. Misinformation and its Correction: Continued Influence and Successful Debiasing. Psychological Science in the Public Interest. 2016; 13(3):106–131 [In English].
25. Lippmann W. Public Opinion. New York: Harcourt, Brace and Company, 1922. 185 p. [In English]. Available from: <https://www.globalgreybooks.com/public-opinion-ebook.html>.
26. Loftus E.F. Planting Misinformation in the Human Mind: A 30-year Investigation of the Malleability of Memory. Learning Memory. 2005; 12(4):361–6 [In English]. <https://doi.org/10.1101/lm.94705>. Available from: <https://learnmem.cshlp.org/content/12/4/361.full>.
27. Prosser M.B. Memetics—a Growth Industry in us Military Operations. Virginia, 2006. 23 p. [In English]. Available from: <https://web.archive.org/web/20250318215440/https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/ADA507172.pdf>.

About the author

Yulia V. LUKINA. CandSc. (Politic.). Senior lecture, Department of English № 2, The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. <https://orcid.org/0009-0008-7075-0372>
Address: building 1, 53/2, Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russian Federation. yulka@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: August 4, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

Политические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-75-86](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-75-86)

Иновещание и дипломатия «второго трека»: от истоков пересечения до настоящего времени

Анна Алексеевна Беликова ✉

МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

anna2020belikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1017-7666>

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «иновещание» (также известное как международное или зарубежное вещание) и «дипломатия "второго трека"» как взаимосвязанные инструменты международной коммуникации. Анализ исторических данных приводит к мысли, что в настоящем иновещание все больше эволюционирует от пропаганды к диалогу, подталкивая и дипломатию «второго трека» к переходу от закрытых встреч к публичным кампаниям. Дипломатия «второго трека» также меняется под воздействием медиа: расширяется спектр участников; теперь уже не только ученые, но и блогеры, активисты могут использовать медиаплатформы для диалога. Медиа выступают катализатором этих процессов, способствуя диверсификации участников дипломатического взаимодействия. Активное использование цифровых платформ создает уникальную синергию между иновещанием, медиа и дипломатией «второго трека», превращая их в взаимодополняющие инструменты в контексте современной международной коммуникации. Можно утверждать, что иновещание, медиа и дипломатия «второго трека» интегрируются в единую систему, становясь неотъемлемой частью как традиционного, так и неофициального дипломатического взаимодействия. Они

становятся взаимодополняемыми инструментами в современной международной коммуникации, которая неизменно становится частью дипломатического взаимодействия – как традиционного, так и неофициального формата. В контексте глобализации и формирования многополярного миропорядка будущее этих феноменов видится в коэволюции медиаплатформ и неформальной дипломатии. Этот процесс отражает более широкие тенденции в развитии международных отношений, где коммуникационные технологии играют всё более значимую роль в формировании глобального политического ландшафта.

Ключевые слова: иновещание, международное вещание, дипломатия «второго трека», медиадипломатия, публичная дипломатия, Дартмутская конференция, «Аль-Джазира», CNN

Для цитирования: Беликова А.А. Иновещание и дипломатия «второго трека»: от истоков пересечения до настоящего времени // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 75-86, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-75-86](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-75-86)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-75-86](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-75-86)

International Broadcasting and Track-II Diplomacy: From the Origins of the Intersection to the Present

Anna A. Belikova ✉

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
anna2020belikova@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1017-7666>

Abstract. This article examines the concepts of “foreign broadcasting” (also known as international or foreign broadcasting) and “Track-II diplomacy” as interconnected tools of international communication. An analysis of historical data suggests that currently, foreign broadcasting is increasingly evolving from propaganda to dialogue, pushing track two diplomacy to shift from closed meetings to public campaigns. Track-II diplomacy is also changing under the influence of media: the range of participants is expanding; now, not only academics but also bloggers and activists can use media platforms for dialogue. Media act as a catalyst for these processes, facilitating the diversification of participants in diplomatic interaction. The active use of digital platforms creates a unique synergy between international broadcasting, media, and Track-II diplomacy, transforming them into complementary tools in the context of contemporary international communication. International broadcasting, media and Track-II diplomacy are arguably integrating into a unified system, becoming integral parts of both traditional and informal diplomatic interactions. These are becoming complementary tools for contemporary international communication that invariably become part of diplomatic interactions, both traditional and non-traditional. In the context of globalisation and the emergence of multipolarity, the future of these phenomena lies in the co-evolution of media platforms and non-formal diplomacy. This reflects broader trends in international relations where communication technologies play an increasingly significant role shaping the global political landscape.

Keywords: foreign broadcasting, international broadcasting, Track-II diplomacy, media diplomacy, public diplomacy, Dartmouth Conference, Al Jazeera, CNN

For citation: Belikova A.A. International Broadcasting and Track-II Diplomacy: From the Origins of the Intersection to the Present. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 4(18): 75-86, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-75-86](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-75-86)

Введение

Понятия «иновещание» (также известное как международное или зарубежное вещание) и «дипломатия «второго трека»» можно рассматривать как взаимосвязанные инструменты международной коммуникации, которые в настоящее время все чаще оказываются задействованы для решения международных проблем и урегулирования конфликтов. В качестве концептуальной рамки-связки упомянутых терминов будет уделено внимание феномену «медиадипломатии».

Принято считать, что иновещание фокусируется на трансграничном распространении информации, культурных ценностей и политических нарративов определенных государств через СМИ, в то время как дипломатия «второго трека» – это неформальные переговоры с участием негосударственных акторов (ученых, НПО, экспертов), дополняющие официальную дипломатию.

Материалы и методы

Понимание иновещания (международного или зарубежного вещания) сводится к определению, данному еще в «Большой советской энциклопедии» исследователем информационного пространства В.Н.Ружниковым: «Иновещание – радиовещание, адресованное слушателям зарубежных стран»¹.

Однако в прошлом веке сам факт зарождения и развития зарубежного вещания часто связывался с актуальностью для внешней политики [1] и развитием «дипломатии влияния»² [5; 29]. Профессор Оксфордского университета Монро Прайс описывал, в свою очередь, международное вещание как «элегантный термин для... использования электронных медиа одним обществом для формирования мнения людей и лидеров другого» [24].

Само понятие «дипломатия “второго трека”» было введено в оборот в 1981 г. в статье психиатра В.Дэвидсона (W.Davidson) и дипломата Дж.Монтвилля (J.Mont-

¹ Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М.Прохоров. М.: БСЭ, 1972. Т. 10. С. 286.

² «Дипломатия влияния» – термин, используемый для описания публичной дипломатии Франции и специфики применения этой страной инструментов «мягкой силы».

ville)³, где изначально, как отмечают Великая и Семедов [4], «под этим термином рассматривалась, по сути, публичная дипломатия: от аполитичных культурных обменов до встреч по решению конфликтов» – все «стратегически оптимистичные» шаги для «недопущения войны, выявления общих интересов, нивелирования взаимных опасений» [14].

В соответствии с типологией, предложенной известным американским исследователем «мягкой силы» Николасом Каллом, международное вещание, наряду с активным слушанием (listening), пропагандой, культурной дипломатией и программами обменов (студенческих и академических), также является составляющим публичной дипломатии [13; 25].

На наш взгляд, именно медиадипломатия может выступить концептуальной рамкой для интерпретации иновещания не только как инструмента влияния на зарубежную аудиторию, но и как механизма международных коммуникаций и канала связи при возникновении конфликтных ситуаций (подобно дипломатии «второго трека»).

Такие авторы, как Лим [20], Шинар [27], Коэн [11], рассматривали медиадипломатию через призму роли СМИ в международных коммуникациях. Их подход включает трактовку иновещания как канала передачи дипломатических сообщений – от государственных субъектов к иностранным правительствам и общественной аудитории – для достижения конкретных целей. Как подчеркивает Коэн, медиадипломатия описывает то, как «СМИ связывают политиков с иностранными правительствами и общественностью» [11].

Результаты исследования

Иновещание возникло в конце 1930-х гг. Согласно Брауну [10], Рансли [25], СССР была первой страной в мире, начавшей вещание на зарубежную аудиторию еще в 1923–1926 гг. Однако официальным годом запуска считается 1929 г., когда наша страна начала передавать материалы сначала на четырех иностранных языках, а к 1933 г. их число выросло до одиннадцати [6].

Голландия появилась в зарубежном вещательном аудиополе со своей Empire Service в 1927 г., Китай – в 1928 г. (сначала как Central Broadcasting System, а затем как Radio China International в 1941 г.), Германия – в 1929 г., Франция – в 1931, Великобритания с BBC Empire Service – в 1932 г. и Япония – в 1934 г. Voice of America начал вещание в 1942 г., «сделав США относительно младшим членом клуба» [10; 21].

На первоначальном этапе развития иновещания главной его целью была пропаганда; далее, во время холодной войны, встал вопрос об организации и

³ В.Дэвидсон и Дж.Монтвилль отмечают, что в 1970–1980-х годах в США «вторым треком» занимался Институт психиатрии и международных отношений (Institute for Psychiatry and Foreign Affairs), изучавший аспекты поведения сторон конфликта. Сейчас под «вторым треком» понимается предварительная дискуссия, предшествующая официальным переговорам [14].

осуществлении кампаний информационного противостояния, а фактически – о ведении информационной войны для защиты интересов своего государства. Как писал Ван Дин, тогда создалась система, когда сверхдержавы «участвовали в глобальной войне пропаганды и милитаризации международной системы коммуникаций» [31].

Не зря расширенный термин для новостного воздействия на иностранную аудиторию, предложенный Каллом [12], звучит как «новости, спонсируемые государством» (state sponsored news). Перефразируя Калла, американский дипломат-востоковед Эдвард Джереджян вводит термин «иновещание, спонсируемое государством» (government-sponsored international broadcasting). Он указывает на то, что именно радиовещание сыграло «эффективную и выдающуюся роль в истории публичной дипломатии США». Особая эра в истории, по его мнению, началась, когда в 1942 г. был запущен «Голос Америки» (VOA) «для распространения информации об американской политике и интересах по всему миру... “Радио Свободная Европа / Радио Свобода”⁴ служили “суррогатными” радиостанциями для восточноевропейцев и русских за железным занавесом и, как правило, считаются одними из тех, кто помог выиграть холодную войну» [15].

В период, наступивший после Второй мировой войны, появляется необходимость в запуске нового вида взаимодействия, получившего название «дипломатии “второго трека”», под которой подразумевается неофициальный процесс создания мер доверия и взаимодействия между сторонами с целью разрешения межгосударственных противоречий и для урегулирования конфликтов. Участниками данного диалогового формата выступают представители гражданского общества, ученые, дипломаты и военные в отставке [4]. «Основная цель такой дипломатии – содействовать решению конфликтов, снижению напряженности и формированию доверия между сторонами вне традиционных каналов официальной дипломатии» [1].

Справочник издательства «Раутледж» по публичной дипломатии 2020 г. вводит международное вещание как подраздел публичной дипломатии, относящийся к усилиям национальных государств по электронному проецированию новостей и информации через государственные границы для стратегического взаимодействия с зарубежными сообществами [28].

По мнению турецких исследователей Кавоглу и Кексея, иновещание «является одной из довольно важных сфер деятельности публичной дипломатии, которая впервые появилась с традиционными медиа-инструментами, такими как радио и телевидение, но с тех пор его диапазон существенно расширился, включив цифровые медиа-средства, такие как интернет и платформы социальных сетей» [19].

Международное вещание в период доминирования радиотехнологий действительно выступало преимущественно как составляющая публичной дипломатии. Но с наступлением эры телевидения медийное поле становится местом зарождения ныне вновь актуализирующегося феномена медиадипломатии, активно изучавшегося учеными в период с 1980-х по начало 2000-х гг. [11; 17].

⁴ Включено в реестр СМИ-иноагентов.

Примечательно, что в разгар Карибского кризиса, в один из самых напряженных моментов мировой истории «медийный канал» и «второй трек» были задействованы для разрешения сложившейся ситуации. В частности, впервые в истории послание президента США о введении морской блокады Кубы (так называемого «карантина») было передано не по официальным дипломатическим трекам, а через выступление на телевидении (в эфире трех американских телеканалов: ABC, CBS, NBC) [7]. Этот шаг, а не авиаудары по размещенным советским ракетам (как предлагал Кеннеди Объединенный комитет начальников штабов), стал, по мнению многих, прологом к мирному урегулированию кризиса.

В это же время начинает свою работу Дартмутская конференция, организатором которой выступил известный американский журналист Норман Казинс, бывший редактором «Субботнего литературного обозрения». Именно на встречах этого формата и Пагоушского движения разрабатывались важные меры по деэскалации напряжения в отношениях между СССР и США, обсуждались механизмы принятия соглашений по разоружению [32]. Важно, что уже в этот период иновещание транслировало идеи, обсуждаемые в рамках «второго трека», превращая академические дискуссии в публичные нарративы.

Дартмутский формат на многие годы стал площадкой неформального диалога по линии «второй дорожки»⁵ или «второго трека» между представителями общественности, отставными дипломатами, журналистами двух стран. Усилиями известного российского деятеля Е.М.Примакова Дартмутская конференция возобновила свою работу в 2014 г. после 24 лет перерыва [7].

Евгений Примаков, долгие годы проработавший корреспондентом газеты «Правда» на Ближнем Востоке, и Норман Казинс, как представители медийного сообщества, часто лично выступали в качестве так называемых «медиаброкеров» по классификации Гилбоа, который выделяет три измерения использования СМИ в качестве инструмента внешней политики и международных переговоров: публичную дипломатию, медиадипломатию и дипломатию медиаброкеров, когда «журналисты временно берут на себя роль дипломатов и служат посредниками в международных переговорах» [18]. В настоящее время в этой связи часто речь идет о сотрудниках каналов иновещания, которые, находясь в зоне конфликта, выполняя свой профессиональный долг, также выступают медийными брокерами или медиадипломатами.

Действительно, «иногда во время серьезных международных кризисов СМИ предоставляют единственный канал для общения и переговоров между соперничающими субъектами, или должностные лица часто используют глобальное телевидение, а не традиционные дипломатические каналы для передачи сообщений» [16]. Среди примеров, которые приводит Гилбоа, особо интересными представляются события на Ближнем Востоке. В частности, упоминается, что во

⁵ Российский исследователь публичной дипломатии А.А.Великая предлагает использовать термин «вторая дорожка дипломатии» в качестве альтернативного «дипломатии второго трека» [4].

время первой фазы кризиса с заложниками в Иране 1979–1981 гг. Соединенные Штаты общались с удерживавшими заложников исключительно через прессу; во время конфликта в Персидском заливе 1990–1991 гг. государственный секретарь США Джеймс Бейкер передал последний ультиматум Саддаму Хусейну через CNN, а не через посла США в Ираке; в январе 1998 г. президент Ирана Мохаммед Хатами выбрал CNN, чтобы отправить примирительное послание Соединенным Штатам [16]. Этот американский канал, запущенный в 1980 г., стал одним из ярких примеров использования иновещания как инструмента оперативного оповещения аудитории и особого воздействия на ее восприятие в определенный период истории. Способность глобальных новостей оказывать воздействие на принятие политических решений и развитие мирового медийного пространства получила название «эффекта CNN» [3].

Конец 1990-х – начало 2000-х гг. ознаменовались созданием целой плеяды каналов телевизионного иновещания по всему миру; с этого времени особую роль в формировании мировой медийной картины начинают играть страны Азии, хотя европейские СМИ по-прежнему занимают важные позиции в осуществлении информационного воздействия на зарубежную аудиторию. Кристофер Тула из Университета Джорджии (США) в исследовании 2017 г. отмечал, что «за последние два десятилетия ряд государств, таких как Китай, Россия, Иран, Венесуэла, Франция, Южная Корея и Япония, профинансировали создание круглосуточных новостных станций, называемых международными вещателями, для того чтобы формировать свою политику для иностранной общественности во многих странах мира» [30].

В этот же период проявляется «эффект “Аль-Джазир”»⁶, характеризующий воздействие данного средства массовой информации на политику арабского мира. С 2008 г. после выхода книги Сейба [26] данный термин используется для описания влияния медиа на политические события с уменьшением монополии правительства на информацию и расширением прав и возможностей тех, кто не обладал ранее возможностью вещать в глобальном масштабе.

В 2010 г. Пауэрс писал: «...Аль-Джазира – первая новаторская и единственная глобальная вещательная компания, расположенная на “глобальном юге”, является эталоном [использования] новых и альтернативных форм информации, которые изменяют процесс и участников современного принятия политических решений» [23].

В публикации 2005 г. о катарском медиабренде британский журналист и писатель Майлз подчеркивает, что «Аль-Джазира» вошла в историю, потому что «она изменила направление потока информации, так что теперь, впервые за сотни лет, он идет с Востока на Запад» [22]. Как отмечает Бен Муса, «книга Майлза, по сути, является попыткой получить точную картину этого исторического процесса и объяснить, как он происходит» [9]. Можно также сказать, что «Аль-Джазира» стала новой «дорожкой» предоставления информации, став и сама в какой-то мере составляющей «второго

⁶ Считается, что термин «эффект “Аль-Джазир”» ввел Филип М.Сейб, американский журналист, возглавлявший Центр публичной дипломатии Южнокалийфорнийского университета с 2009 по 2013 г.

дипломатического трека» и предоставив свои площадки для выведения дипломатии «второго трека» в открытое информационное пространство.

Майлз, скептически относящийся к потенциальной роли телеканала в содействии демократическим изменениям на Ближнем Востоке, всё же утверждает, что «Аль-Джазира», по крайней мере, внесла свой вклад в одно явное позитивное развитие: она побудила арабских правителей, пытаясь переманить аудиторию, создать новостные каналы, которые пытаются подражать «Аль-Джазире» по стилю и содержанию [22], что приводит к большому разнообразию СМИ в регионе и появлению таких каналов, как саудовская «Аль-Арабия», эмиратский «Скай-ньюз».

Стоит отметить, что также в настоящее время идет активизация роли стран Ближнего Востока в качестве неформальных посредников в проведении международных переговоров. Как, например, Оман – в иранско-американском диалоге или Саудовская Аравия и Катар – в российско-украинских контактах. И здесь также медийная составляющая, включающая иновещательную деятельность, становится часто основой для дипломатии «второго трека» путем распространения идей, которые затем подхватываются негосударственными акторами. В иновещательное пространство быстро входят новые технологии: интернет-вещание, подкасты, социальные сети, которые также становятся платформами для неформального диалога.

Выводы

Анализ исторических данных приводит к мысли, что в настоящем иновещание всё больше эволюционирует от пропаганды к диалогу, подталкивая и дипломатию «второго трека» к переходу от закрытых встреч к публичным кампаниям, например, посвященным теме экологии.

Дипломатия «второго трека» также меняется под воздействием медиа: расширяется спектр участников; теперь уже не только ученые, но и блогеры, активисты могут использовать медиаплатформы для диалога. Таким образом, на настоящем этапе наблюдается синергия иновещания, медиа в целом и дипломатии «второго трека». Они становятся взаимодополняемыми инструментами в современной международной коммуникации, которая неизменно становится частью дипломатического взаимодействия – как традиционного, так и неофициального формата.

Интересно, что Гилбоа еще в 2001 г. провел дифференциацию между публичной дипломатией и медиадипломатией: «В то время как медиадипломатия означает, что политик стремится мобилизовать мировую поддержку, чтобы достичь выгодного решения для своей страны в нестабильные времена. Публичная дипломатия, однако, имеет отношение к продвижению страны в мирное время» [16].

Весьма примечательным видится потенциальный рост влияния иновещания с учетом того, что данное явление может в перспективе рассматриваться не только

как составляющая публичной дипломатии, но и как инструмент осуществления медиадипломатии и медиаброкерства, и как составляющая дипломатии «второго трека».

Иновещание и дипломатия «второго трека» прошли путь от параллельных явлений до интегрированной системы «мягкого воздействия». Их симбиоз усиливается в цифровую эпоху, создавая гибридные пространства для международного диалога. Будущее – в коэволюции медиаплатформ и неформальной дипломатии как инструментов построения доверия в многополярном мире.

Список литературы

1. Агеева В.Д. Реформирование концепции внешней культурной политики Франции: «дипломатия влияния» и феномен «мягкой силы» [Reformation of Foreign Cultural Policy Conception of France: "Diplomacy of Influence" and Phenomenon of "Soft Power"] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: научно-теоретический и прикладной журнал. 2015. № 8(58). Ч. 1. С. 13–16.
2. Аликберов А.К., Наумкин В.В. Дипломатия второго трека в формате ситуационного анализа: опыт Института востоковедения РАН [Track-II Diplomacy in the Format of Situational Analysis: The Experience of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences] // Вестник МГИМО-Университета. 2024. № 17(4). С. 101–120. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-101-120>.
3. Быков Д.В. «Эффект CNN» и его влияние на развитие мирового медийного пространства [The CNN Effect and its Influence on the Development of the Global Media Space] // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2017. № 1(24). С. 22–29.
4. Великая А.А., Семедов С.А. Американо-иранская «вторая дорожка» дипломатии [American-Iranian Track-II Diplomacy] // Международная жизнь. 2021. № 10. С. 130–138.
5. Косенко С.И. Мягкое могущество в твердой упаковке: особенности культурной политики Франции [Soft Power in Hard Packaging: Peculiarities of French Cultural Policy]. Москва: МГИМО-Университет, 2011. 413 с.
6. Ружников В.Н. Отечественное радиовещание: Пути и проблемы становления, ретроспектива и современность [Domestic radio broadcasting: Paths and Problems of Formation: Retrospective and Modernity]: дисс. ... д-ра филолог. наук: 10.01.10. Москва, 1992. 464 с.
7. Яковенко А.В. Гражданская дипломатия между Россией и США востребована как никогда. К 60-летию Дартмутской конференции [Civil diplomacy between Russia and the United States is more in Demand than ever Before. The 60th Anniversary of the Dartmouth Conference] // Международная жизнь. 2021. № 1. С. 110–113.
8. Barnouw E. Tube of Plenty: the Evolution of American Television. New York: Oxford University Press, 1990. 607 p.
9. Ben Moussa M. Al Jazeera: The Inside Story of the Arab News Channel That is Challenging the West // Canadian Journal of Communication. 2007. Vol. 32(1). Pp. 149–152.
10. Browne D.R. International Radio Broadcasting: The limits of the limitless medium. New York: Praeger, 1982.
11. Cohen Y. Media Diplomacy. The Foreign Office in the Mass Communications Age. Routledge, 1986.
12. Cowan G., Cull N. Preface: Public Diplomacy in a Changing World // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. P. 6–8. URL: <http://www.jstor.org/stable/25097991>.
13. Cull N. The Cold War and the United States Information Agency: American propaganda and public diplomacy, 1945–1989. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
14. Davidson W.D., Montville J.V. Foreign Policy According to Freud // Foreign Policy. 1982. № 45. Pp. 145–157.
15. Djerejian E. Changing Minds, Winning Peace: A New Strategic Direction for U.S. Public Diplomacy in the Arab and Muslim World. Washington, DC: United States Department of Peace, 2003. URL: <http://https://2009-2017.state.gov/documents/organization/24882.pdf>.

16. Gilboa E. Diplomacy in the Media Age: Three models of Uses and Effects // Diplomacy and Statecraft. 2001. № 2(2). Pp. 1–28.
17. Gilboa E. Media Diplomacy // Harvard International Journal of Press-politics. 1998. № 3. Pp. 56–75.
18. Gilboa E. Media-Broker Diplomacy: When Journalists Become Mediators // Critical Studies in Media Communication. 2005. № 22(2). Pp. 99–120.
19. Kavoğlu S., Köksoy E. Global Perspectives on the Emerging Trends in Public Diplomacy. IGI Global, 2023.
20. Lim Y.J. Conceptual Models of Media Diplomacy: For the Resolution of International Communication Conflict // Outlook on Communication. 2017. № 7(1). Pp. 11–21.
21. Mansell G. Let Truth be Told: 50 Years of BBC External Broadcasting. London: BBC, 1982.
22. Miles H. Al-Jazeera: The Inside Story of the Arab News Channel that is Challenging the West. New York: Grove Press, 2005.
23. Powers Sh. Review of The Al Jazeera Effect // Journal of Middle East Media. 2010. Vol 6. Pp. 77–83.
24. Price M. Public Diplomacy and the Transformation of International Broadcasting. // Cardoza Arts and Entertainment Law Journal. 2003. № 21(1). P. 51–85.
25. Rawnsley G. Introduction to “International Broadcasting and Public Diplomacy in the 21st Century” // Media and Communication. 2016. № 4. P. 42.
26. Seib P. The Al Jazeera Effect: How the New Global Media are Reshaping World Politics. Washington D.C.: Potomac Books, 2008.
27. Shinar D. Media Diplomacy and Peace Talk: The Middle East and Northern Ireland // Gazette (Leiden, Netherlands). 2000. № 62(2). Pp. 83–97.
28. Snow N., Cull, N.J. Routledge Handbook of Public Diplomacy (2nd ed.). Routledge, 2020.
29. Tenzer N. International Expertise and the Diplomacy of Influence // Global Diplomacy, 2020. P. 297–305. https://doi.org/10.1007/978-3-030-28786-3_21.
30. Toulia C. New International Broadcasters and the Global Economy: Sites of Contestation: Dissertation. Georgia State University, 2017.
31. Van Dinh T. Communication and Diplomacy in a Changing World. Ablex Pub, 1987.
32. Velikaya A.A. Russian–U.S. Public Diplomacy Dialogue: a View from Moscow // Place Branding and Public Diplomacy. 2019. № 15(1). Pp. 60–63. <https://doi.org/10.1057/s41254-018-0102-1>.

Информация об авторе

БЕЛИКОВА Анна Алексеевна. Старший преподаватель кафедры информационного обеспечения внешней политики факультета мировой политики МГУ имени М.В.Ломоносова. Аспирант Дипломатической академии МИД России. <https://orcid.org/0009-0008-1017-7666>. Адрес: Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1. anna2020belikova@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 2 июля 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Ageeva V.D. Reformation of Foreign Cultural Policy Conception of France: “Diplomacy of Influence” and Phenomenon of “Soft Power”. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki: nauchno-teoreticheskij i prikladnoj zhurnal [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2015; 8(58):13–16 [In Russian].
2. Alikberov A.K., Naumkin V.V. Track-II Diplomacy in the Format of Situational Analysis: The Experience of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations], 2024; 17(4):101–120 [In Russian]. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-101-120>.
3. Bykov D.V. The CNN Effect and its Influence on the Development of the Global Media Space. Kultura i obrazovanie: nauchno-informacionnyj zhurnal vuzov kultury i iskusstv [Culture & Education. Scientific Information Journal for Universities of Culture and Art]. 2017; 1(24):22–29 [In Russian].
4. Velikaya A.A., Semedov S.A. American-Iranian Track-II Diplomacy. Mezhdunarodnaya Zhizn [International Affairs], 2021; 10:130–138 [In Russian].
5. Kosenko S.I. Soft Power in Hard Packaging: Peculiarities of French Cultural Policy. Moscow: MGIMO-Universitet [MGIMO-University], 2011. 413 p. [In Russian].
6. Ruzhnikov V.N. Domestic radio broadcasting: Paths and Problems of Formation: Retrospective and Modernity: Theses ... DSc. (Philolog.): 10.01.10. Moscow, 1992. 464 p. [In Russian].
7. Yakovenko A.V. Civil diplomacy between Russia and the United States is more in Demand than ever Before. The 60th Anniversary of the Dartmouth Conference. Mezhdunarodnaya Zhizn [International Affairs]. 2021; 1:110–113 [In Russian].
8. Barnouw E. Tube of Plenty: the Evolution of American Television. New York: Oxford University Press, 1990:607 [In English].
9. Ben Moussa M. Al Jazeera: The Inside Story of the Arab News Channel. That is Challenging the West. Canadian Journal of Communication. 2007; 32(1):149–152 [In English].
10. Browne D.R. International Radio Broadcasting: The limits of the limitless medium. New York: Praeger, 1982 [In English].
11. Cohen Y. Media Diplomacy. The Foreign Office in the Mass Communications Age. Routledge, 1986 [In English].
12. Cowan G., Cull N. Preface: Public Diplomacy in a Changing World. The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008; 616:6–8 [In English]. Available from: <http://www.jstor.org/stable/25097991>.
13. Cull N. The Cold War and the United States Information Agency: American Propaganda and Public Diplomacy, 1945–1989. Cambridge: Cambridge University Press, 2008 [In English].
14. Davidson W.D., Montville J.V. Foreign Policy According to Freud. Foreign Policy. 1982; 45:145–157 [In English].
15. Djerejian E. Changing Minds, Winning Peace: A New Strategic Direction for U.S. Public Diplomacy in the Arab and Muslim World. Washington, DC: United States Department of Peace, 2003 [In English]. Available from: [http:// https://2009-2017.state.gov/documents/organization/24882.pdf](http://https://2009-2017.state.gov/documents/organization/24882.pdf).
16. Gilboa E. Diplomacy in the Media Age: Three Models of Uses and Effects. Diplomacy and Statecraft. 2001; 2(2):1–28 [In English].
17. Gilboa E. Media Diplomacy. Harvard International Journal of Press-politics. 1998; 3: 56–75 [In English].
18. Gilboa E. Media-Broker Diplomacy: When Journalists Become Mediators. Critical Studies in Media Communication. 2005; 22(2):99–120 [In English].
19. Kavoğlu S., Köksoy E. Global Perspectives on the Emerging Trends in Public Diplomacy. IGI Global, 2023 [In English].
20. Lim Y.J. Conceptual Models of Media Diplomacy: For the Resolution of International Communication Conflict. Outlook on Communication. 2017; 7(1):11–21 [In English].
21. Mansell G. Let Truth be Told: 50 Years of BBC External Broadcasting. London: BBC, 1982 [In English].
22. Miles H. Al-Jazeera: The Inside Story of the Arab News Channel that is Challenging the West. New York: Grove Press, 2005 [In English].
23. Powers Sh. Review of The Al Jazeera Effect. Journal of Middle East Media. 2010; 6:77–83 [In English].
24. Price M. Public Diplomacy and the Transformation of International Broadcasting. Cardoza Arts and Entertainment Law Journal. 2003; 21(1):51–85 [In English].
25. Rawnsley G. Introduction to “International Broadcasting and Public Diplomacy in the 21st Century”. Media and Communication. 2016; 4:42 [In English].

26. Seib P. The Al Jazeera Effect: How the New Global Media are Reshaping World Politics. Washington D.C.: Potomac Books, 2008 [In English].
27. Shinar D. Media Diplomacy and Peace Talk: The Middle East and Northern Ireland. Gazette (Leiden, Netherlands). 2000; 62(2):83–97 [In English].
28. Snow N., Cull N.J. Routledge Handbook of Public Diplomacy (2nd ed.). Routledge, 2020 [In English].
29. Tenzer N. International Expertise and the Diplomacy of Influence. Global Diplomacy, 2020:297–305 [In English]. https://doi.org/10.1007/978-3-030-28786-3_21.
30. Toulia C. New International Broadcasters and the Global Economy: Sites of Contestation: Dissertation. Georgia State University, 2017 [In English].
31. Van Dinh T. Communication and Diplomacy in a Changing World. Ablex Pub, 1987 [In English].
32. Velikaya A.A. Russian–U.S. Public Diplomacy Dialogue: a View from Moscow. Place Branding and Public Diplomacy. 2019; 15(1):60–63 [In English]. <https://doi.org/10.1057/s41254-018-0102-1>.

About the author

Anna A. BELIKOVA. Senior Lecturer at the Department of Information Support for Foreign Policy, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University. Postgraduate Student, Diplomatic Academy, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. <https://orcid.org/0009-0008-1017-7666>. Address: 1, Leninskie Gory. Moscow, 119991, Russian Federation. anna2020belikova@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: July 2, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

Политические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-87-101](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-87-101)

Вопросы дальнейшего взаимодействия с недружественными государствами в Азиатско- Тихоокеанском регионе

Илья Александрович Коновалов✉

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

79163235030@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2278-8081>

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена выраженной тенденцией к нарастанию геополитической напряженности в различных регионах мира, в частности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В условиях продолжающейся трансформации системы глобальных взаимодействий, закрепления за АТР статуса ключевого региона в формировании международной повестки дня и конъюнктурных изменений форматов взаимодействия ряда стран с Россией, комплексный анализ механизмов и перспектив взаимодействия с ключевыми акторами АТР приобретает особую значимость. В данной статье представлен прогнозный анализ возможных сценариев развития конфликта интересов в АТР, а также оценка его потенциального влияния на геополитический статус России в контексте реализации стратегических интересов в регионе. Исследование базируется на междисциплинарном подходе, интегрирующем элементы политической науки, международных отношений и геополитики. В рамках анализа рассматриваются как традиционные, так и новые факторы,

влияющие на геополитическую динамику в АТР, включая экономические интересы, военно-политические стратегии и культурно-цивилизационные аспекты взаимодействия. Особое внимание уделяется роли России как ключевого актора в регионе, ее способности адаптироваться к изменяющимся геополитическим условиям и эффективно использовать свои ресурсы для укрепления позиций. В статье рассматриваются различные сценарии развития событий, включая возможные коалиционные альянсы, обострение конфликтов и формирование новых центров силы. Прогнозируется, что в условиях нарастающей конкуренции за ресурсы и влияние в АТР Россия может столкнуться с необходимостью выбора между стратегиями интеграции в региональные структуры и сохранения независимости в принятии внешнеполитических решений.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, геополитический статус, геополитические приоритеты, геополитические проекты, Россия, Китай, США, санкционная политика, внешнеполитические тренды

Для цитирования: Коновалов И.А. Вопросы дальнейшего взаимодействия с недружественными государствами в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 87-101, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-87-101](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-87-101)

Original article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-87-101](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-87-101)

Issues of Further Cooperation with Unfriendly Countries in the Asia-Pacific Region

Ilya A. Konovalov✉

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

79163235030@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2278-8081>

Abstract. The relevance of this study is determined by the pronounced trend of increasing geopolitical tensions in various regions of the world, particularly in the Asia-Pacific region (APR). Given the ongoing transformation of global interactions, the consolidation of the status of the Asia Pacific region as a key player in shaping the international agenda and the changes in formats of interaction between countries, a comprehensive analysis of mechanisms and prospects of interaction with key actors in the region is particularly important. This paper presents a predictive analysis of scenarios for conflict development in Asia-Pacific, as well as assessment of potential impact on geopolitical standing of Russia in pursuit of strategic interests in region. The study is based on an interdisciplinary approach, integrating elements of political science, international relations, and geopolitics. This analysis examines both traditional and new factors influencing geopolitical dynamics in the Asia-Pacific region, including economic interests, military-political strategies, cultural and civilizational aspects of interaction. Particular attention is paid to Russia's role as a key actor in the region, its ability to adapt to changing geopolitical conditions, and effectively use its resources to strengthen its position. The article examines various scenarios, including possible coalition alliances, escalating conflicts, and the emergence of new centers of power. It is predicted that, amid increasing competition for resources and influence in the

Asia Pacific region, Russia may face a choice between strategies of integration into regional structures or maintaining independence in foreign policy decision making.

Keywords: Asia-Pacific region, geopolitical status, geopolitical priorities, geopolitical projects, Russia, China, USA, sanctions policy, foreign policy trends

For citation: Konovalov I.A. Issues of Further Cooperation with Unfriendly Countries in the Asia-Pacific Region. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 4(18): 87-101, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-87-101](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-87-101)

Введение

Современная система международных отношений вступила в фазу глубокой и во многом необратимой трансформации, характеризующейся утратой прежних механизмов глобального регулирования и усилением конфронтаций между существующими центрами силы. В данной конфигурации в связи с изменением роли евроатлантического ядра мировой политики Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) становится местом сосредоточения ключевых экономических, технологических и военных ресурсов XXI в.

В новой геополитической реальности Россия сталкивается как с возможностями расширения геополитического статуса и развития стратегического потенциала, так и с нарастающими вызовами со стороны недружественных государств, часть которых или уже представлена в АТР, или активно внедряется в данное геополитическое пространство для реализации собственных внешнеполитических интересов.

Региональные процессы в АТР протекают в условиях милитаризации, роста военных расходов и наращивания военного присутствия США и их союзников, что на фоне ограниченных механизмов региональной безопасности создает риски усиления системной напряженности и формирует условия для долгосрочной конфронтации в регионе [20].

Стратегический поворот России на Восток после 2014 г. получил новый импульс в связи с усилением санкционного давления, а также потребовал широкого переосмысления внешнеполитических и экономических приоритетов. Здесь же особое значение приобретает и стратегическая адаптация России, в основе которой на сегодняшний день лежат диверсификация внешнеэкономических и дипломатических связей, углубление партнерства с Китаем, странами АСЕАН, Индией, а также формирование собственной архитектуры безопасности в Восточной Азии.

Научная новизна данного исследования заключается в комплексном анализе моделей дальнейшего взаимодействия России с недружественными странами в Азиатско-Тихоокеанском регионе в условиях конъюнктурного изменения геополитической обстановки.

Представленное в статье разделение позволяет более точно исследовать развитие геополитического статуса России в АТР и выявить возможные параметры его эволюции на дальнейших этапах взаимодействия с недружественными государствами в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Материалы и методы

Исследование основано на всестороннем анализе российских внешнеполитических и стратегических документов разных периодов, а также использовании авторитетных источников, включающих в себя монографии, научные публикации, аналитические и статистические отчеты, официальные отчеты профильных ведомств, материалы средств массовой информации на русском, английском, корейском и других языках, что позволяет выявить эволюцию приоритетов и направлений внешнеполитической стратегии России в АТР.

При подготовке статьи были использованы сравнительный и контент-анализ, синтез, обобщение, а также ретроспективный и диахронный методы. Совокупность указанных методов обеспечила формирование целостного представления об изменениях геополитического статуса постсоветской России с учетом современных геополитических реалий и изменений в международной политике.

Результаты исследования

Недружественные государства Азиатско-Тихоокеанского региона и их санкционная политика в отношении России

Проводимая сегодня санкционная политика в отношении России не является чем-то концептуально новым и отличным в своем естестве от прежних механизмов сдерживания развития государства и подрыва его влияния на международной арене, которые активно применялись конкурирующими странами на всем протяжении российской истории.

Однако после введения США, странами Евросоюза и некоторыми другими странами, в том числе Азиатско-Тихоокеанского региона, широкого пакета различных дискриминационных и ограничительных мер в 2014 г., а также его расширения в 2022 г., после начала специальной военной операции России на Украине, нынешнее положение России можно считать беспрецедентным.

Присоединившиеся к введенному в отношении России санкционному режиму страны, многие из которых в российском правовом и политическом дискурсе стали называться «недружественными»¹, открыто проводят антироссийскую политику, оказывая многоплановое и глубоко негативное влияние на ключевые секторы российской экономики, международной кооперации и технологического развития. Учитывая масштаб их участия в мировой торговле, логистике и производственных

1 Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих в отношении РФ, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия: распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/wj1HD7RqdPSxAmDlaisqG2zugWdz8Vc1.pdf>.

цепочках, последствия затронули не только внешнеэкономические, но и внутренние параметры устойчивости [2].

Введение Японией, Республикой Корея и Сингапуром экспортных ограничений на ряд позиций вызвало затруднения в реализации инфраструктурных проектов². В совокупности с финансовой и информационно-политической изоляцией, растущими ограничениями на морское и воздушное сообщение политика стран АТР из числа недружественных привела к усложнению процессов модернизации российской экономики и усилению структурной уязвимости отдельных ее отраслей, росту производственных издержек, необходимости срочной переориентации на альтернативные источники технологий, зачастую уступающие по качеству и объему поставок³.

В стратегической перспективе для акторов, поддерживающих санкционный режим в отношении России, от указанных мер больше вреда, чем выгоды, ввиду формирования новых очагов глобальной торгово-экономической турбулентности. Закрыв себя от российского рынка и экспорта энергоресурсов, металлов, удобрений и пр., компании-резиденты недружественных стран АТР (Exxon, Mitsui, POSCO, Fonterra, Nutrien и др.), ориентированные на долгосрочные контракты и совместные проекты, столкнулись со стратегической непредсказуемостью, операционными и инвестиционными рисками⁴. Сами же страны теряют институциональные рычаги влияния, ранее традиционно реализуемые через МВФ, ВТО и другие институты, из-за их политизации [17].

Несмотря на массированное санкционное давление и его охват, следует отметить ряд факторов, которые положительно сказались на устойчивости внешнеэкономической и внешнеполитической позиции России.

Во-первых, диверсификация внешнеэкономических связей и стратегическое усиление сотрудничества с партнерами, не поддержавшими введение санкционного режима, позволили частично компенсировать выпадающие каналы поставок, инвестиций и обмена технологиями [18].

Во-вторых, Россия активизировала процесс переориентации логистических и транспортных потоков в сторону восточных направлений, включая развитие транспортного коридора «Север – Юг», расширение инфраструктуры Дальнего Востока и укрепление связей по линии Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) [1].

В-третьих, санкционное давление явилось стимулом для роста импортозамещения и ускорения процессов восстановления технологического суверенитета [11]. Расширение внутренних производственных мощностей и усиление

2 Карлова Н., Морозов А., Пузанова Е. Ограничения на импорт сдерживают экспорт: результаты опроса предприятий. Аналитическая записка. М.: Банк России, 2023. 31 с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/144420/analytic_note_20230130_dip.pdf.

3 Какие последствия санкций стали наиболее болезненными для промышленности // РБК. URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/economics/04/09/2024/66d6c3689a7947b952097443>.

4 Roberts O. Assessing the Impact of Economic Sanctions on Small Business Sustainability and Growth // SSRN. 2025. URL: <https://ssrn.com/abstract=5129887>.

сотрудничества со странами АТР позволило локализовать сформировавшуюся на начальном этапе нехватку критически важных технологий, а также уменьшить зависимость от западных поставщиков [14].

Принятие указанных мер также способствовало укреплению концептуальной независимости российской внешней политики в АТР. Россия стала активнее продвигать альтернативные форматы регионального взаимодействия, в том числе в вопросе выстраивания архитектуры безопасности, продвигая системно необходимые для АТР (в особенности для стран АСЕАН) ценности многополярности, уважения суверенитета, культурно-цивилизационного разнообразия, отказа от блокового мышления и укрепления международного права как универсального регулятора международных отношений. Указанные принципы последовательно транслируются в рамках ШОС, БРИКС+, ЕАЭС, Восточного экономического форума и других диалоговых площадок, альтернативных западоцентричным структурам, что позволяет России не только выстраивать устойчивые двусторонние и многосторонние связи в АТР, но и формировать имидж надежного конструктивного партнера, ориентированного на взаимовыгодное сотрудничество, а не на конфронтацию. Данный подход как нельзя актуален на фоне общей усталости от глобальной напряженности и экономической турбулентности, спровоцированной политикой санкций и геополитической конкуренции великих держав [12].

Недооценивание устойчивости российской экономической системы и способности к внутренней мобилизации ресурсов явилось одной из ключевых ошибок стратегического планирования недружественных стран, а расчет на быстрый обвал макроэкономических показателей, девальвацию рубля, отток капитала и массовое прекращение производственной активности оказался несостоятельным. Несмотря на первоначальные трудности и издержки переходного периода санкционной адаптации, указанные процессы открывают долгосрочные возможности для формирования более устойчивой, независимой от политизированных ограничений экономической модели.

В этой связи важной задачей стало стимулирование внутреннего спроса на отечественные разработки, а также перестройка системы научно-образовательных учреждений и институтов развития с целью создания благоприятной среды для инновационного предпринимательства. Усиление роли государства как стратегического заказчика и инвестора стало логичным ответом на утрату доступа к западным рынкам капитала и технологий. Запущенные в эти годы программы технологического импортозамещения и локализации, поддержка НИОКР и меры по институциональной защите национального рынка закладывают прочную основу для новой индустриализации страны⁵ [13; 15].

На фоне вышеизложенного очевидно, что санкционное противостояние стало катализатором не только деградации прежней модели международного

сотрудничества, но и переосмысления механизмов экономической безопасности, технологической независимости и суверенного развития. При этом переориентация на восточное и южное направления носит не только экономический, но и цивилизационный характер [7]. Отказ от прежней, во многом односторонней, зависимости от механизмов евроатлантического наднационального управления, наряду с возрастающей потребностью развития сетевых альянсов, предлагающих равноправное участие государств с различными моделями развития, позволяет России заново определить свою роль как одного из центров притяжения в формирующемся многополярном мире. Если ранее участие России в ряде международных институтов позволяло западным и прозападным структурам в определенной степени координировать свои интересы и формировать единые подходы к вопросам международной торговли, транспорта, интеллектуальной собственности, то теперь этот механизм либо утратил актуальность, либо переформируется в новых альянсах без участия традиционных глобальных регуляторов [9].

В перспективе нарастающая санкционная конфронтация грозит ослаблением роли АТР как площадки устойчивого многостороннего сотрудничества [10]. Регион, ранее воспринимавшийся как «точка роста» глобальной экономики, всё более ассоциируется с геοэкономическим противостоянием, политизированной конкуренцией [4], что может стать причиной полной утраты институциональной нейтральности, а также перераспределения потоков инвестиций, технологий и инфраструктурных инициатив в пользу более предсказуемых альтернативных направлений.

Таким образом, продвигаемая Россией модель многополярности, равно как и предлагаемые инициативы в рамках оформления структуры региональной безопасности, являются системно необходимыми для АТР в вопросе закрепления результатов геополитического транзита от Атлантического к Тихому океану, что делает их привлекательными на долгосрочную перспективу. При условии становления многополярной системы, а также поддержания статус-кво в существующих многочисленных конфликтах внутри АТР или их разрешения продолжение санкционной политики в отношении России и дружественных стран, наличие системных кризисов и растущая неустойчивость повестки в других регионах мира позволяют АТР стать сравнительно стабильной площадкой для диалога, направленного на взаимное развитие как региональных акторов, так и внешних. Формирование в АТР устойчивого контура сотрудничества, где Россия играет роль одного из гарантов стратегического равновесия и источника ресурсов, позволяет компенсировать риски, связанные с фрагментацией мировой системы и демонтажем прежней модели.

Наряду с этим возрастает роль таких механизмов, как расчеты в национальных валютах, формирование собственных рейтинговых агентств, транспортных и технологических платформ, в которых доминирование доллара, западных регуляторов или юридических норм не является системообразующим фактором. Это закладывает предпосылки для устойчивого институционального оформления новой

5 Адаптация господдержки науки и технологий к новым условиям // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ. URL: <https://issek.hse.ru/news/915632315.html>; Самохвалов А., Паушкина Ю. UPD: обзор основных мер, принятых в ответ на санкции «недружественных» стран // Адвокатское бюро. URL: https://www.kiap.com/upload/iblock/83b/zepi9y0z3vdyhxx60jb7s6x57dygy4k9/KIAP_Obzor-kontrsanktsiy-04.04.2024.pdf.

конфигурации АТР – пространства, в котором многополярность не декларируется, а реализуется в конкретных практиках [3].

Такой подход всё в большей степени находит отклик среди государств региона, заинтересованных в сохранении баланса, недопущении военной эскалации и перезапуске экономической интеграции на новых, более справедливых, основаниях. В долгосрочной перспективе это создает прочную основу для переосмысления самой идеи регионального лидерства – не как доминирования одного актора, а как распределенной ответственности за устойчивое развитие всего региона в условиях многополярного мира, что позволяет характеризовать АТР как потенциальное ядро альтернативной глобализации⁶.

Внешнеполитический маневр России в АТР

В условиях проводимой недружественными странами политики ряд государств переосмысливает свои стратегические векторы развития с акцентом на использование пространства АТР как наиболее перспективного. Однако отсутствие прочных альянсов в АТР и наличие множества конфликтных точек делают регион особенно чувствительным к реализуемым глобальными игроками стратегиям по реализации своих национальных интересов. На этом фоне Россия проводит целенаправленный курс по закреплению себя в качестве устойчивого внешнеполитического актора, способного влиять на баланс сил в регионе.

В отличие от стран, склонных к жесткому блоковому позиционированию, Россия делает ставку на сетевую многоформатность, стремясь выстраивать гибкое сотрудничество как путем заключения секторальных энергетических и инфраструктурных соглашений, так и через продвижение военно-технических и гуманитарных инициатив. Несмотря на широкий охват сфер и глубину такого сотрудничества, российская внешняя политика поддерживает асимметричный баланс в отношении с партнерами, обеспечивая собственную и поддерживая чужую суверенность [19].

В контексте российско-китайских отношений – особая стратегическая модель взаимодействия, при которой Россия не пытается достичь паритета по всем направлениям, а использует уникальные конкурентные преимущества (оборонный комплекс, энергетическая инфраструктура и геостратегическое расположение) для сохранения автономии на международной арене, несмотря на объективную разницу в масштабах экономики и человеческого ресурса [5].

В российско-корейских отношениях (КНДР) баланс проявляется в самом формате диалога – Россия сохраняет контроль над глубиной и формой военно-политической, экономической и дипломатической вовлеченности, не позволяя

данному сотрудничеству ограничивать свободу маневра в диалоге с Республикой Корея, Китаем, США, Японией⁷.

Такой подход также является частью механизма диверсификации сотрудничества между партнерами, потенциально конкурирующими друг с другом, без резкого вхождения в лагерную логику. Например, Россия не занимает жесткую позицию в территориальных спорах о Южно-Китайском море и вопросах, касающихся Корейского полуострова, действуя как внешний гарант регионального баланса или потенциальный посредник, оставляя за собой возможность участвовать в разрешении конфликтов путем переговорного процесса (при условии расширения формата диалога), но без чрезмерной ответственности и обязательств.

Формируя альтернативную архитектуру региональной безопасности и устойчивой экономической кооперации, Россия активно использует механизмы цифровой и кибердипломатии, что проявляется в наращивании совместных проектов в сфере цифровой трансформации, криптовалютного регулирования и обмена данными [6]. В рамках цифрового шелкового пути Российская Федерация также стремится интегрировать собственные технологические решения, включая проект цифрового рубля и системы квантовой связи, в развивающиеся смарт-инфраструктуры стран Юго-Восточной Азии⁸. Тем не менее активное внедрение российских стандартов сталкивается с институциональными и нормативными трудностями, в том числе из-за разрыва между двусторонними и многосторонними подходами. Кроме того, растущее влияние Китая в цифровом секторе порождает конкуренцию, в том числе в вопросах общей стандартизации, спутниковой навигации и модели цифрового суверенитета [16].

В сфере торговли и инвестиций Россия прилагает усилия к укреплению экономических связей с государствами АСЕАН. Имеет место продвижение новой логистической географии, в рамках которой страна развивает альтернативные маршруты доставки ресурсов и товаров, в том числе в обход традиционных морских путей⁹. Проекты вроде «Северного морского пути» и «Север – Юг» приобретают надрегиональное значение, создавая устойчивые транспортные коридоры между Евразией и АТР. В этих инициативах Россия позиционирует себя не просто как поставщик ресурсов, но как архитектор транспортной связности¹⁰, предлагающий странам региона новые маршруты или развивая ранее закрытые (например,

7 Баранникова А.Н. Партнерство России и КНДР: как изменится баланс сил в регионе // Россия в глобальной политике. 2024. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-i-kndr-barannikova/>.

8 Сигаури-Горский Е.Н. «Умные города» АСЕАН: цифровые утопии, серые трущобы и вопросы эффективного регулирования // Российский совет по международным делам. 2023, 16 нояб. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/umnye-goroda-asean-tsifrovye-utopii-serye-trushchoby-i-voprosy-effektivnogo-regulirovaniya/>.

9 Россия и АСЕАН определяют стратегические цели торгово-инвестиционного сотрудничества // Министерство экономического развития Российской Федерации. 2023, 21 авг. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_asean_opredelyat_strategicheskie_celi_torgovo_investicionnogo_sotrudnichestva.html.

10 Перспективы «Большой Евразии» // Сообщество Большая Евразия. 2023, 25 апр. URL: <https://gea.site/2023/04/3262/>.

6 Азиатско-Тихоокеанский регион: новый центр мировой политики и экономики? // Росконгресс. URL: https://roscongress.org/materials/aziatko-tikhookeanskiy-region-novyy-tsentr-mirovoy-politiki-i-ekonomiki/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

возобновление морского маршрута «Владивосток – Ханой»), которые потенциально снижают зависимость от узких логистических узлов и, как следствие, возможность развития транспортной гегемонии.

Не менее важен и институциональный экспорт моделей суверенитета, где Россия через платформы типа ШОС, БРИКС+, АСЕАН+ предлагает концептуальные рамки альтернативного международного порядка, основанного на принципах многополярности. Для государств Юго-Восточной и Южной Азии, стремящихся избежать встраивания в жесткие геополитические дуополии, российская модель представляет практический интерес, поскольку продвигает идеи «центральности АСЕАН» в региональной архитектуре, в отличие от американской модели «Индо-Тихоокеанского региона», которая искусственно размывает исторически сложившиеся границы АТР и вносит сумятицу в понимание механизмов регионального взаимодействия.

Несмотря на предпринимаемые в последние годы шаги по активизации торгово-экономического сотрудничества с государствами АСЕАН, Россия сохраняет сравнительно ограниченное присутствие в Юго-Восточной Азии, особенно на фоне таких ключевых внешнеполитических акторов, как Китай, США и Япония. Товарооборот с большинством стран региона остается в высокой степени зависимым от экспорта сырья, прежде всего энергоресурсов, что сдерживает качественную диверсификацию экономических связей и препятствует углублению комплексного взаимодействия.

В долгосрочной перспективе результативность внешнеполитического маневра России будет определяться способностью обеспечить не только политическую, но и экономическую устойчивость своего присутствия в регионе. Это, в свою очередь, требует переосмысления экспортной структуры, усиления роли несырьевых секторов, институционального закрепления участия в региональных платформах, а также формирования образа России как суверенного, технологически компетентного и предсказуемого партнера. В условиях поляризующегося мира именно такая модель может обеспечить России возможность действовать в АТР не как вынужденный участник, а как полноценный субъект регионального порядка [8].

Обсуждение

На фоне текущей международной обстановки и ухудшения отношений с рядом стран Запада Россия последовательно переориентирует внешнеэкономический и внешнеполитический курс на взаимодействие с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона. Однако далеко не все страны региона демонстрируют доброжелательное отношение к России – ряд государств, включая Японию, Южную Корею, Австралию и Сингапур, присоединились к антироссийским санкциям, что порождает необходимость переосмысления форматов сотрудничества и выработки новых стратегий взаимодействия.

Взаимоотношения с недружественными государствами сегодня носят сложный и многослойный характер. С одной стороны, сохраняется определенный уровень экономического взаимодействия, особенно в области энергетики, логистики и высоких технологий, с другой – политические разногласия и давление со стороны союзов, таких как QUAD или договорные обязательства перед США, существенно ограничивают пространство для углубления партнерства.

Одним из ключевых вызовов в отношениях с недружественными странами АТР остается санкционное давление, ограничивающее доступ к современным технологиям, оборудованию и финансовым инструментам. Однако даже в этих условиях Россия продолжает искать пути для точечного и прагматичного взаимодействия, в том числе через развитие альтернативных финансовых механизмов, сотрудничество в формате дипломатии «второго трека» и реализацию культурных и гуманитарных проектов.

Особое внимание уделяется и вопросам безопасности. В условиях роста военного присутствия США и их союзников в АТР Россия усиливает взаимодействие с дружественными странами, в том числе через механизмы ШОС и двусторонние форматы, а также отслеживает военную активность Японии, Южной Кореи и Австралии, оценивая ее влияние на стратегическую стабильность в регионе.

Как представляется, взаимодействие с недружественными странами АТР далее будет носить всё более избирательный и осторожный характер, с приоритетом на национальные интересы и обеспечение технологического, экономического и оборонного суверенитета. Россия стремится минимизировать риски конфронтации, сохраняя при этом возможность для конструктивного диалога там, где он отвечает взаимным интересам. В долгосрочной перспективе задача заключается не только в сдерживании негативных последствий санкционной политики, но и в выстраивании новой архитектуры взаимодействия в регионе – более сбалансированной, многополярной и ориентированной на уважение национального суверенитета.

Выводы

Исследование показало, что в условиях сохраняющейся международной напряженности и санкционного давления со стороны недружественных государств дальнейшее взаимодействие с ними требует качественного пересмотра как концептуального, так и практического уровня внешнеполитического и внешнеэкономического курса современной России.

Во-первых, представляется целесообразным переход от реактивной модели ответных мер к стратегии селективного и прагматичного взаимодействия, при которой приоритет отдается отраслям и направлениям, в наименьшей степени подверженным рискам зависимости или внешнего контроля. Такой подход способствует формированию более устойчивой архитектуры внешнеэкономических связей, минимизирующей стратегические уязвимости.

Во-вторых, на фоне трансформации глобальной экономической системы особую актуальность приобретает развитие механизмов технологического суверенитета, в том числе посредством временной консервации чувствительных разработок, переноса производственных цепочек в нейтральные юрисдикции, а также активизации сотрудничества с государствами, не присоединившимися к санкционным режимам. Это позволяет не только сохранить накопленные компетенции, но и заложить основу для будущего технологического возрождения.

В-третьих, несмотря на политическую и нормативно-правовую изоляцию, сохраняется потенциал для ограниченного диалога с недружественными странами в форматах, не сопряженных с риском стратегического ущерба. Академическое, культурное и гуманитарное сотрудничество, а также участие в международных форумах может способствовать смягчению антагонистических тенденций и подготовке почвы для будущей нормализации отношений.

Наконец, структурные изменения в глобальном балансе сил диктуют необходимость выработки долгосрочной доктрины внешнеполитического поведения, в рамках которой взаимодействие с недружественными государствами будет осуществляться не с позиции уязвимости или конфронтации, а в логике формирования устойчивого, сбалансированного и многовекторного подхода к национальным интересам.

Таким образом, стратегически оправданным курсом для Российской Федерации становится модель внешнего взаимодействия, основанная на прагматизме, селективности, технологической автономии и дипломатической гибкости, позволяющей адаптироваться к меняющейся конфигурации международных отношений без ущерба для суверенитета и развития.

Список литературы

- Братковская Д.В., Рогова Я.Д., Токарева С.А. Россия против США: геополитические противоречия вокруг МТК «Север-Юг» в апреле 2025 года [Russia vs the United States: Geopolitical Contradictions Surrounding the North-South Transport Corridor in April 2025] // Журнал прикладных исследований. 2025. № 5. С. 74–81.
- Глебова А.Г., Табачинский Г.И. Эволюция международных санкций и их последствия для Российской Федерации в контексте международных экономических отношений [The Evolution of International Sanctions and their Implications for the Russian Federation in the Context of International Economic Relations] // Мировая экономика и мировые финансы. 2025. Т. 4. № 1. С. 31–39.
- Гордиенко Д.В. Торгово-экономическое сотрудничество Китая с Россией. Возможности по реализации потенциала импортозамещения в экономике Российской Федерации [Trade and Economic Cooperation of China with Russia. Opportunities for Realizing the Potential of Import Substitution in the Economy of the Russian Federation] // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 1. № 2(143). С. 33–53.
- Губайдуллина Ф.С. Политическое противостояние развитых и развивающихся стран на рынке редкоземельных металлов [Political Confrontation Between Developed and Developing Countries in the Rare Earth Metals Market] // Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XIX Международной конференции. Екатеринбург, 14–16 ноября 2024 г. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2025. С. 982–987.
- Дзутцева Ф.А. Феномен асимметричной взаимозависимости субъектов международных отношений (на примере России и Китая) [The Phenomenon of Asymmetric Interdependence of Subjects of International Relations (on the Example of Russia and China)] // А-фактор: научные

исследования и разработки (гуманитарные науки). 2022. № 1. URL: <http://www.a-factor.ru/archive/item/167-fenomen-asimmetrichnoj-vzaimozavisimosti-sub-ektov-mezhdunarodnykh-otnoshenij-na-primere-rossii-i-kitaya>.

- Зиновьева Е.С. Кибердипломатия в условиях обострения великодержавной конкуренции [Cyber Diplomacy under Increased Competition Between the Great Powers] // Вестник МГИМО-Университета. 2024. № 17(4). С. 27–47.
- Иванов А.В., Попков Ю.В. Северный цивилизационный коридор в евразийском социокультурном пространстве: постановка проблемы [Northern Civilization Corridor in the Eurasian Socio-Cultural Space: Statement of the Problem] // Арктика и Север. 2025. № 59. С. 100–115.
- Киселев С.Г. Геополитический статус государства [The Geopolitical Status of the State] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. № 2(855). С. 9–15.
- Киселев С.Г. Основные тренды в геополитической картине мира [Main Trends in the Geopolitical Picture of the World] // Россия и регионы мира: релобализация: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Москва, 24–26 мая 2023 г. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2023. С. 129–136.
- Лукин А.В. Американо-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность [American-Chinese Rivalry in the Asia-Pacific Region: Declarations and Reality] // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 1. С. 118–137.
- Максимов А. Жестко, гибко, долгосрочно [Tough, Flexible, Long-Term] // Эксперт. 2023. № 29(1306). С. 56–59.
- Николаенко А.В., Куркина Е.Н. Поворот России на Восток: перспективы сотрудничества со странами Большой Евразии [Russia's Turn to the East: Prospects for Cooperation with Greater Eurasian Countries] // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. № 19(1). С. 141–149.
- Россия и мир: 2025. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз [Russia and the World: 2025. Economy and Foreign Policy. Annual Forecast] / рук. проекта: А.А.Дынкин, В.Г.Барановский; отв. ред.: И.Я.Кобринская, Г.И.Мачавариани. М.: ИМЭМО РАН, 2024. 213 с.
- Руденко Р.А., Шаталова Т.С. Импортозамещение как основа для обеспечения продовольственной безопасности России [Import Substitution as a Basis for Food Security of Russia] // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 6–5(120). С. 142–145.
- Технологический суверенитет [Technological Sovereignty] // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2025. № 3.
- Чжан С. Государственная политика Китая в области цифровой экономики на примере провинции Цзянсу: обзор [China's Government Policy of Digital Economy with the Example of Jiangsu Province: A Review] // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 2(67). С. 46–53.
- Dugbartey A. Systemic financial risks in an era of geopolitical tensions, climate change, and technological disruptions: Predictive analytics, stress testing and crisis response strategies // International Journal of Science and Research Archive. 2025. Vol. 14. № 2. P. 1428–1448.
- Erport Y., Fadlon T. Economic Maneuvering: How States Evade Economic Sanctions // Strategic Assessment: A Multidisciplinary Journal on National Security. 2023. Vol. 26. № 2. P. 90–109. [In English]
- Lobo S.J. Russia in the Indo-Pacific through Multipolarity, Eurasian Integration, and the RFE // The New World Politics of the Indo-Pacific. Routledge India, 2024. P. 89–102. [In English]
- SIPRI Yearbook 2024: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford: Oxford University Press, 2023. URL: <https://www.sipriyearbook.org/>.

Информация об авторе

КОНОВАЛОВ Илья Александрович. Аспирант кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета. <https://orcid.org/0000-0003-2278-8081>. Адрес: Российская Федерация, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1. 79163235030@ya.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 июля 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Bratkovskaya D.V., Rogova Ya.D., Tokareva S.A. Russia vs the United States: Geopolitical Contradictions Surrounding the North-South Transport Corridor in April 2025. Zhurnal prikladnykh issledovaniy [Journal of Applied Research]. 2025; 5:74–81 [In Russian].
2. Glebova A.G., Tabachinsky G.I. The Evolution of International Sanctions and their Implications for the Russian Federation in the Context of International Economic Relations. Mirovaya ekonomika i mirovye finansy [World Economy and World Finance]. 2025; 4(1):31–39 [In Russian].
3. Gordienko D.V. Trade and Economic Cooperation of China with Russia. Opportunities for Realizing the Potential of Import Substitution in the Economy of the Russian Federation. Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya [Economics and Management: Problems, Solutions]. 2024; 1–2(143):33–53 [In Russian].
4. Gubaydullina F.S. Political Confrontation Between Developed and Developing Countries in the Rare Earth Metals Market. Russian Regions in the Focus of Change: Collection of Papers of the XIX International Conference. Yekaterinburg, November 14–16, 2024. Yekaterinburg: Izdatel'stvo Izdatel'skij Dom «Azhur» [Azhur Publishing House], 2025: 982–987 [In Russian].
5. Dzutseva F.A. The Phenomenon of Asymmetric Interdependence of Subjects of International Relations (on the Example of Russia and China). A-faktor: naučnye issledovaniâ i razrabotki (gumanitarnye nauki) [A-Factor: Research and Development (Humanities)]. 2022; 1. [In Russian]. Available from: <http://www.a-factor.ru/archive/item/167-fenomen-asimmetrichnoj-vzaimozavisimosti-sub-ektov-mezhdunarodnykh-otnoshenij-na-primere-rossii-i-kitaya>.
6. Zinovieva E.S. Cyber Diplomacy under Increased Competition Between the Great Powers. Vestnik MGIMO-universiteta [MGIMO Review of International Relations]. 2024; 17(4):27–47. [In Russian] <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-olf5>.
7. Ivanov A.V., Popkov Yu.V. Northern Civilization Corridor in the Eurasian Socio-Cultural Space: Statement of the Problem. Arktika i sever [Arctic and North]. 2025; 59:100–115 [In Russian].
8. Kiselev S.G. The Geopolitical Status of the State. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences], 2024; 2(855):9–15 [In Russian].
9. Kiselev S.G. Main Trends in the Geopolitical Picture of the World. Russia and Regions of the World: re-Globalization: Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference, Moscow, May 24–26, 2023. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet [Moscow State Linguistic University], 2023:129–136 [In Russian].
10. Lukin A.V. American-Chinese Rivalry in the Asia-Pacific Region: Declarations and Reality. Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Affairs]. 2023; 21(1):118–137 [In Russian].
11. Maksimov A. Tough, Flexible, Long-Term. Expert [Expert]. 2023; 29(1306):56–59 [In Russian].
12. Nikolaenko A.V., Kurkina E.N. Russia's Turn to the East: Prospects for Cooperation with Greater Eurasian Countries. Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics]. 2025; 19(1):141–149 [In Russian]. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2025-01-141-149>. EDN: MUWWAI.
13. Russia and the World: 2025. Economy and Foreign Policy. Annual Forecast. Project Director: A.A.Dynkin, V.G.Baranovsky; Editors: I.Ya.Kobrin'skaya, G.I.Machavariani. Moscow: IMEMO RAN [IMEMO RAS], 2024. 213 p. [In Russian].

14. Rudenko R.A., Shatalova T.S. Import Substitution as a Basis for Food Security of Russia. Meždunarodnyj naučno-issledovatel'skij zhurnal [International Research Journal]. 2022; 6–5(120):142–145 [In Russian].
15. Technological Sovereignty. Byulleten' Schetnoj palaty Rossijskoj Federacii [Account Chamber of the Russian Federation]. 2025; 3 [In Russian].
16. Zhang S. China's Government Policy of Digital Economy with the Example of Jiangsu Province: A Review. Biznes. Obrazovanie. Pravo [Business. Education. Law]. 2024; 2(67):46–53 [In Russian].
17. Dugbartey A. Systemic Financial Risks in an Era of Geopolitical Tensions, Climate Change, and Technological Disruptions: Predictive Analytics, Stress Testing and Crisis Response Strategies. International Journal of Science and Research Archive. 2025; 14(2):1428–1448 [In English]. <https://doi.org/10.30574/ijrsra.2025.14.2.0563>.
18. Erport Y., Fadlon T. Economic Maneuvering: How States Evade Economic Sanctions. Strategic Assessment: An Interdisciplinary Journal of National Security. 2023; 26(2):90–109 [In English].
19. Lobo S.J. Russia in the Indo-Pacific through Multipolarity, Eurasian Integration, and the Far East. The New World Policy of the Indo-Pacific. Routledge India, 2024:89–102 [In English].
20. SIPRI Yearbook 2024: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford: Oxford University Press, 2023 [In English]. Available at: <https://www.sipriyearbook.org/>.

About the author

Ilya A. KONOVALOV. Postgraduate student of the Department of Political Science of the Moscow State Linguistic University. <https://orcid.org/0000-0003-2278-8081>. Address: building 1, 38, Ostozhenka str., Moscow, 119034, Russian Federation. 79163235030@ya.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: July 10, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327; 316.77

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-102-117](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-102-117)

Политические науки

Коммуникационный режим Армении в условиях трансформации внешнеполитического курса: роль дискурсов

Юрий Павлович Тихонов✉

Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия
tikhonov-yp@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7438-9053>

Аннотация. В статье анализируется значение странового коммуникационного режима и его ключевых элементов для понимания внешнеполитического курса государств в условиях современных геополитических трансформаций. Особое внимание уделяется информационно-коммуникационному пространству как полю конкуренции за влияние, в котором коммуникационный режим выступает инструментом формирования и трансформации политического дискурса. На примере российско-армянских отношений после «революции» 2018 г. автор выявляет амбивалентность внешнеполитического курса Армении, отражающуюся в противоречивых заявлениях политического руководства, нарративах СМИ и поляризации общественного мнения относительно интеграционных форматов ОДКБ, ЕАЭС и сотрудничества с ЕС. Современный курс Армении характеризуется переходом к многовекторной внешней политике, с участием в евразийских интеграционных форматах и одновременным расширением стратегического партнерства с Западом. Коммуникационный режим как инструмент регулирования национального информационно-коммуникационного пространства и

формирующийся внутри него дискурс служат целям преобразования внешней политики и легитимации данной многовекторности. Анализ стратегических и нормативных документов и заявлений официальных лиц демонстрирует, что формирующиеся в официальных заявлениях дискурсы на данный момент приводят к поэтапному отходу от задекларированных в стратегических документах и нормативных актах приоритетов внешней политики. Показано, что подобная динамика способствует закреплению новых стратегических установок в долгосрочной перспективе. Автор подчеркивает необходимость поддержания дружественного дискурса в отношении Российской Федерации, указывает на риски усиления негативной риторики и дальнейшего вытеснения позитивных в отношении России нарративов из публичного пространства.

Ключевые слова: коммуникационный режим, национальные интересы, информационный суверенитет, мировой порядок, международные отношения, двухсторонние отношения, внешняя политика, Российская Федерация, Республика Армения

Для цитирования: Тихонов Ю.П. Коммуникационный режим Армении в условиях трансформации внешнеполитического курса: роль дискурсов // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 102-117, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-102-117](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-102-117)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-102-117](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-102-117)

Political Sciences

Armenia's Communication Regime in the Context of Foreign Policy Transformation: the Role of Discourses

Yury P. Tikhonov✉

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration (RANEPa), Moscow, Russian Federation
tikhonov-yp@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7438-9053>

Abstract. The article analyzes the significance of the country communication regime and its essential elements for comprehension of the foreign policy course of states amid modern geopolitical transformations. Particular attention is drawn to the information and communication space as a field of contestation for influence, where the communication regime serves as a tool for shaping and transforming political discourse. Based on the example of Russian-Armenian relations after Armenia's 2018 "Velvet revolution", the author specifies the ambivalence of Armenia's foreign policy, reflected in contradictory statements by governmental officials, media narratives, and the polarization of public opinion regarding integration formats such as the CSTO, EAEU, and cooperation with the EU. Armenia's contemporary course is characterized by a shift toward a multi-vector foreign policy, involving participation in Eurasian integration formats while simultaneously expanding strategic partnership with the West. The communication regime, as a tool for regulating the national information and communication space, and the discourse formed within it serve the purposes of transforming foreign policy and

legitimizing this multi-vector approach. An analysis of strategic and normative documents, as well as official statements, demonstrates that the discourses emerging in official declarations are gradually leading to a shift from the foreign policy priorities declared in strategic documents and legal acts. This dynamic features the contribution to the consolidation of new strategic guidelines in the long term. The author emphasizes the necessity to maintain and upkeep a friendly discourse toward the Russian Federation, highlighting the risks of negative rhetoric escalation and the further displacement of positive narratives about Russia from the public sphere.

Keywords: communication regime, national interests, information sovereignty, world order, foreign relations, bilateral relations, exterior affairs, Russian Federation, Republic of Armenia

For citation: Tikhonov Yu.P. Armenia's Communication Regime in the Context of Foreign Policy Transformation: the Role of Discourses. *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2025; 4(18): 102-117, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-102-117](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-102-117)

Введение

Информационно-коммуникационное взаимодействие с использованием современных технологий играет значимую роль в международных отношениях. Помимо классических инфраструктурных функций обмен информацией имеет различные содержательные проявления, которые могут свидетельствовать о характере преобразований, происходящих в отношениях между государствами. Значимость нарративов, формируемых различными акторами государственной и негосударственной природы, выходит на первый план при анализе двусторонних отношений. Они указывают на проблемы, которые в перспективе могут укореняться и обретать черты государственной внешней политики. Коммуникационный режим выступает инструментом, который регулирует и упорядочивает внутренние и внешние коммуникации государства, помогая управлять информационным пространством и защищать его от негативного влияния. Его анализ позволяет выявить проблемные сигналы, понять их причины и разработать меры, направленные на снижение рисков и укрепление стабильности как внутри страны, так и в ее двусторонних отношениях.

Двусторонние отношения Российской Федерации (далее – РФ) и Республики Армения (далее – РА) на данном этапе претерпевают серьезную турбулентность. После революции 2018 г. усилилась противоречивость во внешней политике армянского руководства при сохранении формально дружественных отношений с Россией, зафиксированных в массиве двусторонних и многосторонних документов¹. С учетом длительных дружественных отношений и исторической близости России и Армении своевременное выявление и устранение возникающих противоречий становится важной задачей внешней политики Российской Федерации. Автор убежден, что понять причины этих противоречий можно через анализ нарративов, которые пока не

¹ Двусторонние отношения. Россия // Министерство иностранных дел Республики Армения: сайт. URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/ru>.

закреплены в официальных документах, но уже проявляются в публичном дискурсе и отражаются в изменениях коммуникационного режима между государствами.

Нахождение Армении на пересечении интересов крупных внешнеполитических акторов придает особое значение анализу устойчивости ее коммуникационного режима, уровня его дружелюбности в контексте российских внешнеполитических интересов.

Дискурсивные практики играют ключевую роль в формировании и изменении коммуникационных режимов, так как через них конструируются политические смыслы, задаются интерпретации событий и определяется структура взаимодействия между властью, обществом и внешними акторами. Армения представляет собой показательный пример того, как трансформация дискурса (особенно в условиях политических изменений после 2018 г. и сложной геополитической обстановки) влияет на динамику коммуникационного режима. Изменение тональности официальных заявлений, конкуренция медийных нарративов и активизация внешних информационных влияний постепенно смещают акценты общественной повестки, формируют новые линии раздела и способствуют переопределению стратегических приоритетов страны. Рассмотрение данных процессов позволяет глубже понять роль дискурса как инструмента политической борьбы и как фактора, определяющего траекторию развития коммуникационного режима Армении.

Материалы и методы

В качестве методологической базы в исследовании использовалась теория политического реализма [10], в рамках которой национальный интерес рассматривается как ключевая категория современных международных отношений. Анализ межстрановых коммуникаций опирается на понимание глобальной коммуникационной системы через теорию структурного империализма Й.Галтунга [9], а также на концепцию и методику комплексного изучения страновых коммуникационных режимов (далее – КР), разработанную Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций (НИИРК) [3–6]. Такой подход позволяет рассматривать внутристрановые и межстрановые коммуникации как систему, на которую одновременно воздействуют и внутренние, и внешние акторы, формируя ее структуру, каналы и характер. Поскольку изменения в информационно-коммуникационном пространстве происходят быстрее, чем институциональное закрепление политических процессов, коммуникационный режим может выступать ранним индикатором политических трансформаций, демонстрируя, какие нормы и правила стремятся закрепить власти и политические элиты в соответствии со своими представлениями об «идеальном типе» политической системы.

Материалы исследования составили стратегические и нормативные документы Республики Армения, статистические данные, социологические опросы и ряд материалов СМИ, заявления официальных лиц (анализировалась степень их совпадения с задекларированной в документах позицией по отношению к внешним

акторам). В исследовании применялись методы анализа, синтеза, сравнения и противопоставления, методы анализа документов.

Результаты исследования

Страновой коммуникационный режим и его роль во внешней политике

На современном этапе нет единого подхода всех стран и понимания принципов регуляции информационно-коммуникационного пространства. Дихотомия борьбы за свободный и справедливый обмен информацией, которая возникла в постколониальную эпоху, привела к фрагментации мирового коммуникационного порядка. Заполнение регулятивных пробелов произошло благодаря страновым коммуникационным режимам, устанавливающим определенные правила коммуникации на отдельной территории [8]. В исследованиях НИИРК страновой коммуникационный режим был сформулирован в качестве полноценной научной категории, которая определена как совокупность норм и правил, устанавливаемых в целях регулирования коммуникационной и информационной среды акторами как государственной, так и негосударственной природы, служащих базисом для внутристрановых и межстрановых взаимодействий [4, с. 14].

Исходя из определения, мы видим, как в ситуации межстрановых взаимодействий можно наблюдать распространение (влияние, взаимопроникновение) страновых режимов друг на друга, что делает их границы несколько размытыми. Характер наложения коммуникационных режимов и правила их взаимопроникновения определяются чаще всего непосредственно особенностями взаимоотношений между странами, в которых не последнюю роль играют национальные интересы. Такой подход определяет коммуникационный режим как концепцию, основанную на реалистской парадигме международных отношений – в противовес единому мировому коммуникационному порядку как либерально-институционалистскому концепту. Национальные интересы, определяющие характер межстрановых взаимодействий и параметров коммуникационного режима, существенно затрудняют поиск его «идеального типа» [7, с. 125]. Понимание оптимального коммуникационного режима для каждого государства может постоянно меняться и принимать разные формы, так как зависит от его целей, возможностей, представлений о собственном месте в мире, а также от влияния других акторов. Даже внутри одного национального коммуникационного режима могут существовать разные центры влияния и группы интересов, чьи действия и позиции не всегда совпадают с государственной политикой, что напрямую влияет на характер этого режима. В зависимости от того, какой центр влияния является доминирующим, будет превалировать тот или иной тип коммуникационного режима, классификации которых приведены в работе В.И.Гасумянова и В.В.Комлевой [3].

С точки зрения реализации внешней политики сложная природа взаимодействия позволяет государствам использовать свой собственный коммуникационный режим в целях:

- 1) обеспечения представления позиции государства за рубежом;
- 2) повышения доверия и упрочения коммуникации с дружественными странами;
- 3) противодействия внешнему влиянию со стороны недружественных государств и распространению влияния на них в целях снижения напряжения и трансформации отношения населения и государства.

Означенные цели могут достигаться как через продолжение уже принятых стратегических документов, так и через создание условий для появления новых нормативных актов, которые будут определять долгосрочный характер отношений. Именно эта способность коммуникационного режима формировать благоприятный контекст для будущих решений делает его анализ особенно значимым и отличает комплексный подход от изучения только нормативных документов или только дискурса СМИ, официальных заявлений и пресс-релизов. Комплексное исследование коммуникационного режима объединяет все направления и позволяет увидеть связь между изменениями в нарративах, трансформацией информационного фона и уровнем дружелюбности коммуникационного режима, что в дальнейшем влияет на внешнюю политику государства и восприятие этой политики обществом.

Дискурс как проекция изменений внешнеполитического курса государства

В широком смысле под «дискурсом» можно понимать предложенное французом Э.Бенвенистом «речевое произведение, которое возникает каждый раз, когда мы говорим» [2, с. 312]. В контексте коммуникационного режима дискурс рассматривается нами как проявление нарративов, направленных на формирование желаемой модели внутристрановой и межстрановой коммуникации и ее идеологического наполнения [4, с. 22]. Одним из проявлений и способов формирования дискурса в коммуникационном режиме являются публичные выступления официальных лиц. Их высказывания являются наиболее динамично изменяющейся частью информационного поля. Заявления могут носить реактивный характер, иметь краткосрочное влияние, но не перерасти в тенденцию во внешней политике. На сегодняшний день мы регулярно сталкиваемся с подобными высказываниями официальных лиц, которые тиражируются в СМИ, пресс-релизах, официальных заявлениях. Основная проблема в дискурсе заключается в том, что он часто становится предметом спекуляций интерпретации. Наглядным примером в контексте Армении могут послужить высказывания в отношении ОДКБ Н.Пашиняна, где сначала заявляется: «Выйдем. Мы решим, когда выходить. А? по вашему мнению, каким должен быть следующий шаг? Не вернемся же обратно! Другого пути нет»², –

² Пашинян намекнул, что Армения выйдет из ОДКБ // АМИ «Новости-Армения». URL: <https://newsarmenia.am/news/politics/pashinyan-nameknul-chto-armeniya-vyydet-iz-odkb/>.

после чего на следующий день глава МИД РА А.Мирзоян дает комментарий, что Армения не выходит из ОДКБ, а только решит, когда выйти³. Подобная несогласованность высказываний официальных лиц требует тщательного анализа, систематического мониторинга и оценки с учетом всего комплекса российско-армянских отношений, поскольку она позволяет прогнозировать возможные изменения внешнеполитического курса и долгосрочные последствия для стратегического партнерства. Основной сложностью остается отличить частное реакционное высказывание от формирующихся тенденций, в связи с чем акцент требуется делать на частоте эпизодов, их резонансе, а также предпосылках к их закреплению в других элементах дискурса.

Помимо заявлений официальных лиц, комплексное исследование странового коммуникационного режима подразумевает анализ других элементов дискурса, в частности, норм и документов, устанавливающих в том числе и принципы политической коммуникации. Фактически их можно подразделить на два типа.

1) Стратегические документы. В отличие от высказываний публичных лиц, которые могут меняться в зависимости от политической ситуации, стратегические документы задают более устойчивое и формализованное видение внешней политики государства. Они фиксируют приоритеты, интересы, цели, подходы и отношение к ключевым внешнеполитическим вопросам, а также содержат представление о путях достижения этих целей. По сути, такие документы отражают уже сложившийся внешнеполитический дискурс и закрепляют его в виде долгосрочных программ и стратегий, которые определяют направления внешней политики страны на перспективу.

2) Нормативные документы. Данный тип является наиболее устойчивой и консервативной формой закрепления внешней политики и представляет собой правовую основу отношений между странами. Как правило, в силу своей консервативной природы и сложности процесса принятия (а в некоторых случаях – ратификации) их пересмотр требует определенного времени, в связи с чем они могут частично терять актуальность и устаревать.

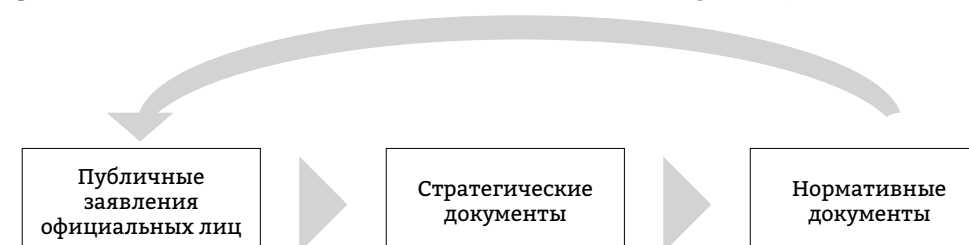
Исходя из вышеизложенного, следует несколько важных выводов. Прежде всего, прослеживается определенная логика того, как дискурс влияет на формирование правил внешнеполитической коммуникации (от самых быстро меняющихся элементов к наиболее устойчивым). Этот процесс трансформации внешнеполитического курса государства можно представить в виде следующей схемы (Рисунок).

При этом важно учитывать, что сами дискурсивные заявления нередко формируются под воздействием уже существующих стратегических и нормативных документов. Поэтому данный элемент цикла является повторяющимся и может воспроизводиться неограниченное количество раз.

Во-вторых, можно сделать вывод о ключевой проблеме, стоящей перед лицами, проводящими мониторинг политической обстановки. С одной стороны, стратегические и

³ Главе МИД приходится пояснять: Пашиян не говорил, что Армения выходит из ОДКБ // News.am. URL: https://news.am/rus/news/828755.html#google_vignette.

Рисунок. Процесс трансформации внешнеполитического курса государства
Figure. The Process of Transformation of the State's Foreign Policy

нормативные документы достаточно просто отследить и провести их оценку, но, с другой стороны, в силу своей консервативности, они могут не отражать всех происходящих политических процессов и их разнообразия, что подчеркивает значимость анализа другой части публичного дискурса – публичных заявлений официальных лиц, которые служат индикатором внешнеполитических изменений на ранней стадии.

Амбивалентность российско-армянских отношений и ее проявления в страновом коммуникационном режиме Республики Армения

Современный коммуникационный режим Республики Армения сформировался под влиянием национальных интересов, которые претерпевают существенную трансформацию. Рассмотрим некоторые его характерные черты.

Прежде всего, выделим многовекторность как приоритет современной внешней политики. Переход от комплементаризма (взаимодополняемости), указанного в качестве одного из принципов Стратегии национальной безопасности 2007 г.⁴, к диверсификации и многосторонней дипломатии в Стратегии 2020 г.⁵ нашел отражение и в структуре коммуникации на территории Армении. В частности, произошла интенсификация политической коммуникации с акторами, представляющими евроатлантические форматы интеграции (США, Великобритания, Франция и др.). Сама по себе многовекторность первоначально не несет угрозы, так как выбор партнеров и форматов сотрудничества является суверенным правом государств. Однако сохранение нейтралитета и дружественных отношений с акторами, противоборствующими между собой, становится все более затруднительным в современном мире. Это, в свою очередь, способствует накоплению

⁴ Стратегия национальной безопасности Республики Армения (Одобрена на заседании Совета национальной безопасности при Президенте Республики Армения 26 января 2007 г.) // Министерство иностранных дел Республики Армения. 2007. URL: <https://www.mfa.am/filemanager/Statics/Doctrinerus.pdf>.

⁵ Стратегия национальной безопасности Республики Армения: Устойчивая Армения в меняющемся мире. Июль 2020 // Министерство иностранных дел Республики Армения. 2020. URL: https://www.mfa.am/filemanager/security%20and%20defense/%20национальной%20безопасности%20Республики%20Армения%202020_0.pdf.

противоречий как во внешнеполитическом курсе, так и в его восприятии населением. В частности, как известно, Армения является участником ряда интеграционных форматов на Евразийском пространстве (СНГ, ЕАЭС, ОДКБ). Об этом свидетельствуют как подписанные официальные документы, так и упомянутая выше Стратегия 2020 г. На данный момент наиболее положительная ситуация складывается в контексте отношения населения к экономической интеграции – об этом свидетельствуют как заявления официальных лиц, так ряд показателей, к которым относятся объем прямых инвестиций и товарооборот Республики Армения⁶, которые демонстрируют роль сотрудничества с Российской Федерацией для благополучия и экономической стабильности государства. Официальные заявления Еревана по поводу членства в ЕАЭС наполнены преимущественно конструктивными и нейтрально-положительными нарративами. В 2023 г. на фоне нагорно-карабахского конфликта было заявлено, что Армения рассматривает ЕАЭС как «экономическое объединение, которое не должно иметь политической и, тем более, геополитической повестки»⁷. Тем не менее армянская сторона выразила готовность к расширению сотрудничества в ряде сфер, а также подписанию Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов до 2030 г. и на период до 2045 г.⁸ В 2024 г. страна активно принимала участие в работе организации в качестве председателя. В мае 2024 г. заседание Высшего Евразийского экономического совета проходило под председательством Н.Пашиняна, который в заявлении отметил значимость площадки для экономик стран-участниц, приверженность уважительному отношению к интересам стран-партнеров и поиску конструктивных решений, отвечающих интересам каждого государства-члена. При этом иные инфраструктурные проекты, как «Перекресток мира», также рассматривались в рамках единого комплекса взаимовыгодных для стран-участниц ЕАЭС проектов⁹. На официальном сайте премьер-министра опубликованы пресс-релизы по 13 мероприятиям за 2024 г., где поднималась тема ЕАЭС и сотрудничества в рамках данного объединения. В 2025 г. количество упоминаний снизилось, но пресс-релизы содержали прагматичный и позитивный тон. В частности, вопросы обсуждались на полях Международной экологической конференции в рамках встречи между премьерами М.Мишустиным и Н.Пашиняном¹⁰. В то же время Республика Армения налаживает стратегическое партнерство со странами-членами НАТО. В апреле 2025 г. Президент Республики В.Хачатурян подписывает Закон «О начале

6 Статистический комитет РА. 2025. URL: <https://armstat.am/ru/?nid=14>.

7 ЕАЭС – это экономическое объединение, которое не должно иметь политической и, тем более, геополитической повестки: премьер-министр // Премьер-министр Республики Армения: официальный сайт. URL: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2023/12/25/Nikol-Pashinyan-Session-of-the-Eurasian-Economic-Supreme-Council/>.

8 Там же.

9 Премьер-министр Пашинян на заседании Высшего Евразийского экономического совета коснулся проекта «Перекресток мира» в контексте развития транспортных инфраструктур // Премьер-министр Республики Армения: официальный сайт. URL: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2024/05/08/Nikol-Pashinyan-EAEU/>.

10 Состоялась встреча Никола Пашиняна и Михаила Мишустина // Премьер-министр Республики Армения: официальный сайт. URL: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2025/07/24/Nikol-Pashinyan-met-with-Mikhail-Mishustin/>.

процесса членства Республики Армения в Европейском Союзе»¹¹, что вызывает обеспокоенность, поскольку одним из экзистенциальных для армянского народа вопросов в преамбуле Стратегии упомянут поиск новой армянской идентичности. Данный поиск служит оправданием сформировавшейся дилемме геополитического выбора, несущей определенные риски для Российской Федерации после трансформации политического курса Армении в 2018 г. Сложившаяся политическая обстановка делает невозможным одновременно союзнические отношения с Россией и Европейским союзом, что впервые было озвучено еще в 2013 г. главой Еврокомиссии Ж.-М.Баррозу¹² в контексте Украины, а в 2025 г. подтверждено Н.Пашиняном относительно политического курса Армении¹³. Политическая ориентация на Запад ведет к негативизации и осложнению взаимоотношений с Россией.

Вовлечение Армении в активный политический диалог об интеграции с ЕС усиливает поляризацию общественных взглядов. Этому способствует либерализация информационно-коммуникационной сферы и нормативного регулирования: в стране действует сравнительно свободный режим для СМИ, НКО, иностранных фондов и других акторов [6, с. 173-176, 232-233], что контрастирует с более жесткими моделями ближайших государств региона. Законодательство в этой сфере во многом остается рамочным, а многие решения принимаются не в правовом, а в политическом ключе, что делает их зависимыми от текущих и ситуативных интересов правительства. Иллюстрацией такой практики являются заявления властей об ограничении трансляции российских телеканалов и временной приостановке вещания «Первого канала» под формальным предлогом неуплаты, который позже был устранен. В результате подобный коммуникационный режим способствует усилению конкуренции различных источников информации, предлагающих аудитории противоположные нарративы и активно борющихся за общественную поддержку. Опросы MPG – Gallup International Armenia показывают, что, несмотря на сохраняющееся дружественное отношение к России, намечаются некий раскол в общественных позициях и риск потери ключевого партнера – России¹⁴.

Если в контексте ЕАЭС звучат преимущественно дружественные нарративы, а в отношении РФ тон весьма противоречив – ОДКБ приобрело негативную окраску в контексте вопроса Нагорного Карабаха (Арцаха). Напрямую связанный с армянской идентичностью как компонент интегрального концепта панармянства, озвученного в

11 Նախագահ Վահագն Սահակյանը պաշտոնապես ստորագրեց 04.04.2025 [Президент Ваагн Хачатурян подписал ряд законов 04.04.2025] // Президент Республики Армения. URL: <https://www.president.am/ru/signed-laws/item/2025/04/04/President-Vahagn-Khachaturyan-signed-laws/>.

12 Баррозу: Украина не может одновременно интегрироваться в Таможенный союз и иметь зону свободной торговли с ЕС // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2011/04/18/barroso-anons.html>.

13 Пашинян признал, что Армения не может одновременно быть в ЕС и ЕАЭС // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24892209>.

14 “AntiPuzzle”. Տալուշի մարզում սահմանազատում, քաղաքականությանը և ՀՀ վարչապետի աշխատանքի վերաբերյալ հարցեր [«Антипазл». Вопросы демаркации границы в Тавушской области, политзаключенные и деятельность премьер-министра Армении] // MPG – Gallup International Armenia. URL: <https://gallup.am/product/antipuzzle-hy/>.

Стратегии национальной безопасности (п. 5.20)¹⁵, аналогично вопросу геноцида армян и его признания в мире, вопрос стал водоразделом, позволяющим идентифицировать внешнеполитических акторов по системе «свой – чужой» после событий 2020 и 2023 гг. При этом отдельного интереса заслуживает тот факт, что в политическом плане вопрос играет роль не столько в отношениях с непосредственными участниками событий в Нагорном Карабахе (Азербайджан и Турция), сколько служит для оценки других акторов и их двухсторонних отношений с Азербайджаном, Турцией и непосредственно Арменией. Это позволило использовать Карабахский конфликт в качестве предмета спекуляций со стороны активных акторов информационно-коммуникационного поля и озаменовало политическое «похолодание» между Республикой Армения и Российской Федерацией. В первую очередь это сказалось на членстве в ОДКБ, которое было заморожено армянской стороной, а информационное поле оказалось наполнено сообщениями и высказываниями о перспективном выходе из организации¹⁶. Характер официальных заявлений премьер-министра Н.Пашиняна в отношении ОДКБ, опубликованных в пресс-релизах на официальном портале премьер-министра за период с 2023 по 2025 г., демонстрирует как пессимистичный настрой в отношении членства в организации, так и минимизацию ее упоминания в целом: в 2022 г. ОДКБ упоминалась в 31 пресс-релизе на сайте премьер-министра (в 2023 г. – 5 раз, в 2024 г. – 2 раза, в 2025 г. – 1 раз). До Карабахского конфликта в сообщениях содержались упоминания взаимодействия с организацией, участия в ее деятельности – в марте 2023 г. Н.Пашиняном был принят с визитом новый генеральный секретарь ОДКБ, стороны обсуждали зону ответственности организации, вызовы безопасности и ситуацию на армяно-азербайджанской границе¹⁷. После карабахских событий Н.Пашинян фактически прекратил участие в заседаниях ОДКБ, о чем было сообщено в ноябре 2023 г. в разговоре с Президентом Республики Беларусь А.Лукашенко¹⁸. В 2024 г. на Копенгагенском саммите демократии Н.Пашинян заявил о «вынужденном переселении более 100 000 армян из Нагорного Карабаха при безразличии и бездействии Организации Договора о коллективной безопасности»¹⁹, что продолжилось в заявлениях в 2025 г.: «...мы приостановили свое участие в ОДКБ,

15 Стратегия национальной безопасности Республики Армения: Устойчивая Армения в меняющемся мире. Июль 2020 // Министерство иностранных дел Республики Армения. 2020. URL: https://www.mfa.am/filemanager/security%20and%20defense/%20национальной%20безопасности%20Республики%20Армения%202020_0.pdf.

16 Мелоян Т.Х. Российско-армянское взаимодействие на современном этапе [Russian-Armenian Interaction at the Present Stage] // РСМД. 2025. Вып. 59. С. 3. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/rossiysko-armyansko-vzaimodeystvie-na-sovremennom-etape/>.

17 Премьер-министр Пашинян принял генерального секретаря ОДКБ // Премьер-министр Республики Армения: официальный сайт. URL: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2023/03/17/Nikol-Pashinyan-Imangali-Tasmagambetov/>.

18 Состоялся телефонный разговор премьер-министра Армении и президента Беларуси // Премьер-министр Республики Армения: официальный сайт. URL: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2023/11/14/Nikol-Pashinyan-Telephone-Conversation/>.

19 Надеемся, что глобальная демократия поддержит нас в противостоянии вызовам: премьер-министр Пашинян принял участие в Копенгагенском саммите демократии // Премьер-министр Республики Армения: официальный сайт. URL: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2024/05/14/Nikol-Pashinyan-Speech/>.

которая была нашим основным партнером в сфере безопасности. Причиной принятия такого решения стала ситуация, когда ОДКБ не выполнила свои обязательства по обеспечению безопасности Республики Армения»²⁰. На фоне критики организации в своих заявлениях Армения фактически прекратила участие в мероприятиях организации, заморозила данный формат сотрудничества и контакты по данному направлению. При этом вопрос отношения Армении к ОДКБ непосредственно касается российско-армянских отношений не только в части сохранения общего пространства безопасности для Армении, но и по причине потребности Российской Федерации в сохранении 102-й военной базы в Гюмри, вопрос о целесообразности которой, впрочем, по заявлениям представителей органов власти РА, не обсуждается²¹. Таким образом, репрезентация России в дискурсе за счет противоречивого восприятия связанных с ней интеграционных площадок носит противоречивый характер и зависит от доминирующих инфоповодов и их связи с вопросами экономики (ЕАЭС) или безопасности (ОДКБ). Двухсторонняя повестка слабо дистанцирована от данных форматов, как ключевых во взаимоотношениях между двумя странами.

Свободный вход новых акторов коммуникации в информационно-коммуникационное пространство оказывает влияние на структуру и виды каналов коммуникации. Поддерживаемые Западом СМИ пользуются популярностью, если освещают внутреннюю повестку на армянском или русском языке, но таких СМИ немного [6]. Большую популярность получают социальные сети и мессенджеры, в которых контент несколько отличается от классической подачи информации. Это могут быть ролики или графические объекты, которые сосредоточены на эмоциональном восприятии, могут быть посты, рассчитанные на краткую подачу нарративов и лозунгов, что делает информацию несколько ограниченной, но более удобной с позиции ее усвоения. Поверх этого происходит политизация контента, которая хорошо воспринимается в силу формата подачи, а также непрямого, завуалированного посыла, который постепенно становится более явным.

Еще одним важным каналом влияния выступает диаспора. Она воздействует на политические настроения внутри страны главным образом через влияние на систему мировоззрения ближайших родственников и через финансовую поддержку (мecenатство и переводы родственникам). Семья, как ключевая ценность армянского общества, делает связи с диаспорой значимыми [1, с. 102]. При этом масштабы институционального взаимодействия государства с диаспорой сократились после закрытия в 2018 г. Министерства диаспоры и его преобразования в офис Главного Уполномоченного по делам диаспоры при Премьер-министре Республики Армения²².

20 Премьер-министр Пашинян посетил Атлантический совет, где выступил с речью и ответил на вопросы экспертов // Премьер-министр Республики Армения: официальный сайт. URL: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2025/02/05/Nikol-Pashinyan-visit-to-the-Atlantic-Council/>.

21 Вопрос о 102-й российской военной базе и пограничниках в Армении не ставился ни Россией, ни нами: Пашинян // Armenpress. 2023. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1121684>.

22 Офис Главного Уполномоченного по делам диаспоры РА. URL: <http://diaspora.gov.am/ru>.

Таким образом, особенности коммуникационного режима Республики Армения, сложившиеся в сочетании многовекторной политики с вариативностью дискурса, сформировали амбивалентность отношений между Российской Федерацией и Республикой Армения, которая наглядно представлена в Таблице.

Таблица. Амбивалентность российско-армянских отношений на современном этапе

Table. Contemporary Ambivalence of Russian-Armenian Relations

	Публичные заявления официальных лиц (на основе пресс-релизов и выступлений Н.Пашиняна)	Стратегия национальной безопасности РА (2020)	Нормативные документы
Российская Федерация	Противоречивое отношение, эпизодическое ограничение коммуникации, отдельные негативные заявления	В Стратегии 2020 г. РФ обозначена как союзник, с которым будет расширяться двух- и многостороннее сотрудничество	Действует Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 29.08.1997, более 200 соглашений и договоров
ЕАЭС	Нейтрально-положительное отношение, интерес в интеграции, экономическая выгода, но есть намерение углубить сотрудничество с ЕС	Армения придает большое значение протекающим интеграционным процессам, намерена принимать активное и инициативное участие в деятельности структуры	Договор о присоединении Республики Армения к Договору о ЕАЭС от 10.10.2014 (вступил в силу 02.01.2015)
ОДКБ	Негативное отношение, осуждение организации, звучат заявления о выходе из организации (де-факто на уровне заявлений членство заморожено)	ОДКБ обозначена как один из элементов обеспечения безопасности, и озвучено намерение работать над повышением эффективности и возможностей организации	Договор о коллективной безопасности подписан 15.05.1992 в Ташкенте. 07.10.2002 был принят Устав ОДКБ, заменивший временное соглашение

Исходя из таблицы, мы видим, что дистанцирование, которое наблюдается в отношениях на данный момент, пока практически не нашло воплощений в стратегических и нормативных документах, однако способствовало наполнению негативными нарративами информационного поля в отношении ОДКБ и частично в отношении Российской Федерации. Подтверждается данная трансформация и официальными заявлениями премьер-министра, в которых Н.Пашинян признает изменения во взаимоотношениях с Российской Федерацией, и никогда не будут такими, как прежде, но выразил мнение, что они должны быть намного лучше, чем ранее²³. Тем не менее противоречивость действий Армении в отношении коллективных форматов сотрудничества (ЕАЭС и ОДКБ), а также декларация внешнеполитической ориентации на ЕС не способствуют углублению сотрудничества между странами. Схема, представленная на Рисунке, позволяет сделать вывод о возможных в ближайшей перспективе рисках, связанных с расширением негативной риторики за пределы исключительно публичных заявлений на стратегические документы, о чем, в частности, свидетельствуют упомянутые выше примеры о сотрудничестве с Европейским союзом.

²³ По мнению Пашиняна, отношения между Арменией и Россией находятся на стадии трансформации // Armenpress. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1224990>.

Выводы

Проведенное исследование показало, что коммуникационный режим Республики Армения демонстрирует трансформацию в контексте происходящей смены геополитических приоритетов. Переход от комплементарности (взаимодополняемости) к многовекторности, означенной в Стратегии национальной безопасности Армении как новый принцип внешней политики, ознаменовал увеличение активности разных политических акторов, что привело к столкновению их интересов и усугублению противоречий (по линии ЕС – ЕАЭС, НАТО – ОДКБ, РФ – Запад). Контроль власти за публичным дискурсом, распространение новых оценок России и «новых союзников» Армении являются проекцией внешнеполитической динамики Армении.

Отмечаются отдельные попытки лоббирования политизированных решений (в отношении ОДКБ, российских СМИ, ЕАЭС), направленных на снижение дружелюбности и ограничение коммуникации в отношении Российской Федерации под эгидой суверенизации информационно-коммуникационного пространства.

Несмотря на сохранение формально дружественных отношений между Российской Федерацией и Республикой Армения, а также определенной степени симпатии населения, поле дискурса становится все более противоречивым под влиянием многовекторности и низкой степени правовых ограничений и их избирательности, определяющейся политическими интересами правящих элит.

Анализ демонстрирует необходимость усиления со стороны Российской Федерации мер по сохранению дружественных нарративов, применения современных инструментов в рамках информационного противодействия. Потенциальное закрепление изменяющегося курса в стратегических и нормативных документах опасно тем, что может привести к маргинализации дружественного дискурса в отношении РФ – вплоть до введения ответственности за него, что наблюдается в странах Прибалтики, на Украине, в Молдове. Принимая во внимание предстоящий пересмотр Стратегии национальной безопасности РА (пересмотр обозначен в тексте Стратегии – не реже чем раз в 5 лет), формирование и усиление позитивного дискурса требует повышенного внимания в целях предотвращения усиления раскола общества и закрепления негативных тенденций в стратегических и нормативных документах Республики Армения на следующее пятилетие.

Список литературы

1. Айвазян Д.С., Крылов А.Б., Погосян Г.А., Криволюков В.В. Дружелюбность коммуникационного режима Армении: к вопросу о позициях СМИ и общества [The Friendliness of Armenia's Communication Regime: Towards the Question of Media and Public Attitudes] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 1. С. 94–111. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1\(7\)-94-111](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1(7)-94-111).
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика [General Linguistics]. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Гасумянов В.И., Комлева В.В. Коммуникационные режимы как фактор межгосударственных взаимодействий: постановка проблемы [Communication Regimes as a Factor of Interstate Interactions: Problem Statement] // Международная жизнь. 2020. № 10. С. 38–49.

4. Комлева В.В. Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен [Country Communication Regime as a Socio-Political Phenomenon] // Россия и мир: научный диалог. 2021. № 1. С. 13–26. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26>.
5. Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружелюбности – 2023. Научный доклад по результатам мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран [Communication Regimes of Post-Soviet Countries: Friendliness Rating – 2023. Scientific Report on the Results of Monitoring Communication Regimes of Post-Soviet Countries] / Под научной редакцией В.В.Комлевой. М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2024. 268 с.
6. Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружелюбности – 2024. Научный доклад по результатам мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран [Communication Regimes of Post-Soviet Countries: Friendliness Rating – 2024. Scientific Report on the Results of Monitoring Communication Regimes of Post-Soviet Countries] / В.И.Гасумянов, В.В.Комлева, О.В.Жуликова [и др.]. М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2025. 360 с.
7. Ростиславлева Н.В. Концепция «Идеальных типов» Макса Вебера как полидисциплинарный проект [Concept of “Ideal Types” of Max Weber as the Multidisciplinary Project] // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 9. С. 122–129. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2015-9-122-129>.
8. Тихонов Ю.П. Причины и формы фрагментации мирового коммуникационного порядка [Causes and Forms of the Global Communication Order Fragmentation] // Россия и мир: диалоги. 2021: Материалы Пятой международной научно-практической конференции, Москва, 18–19 марта 2021 г. / Под науч. ред. В.В.Комлевой, Е.А.Кузьменко. М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2021. С. 96–110. EDN: SZOBVT.
9. Galtung J. A Structural Theory of Imperialism // Journal of Peace Research. 1971. Vol. 8. № 2. P. 81–117.
10. Morgentau H.J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A.Knopf, 1948. 489 p.

Информация об авторе

ТИХОНОВ Юрий Павлович. Преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Факультета международного регионоведения и регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. <https://orcid.org/0000-0001-7438-9053>. Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1. tikhonov-yp@ranepa.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13 июня 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Ayvazyan D.S., Krylov A.B., Poghosyan G.A., Krivopuskov V.V. The Friendliness of Armenia's Communication Regime: Towards the Question of Media and Public Attitudes. Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Scientific Dialogue]. 2023; 1:94–111 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1\(7\)-94-111](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1(7)-94-111).
2. Benveniste E. General Linguistics. Moscow: Progress, 1974:448 [In Russian].
3. Gasumyanov V.I., Komleva V.V. Communication Regimes as a Factor of Interstate Interactions: Problem Statement. Mezhdunarodnaya zhizn' [The International Affairs]. 2020; 10:38–49 [In Russian].
4. Komleva V.V. Country Communication Regime as a Socio-Political Phenomenon. Rossiya i mir: nauchnyj dialog [Russia & World: Scientific Dialogue]. 2021; 1(1):13–26 [In Russian]. <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26>.
5. Communication Regimes of Post-Soviet Countries: Friendliness Rating – 2023. Scientific Report on the Results of Monitoring Communication Regimes of Post-Soviet Countries. Ed. by V.V.Komleva. Moscow: Nacional'nyj issledovatel'skij institut razvitiya kommunikacij [National Research Institute for Communication Development], 2024. 268 p. [In Russian].
6. Communication Regimes of Post-Soviet Countries: Friendliness Rating – 2024. Scientific Report on the Results of Monitoring Communication Regimes of Post-Soviet Countries. V.I.Gasumyanov, V.V.Komleva, O.V.Zhulikova, et al. Moscow: Nacional'nyj issledovatel'skij institut razvitiya kommunikacij [National Research Institute for Communication Development], 2025. 360 p. [In Russian].
7. Rostislavleva N.V. Concept of “Ideal Types” of Max Weber as the Multidisciplinary Project. Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya [RSUH Bulletin. Series Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies]. 2015; 9:122–129 [In Russian]. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2015-9-122-129>.
8. Tikhonov Yu.P. Causes and Forms of the Global Communication Order Fragmentation. Russia and the World: Dialogues 2021: Digest of the Fifth International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 18–19, 2021. Ed. by V.V.Komleva, E.A.Kuzmenko. Moscow: Izdatelskiy dom “Nauchnaya Biblioteka” [Scientific Library Publishing House], 2021:96–110 [In Russian]. EDN: SZOBVT.
9. Galtung J. A Structural Theory of Imperialism. Journal of Peace Research. 1971; 8(2):81–117 [In English].
10. Morgentau H.J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A.Knopf, 1948. 489 p. [In English].

About the author

Yury P. TIKHONOV. Lecturer of Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation of Faculty of International Regional Studies and Regional Management, Institute of Public Administration and Civil Service of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa). <https://orcid.org/0000-0001-7438-9053>. Address: bld. 1, 82, Vernadskogo prospect, Moscow, 119571, Russian Federation. tikhonov-yp@ranepa.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: June 13, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ, ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Международные отношения, глобальные

и региональные исследования

INTERNATIONAL, GLOBAL AND REGIONAL PROCESSES

International Relations, Global and Regional Studies

Научная статья

УДК 327.8

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-118-127](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-118-127)

Политические науки

Системное влияние акторов международных отношений на когнитивное пространство как фактор силы в мировой политике

Азамат Ильгисович Фаттахов✉

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

Azamat.I.Fattakhov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2676-3524>

Аннотация. В данной статье проводится комплексный анализ влияния акторов международных отношений на когнитивное пространство, его значимости как стратегического ресурса в глобальной политической системе. Рассматривается современное состояние международной среды, характеризующееся высокой степенью конфликтности, что актуализирует необходимость детального изучения ключевых проблем, требующих углубленного теоретического и эмпирического анализа. Основное внимание уделяется структуре и системности воздействия на когнитивное пространство, а также его потенциалу трансформации в значимый фактор геополитической силы. Институциональные структуры, ориентированные на долгосрочное развитие, охватывают широкий спектр организаций, включая высшие учебные заведения, образовательные учреждения, а также специализированные языковые и культурные институты. Эти организации не только выполняют образовательные функции, но и играют ключевую роль в формировании интеллектуального капитала и культурной идентичности общества. Особое место в исследовании занимает феномен гибридного воздействия на когнитивное пространство, который иллюстрирует многоаспектность и сложность современных стратегий влияния. Анализируются текущие тенденции

и механизмы воздействия на когнитивное пространство, демонстрируются их многообразие и высокая эффективность. Исторический экскурс позволяет классифицировать этапы эволюции технологий, являющихся технологической основой для воздействия на когнитивное пространство. На основании проведенного исследования автор формулирует практические рекомендации по управлению когнитивным пространством, включающие определение целей и содержания данного процесса. Эти рекомендации базируются на комплексном анализе текущих тенденций и механизмов, что позволяет предложить обоснованные и эффективные подходы к управлению когнитивным пространством в контексте международных отношений.

Ключевые слова: когнитивное пространство, фактор силы, международные отношения, государство, общество, использование уязвимостей, технологии воздействия

Для цитирования: Фаттахов А.И. Системное влияние акторов международных отношений на когнитивное пространство как фактор силы в мировой политике // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 118-127, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-118-127](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-118-127)

Original article

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-118-127](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-118-127)

Political Sciences

Systemwide Impact of International Relations Actors on the Cognitive Space as a Factor of Power in World Politics

Azamat I. Fattakhov✉

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Azamat.I.Fattakhov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-2676-3524>

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the influence of international actors on the cognitive space and its significance as a strategic resource in the global political system. It examines the current state of the international environment, characterized by a high degree of conflict potential, which highlights the need for a detailed study of key issues requiring in-depth theoretical and empirical analysis. The focus is on the structure and systematic nature of influence on the cognitive sphere, as well as its potential to become a significant factor in geopolitical power. Institutions focused on long-term development include a wide range of organizations, including universities, educational institutions, specialized language and culture institutes. These institutions not only carry out educational functions but also play a crucial role in shaping society's intellectual capital and cultural identity. The study focuses on the phenomenon of hybrid influence on cognitive space, illustrating the multifaceted nature and complexity of modern influence strategies. Current trends and mechanisms for influencing cognitive space are analyzed, demonstrating their diversity and high effectiveness. A historical perspective allows for a classification of the stages of evolution of technologies that form the technological basis for influencing cognitive spaces. Based on this research, the author formulates practical recommendations for managing cognitive spaces, including defining goals and content for this process. These recommendations are based on

a comprehensive analysis of current trends and mechanisms, enabling well-founded and effective proposals for managing cognitive space within international relations.

Keywords: cognitive space, factor of power, international affairs, state, society, exploitation of vulnerabilities, impact technologies

For citation: Fattakhov A.I. Systemwide Impact of International Relations Actors on the Cognitive Space as a Factor of Power in World Politics. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 4(18): 118-127, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-118-127](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-118-127)

Введение

Текущая обстановка в мире отличается высокой степенью конфликтности, которая имеет тенденцию к усилению и характеризуется растущим количеством военных столкновений. По состоянию на 2024 г.¹ порядка 52 государств (а это четверть от общего числа существующих на планете) участвует в вооруженных конфликтах разной степени интенсивности. По состоянию на 2024 г. активны 4 конфликта высокой степени и 17 – средней степени интенсивности. Наблюдаемая тенденция свидетельствует о снижении эффективности и результативности диалога на текущем этапе современного мироустройства как основной парадигме в международных отношениях после окончания Второй мировой войны.

Состояние международных отношений в настоящий момент характеризуется стремительной деградацией системы международного права, сотрудничества и глобальной безопасности. В мире наблюдается стремительный рост нелегитимных торговых ограничений, политизированность работы международных организаций, нарушение международного морского права (в частности, препятствие свободному судоходству) и проч. Стремительно возрастает значение факторов как прямой военной силы, так и гибридного воздействия на государства-оппонентов. Собственное народонаселение и государства-союзники также становятся объектами гибридного воздействия, в первую очередь в когнитивном пространстве. Системное когнитивное воздействие выделено в качестве одного из перспективных направлений в стратегии НАТО под названием «Cognitive Warfare» за авторством Ф. де Ключеза [10]. Его содержание подразумевает доминирование НАТО в когнитивной среде (шестом домене) помимо суши, моря, воздуха, космоса и киберпространства. Китайские центры Конфуция и турецкие лицеи по всему миру продвигают повестку своих государств и служат формированию лояльности и продвижению необходимых нарративов среди граждан других государств. Религиозные проповедники на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и Европе на религиозных проповедях продвигают нарративы, формирующие дискурс в интересах конкретных сил и государств. В этой связи актуальной исследовательской проблемой становится влияние и его системность как «на», так и «в» когнитивном пространстве и умение обратить данное влияние в фактор реальной силы в плоскости международных отношений.

¹ Ежегодник SIPRI 2024, Резюме. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2024-10/yb24_summary_ru.pdf.

Материалы и методы

Тема исследования носит междисциплинарный характер и в настоящий момент характеризуется недостаточной изученностью, отсутствием устоявшегося теоретического базиса. Следует учесть, что экспериментальное подтверждение выступает в значительной мере исследованием результатов масштабного социального эксперимента и в этой связи на данный момент в целостном и консистентном виде отсутствует. База знаний в данном направлении в значительной мере обновляется в режиме реального времени вследствие активного развития новейших технологий, в первую очередь социальной инженерии и искусственного интеллекта. При написании статьи автором были исследованы научные публикации, материалы СМИ, экспертные мнения исследователей в данной предметной области, монографии, концепции российских и иностранных авторов в области воздействия на когнитивное пространство, таких как А.И.Белоус [1], В.В.Герасимов², А.М.Ильницкий³, А.В.Манойло [4], Ф. де Ключеза [10] и других российских и зарубежных авторов. В качестве основных методов используются преимущественно общенаучные и междисциплинарные: наблюдение, анализ, сопоставление, абстрагирование, обобщение и др.

Результаты исследования

Фактор силы смещается из сугубо военного или околвоенного вектора в гибридный, где значимую роль играют дезинформация, альтернативные и ложные нарративы, фальсификация и модерация истории, изменение общественного мнения и эмоционального фона, целью которых является трансформация способа мышления и восприятия общественности и национальных элит [3]. Отметим, что полностью успешной и подтвержденной (доказанной) практики безвозвратного изменения когнитивного пространства народонаселения отдельно взятого государства на сегодняшний день пока нет. Частично это объясняется социальным характером когнитивного влияния как феномена с горизонтом действия, измеряемым десятилетиями. Одной из причин тому служит разрыв между транслируемыми обществу атакуемого государства нарративами и условно объективной реальностью⁴, которая отличается и не способствует формированию целевой и целостной смоделированной картины в когнитивном пространстве общества атакуемого государства. При ведении гибридного противоборства с высокой степенью

² Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении // Новости ВПК. 06.04.2024. URL: https://vpk.name/news/85159_cennost_nauki_v_predvidenii.html.

³ Ильницкий А.М. Стратегия Запада – война // Арсенал Отечества. 13.05.2023. URL: <https://amicable.ru/news/the-strategy-of-west-is-war-tactics-mental-genocide/>.

⁴ В данном контексте примем окружающую реальность как антитезу транслируемым альтернативным и ложным нарративам, имеющим целью изменение когнитивного пространства общества, как условно объективную.

эффективности должно быть использовано сочетание когнитивного и реального⁵, неотличимые одно от другого. В ином случае в обществе наступает когнитивный диссонанс, влекущий прогрессирующий рост степени недоверия и вырабатываемую резистентность, эскапизм, сопровождаемый разочарованием и ростом социальной и политической апатии. В связи с действующей и общепризнанной ролью дипломатии⁶ как основного пока еще механизма разрешения противоречий на данном этапе цивилизационного развития на уровне международных отношений государствам придется бороться в первую очередь в когнитивном пространстве – пространстве смыслов, ценностей, идей, конструктов.

В последние два-три десятилетия когнитивная система индивида и совокупность систем в виде общественного когнитивного пространства оказались в центре внимания в контексте общего интереса к человеческому мозгу и возникновению новых измерений общественных отношений. Бурное развитие искусственного интеллекта в последние десять лет отражается и на международных отношениях, заставляя рассматривать их функционирование в когнитивном пространстве. В частности, это отражается на взаимодействии и восприятии реальности лидерами государств, восприятии народонаселения различных государств других государств (и их народонаселения) как союзников, соперников или врагов (источника потенциальной или реальной угрозы). Отметим, что когнитивные науки, изучающие в числе первых среди других ветвей наук когнитивное пространство и взаимодействие с ним (внутри него), относятся к категории мультидисциплинарных и находятся на пересечении нейробиологии и нейрофизиологии, лингвистики, компьютерных наук, политики, социологии, философии.

Важно отметить, что воздействие на когнитивную систему индивида / общества⁷ не является беспрецедентно новым и наблюдалось во все периоды истории человечества. В более ранние периоды можно отметить использование методов пропаганды, распространяемой посредством радио, телевидения, прессы, выступлений перед народными массами. Вместе с тем когнитивное пространство в его современном виде как сложная совокупность нарративов, дискурсов, знаний, а также сознания и ощущений сложилось сравнительно недавно – в последние 30–40 лет. Оно отличается от состояния когнитивного пространства на более ранних этапах развития человечества в первую очередь за счет появления возможностей сверхскоростной доставки информации и наличия постоянного подключения к сети информации практически каждого индивида на планете⁸. Рассмотрим несколько основных этапов системной трансформации когнитивного пространства. В качестве первой фазы можно выделить

5 Макаров Е.Б. Ментальная и когнитивная войны: вопросы определения, цели и средства // Геополитика.ру. 12.11.2022. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/mentalnaya-i-kognitivnaya-vouyny-voprosy-opredeleniya-celi-i-sredstva>.

6 Безусловно, растущее количество конфликтов (см. Введение) выглядит серьезно оспаривающим ведущую роль дипломатии в международных отношениях как основного и общепризнанного, безусловного и первостепенного инструмента для разрешения противоречий.

7 В контексте данной статьи будем считать когнитивное пространство общества состоящим из совокупности когнитивных систем индивидов.

8 Digital 2024: Global overview report. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report>.

1990-х гг. и появление сети Интернет, давшее старт сверхбыстрому обмену информацией. Начало второй фазы можно датировать второй половиной 2000-х гг., когда с ростом популярности Facebook^{*9}, Twitter^{*10} началось активное пользование социальными сетями. Появление YouTube^{*11} стало отправной точкой для новых медиа и стартом конкуренции для телевидения. Именно этот период можно считать поворотным в части появления системы глобальной координации между людьми на планете с помощью социальных сетей. Влияние массовой координации оказало и продолжает оказывать влияние на международные отношения – в первую очередь с помощью высокой скорости изменения смысловых конструктов и позиций (новости, комментарии, факты, смыслы, нарративы). Третья фаза началась примерно в 2020 г. с появлением, бурным ростом и переходом в бытовое ежедневное использование больших лингвистических моделей (GPT, DeepSeek, Gemini, GigaChat и проч.). Данные модели выступают в роли источника информации, собеседника, наставника, эксперта. Происходит частичное замыкание информационного контура на искусственном интеллекте (ИИ): один индивид-«автор» получает информацию путем запроса в чат-боте ИИ, второй индивид-«получатель» информации проверяет ее в чат-боте ИИ. На международные отношения будет влиять уровень развития систем ИИ, лидерство в которых сегодня пока принадлежит США и Китаю. Соответственно, есть риск целенаправленного стратегического влияния и системного сбора информации, включая анализ и моделирование паттернов мышления, поведения и коммуникации этнических групп и обществ стран-потребителей иностранных БЛМ¹². Также есть серьезный риск предопределенности и распространения нарративов в части позиции по стратегическим вопросам, а также возможность значимого влияния изнутри на народонаселение других государств. Резюмируя, фактически мы можем выделить три фазы и обратить внимание на то, что они соотносятся с происходящими событиями в мире.

Одной из основных технологических платформ в событиях «арабской весны» стал Twitter^{*13} с его системой коротких сообщений в 140 знаков. Копившееся социальное недовольство, технологии и внешнее дирижирование, соединившись, вылились в социальный взрыв [8]. Динамика событий напрямую зависела и подпитывалась распространяющимися с высокой скоростью эмоциональными народными репортажами с места событий. Для контраста уместно сделать отсылку к событиям Октябрьской революции, когда важно было захватить вокзалы, телеграф, радио и долгое время в городе ни одна из противоборствующих сторон не знала,

9 *Facebook принадлежит компании Meta Platforms, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

10 *Twitter заблокирован Роскомнадзором по решению Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 года на основании ст. 15.3 Закона об информации, информационных технологиях и о защите информации.

11 *Доступ к информационному ресурсу YouTube ограничен на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

12 Больших лингвистических моделей (LLM – Large Language Model).

13 *Twitter заблокирован Роскомнадзором по решению Генпрокуратуры от 24 февраля 2022 года на основании ст. 15.3 Закона об информации, информационных технологиях и о защите информации.

кто же контролирует город. В тот исторический период не было технологий и сформированного когнитивного пространства, в котором было бы возможно быстро распространять информацию и на которое было бы возможно системно влиять. При когнитивной войне также важно контролировать критическую технологическую инфраструктуру, которая стала децентрализованной, и контроль над ней требует диверсионных и киберопераций. Важно отметить, что события «арабской весны» вряд ли уместно относить исключительно к результатам системного воздействия на когнитивное пространство, скорее, это ситуативное оперирование существующим недовольством народонаселения для организации переворотов и революций.

Системное воздействие на когнитивное пространство имеет форму долгосрочной программы с множеством каналов влияния как на народонаселение государства-оппонента, так и на собственное народонаселение. Целью является создание необходимого «вектора настроений», изменение восприятия, образа мышления общества атакуемого государства и в итоге программирование недовольства и последующих активных действий в сторону собственного правительства в целях изменения поведения государства-оппонента на международной арене. Это могут быть вопросы языка, поведение в вопросах безопасности, территориальные взаимоотношения, вопросы религии и этнического состава, вопросы образования и экономики. Целями воздействия также служат переориентация существующих и воспитание новых поколений национальных элит, смена политических режимов и приход к власти лояльных политических лидеров. Результатом является создание видоизмененного когнитивного пространства элит атакуемого государства. Для этого используются гранты на ведение исследований, образование за границей, участие в закрытых клубах и сообществах, распространение литературы, именные стипендии и проч. инструменты. Основными инструментами для этого являются, как правило, НКО, поддерживаемые государством-бенефициаром.

Системное влияние на когнитивное пространство происходит через множество каналов и имеет различный горизонт влияния. Средний горизонт органического (или псевдоорганического) изменения общественного дискурса в среднем составляет от трех до пяти лет (в зависимости от значимости вопроса для общества). Вопросы исторической памяти требуют кратно большего срока, измеряемого десятилетиями. В зависимости от масштаба задачи определяется и структура каналов влияния; все большую роль начинают играть новые медиа: социальные сети, YouTube^{*14}, телеграм-каналы, «Википедия», чат-боты на основе ИИ. Телевидение, радио и прессу списывать со счетов по-прежнему рано, так как их влияние все еще велико среди старшего поколения, а также в странах с недостаточной степенью развитости и доступности передовых технологий.

Главными агентами изменений становятся: лидеры общественного мнения – популярные политические деятели, блогеры, независимые эксперты, религиозные

¹⁴ *Доступ к информационному ресурсу YouTube ограничен на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

деятели. Фундаментальными институтами с горизонтом деятельности на уровне поколений являются: университеты, школы, языковые и культурные центры. Интеллектуальными центрами для выработки решений и воздействия в первую очередь на элиту общества являются: экспертные сообщества, аналитические центры, закрытые клубы и сообщества, оппозиция.

Выводы

Тема влияния на когнитивное пространство достаточно популярна, но в большой степени окружена домыслами и рассуждениями в формате конспирологических теорий либо гиперболизированными, часто бездоказательными утверждениями. Понятие когнитивной плоскости и конструирования «отдельного мира и конструкторов в ней» зачастую переоценено, что не снижает значимость данного феномена и его важность. Новые горизонты открываются с выходом на сцену ИИ, когда значимость НКО может уже быть сильно снижена, так как в форме ИИ появляется «эксперт, который всегда рядом, знающий “правильные” ответы на любые вопросы».

Что может спасти человеческое общество в эпоху, когда истина может быть неотличима от лжи, состояние войны от мира? В первую очередь это развитие навыков критического мышления, логики и анализа в обществе, начиная еще со школы. Помимо функции безопасности эти меры препятствуют грядущей деградации человеческого капитала при дальнейшем бурном развитии искусственного интеллекта. В целом одними из главных открытых вопросов остаются роль человека и общества в эпоху развития ИИ и обратимость нанесения ущерба человеческому потенциалу при злонамеренном воздействии на когнитивное пространство народонаселения. В качестве конкретных и действенных мер считаю важным:

Определение и введение понятия национального когнитивного пространства на государственном уровне как требующего пристального изучения в формате междисциплинарного подхода.

Определение национального (российского), а также страновых, континентальных и мирового когнитивного пространства как среды потенциального оперирования.

Развитие ИИ в России в тесной координации с бизнес-сообществом, отечественными технологическими компаниями и стартапами. Содействие созданию российских ИИ-моделей и стимулирование их конкурентоспособности на глобальном уровне. Выработка гибких норм технологического регулирования, способствующего прогрессу России на глобальном технологическом рынке.

Создание координированной политики и совокупности программ для влияния и продвижения нарративов, создания конструкторов, соответствующих национальным интересам и ценностям российского государства, российского народа, коррелирующих с общечеловеческими ценностями. Создание положительного образа Российской Федерации, донесение основ национальной и внешней

политики, увеличение количества лояльных лидеров общественного мнения через использование координированных программ в когнитивных пространствах других государств, в первую очередь стран Европейского континента, США и СНГ.

Исключение ведения разрушительных действий для нанесения ущерба человеческому потенциалу независимо от характера взаимоотношений с государством-оппонентом.

Инициирование международного регулирования в мировом когнитивном пространстве через основополагающие международные организации, в первую очередь Совбез ООН, ВОЗ, ЮНЕСКО и иные авторитетные международные организации.

Список литературы

1. Белоус А.И. Технологии, методы и инструменты войн XXI века [Technologies, Methods and Tools of 21st-Century Wars]. М.: Техносфера, 2023. 527 с.
2. Ильницкий А.М. Стратегия ментальной безопасности [The Strategy of Mental Security] // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24–35.
3. Контурсы цивилизационного будущего России [Outlines of Russia's Civilizational Future]: коллективная монография // отв. ред. А.П.Сигал. М.: Fortis Press, 2024.
4. Манойло А.В. Информационные войны и цветные революции [Information Wars and Color Revolutions]. М.: Горячая Линия – Телеком, 2023. 496 с.
5. Медушевский А.Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (Часть 1) [Cognitive Warfare: Social Control, Mind Manipulation, and the Instrument of Global Dominance (Part 1)] // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 2. С. 85–98.
6. Медушевский А.Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (Часть 2) [Cognitive Warfare: Social Control, Mind Manipulation, and the Instrument of Global Dominance (Part 2)] // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 92–107.
7. Михайлов И.Ф. Как в наше время возможна когнитивная теория общества? [How is a Cognitive Theory of Society Possible in Our Time?] // Электронный философский журнал Vox. 2018. № 25. С. 191–200. URL: <http://vox-journal.org>.
8. Роган Ю. Арабы. История. XVI–XXI вв. [The Arabs: A History (16th–21st Centuries)]. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.
9. Фаттахов А.И. Когнитивные и ментальные операции как способ влияния на государство и общество в контексте международных отношений [Cognitive and Mental Operations as a Means of Influencing States and Societies in International Relations] // Информационные войны. 2025. № 1(73). С. 12–20.
10. Du Cluzel F. Cognitive Warfare. Bordeaux: Innovation Hub, 2021.

Информация об авторе

ФАТТАХОВ Азамат Ильгисович. Аспирант Дипломатической академии МИД России. <https://orcid.org/0009-0003-2676-3524>. Адрес: Российская Федерация, 119021, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1. Azamat.I.Fattakhov@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 31 июля 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Belous A.I. Technologies, Methods and Tools of 21st-Century Wars. Moscow: Tekhnosfera [Technosphere], 2023. 527 p. [In Russian].
2. Ilitsky A.M. The Strategy of Mental Security. Voennaya mysl' [Military Thought]. 2022; 4:24–35 [In Russian].
3. Outlines of Russia's Civilizational Future: A Collective Monograph / ed. by A.P.Sigal. Moscow: Fortis Press, 2024 [In Russian].
4. Manoylo A.V. Information Wars and Color Revolutions. Moscow: Goryachaya Liniya – Telekom [Hotline – Telecom], 2023. 496 p. [In Russian].
5. Medushevsky A.N. Cognitive Warfare: Social Control, Mind Manipulation, and the Instrument of Global Dominance (Part 1). Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Theoretical Economics]. 2023; 2:85–98 [In Russian].
6. Medushevsky A.N. Cognitive Warfare: Social Control, Mind Manipulation, and the Instrument of Global Dominance (Part 2). Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Theoretical Economics]. 2023; 3:92–107 [In Russian].
7. Mikhailov I.F. How is a Cognitive Theory of Society Possible in Our Time? Elektronnyj filosofskij zhurnal Vox [Vox Online Philosophical Journal]. 2018; 25:191–200 [In Russian]. Available from: <http://vox-journal.org> (accessed: 06.06.2025).
8. Rogan E. The Arabs: A History (16th–21st Centuries). Moscow: Alpina Non-Fiction, 2019 [In Russian].
9. Fattakhov A.I. Cognitive and Mental Operations as a Means of Influencing States and Societies in International Relations. Informacionnye vojny [Information Wars]. 2025;1(73):12–20 [In Russian].
10. Du Cluzel F. Cognitive Warfare. Bordeaux: Innovation Hub, 2021 [In English].

About the author

Azamat I. FATTAKHOV. Postgraduate of Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. <https://orcid.org/0009-0003-2676-3524>. Address: building 1, 53/2, Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russian Federation. Azamat.I.Fattakhov@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: July 31, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты
и процессы

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes.

Political sociology

Социальный психоанализ международных отношений направлен на трансформацию коллективного опыта, мировоззренческих матриц, работу с травмами, виной, коллективными неврозами, враждебными идентичностями, состояниями постнасилия, национального унижения и др.

Комлева В.В.

Социальный психоанализ международных отношений: теоретический базис и опыт применения

Место Канады в международной образовательной системе и сложившаяся тенденция по привлечению иностранных обучающихся обусловлены преимущественно экономическим вкладом зарубежных студентов в систему канадского высшего образования...

Головко-Охременко А.А., Еремина К.С.

Основные параметры входящей образовательной миграции в Канаде

Маркируя свое заведение «халяльностью», владельцы такого бизнеса, скорее всего, исходят из маркетинговых соображений. Желание заработать на этом стоит выше, чем духовная потребность мусульман Москвы.

Каландаров Т.С.

«Халяльные» кафе Москвы как пространство репрезентации «мусульманскости»: постановка проблемы

Все перечисленные ограничения прав и свобод женщин уже к началу Конституционной революции прекрасно осознавались иранскими интеллектуалами и интеллектуалками и становились кризисогенным фактором общественных отношений, что проявилось как в ходе Конституционной революции 1905–1911 гг., так и в более поздние периоды.

Кавун С.А.

Социально-экономическое положение женщин в Иране к началу Конституционной революции 1905–1911 гг. как кризисогенный фактор общественных отношений

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ
Социальная структура, социальные институты и процессы.
Политическая социология
CHANGING SOCIETY
Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-130-150](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-130-150)

Социальный психоанализ международных отношений: теоретический базис и опыт применения

Валентина Вячеславовна Комлева✉

Национальный исследовательский институт развития
коммуникаций, Москва, Россия

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>.ru

Аннотация. В статье рассматривается потенциал социального психоанализа как междисциплинарного подхода к анализу международных отношений. Автор аргументирует, что в условиях трансформации международной среды, кризиса доверия и нарастания конфликтности традиционные рациональные и институциональные модели анализа оказываются недостаточными. Социальный психоанализ позволяет выявить бессознательные мотивации, архетипические образы, коллективные травмы и идеологические конструкции, влияющие на поведение акторов в международной политике. Рассматриваются ключевые теории и направления, включая фрейдомарксизм, лакановский психоанализ, психоаналитическую социологию, а также современные интерпретации феноменов травмы, враждебной идентичности и политического лидерства. Отдельное внимание уделено зарубежному и российскому опыту применения подхода в международной практике. Представлен конкретный пример анализа международных конфликтов (в том числе между Арменией и Азербайджаном), выявлены типичные архетипы и нарративы, транслируемые через политику, медиа и коллективную память. Впервые описан эксперимент по интеграции инструментов социального психоанализа и искусственного интеллекта (модели GPT) для генерации аналитических

решений. Автор показывает, что применение ИИ может быть эффективным на этапе предварительного анализа и моделирования, однако требует экспертной интерпретации. Статья подчеркивает необходимость развития социального психоанализа в российской академической и практической среде как способа интерпретации и преодоления конфликтных взаимодействий в международной политике.

Ключевые слова: социальный психоанализ, международные отношения, коллективное бессознательное, архетипы, коллективная травма, идентичность, образ врага, психоанализ масс, международные конфликты, внешняя политика, армяно-азербайджанский конфликт

Для цитирования: Комлева В.В. Социальный психоанализ международных отношений: теоретический базис и опыт применения // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 130-150, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-130-150](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-130-150)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-130-150](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-130-150)

Social Psychoanalysis of International Relations: Theoretical Basis and Practical Experience

Valentina V. Komleva✉

National Research Institute for the Communications Development, Moscow,
Russia

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
komleva@nicrus.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>.ru

Abstract. The article explores the potential of social psychoanalysis as an interdisciplinary approach to the analysis of international relations. The author argues that under conditions of global transformation, declining trust, and increasing conflict intensity, traditional rational and institutional models of analysis are no longer sufficient. Social psychoanalysis enables the identification of unconscious motivations, archetypal images, collective traumas, and ideological constructs that shape the behavior of actors in international politics. The paper reviews key theorists and approaches, including Freud-Marxism, Lacanian psychoanalysis, psychoanalytic sociology, as well as contemporary interpretations of trauma, hostile identity, and political leadership. Special attention is given to both international and Russian experiences in applying this approach to practice. A specific example of conflict analysis is presented, including the Armenia-Azerbaijan conflict, revealing common archetypes and narratives transmitted through politics, media and collective memory. For the first time, an experiment integrating tools of social psychoanalysis with artificial intelligence is described (GPT models for generating analytical insights). The author demonstrates that AI can be effective at preliminary analysis and modelling, but requires expert interpretation. The article emphasizes the need for developing social psychoanalysis in Russian academic and practical contexts as a method for interpreting and resolving conflicts in international politics.

Keywords: social psychoanalysis, international relations, collective unconscious, archetypes,

collective trauma, identity, enemy image, mass psychoanalysis, international conflicts, foreign policy, Armenia–Azerbaijan conflict

For citation: Komleva V.V. Social Psychoanalysis of International Relations: Theoretical Basis and Practical Experience. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 4(18): 130-150. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-130-150](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-130-150)

Введение

Традиционно международные отношения анализируются с точки зрения политических теорий, акцентирующих внимание на институтах, государстве, государственных интересах, принятии стратегических решений. Теории международных отношений концентрируются преимущественно на таких факторах, как военный потенциал, экономическая мощь и геополитические интересы. Эти подходы до определенного времени объясняли происходящие события, а их гносеологический и эвристический потенциал давал возможность разрабатывать эффективные решения. Эти подходы показали свою эффективность в сформированной и стабильной институциональной среде, где человеческий фактор можно минимизировать. Однако в условиях трансформации норм и правил международных отношений, снижения доверия к международным институтам, многополярности, конкуренции, конфликтогенности, увеличения числа войн эти подходы не дают ответов на ряд сложных вопросов. Почему принимаются именно такие внешнеполитические решения и какие глубинные движущие силы обуславливают их? Как психические процессы влияют на понимание внешних угроз, особенностей «Другого», и как определяют результаты дипломатии? Какова роль личности лидеров и как формируются их решения? Что лежит в основе национального самосознания? Каковы основы восприятия других? Как и почему вопросы идентичности связаны с международными отношениями? Ответы на эти и другие вопросы становятся возможными, если в теории международных отношений интегрировать научные разработки из области психологии, социологии, социального психоанализа. Применяя их инструменты, ученые выявляют причинно-следственные связи, которые невозможно понять, используя чисто рациональные подходы. Вероятно, в настоящее время в теории международных отношений мы имеем дело с антропологическим поворотом, при котором человеческий фактор, фактор групп и общностей, начинает играть важную роль.

Классический институциональный анализ в последние годы дает сбои, его гносеологический и прогностический потенциал остается высоким, но уже не достаточным для понимания процессов и явлений. Мы видим запрос не только на анализ макропроцессов и макрофакторов, но и на анализ микропроцессов и микрофакторов, определяющих внешнюю политику.

Как следствие, идет поиск подходов и инструментов анализа международного поведения и процессов принятия решений. Например, П.А.Цыганков и его

единомышленники развивают социологию международных отношений [29; 46]. Широко представлены работы по психологии международных отношений. В МГИМО открыта магистерская программа «Когнитивные исследования и нейротехнологии в международных отношениях»¹, которая объединяет наработки МГИМО и факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова.

Тем не менее социальный психоанализ является нетипичным направлением российских исследований. Но в других странах имеются серьезные наработки в этой области и опыт применения социального психоанализа в международной практике. Обобщая этот опыт (с определенной долей условности), можно сказать: теоретические разработки ведутся, преимущественно на Западе, а апробация – на Ближнем Востоке. Хотя в последнее время это направление стало развиваться и в Китае, и в Индии.

Актуальность поиска инструментов анализа и решений международных проблем, в том числе с помощью социального психоанализа, обусловлена растущей международной конкуренцией, усилением девиантного поведения международных акторов, конфликтов и войн. В этих критических условиях актуализировались особенности коллективного бессознательного, исторические обиды, травмы, комплексы, коллективные неврозы, архетипическое конструирование образа «врага» и «союзника». Разрушение стереотипных ожиданий (фрустрации) ведут к разочарованию в союзниках и противниках.

Именно в таком контексте наиболее эффективны методы социального психоанализа. Они помогают вскрыть глубинные, бессознательные регуляторы поведения и использовать их не только для анализа и прогнозирования, но и при подготовке к международным переговорам, в урегулировании конфликтов, в работе с конфликтующими сторонами.

Обращение к социальному психоанализу открывает дополнительные возможности и позволяет заглянуть в «слепые зоны» поведения внешнеполитических субъектов. Как исследователь, я столкнулась с необходимостью поиска инструментов изучения «слепых зон» в ходе мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран. Эти режимы управляются не только законами, но и архетипическими конструкциями, представлениями, передающимися из поколения в поколение.

Материалы и методы

Материалы исследования составили научные публикации в области социального психоанализа, конкретные случаи применения социального психоанализа в международной практике, научно-практические проекты в этой области, результаты мониторингов конфликтов и кризисов.

¹ Подробнее о программе см.: Когнитивные исследования и нейротехнологии в международных отношениях // МГИМО. URL: https://kn.mgimo.ru/?ysclid=mcwyizbb2m871347831&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru.

В ходе исследования применялись методы историко-генетического анализа, позволившего проследить происхождение и эволюцию идей, теорий, понятий в научных источниках; логико-содержательный анализ, позволивший понять логические структуры рассуждений авторов, их аргументы и выводы; системный анализ – с целью изучения научных источников как элементов более широкой системы знаний; критико-рефлексивный анализ, позволивший оценить ценностные, идеологические, мировоззренческие основания научных источников.

Автором использовались цифровые инструменты на базе искусственного интеллекта, в частности языковая модель GPT (Generative Pretrained Transformer), разработанная компанией OpenAI. GPT использовалась в качестве вспомогательного аналитического инструмента на этапах: предварительного обзора научной литературы (на английском и русском языках), генерации идей по решению международного конфликта с помощью социального психоанализа на примере армяно-азербайджанского конфликта). Все результаты, полученные с использованием GPT, подвергались экспертной интерпретации, верификации с помощью ручного анализа и сопоставлялись с академическими источниками. Искусственный интеллект не заменял, а дополнял аналитическую деятельность исследователя. Использование GPT не нарушает научной добросовестности, поскольку: выводы и интерпретации формулировались автором исследования; модель не применялась для генерации уникального контента без проверки; ссылки, цитаты и источники проверялись на достоверность и актуальность. Применение таких инструментов может быть отнесено к категории цифровой эвристики – методов, расширяющих возможности анализа и стимулирующих исследовательское мышление в условиях больших объемов информации и междисциплинарного подхода.

Результаты исследования

Социальный психоанализ международных отношений (далее – СПМО) рассматривается нами как междисциплинарный подход, который исследует, как коллективные бессознательные процессы, исторические травмы, страхи, архетипы и идентичности влияют на международное поведение государственных и негосударственных акторов, на развитие конфликтов и принятие внешнеполитических решений.

История социального психоанализа международных отношений началась не сегодня, а насчитывает несколько веков. Но тогда никто не называл это социальным психоанализом. Социальный психоанализ международных отношений как научный подход естественно связан с развитием психоанализа, в частности, с идеями З.Фрейда [25], К.Г.Юнга [33], Э.Эриксона [31; 32] и др. Инструментарий социального психоанализа использовался в психологии масс (Г.Лебон [12], В.М.Бехтерев [2], Э.Каннети [7] и др.). Сопряжение идей психоанализа и политических теорий было характерно для фрейдомарксистов. Например, для В.Райха («Диалектический материализм

и психоанализ» (1929), «Психология масс и фашизм» (1933)) [18; 44] и О.Фенихеля («Психоанализ как ядро будущей диалектико-материалистической психологии» (1934)) [42]. С позиций социального психоанализа Г.Маркузе рассматривает историю как борьбу с подавлением инстинктов («Эрос и Цивилизация» (1955)) [14]. Э.Фромм доказывает, что современное ему общество состоит из дегуманизирующих и бюрократических социальных структур, которые ведут к универсальному феномену отчуждения («Здоровое общество» (1955)) [26]. Л.Альтюссер («Идеология и идеологические государственные аппараты: заметки к исследованию», «Противоречие и переопределение» [34; 35]), опираясь на идеи А.Грамши, З.Фрейда, Ж.Лакана, рассматривал гегемонию как итог деятельности политических сил, а идеологию как бессознательную, зеркальную фазу гегемонии.

Переосмысление идей З.Фрейда через призму структурализма, лингвистики и философии характерно для французского психоаналитика Ж.Лакана («Четыре фундаментальные концепции психоанализа» (1994) [11]), чьи работы сегодня могут быть полезны для анализа гибридных войн, понимания внешней политики не только как системы рациональных интересов, но и бессознательных процессов, формирования образа государств (в том числе роль страхов и фантазий в этом процессе), формирования образа «врага» (как проекции внутренних конфликтов), роли желания быть признанным «Большим Другим» и принятым в международном поведении государств и др. Лакановский подход использовали С.Жижек («Добро пожаловать в пустыню реальности!» (2002), «Насилие: шесть парадоксальных размышлений» (2008) [4; 5]), Д.Кэмпбелл («Конструируя безопасность: внешняя политика США и политика идентичности» (1992) [38]), Д.Эдкинс («Травма и память о политике» (2003), «Постструктурализм и международные отношения» (2007) [40; 41]) и др.

Как социолог, не могу не отметить наличие такого направления, как психоаналитическая социология, которая изучает общество теми же способами, что и психоанализ при анализе личности. Предметом психоаналитической социологии является взаимовлияние сознательных и бессознательных аспектов поведения людей, групп, обществ и социальных институтов. Несмотря на споры вокруг психоаналитической социологии, обратим внимание на таких исследователей, как Т.Парсонс («Суперэго и теория социальных систем» в «Социальной структуре и личности» (1964)) [17], С.Леже («Психоанализ и массовая культура» в книге: Э.Скалл (ред.) «Культурная социология психических заболеваний: справочник от А до Я» (2014)) [13], Т.Туэйтс («Читая Фрейда: психоанализ как теория культуры» (2007)) [47], Д.Руссель («Психоаналитическая социология: новая теория социальных связей» (2024)) [45], М.Бруннер, Н.Бургермайстер, Я.Лоль, М.Швитринг, С.Винтер («Критическая психоаналитическая социальная психология в немецкоязычных странах» (2013)) [37].

В настоящее время применение методов социального психоанализа характерно для исследователей в разных странах. Австрийский ученый В.Дитрих («Вариации мира: исследования мира в глобальной перспективе» (2008) [39]) применяет трансформативный подход к анализу мира, используя категории

архетипов, коллективной идентичности, межкультурной рефлексии. Израильский исследователь Д.Бар-Он («Другие внутри нас: конструирование еврейско-израильской идентичности» (2008) [36], проекты «Нарративы в конфликте»²) проводит психоанализ образа врага, работу с потомками жертв и преступников, диалог травмы. Э.Саид, считающийся ученым из США и Палестины, дает критико-психоаналитический анализ колониальных нарративов («Культура и империализм» (1993)) [19]. П.Гободо-Мадикизела из ЮАР анализирует опыт Комиссии примирения по публичному признанию и работы с чувством вины, коллективным прощением и восстановлением («Человек умер той ночью: южноафриканская история прощения» (2003)) [43]. Ф.Фанон, французско-алжирский исследователь, использует социальный психоанализ для изучения колониализма, травмы угнетенного, насилия и идентичности («Черная кожа, белые маски» (1952), «О проклятых землях» (1961)) [22; 23]. Германский ученый Т.Хукс анализирует травмы Холокоста, колониализма, проблемы фасилитации («Исцеление коллективной травмы: процесс интеграции наших межпоколенных и культурных ран» (2020) [28], семинары в ООН).

В России социология и психология вошли в систему современного научного знания о международных отношениях, прежде всего, благодаря таким ученым, как В.И.Бартенев [1], Л.Н.Вдовиченко [3], П.А.Цыганков [30], О.В.Красина [10], Л.О.Терновая [21], В.В.Кочетков [9], А.Г.Дугин и др. Предметное поле этих исследований формируется вокруг проблем девиантного поведения международных акторов, международного лидерства, принятия внешнеполитических решений, межнациональных и межгрупповых взаимодействий, идентичности, политических ценностей и идеологий и др.

Вместе с тем собственно социально-психоаналитических исследований международных отношений в России пока немного. Но направление активно развивается как под влиянием идей психоаналитической школы (преимущественно с опорой на разработки К.Г.Юнга), так и под влиянием социальной антропологии, этносоциологии, этнопсихологии, культурологии, кросс-культурной психологии.

Весьма интересны современные российские исследования, применяющие социальный психоанализ для изучения российского менталитета и проявлений его особенностей в международных отношениях. Например, гносеологический и эвристический потенциал социального психоанализа аргументирован в диссертации Е.Г.Зайцевой «Социальный психоанализ как метод исследования российской ментальности». Гносеологические основания социального психоанализа позволили автору рассмотреть российскую ментальность «в единстве сознательных и бессознательных психосемантических практик, определяющих поведенческие, мотивационные и целевые стратегии российского этноса в различных исторических

условиях его социокультурного самоопределения». Исследования Е.Г.Зайцевой показали, что «российская ментальность до сих пор сохраняет антиномичный характер, являющийся воплощением противоречивого синтеза исходных установок практического опыта жизни на стыке нескольких культурно-цивилизационных традиций и проявляющийся в оборонительно-регулятивном комплексе, исключительной чувствительности к внешним угрозам (как реальным, так и мнимым), повышенной национальной уязвимости, переносе границ между “своими” и “чужими” внутрь национального самосознания...» [6].

С позиций социального психоанализа Н.А.Хренов рассматривает феномен вождей. По его мнению, «вожди – это, как правило, принимающие чувственный образ сверхчувственные образы массового бессознательного. Их возникновение – следствие разбуженного мифологического и символического мышления, которое, как часто кажется, давно уже не существует. Однако такие экстремальные ситуации, как революция и война, актуализируют архетипы и мифы, а вожди начинают восприниматься “культурными героями”, т.е. образами мифа. Иначе говоря, “богами”» [27]. Процесс рождения «богов» в дореволюционной, революционной и постреволюционной России Н.А.Хренов анализирует на примерах В.И.Ленина и И.В.Сталина. Он демонстрирует, как революции (связываемые с прогрессом и устремлением в будущее) на психологическом уровне показывают вытеснение поздних уровней мышления и активизацию более древних, архаических пластов сознания. Например, архетипы, замеченные еще историком Н.Карамзиным [8], об отношении массы к главе государства как к отцу, а, согласно концепции З.Фрейда, образ отца со временем трансформировался в сакральный образ Бога [27].

Кроме упомянутых российских ученых, в той или иной степени использующих инструменты социального психоанализа при изучении и интерпретации международных процессов и явлений, отметим А.В.Оболонского [15; 16], А.Г.Смирнову [20], А.П.Федоркину [24] и др.

Таким образом, к настоящему времени накопилось достаточно большое количество исследований теории и практики применения социального психоанализа международных отношений. Основными областями применения СПМО в исследованиях являются:

- враждебность между странами, формирование внешнего врага как проекция внутренних страхов;
- национализм и конфликты коллективных идентичностей, изоляционизм. Психология национального «Я», «Мы» и образ «другого»;
- память о травмах и историческая обида (как коллективные травмы (особенно после войн и колониализма) управляют политикой), коллективная травма как фактор агрессии или жертвенности;
- переосмысление памяти, стыда, вины в дипломатии и войнах;
- идеологическая поляризация и демонизация, разделение на «добро» и «зло»;
- популизм и культ лидера, роль лидерских архетипов (отец, защитник, спаситель, герой, предатель) в международных кризисах;

² Доклад по методике «Narratives in Conflict» – Storytelling as a Way to Work Through Intractable Conflicts (работа с заложенными конфронтационными нарративами, включая проекты на Ближнем Востоке) опубликован в журнале «Journal of Social Issues» на площадке SPSSI. URL: https://spssi.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.0022-4537.2004.00112.x?utm_source=chatgpt.com.

● напряжение между традицией и глобализмом.
Обратимся к опыту использования инструментов социального психоанализа в практике международных отношений.

Применение методов социального психоанализа в международной практике

На практике логика применения инструментов социального психоанализа выстраивается таким образом: 1) определяется проблема, 2) дается ее психоаналитическое объяснение, 3) предлагается решение. Затем решение реализуется. В таблице 1 представлены некоторые примеры этого алгоритма.

Таблица 1. Примеры применения социального психоанализа в интерпретации и решении проблем

Table 1. Examples of the Application of Social Psychoanalysis to the Interpretation and Solution of Problems

Проблемы международных отношений	Психоаналитическое объяснение	Психоаналитическое решение
Враждебность между странами. Формирование внешнего врага как проекция внутренних страхов	Долговременная враждебность без рациональных оснований	Осознание проекций, создание диалога и взаимопонимания. Деконструкция негативных архетипов, развитие взаимопонимания
Национализм и конфликты коллективных идентичностей, изоляционизм	Страх утраты идентичности, коллективное «Мы» и «Они»	Осознание иррациональных установок, критическое переосмысление идентичностей, культурный диалог и обмен
Память о травмах и историческая обида. Коллективные травмы (войны, колониализм) управляют политикой	Подсознательное влияние исторических травм на политику. Непроработанные обиды под-держивают конфликты	Работа с коллективной памятью, признание травм, символические акты справедливости
Идеологическая поляризация и демонизация, разделение на «добро» и «зло»	Актуализация архетипов «добра» и «зла» в политике	Развитие зрелых политических нарративов и мышления, критика упрощенных нарративов
Популизм и культ лидера	Массовое стремление к «отцу»-лидеру. Идеализация лидера как «отца». Идеализация власти в условиях страха. Бегство от ответственности	Развитие политической зрелости и критического мышления. Образование
Напряжение между традицией и глобализмом	Внутренние конфликты, проецируемые вовне, страх перемен	Принятие разнообразия идентичностей, работа с архетипами, развитие адаптационных механизмов

Известно несколько центров социального психоанализа международных отношений. Нередко среди практикующих ученых, работающих в этой сфере,

встречаются представители этнических групп, исторически подвергавшихся гонениям, конфликтам, войнам. Возможно, это связано с тем, что осмысление проблемы происходит через осознание себя как части травмированного коллективного сознания, выявление своих иррациональных установок в отношении «своих» и «чужих» и желание помочь своему народу или стране.

Школа социального психоанализа международных отношений, сформировавшаяся вокруг В.Волкана³ и его коллег, институционально оформилась как частная международная междисциплинарная группа IDI («Международная инициатива диалога»)⁴. IDI начинался как проект Института Эриксона. Представители IDI специализируются на урегулировании международных, межнациональных, межэтнических конфликтов, международной напряженности, особенно между Ближним Востоком и Западом. Работают с трудностями в понимании «другого», коллективными переживаниями прошлых травм («избранной травмы», межпоколенческой передачи травмы), внедряют методики анализа эмоциональной динамики международных отношений, техники психологически информированного, рефлексивного международного диалога. IDI консультируют правительства и другие общественные группы, проводит лекции и конференции. Среди проведенных конференций, опубликованных в открытых источниках, отметим: конференцию по травме и групповой идентичности (Сараево, Босния и Герцеговина (2014)), презентации на тему психологии групповых конфликтов (Тбилиси, Грузия (2014)), лекции и тренинги по психологии больших групп (Богота, Колумбия (2017)), участие в конференции по психологии жертв насилия (Дели, Индия (2018)).

Считается, что IDI помогла в разрешении и осмыслении конфликтов в ряде национальных, этнических и межгрупповых ситуаций. Например, в греко- и турко-киприотском сообществе (Кипр), где психоаналитический подход оказался эффективным в преодолении коллективной травмы, страха и враждебности. I

DI специализируется на психоанализе больших конфликтующих групп с целью осознания глубинных эмоций и фантазий между сторонами; работает с историческими травмами, концентрируясь на переосмыслении прошлого и символическом исцелении; развивает диалоги для расширения горизонтов взаимопонимания, восстановления доверия через признание коллективного опыта; проводит семинары по подготовке медиаторов и специалистов по примирению.

В таблице 2 (с. 140) представлены обобщения опыта применения социального психоанализа в международной практике.

Конечно, социальный психоанализ в международных отношениях – не базовый метод. Это дополнительный метод. Но его игнорирование было бы неправильным. С учетом того, что такая область знаний развивается и внедряется в международную практику других стран.

³ Персональная страница В.Волкана. URL: <https://www.researchgate.net/profile/Vamik-Volkan>.
⁴ Сайт IDI. URL: www.internationaldialogueinitiative.com.

Таблица 2. Применение методов социального психоанализа в международной практике

Table 2. Application of Social Psychoanalysis Methods in International Practice

Страны / контекст конфликта	Исследователи	Методы и подходы	Краткое описание применения
Израиль – Палестина. Контекст: долгосрочный этнический и территориальный конфликт	Вольфганг Дитрих, Эдвард Шур, Дани Бар-Оан	<ul style="list-style-type: none">● Исследования групповой идентичности, трансгенерационной травмы, проекций врага. Психодинамический анализ образа врага.● Работа с трансгенерационной травмой.● Диалоговые группы	Анализ исторических обид и идентичностей, проецирование страха и вины на «другого»
Босния и Герцеговина (после гражданской войны 1990-х гг.). Контекст: этнические чистки, массовая травма	Джудит Херман, Томас Шифф, Моника МакУильямс	<ul style="list-style-type: none">● Групповая терапия для жертв и преступников через методики групповой терапии и коллективного признания травмы.● Работа с посттравматическим стрессом.● Интеграция нарративов	Проработка вины и травмы через признание и коллективное свидетельство
Сербия – Косово. Контекст: вражда и национализм	Мира Омарович, Джули Энн Моррисон, Кэти Карин	<ul style="list-style-type: none">● Работа с враждебной идентичностью.● Постконфликтная рефлексия	Исследование национальной идентичности и травм войны, восстановление диалога
Руанда (после геноцида 1994 г.). Контекст: убийства между хуту и тутси, миллионы жертв	Франц Фанон, Сюзанна Кайзер, П.Гободо-Мадикизела	Психоанализ в общинах. Работа с коллективной виной, чувством мести и страха (в т.ч. по методам Франца Фанона)	Переход от ненависти к прощению, признание боли, восстановление социальной ткани

Обобщение теоретического наследия СПМО и практики его применения в урегулировании конфликтов и в постконфликтном восстановлении позволяет выделить следующие аспекты его полезности. СПМО позволяет:

- проанализировать скрытые, бессознательные, неотрефлексированные регуляторы поведения международных партнеров и конкурентов;
- моделировать и прогнозировать внешнеполитические решения и процессы, поведение элит, масс, отдельных групп в условиях актуализации травм, неврозов, посттравматических состояний, чувства вины и др.;
- формировать и проецировать вовне непротиворечивый образ страны с учетом понимания установок «другого», «врага» и т.п.

Экспериментальное исследование возможностей интеграции социального психоанализа и искусственного интеллекта в анализе международного конфликта (на примере отношений Армении и Азербайджана)

Основанная цель нашего эксперимента заключалась в поиске путей разрешения конфликта между Арменией и Азербайджаном с помощью инструментов социального психоанализа. Дополнительная цель заключалась в апробации возможностей ИИ для генерирования решений сложных международных проблем.

На первом этапе эксперимента были выделены и описаны основные инструменты социального психоанализа в теории и практике международных отношений. Материалы были загружены в GPT.

На втором этапе ИИ были поставлены задачи: а) проанализировать армяно-азербайджанский конфликт с точки зрения социального психоанализа; б) описать, как переживания, травмы, обиды проявляются в информационном поле, нарративах, внешней политике обеих стран; с) предложить решения армяно-азербайджанского конфликта инструментами социального психоанализа.

Таблица 3. Архетипы в коллективном бессознательном и внешнеполитическое поведение Армении и Азербайджана

Table 3. Archetypes in the Collective Unconscious and Foreign Policy Behavior of Armenia and Azerbaijan

Архетип	Армения: внешнеполитическое проявление	Азербайджан: внешнеполитическое проявление	Комментарий
Жертва / мученик	Поиск признания геноцида, моральная легитимация позиции в конфликте	Отрицание роли жертвы армян; стремление деконструировать этот образ	Конфликт нарративов: признание vs. оспаривание травмы
Справедливый мститель / защитник	Упор на моральное право защищать Карабах, призывы к международной поддержке	Обоснование военной операции как восстановления справедливости	Обе стороны апеллируют к «моральному праву на силу»
Хранитель древней цивилизации / идентичности	Акцент на христианстве, культуре, уникальности нации	Риторика тюркского братства и исламской солидарности	Культурно-цивилизационное самоопределение как дипломатический аргумент
Утраченная земля	Фокус на Карабахе как святой земле; боль утраты и право на возвращение	Риторика деокупации и возвращения «своего»	Карабах как символ архетипической травмы обеих сторон
Герой / воин	Прославление защитников Карабаха, культ мучеников	Культ победителей 2020 г., героизация армии	Конструирование героического образа как мобилизационный инструмент

На третьем этапе полученный в GPT материал был проанализирован, критически осмыслен, систематизирован в табличном варианте для более удобного восприятия.

В таблице 3 (с. 141) представлены сопоставления ключевых архетипов в коллективном бессознательном армян и азербайджанцев с их соответствующими проявлениями во внешнеполитическом поведении. Напомним, что архетипы формируют устойчивые нарративы, через которые осмысляются конфликты, идентичность, образ врага и союзников.

Ниже представлена таблица 4, сопоставляющая основные архетипы в коллективном бессознательном армян и азербайджанцев с типичными медиадискурсами, в которых эти архетипы проявляются. Эти дискурсы играют ключевую роль в формировании общественного мнения, идентичности и мобилизации нации.

Таблица 4. Архетипы и медиадискурсы в Армении и Азербайджане
Table 4. Archetypes and Media Discourses in Armenia and Azerbaijan

Архетип	Армения: медиадискурсы	Азербайджан: медиадискурсы	Комментарий
Жертва / мученик	Акцент на памяти геноцида, рассказы о страданиях народа, призывы к признанию трагедий	Оспаривание армянского нарратива, критика «жертвенности» как политической манипуляции	Медиадискурсы формируют противоположные образы прошлого, поддерживая национальные мифы
Справедливый мститель / защитник	Риторика обороны родины, героизация сопротивления, образ «маленькой, но гордой нации»	Операции представляются как освобождение, борьба за честь и справедливость	Моральное оправдание насилия с обеих сторон через образы праведной борьбы
Хранитель цивилизации / идентичности	Подчеркивание древности христианства, культуры, языка, уникальности армянства	Дискурс о принадлежности к тюркскому миру, исламская солидарность, братство с Турцией	Медиа усиливают культурные границы как основания политического разделения
Утраченная земля	Карабах как сакральное место, образ «отнятого дома», рассказы об изгнанниках	Образы «возвращенной родины», риторика триумфа и восстановления	Карабах в медиа – символ исторической справедливости и боли одновременно
Герой / воин	Прославление павших и живых защитников, культ военных героев	Массированная героизация победителей, освещение военных парадов и достижений	Герой – фигура национального сплочения и эмоциональной мобилизации

В таблице 5 сопоставлены архетипы в коллективном бессознательном армян и азербайджанцев с нарративами исторической памяти. Эти нарративы структурируют коллективную идентичность, обосновывают национальные притязания и влияют на восприятие прошлого, настоящего и будущего.

Таблица 5. Архетипы и нарративы памяти: Армения и Азербайджан
Table 5. Archetypes and Narratives of Memory: Armenia and Azerbaijan

Архетип	Армения: нарративы памяти	Азербайджан: нарративы памяти	Комментарий
Жертва / мученик	Центральный нарратив – геноцид 1915 г. Построение идентичности через страдание и борьбу за признание	Нарратив жертвы трансформируется в критику армянского дискурса. Делается акцент на несправедливом вытеснении азербайджанцев из Карабаха	Разные исторические травмы – фундамент национального самосознания и политических притязаний
Справедливый мститель / защитник	Память о Карабахской войне как о праве на самооборону. Герои-защитники как стражи справедливости	Победа 2020 г. как восстановление справедливости. Поминование погибших воинов как национальный долг	Справедливость – ключевая моральная категория в национальной памяти обеих сторон
Хранитель цивилизации / идентичности	Армения – древняя христианская нация, носитель культурного наследия. Нарратив непрерывности и уникальности	Азербайджан – часть великой тюркской и исламской цивилизации. Нарратив исторической преемственности и модернизации	Коллективная память усиливает культурные различия и подкрепляет историческую легитимацию
Утраченная земля	Карабах как утраченный рай. Нарратив изгнания и надежды на возвращение	Карабах как освобожденная территория. Нарратив восстановления утраченного национального достоинства	Противоположные нарративы о праве на землю питаются травматической памятью
Герой / воин	Героизация павших в боях, культ самоотверженности, образы мучеников как опора национального духа	Культ героев-победителей, военная слава как символ национального возрождения	Фигура героя служит эмоциональной стабилизацией идентичности и памяти

В таблице 6 (с. 144) систематизированы предложения по решению армяно-азербайджанского конфликта с точки зрения социального психоанализа, сгенерированные искусственным интеллектом на основе вводных данных, полученных от нас.

Проведенный эксперимент показал антагонистические нарративы и парадигмы Армении и Азербайджана, примирение которых вряд ли возможно. По сути, предложения, сгенерированные ИИ с точки зрения социального психоанализа, могут быть реализованы только при изменении культурной, исторической, образовательной политики обеих стран.

Что касается возможностей ИИ, то внимательное изучение материалов, представленных в таблицах, дает основания говорить о возможности ИИ адаптировать инструменты социального психоанализа к конкретным контекстам (в нашем случае – армяно-азербайджанский конфликт), но возможности генерировать новые творческие решения в ходе эксперимента не выявлены.

Таблица 6. Предложения, сгенерированные ИИ для решения проблем в армяно-азербайджанских отношениях с точки зрения социального психоанализа
Table 6. AI-generated Proposals for Solving Problems in Armenian-Azerbaijani Relations from the Perspective of Social Psychoanalysis

Этап	Проблема	Психоаналитический под-ход	Пример действия
Анализ коллек-тивной травмы	Стороны несут много-поколенческую травму: геноцид, депортации, война, потери, изгна-ние, унижения	Исследовать травмы памя-ти, передающиеся в семьях, учебниках, культуре. Осознать, как страх и боль закрепляются в идентич-ности («мы – жертвы», «они – вра-ги»)	Совместные про-граммы устной истории, где участ-ники делятся лич-ными историями потерь (для обеих сторон)
Работа с образом врага (проекция)	Каждая сторона проеци-рует свои страхи, вину и агрессию на «другого», формируя устойчивый образ врага	Анализировать, как СМИ, мифология и воспитание создают архетип врага. Разоблачить механизм проекции, когда негатив-ное переносится на другую нацию	Психологические диалоги между молодежью, анали-зируя медиаобраз «противника», работа с фобиями и стереотипами
Диалог идентич-ностей	Национальные иден-тичности построены на взаимном отрицании, конкурирующих мифах и исторических претен-зиях	Поддерживать диалог травмированных идентич-ностей, где обе стороны осознают свою уязвимость. Признание взаимной чело-вечности – через контакт, символику, искусство	Проекты искус-ства / театра с армянами и азер-байджанцами, где образ «другого» ис-следуется как часть самого себя
Работа с виной, стыдом и ме-стью	Потребность в мораль-ном реванше, восприя-тие себя как обманутого и униженного народа	Групповая работа по прора-ботке чувств вины и стыда. Понимание, что мститель-ность – результат непржи-той боли	Тренинги для лидеров сообществ и активистов по эмоциональной грамотности и коллективному исцелению
Коллективное признание и символические акты	Отсутствие признания боли другой стороны закрепляет конфликт	Символические жесты примирения: признание страданий, обмен письма-ми, совместные мемориалы. Роль публичного свидетель-ства как катарсиса (очище-ния) от боли	Совместные дни памяти для всех погибших, без раз-деления на «своих» и «чужих»

Выводы

Обобщая сказанное, отмечу, что СПМО имеет достаточно обширный теоретический базис и опыт применения в международной практике. Инструменты социального психоанализа дают дополнительные возможности международного анализа и прогнозирования (дополнительно к классическим и привычным

методам). СПМО дает инструменты для понимания глубинных причин конфликтов и напряженности в международных отношениях, диагностики, профилактики и «лечения» болезненных состояний международных отношений (войны, конфликты, постконфликтное урегулирование и др.) и девиантных отклонений (насилие, геноцид и др.). СПМО направлен на трансформацию коллективного опыта, мировоззренческих матриц, работу с травмами, виной, коллективными неврозами, враждебными идентичностями, состояниями постнасилия, национального унижения и др.

В России развитие социального психоанализа международных отношений находится на начальной стадии. Даже в тех немногочисленных публикациях, которые находятся в открытом доступе, наблюдается большое разнообразие и противоречивость подходов, инструментария и интерпретаций полученных результатов, что характерно для научных школ, находящихся в стадии становления.

Более обширный зарубежный опыт позволяет сделать вывод об определенности предметного поля социального психоанализа международных отношений и его высоком гносеологическом и эвристическом потенциале. В России пока остается открытым вопрос, надо ли вообще развивать это направление как научную школу исследований международных отношений и надо развивать это направление как консалтинг и как один из практических подходов для решения международных задач.

Список литературы

1. Бартенев В.И. «Государства-изгои»: девиантное поведение и политика стигматизации в современных международных отношениях [«Rogue States»: Deviant Behavior and the Politics of Stigmatization in Contemporary International Relations] // Социология и психология международных отношений и геополитики: материалы круглого стола. Ярославль: ЯрГУ, 2010. С. 5–15.

2. Бехтерев В.М. Избранные труды по социальной психологии [Selected Works on Social Psychology]. М.: Наука, 1994. 400 с. ISBN 5-02-013392.

3. Вдовиченко Л.Н. Различные подходы к типологии участников международных отношений [Various Approaches to the Typology of Participants in International Relations] // Социология и психология международных отношений и геополитики: материалы круглого стола. Ярославль: ЯрГУ, 2010. С. 16–23.

4. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального [Welcome to the Desert of the Real] / пер. с англ. А.Смирнова. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. 160 с.

5. Жижек С. О насилии: шесть парадоксальных размышлений [Violence: Six Sideways Reflexions] / пер. с англ. А. Смирнова, Е. Лямина. М.: Европа, 2010. 184 с. ISBN 978-5-9739-0179-0.

6. Зайцева Е.Г. Социальный психоанализ как метод исследования российской ментальности [Social Psychoanalysis as a Method for Studying Russian Mentality]: дисс. ... канд. философ. наук: 24.00.01. М., 2006. 153 с.

7. Канетти Э. Масса и власть [Crowd and Power.] / пер. с нем. Н.В.Самсоновой. М.: Культурная революция, 2007. 576 с. ISBN 978-5-902764-05-3.

8. Карамзин Н. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [Note on Ancient and New Russia in its Political and Civil Relations]. М.: Наука. 1991. 128 с.

9. Кочетков В.В. Психология в международных отношениях [Psychology in International Relations] // Социология и психология международных отношений и геополитики: материалы круглого стола. Ярославль: ЯрГУ, 2010. С. 47–59.

10. Красина О.В. Ролевые модели поведения индивида в конструировании транснационального пространства современной мировой политики [Role Models of Individual Behavior in the

- Construction of the Transnational Space of Modern World Politics] // Социология и психология международных отношений и геополитики: материалы круглого стола. Ярославль: ЯрГУ, 2010. С. 70–81.
11. Лакан Ж. Семинары. Книга 11. Четыре основные понятия психоанализа [Seminars. Book 11. Four Basic Concepts of Psychoanalysis] / пер. с фр. А.Черноглазова. М.: Гнозис; Логос, 2004. 304 с.
 12. Лебон Г. Психология народов и масс [Psychology of Peoples and Masses] / пер. с фр. СПб.: Питер, 2002. 224 с. ISBN 5-318-00218-1.
 13. Леже С. Психоанализ и массовая культура [Psychoanalysis and Mass Culture] // Скалл Э. (ред.) Культурная социология психических заболеваний: справочник от А до Я. М.: Академический проект, 2014.
 14. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек [Eros and Civilization: a Philosophical Inquiry into Freud (Beacon Classics)] / пер. А.Юдина. М.: АСТ, 2003. 528 с. ISBN 5-17-011041-3.
 15. Оболонский А.В. Геополитика как опасная патология политического сознания [Geopolitics as a Dangerous Pathology of Political Consciousness] // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2024. № 1. С. 22–55. URL: <https://publications.hse.ru/articles/922791392>.
 16. Оболонский А.В. Межнациональные конфликты с точки зрения социального психоанализа (попытки диагностики и лечения) [Ethnopolitical Conflicts in Transit Time as Moral and Psychological Phenomenon (Attempts at Diagnosis and Treatment)] // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2023. № 3. С. 151–163.
 17. Парсонс Т. О построении теории социальных систем (интеллектуальная автобиография) [On the Construction of a Theory of Social Systems (Intellectual Autobiography)] // Т.Парсонс, Р.Ф.Бейлз, Э.А.Шилз. Семьи, ролевая система, социальные системы (частично включено). М.: Наука / ГУ ВШЭ, 1998. С. 207–268.
 18. Райх В. Психология масс и фашизм [Psychology of the Masses and Fascism] / пер. с нем. Ю.М.Донца. М.: АСТ, 2004. 539 с. ISBN 5-17-025448-2.
 19. Саид Э.В. Культура и империализм [Culture and Imperialism] / пер. с англ. М.: Академический проект, 2002. 560 с. ISBN 5-8291-0924-1.
 20. Смирнова А.Г. Механизмы межгруппового восприятия и познание угрозы в международных отношениях (на примере ядерной программы Северной Кореи) [Mechanisms of Intergroup Perception and Threat Cognition in International Relations (Using the North Korean Nuclear Program as an Example)] // Социология и психология международных отношений и геополитики: материалы круглого стола. Ярославль: ЯрГУ, 2010. С. 96–100.
 21. Терновая Л.О. Психология реверсии в международных отношениях [Psychology of Reversion in International Relations] // Социология и психология международных отношений и геополитики: материалы круглого стола. Ярославль: ЯрГУ, 2010. С. 101–109.
 22. Фанон Ф. Проклятые этой земли [The Wretched of the Earth] / пер. с фр. М.: ЛКИ, 2006.
 23. Фанон Ф. Черная кожа, белые маски [Black Skin, White Masks] / пер. с фр. М.: Прогресс, 1990.
 24. Федоркина А.П. Социальный психоанализ как методология познания человека в современном мире [Social Psychoanalysis as a Methodology of Cognition of a Human Being in Contemporary World] // Акмеология. 2017. № 2. С. 62–65.
 25. Фрейд З. Психология масс и анализ Я [Mass Psychology and the Analysis of Ego] // Я и Оно. Психология масс и анализ Я. Будущее одной иллюзии / пер. с нем. М.: АСТ: Астрель, 2009. С. 171–238. ISBN 978-5-17-057928-0.
 26. Фромм Э. Здоровое общество [The Sane Society] / пер. С.В.Карпушиной, Т.В.Банкетовой. М.: АСТ, Астрель, 2011. 448 с. ISBN 978-5-17-071975-4, 978-5-271-38207-9.
 27. Хренов Н.А. К психологической интерпретации предыстории, истории и постистории революционного сознания в России: как возникают в профанном обществе «Боги»? [Towards a Psychological Interpretation of the Prehistory, History and Posthistory of Revolutionary Consciousness in Russia: How do 'Gods' Emerge in a Profane Society?] // Политическая концептология. 2023. № 3. С. 79–104.
 28. Хьюбл Т. Исцеление коллективной травмы: процесс интеграции наших межпоколенных и культурных ран [Healing Collective Trauma: A Process for Integrating Our Intergenerational and Cultural Wounds (Paperback)] / пер. сангл. М.: Когито-Центр, 2022. 342 с. ISBN 978-5-906956-45-0.
 29. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Социология международных отношений: анализ российских и западных теорий [Sociology of International Relations: Analysis of Russian and Western Theories]. М.: Аспект Пресс, 2008. 236 с. ISBN 978-5-7567-0408-2.
 30. Цыганков П.А. Социологические термины и подходы в анализе международных отношений [Sociological Concepts and Approaches in Analysis of International Relations] // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 2016. № 4. С. 28–37.

31. Эриксон Э.Х. Детство и общество [Childhood and Society] / пер. с англ.; науч. ред. А.А.Алексеев. СПб.: Летний сад, 2000.
32. Эриксон Э.Х. Идентичность: юность и кризис [Identity: Youth and Crisis] / пер. с англ.; общ. ред. А.В.Толстых. М.: Прогресс, 1996.
33. Юнг К.Г. Архетип и символ [Archetype and Symbol] / пер. с нем. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
34. Althusser L. Idéologie et appareils idéologiques d'État (Notes pour une recherche) // La Pensée. 1970. № 68. P. 3–40.
35. Althusser L. Pour Marx / éd. François Maspero. Paris: François Maspero, 1965. 272 p.
36. Bar-On D. The Others Within Us: Constructing Jewish-Israeli Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 236 p. ISBN 978-0-521-70828-9.
37. Brunner M., Burgermeister N., Lohl J., Schwitring M., Winter S. Kritische psychoanalytische Sozialpsychologie in den deutschsprachigen Ländern. Bielefeld: Transcript, 2013. 278 p.
38. Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1992. 269 p. ISBN 0816622213.
39. Dietrich W. Variationen über die vielen Frieden. Band 1: Deutungen. Wiesbaden: VS Verlag, 2008.
40. Edkins J. Poststructuralism and International Relations. London: Routledge, 2007.
41. Edkins J. Trauma and the Memory of Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 265 p.
42. Fenichel O. Psychoanalysis as the Nucleus of a Future Dialectical-Materialistic Psychology // American Imago. 1967. Vol. 24, № 4. P. 290–311.
43. Gobodo-Madikizela P. A Human Being Died That Night: A South African Story of Forgiveness. Boston: Houghton Mifflin, 2003. 197 p.
44. Reich W. Dialektischer Materialismus und Psychoanalyse // Sex-Pol. Essays 1929–1934. New York: Vintage Books, 1972. S. 65–69.
45. Russell D. Psychoanalytic Sociology: A New Theory of Social Ties. Cambridge: Polity Press, 2024. 312 p.
46. Tsygankov A. P., Tsygankov P. A. «A Sociology of Dependence in International Relations Theory: A Case of Russian Liberal IR» // International Political Sociology. 2007. Vol. 1. № 4. P. 307–324.
47. Twaits T. Reading Freud: Psychoanalysis as Cultural Theory. London: Arnold, 2007. 256 p.

Информация об авторе

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна. Доктор социологических наук. Профессор. Заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций. Директор Центра международных стратегических исследований Дипломатической академии МИД России. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Адрес: Российская Федерация, 119571, г. Москва, Коробейников переулок, 22, стр. 1. komleva@nicrus.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 июля 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Bartenev V.I. "Rogue States": Deviant Behavior and the Politics of Stigmatization in Contemporary International Relations. Sociology and Psychology of International Relations and Geopolitics: Materials of the Round Table. Yaroslavl: YarGU [Yaroslavl State University], 2010:5-15 [In Russian].
2. Bekhterev V.M. Selected Works on Social Psychology. Moscow: Nauka [Nauka], 1994. 400 p. [On Russian]. ISBN 5-02-013392.
3. Vdovichenko L.N. Various Approaches to the Typology of Participants in International Relations. Sociology and Psychology of International Relations and Geopolitics: Materials of the Round Table, Yaroslavl: YarGU [Yaroslavl State University], 2010:6-23 [In Russian].
4. Žižek S. Welcome to the Desert of the Real. Translated from English by A.Smironov. Moscow: Fond «Pragmatika kul'tury» [Pragmatics of Culture Foundation], 2002. 160 p. [In Russian].
5. Žižek S. Violence: Six Sideways Reflexions. Translated from English by A.Smironova, E.Lyamina. Moscow: Evropa [Europa], 2010. 184 p. [In Russian]. ISBN 978-5-9739-0179-0.
6. Zaitseva E.G. Social Psychoanalysis as a Method for Studying Russian Mentality: Theses ... CandSc (Philosophical): 24.00.01. Moscow, 2006. 153 p. [In Russian].
7. Canetti E. Crowd and Power. Translated from German by N.V.Samsonova. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya [Cultural Revolution], 2007. 576 p. [In Russian]. ISBN 978-5-902764-05-3.
8. Karamzin N. Note on Ancient and New Russia in its Political and Civil Relations. Moscow: Nauka [Nauka], 1991. 128 p. [In Russian].
9. Kochetkov V.V. Psychology in International Relations. Sociology and Psychology of International Relations and Geopolitics: Materials of the Round Table. Yaroslavl: YarGU [Yaroslavl State University], 2010:47-59 [In Russian].
10. Krasina, O.V. Role Models of Individual Behavior in the Construction of the Transnational Space of Modern World Politics. Sociology and Psychology of International Relations and Geopolitics: Materials of the Round Table. Yaroslavl: YarGU [Yaroslavl State University], 2010:70-81 [In Russian].
11. Lacan J. Seminars. Book 11. Four Basic Concepts of Psychoanalysis. Translated from French by A.Chernoglazov. Moscow: Gnozis; Logos [Gnosis; Logos], 2004. 304 p. [In Russian].
12. Lebon G. Psychology of Peoples and Masses. Translated from French. St.Petersburg: Piter [Peter], 2002. 224 p. [In Russian]. ISBN 5-318-00218-1.
13. Leger S. Psychoanalysis and Mass Culture in Scull E. (ed.) Cultural Sociology of Mental Illness: A to Z Handbook. Moscow: Akademicheskij proekt [Academic Project], 2014 [In Russian].
14. Marcuse G. Eros and Civilization: a Philosophical Inquiry into Freud (Beacon Classics). Translated by A. Yudin. Moscow: AST [AST], 2003. 528 p. [In English]. ISBN 5-17-011041-3.
15. Obolonsky A.V. Geopolitics as a Dangerous Pathology of Political Consciousness. Politicheskaya konceptologiya: zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij [The Political Conceptology: Metadisciplinary Research Journal]. 2024; 1:22-55 [In Russian]. Available from: <https://publications.hse.ru/en/articles/297759637>.
16. Obolonsky A.V. Ethnopolitical Conflicts in Transit Time as Moral and Psychological Phenomenon (Attempts at Diagnosis and Treatment). Politicheskaya konceptologiya: zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij [The Political Conceptology: Metadisciplinary Research Journal]. 2023; 3:151-163 [In Russian].
17. Parsons T. On the Construction of a Theory of Social Systems (Intellectual Autobiography) in T.Parsons, R.F. Bales, E.A.Shils. Family, Socialization and Interaction Process. Moscow: Nauka / GU VShE [Science – HSE], 1998:207-268 [In Russian].
18. Reich V. Psychology of the Masses and Fascism. Translated from German by Yu.M.Donets. Moscow: AST [AST], 2004. 539 p. [In Russian]. ISBN 5-17-025448-2.
19. Said E.V. Culture and Imperialism. Translated from English. Moscow: Akademicheskij proekt [Academic Project], 2002. 560 p. [In Russian]. ISBN 5-8291-0924-1.
20. Smirnova A.G. Mechanisms of Intergroup Perception and Threat Cognition in International Relations (Using the North Korean Nuclear Program as an Example). Sociology and Psychology of International Relations and Geopolitics: Materials of the Round Table. Yaroslavl: YarGU [Yaroslavl State University], 2010:96-100 [In Russian].
21. Ternovaya L.O. Psychology of Reversion in International Relations. Sociology and Psychology of International Relations and Geopolitics: Materials of the Round Table. Yaroslavl: YarGU [Yaroslavl State University], 2010:101-109 [In Russian].
22. Fanon F. The Wretched of the Earth. Translated from French. Moscow: LKI [LKI], 2006 [In Russian].
23. Fanon F. Black Skin, White Masks. Translated from French. Moscow: Progress [Progress], 1990 [In Russian].
24. Fedorkina A.P. Social Psychoanalysis as a Methodology of Cognition of a Human Being in Contemporary World. Akmeologiya [Acmeology]. 2017; 2:62-65 [In Russian].

25. Freud S. Mass Psychology and the Analysis of Ego in Ego and Id: The Future of Illusion. Translated from German. Moscow: AST, Astrel' [AST, Astrel'], 2009:171-238 [In Russian]. ISBN 978-5-17-057928-0.
26. Fromm E. The Sane Society. Translated by S.V.Karpushina and T.V.Banketova, Moscow: AST, Astrel' [AST, Astrel'], 2011. 448 p. [In Russian]. ISBN 978-5-17-071975-4 and 9785271382079.
27. Khrenov N.A. Towards a Psychological Interpretation of the Prehistory, History and Posthistory of Revolutionary Consciousness in Russia: How do 'Gods' Emerge in a Profane Society? Politicheskaya konceptologiya [Political Conceptology], 2023; 3:79-104 [In Russian].
28. Hübl T., Avritt J.J. Healing Collective Trauma: A Process for Integrating Our Intergenerational and Cultural Wounds (Paperback). Translated from English. Moscow: Kogito-Centr [Cogito-Center], 2022. 342 p. [In Russian]. ISBN 978-5-906956-45-0.
29. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. Sociology of International Relations: Analysis of Russian and Western Theories. Moscow: Aspect Press [Aspect Press], 2008. 236 p. [In Russian]. ISBN 978-5-7567-0408-2.
30. Tsygankov P.A. Sociological Concepts and Approaches in Analysis of International Relations. Vestnik MGU. Seriya 12. Politicheskie Nauki. [Moscow State University Bulletin. Series 12. Political Sciences], 2016; 4:28-37 [In Russian].
31. Erikson E.Kh. Childhood and Society. Translated from English; Scientific Editor A.A.Alekseev. St. Petersburg: Letnij sad [Summer Garden], 2000 [In Russian].
32. Erikson E.Kh. Identity: Youth and Crisis. Translated from English; General Editor A.V.Tolstykh. Moscow: Progress [Progress], 1996 [In Russian].
33. Jung K.G. Archetype and Symbol. Translated from German. Moscow: Renessans [Renessans], 1991. 304 p. [In Russian].
34. Althusser L. Idéologie et appareils idéologiques d'État (Notes pour une recherche). La Pensée [The Thought], 1970; 68:3-40 [In French].
35. Althusser L. Pour Marx. Éd. François Maspero. Paris: François Maspero, 1965. 272 p. [In French].
36. Bar-On D. The Others Within Us: Constructing Jewish-Israeli Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 236 p. [In English]. ISBN 978-0-521-70828-9.
37. Brunner M., Burgermeister N., Lohl J., Schwitring M., Winter S. Kritische psychoanalytische Sozialpsychologie in den deutschsprachigen Ländern. Transcript, 2013. 278 p. [In German].
38. Campbell D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1992. 269 p. [In English]. ISBN 0816622213.
39. Dietrich W. Variationen über die vielen Frieden. Band 1: Deutungen. Wiesbaden: VS Verlag; 2008 [In German].
40. Edkins J. Poststructuralism and International Relations. London: Routledge, 2007 [In English].
41. Edkins J. Trauma and the Memory of Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 265 p. [In English].
42. Fenichel O. Psychoanalysis as the Nucleus of a Future Dialectical-Materialistic Psychology. American Imago. 1967; 24(4):290-311 [In English].
43. Gobodo-Madikizela P. A Human Being Died That Night: A South African Story of Forgiveness. Boston: Houghton Mifflin, 2003. 197 p. [In English].
44. Reich W. Dialektischer Materialismus und Psychoanalyse. Sex-Pol. Essays 1929-1934. New York: Vintage Books, 1972:65-69 [In German].
45. Russell D. Psychoanalytic Sociology: A New Theory of Social Ties. Cambridge: Polity Press, 2024. 312 p. [In English].
46. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. A Sociology of Dependence in International Relations Theory: A Case of Russian Liberal IR. International Political Sociology. 2007; 1(4):307-324 [In English].
47. Twaits T. Reading Freud: Psychoanalysis as Cultural Theory. London: Arnold, 2007. 256 p. [In English].

About the author

Valentina V. KOMLEVA. DSc. (Sociol.). Professor. Deputy Director for Research, National Research Institute for the Communications Development. Director of the Center for International Strategic Studies at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. <https://orcid.org/0000-0001-5376-0984>. Address: building 1, 22, Korobeynikov lane, Moscow, 119571, Russian Federation. komleva@nicrus.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: July 12, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 311.311:004.8

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-151-167](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-151-167)

Основные параметры входящей образовательной миграции в Канаде

Александра Андреевна Головки-Охременко^{1a}, Ксения Сергеевна Еремина^{2b}

^{1,2} Институт США и Канады имени академика Г.А.Арбатова РАН, Москва, Россия

^a a.golovko-okhremenko@iskran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4598-8126>

^b k.eremina@iskran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6499-8066>

Аннотация. С конца XX в. в канадской государственной политике наблюдается трансформация восприятия международных образовательных услуг, предоставляемых канадскими высшими учебными заведениями. Если ранее данные услуги рассматривались исключительно как источник финансовых ресурсов, знаний и передовых технологий, то в настоящее время они также оцениваются как мощный инструмент привлечения высококвалифицированных специалистов, известных как «идеальные иммигранты». Данные выпускники характеризуются не только высоким уровнем профессиональной подготовки, но и способностью к быстрой адаптации в новой культурной и профессиональной среде, что делает их привлекательными для канадского рынка труда. Кроме того, ряд характеристик иностранных студентов и особенности профессионального образования в Канаде способствуют переоценке их потенциала. Иностранные студенты, как правило, демонстрируют высокую мотивацию к обучению и профессиональному развитию, а также обладают широким спектром культурных и социальных компетенций, что позволяет им вносить значительный вклад в экономическое и социальное развитие страны. В контексте углубленного анализа входящей образовательной миграции представляется целесообразным рассмотреть ряд ключевых параметров, включая географию и масштаб миграции, демографическую и профильную

структуру, правовые особенности предоставления образовательных услуг иностранцам в Канаде, а также текущую статистику по возвратной миграции. Исследование этих аспектов позволяет не только лучше понять механизмы международной академической мобильности, но и разработать эффективные стратегии для повышения качества и конкурентоспособности канадского высшего образования на глобальном рынке образовательных услуг.

Ключевые слова: канадские университеты, иностранный студент, входящая образовательная миграция, образовательная иммиграция

Для цитирования: Головко-Охременко А.А., Еремина К.С. Основные параметры входящей образовательной миграции в Канаде // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 151-167, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-151-167](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-151-167)

Original Article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-151-167](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-151-167)

The Main Parameters of Incoming Educational Migration in Canada

Alexandra A. Golovko-Okhremenko^{1a}✉, Ksenia S. Eremina^{2b}✉

^{1,2} The Institute for USA and Canadian Studies named after Academician G.A.Arbatov of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^a a.golovko-okhremenko@iskran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4598-8126>

^b k.eremina@iskran.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6499-8066>

Abstract. Since the late 20th century, Canadian public policy has seen a transformation in the perception of international educational services provided by Canadian higher education institutions. While these services were previously viewed solely as a source of financial resources and knowledge, they are now valued as a powerful tool for attracting highly qualified specialists known as “ideal immigrants”. These graduates are characterized not only by a high level of professional training, but also by their ability to quickly adapt to a new cultural and professional environment, making them attractive to the Canadian labour market. Furthermore, a number of characteristics of international students and the specifics of professional education in Canada contribute to an overestimation of their potential. International students typically demonstrate high motivation for learning and professional development, and possess a wide range of cultural and social competencies, enabling them to make a significant contribution to the country's economic and social development. In the context of a deep analysis of incoming educational migration, it seems appropriate to examine a number of key parameters, including the geography and scale of migration, demographic and profile structures, the legal framework for providing education to foreigners in Canada, as well as current return migration statistics. Investigating these aspects not only provides a better understanding of international academic mobility mechanisms, but also the development of effective strategies to improve the quality and competitiveness of Canadian higher education on the global education market.

Keywords: Canadian universities, international student, incoming educational migration, educational immigration

For citation: Golovko-Okhremenko A.A., Eremina K.S. The Main Parameters of Incoming Educational Migration in Canada. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 4(18): 151-167, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-151-167](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-151-167)

Введение

Канада занимает уникальное место на мировом рынке образовательных услуг. В последние десятилетия в стране активно развивается международное высшее образование, вследствие чего Канада входит в десятку ключевых игроков данной отрасли. Иностранцы, получившие образование в Канаде, до недавнего времени рассматривались не только в качестве амбассадоров канадской системы образования, но и канадских иммигрантов. Вместе с этим ряд характеристик иностранных студентов, восприятие иностранцев канадцами и особенности профессионального образования Канады привели в итоге к ограничению числа разрешений на въезд, ежегодно выдаваемых зарубежным обучающимся.

В данной статье будут рассмотрены такие параметры канадской входящей образовательной миграции, как география и масштаб, ее демографическая и профильная структура, правовые особенности предоставления образовательных услуг иностранцам в Канаде и текущая статистика по возвратной миграции.

Материалы и методы

Авторы исследования придерживались междисциплинарного подхода при предварительном рассмотрении тем, связанных с местом Канады на рынке международного образования. В рамках данного исследования был проведен обзор источников, а именно – официальных публикаций канадских министерств и агентств, а также связанных с ними исследовательских и профессиональных организаций, где представлена статистика по обучающимся иностранным студентам и местам их обучения.

Гипотеза исследования: предполагается, что место Канады в международной образовательной системе и сложившаяся тенденция по привлечению иностранных обучающихся обусловлены преимущественно экономическим вкладом зарубежных студентов в систему канадского высшего образования и в меньшей степени – особенностями восприятия образовательной иммиграции официальными представителями канадского правительства.

Результаты исследования

География и масштабы входящей образовательной миграции в Канаде, профессиональная и демографическая структура

История массового обучения зарубежных студентов в Канаде условно делится на два этапа: гуманитарный и коммерческий. Первый начинается вскоре

после Второй мировой войны, когда Канада в рамках британской инициативы приняла участие в создании межправительственной организации «План Коломбо» в 1951 г. Вплоть до своего ухода из нее в 1992 г. и смены статуса в связанных с «Планом Коломбо» организациях Канада вносила посильный вклад в поддержку профессионального образования в бывших британских колониях в Южной и Юго-Восточной Азии для борьбы с бедностью в этих странах. Параллельно с этим разрабатывались и реализовывались программы по обучению на территории Канады студентов из развивающихся стран (Commonwealth Scholarship Plan) и их организационному сопровождению с помощью волонтеров (Canadian University Services Overseas). В данный период были созданы ключевые для современной системы международного образования в Канаде государственные учреждения (Бюро международного образования; Агентство международного сотрудничества, после 2013 г. – Министерство международных дел, Global Affairs Canada) и научно-исследовательский Центр изучения международного развития [3]. Таким образом, с 1950–1960-х гг. в Канаде формировалась тенденция на прием зарубежных студентов преимущественно из стран Индо-Тихоокеанского региона.

С конца 1970-х гг. на фоне сокращения объема бюджетных расходов в сфере высшего образования Канада, оглядываясь на США и Австралию, стала рассматривать в качестве источника дополнительного финансирования иностранных студентов. Вследствие этого в разы увеличилась численность иностранцев, принимаемых на платное обучение в канадские учебные заведения. Если в 1979 г. только 10% канадских вузов обучали иностранных студентов, то к 1986 г. уже 82% высших учебных заведений занимались набором из зарубежных стран. Ближайшим конкурентом и моделью Канады в сфере международного образования в те годы виделась Австралия, создавшая к тому времени образ страны, предоставляющей качественное и сравнительно недорогое (на фоне США и Великобритании) высшее образование для выходцев из преимущественно стран АТР и Южной Азии. В целях активизации борьбы за зарубежных студентов на мировом рынке высшего образования в 1998 г. в Канаде появляется Экспертный совет по расширению рынка образовательных услуг (Education Marketing Advisory Board), в задачи которого входило продвижение привлекательности высшего образования и создание онлайн-ресурсов для большего доступа к информации об учебе в Канаде [3]. На фоне увеличения численности обучаемых на территории Канады иностранцев Бюро международного образования совместно с четырьмя канадскими некоммерческими организациями в сфере образования (Colleges and Institutes of Canada, Universities Canada, Canadian Association of Public Schools – International, Languages Canada) сформировало в 2013 г. Канадский консорциум международного образования (Canadian Consortium for International Education, CCIE) для дальнейшего развития международных образовательных услуг, предоставляемых на территории страны.

С конца 2000-х гг. до середины 2024 г. в результате проведенных реформ в области иммиграционного законодательства наблюдался значительный рост

численности зарубежных студентов в канадских учебных заведениях высшего образования. По данным Статистической службы Канады¹, в 2022–2023 учебном году численность иностранных студентов в Канаде составила немногим более 468 тыс. человек, что составляет примерно 21% от общей численности учащихся канадских высших учебных заведений. Таким образом, каждый пятый студент в Канаде приехал на учебу из-за рубежа. Следует отметить небольшое расхождение с данными ЮНЕСКО, согласно которым численность учащихся в Канаде иностранцев по программам высшего образования составляла в 2022 г. почти 337 тыс. человек, или 18,6% от общей численности канадских студентов, а также существенное несоответствие с результатами подсчета Министерства гражданства и иммиграции Канады численности держателей студенческих виз (406,468 в университетах и 428,079 в колледжах в 2022 г.)². Во всех случаях Канада входит в десятку стран-лидеров в сфере международного высшего образования по численности зарубежных студентов. Особенно был замечен рост с 2010–2011 по 2019–2020 учебный год – более чем в 2,5 раза³. Несмотря на наблюдаемое сокращение численности канадцев, ежегодно поступающих в колледжи и университеты, до недавнего времени сохранялась тенденция роста численности иностранцев, поступающих в оба типа высших учебных заведений Канады. По сравнению с предыдущим учебным годом, в 2022–2023 учебном году прирост составил 7,1% в университетах и 29,7% в колледжах, в то время как численность поступающих канадских граждан сократилась на 2,1 и 4% соответственно⁴. К концу 2024 г. наблюдалось сокращение общей численности иностранных студентов на 4% по сравнению с предыдущим годом⁵.

В отличие от США и восточноазиатских стран доля зарубежных студентов в канадских высших учебных заведениях сопоставима с аналогичными в Великобритании и Австралии, занимающими по численности принимаемых иностранных студентов 2-е и 3-е места соответственно [1], а среди стран G7 по доле обучающихся иностранных студентов Канада занимает второе место, уступая Великобритании⁶.

Основной страной исхода для учащихся в Канаде иностранцев была и остается Индия, на чью долю в конце 2024 г. пришлось 39% всех зарубежных

1 Statistics Canada. Table 37-10-0184-02. Postsecondary international student enrolments, by International Standard Classification of Education and country of citizenship. DOI: 10.25318/3710018401-eng URL: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=3710018402>.

2 CIMM – International Student Population – October 24, 2023. URL: <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/corporate/transparency/committees/cimm-oct-24-2023/international-student-population.html>.

3 CBIE International Student Survey, 2023. URL: <https://cbie.ca/media/facts-and-figures/international-students/>.

4 Canadian postsecondary enrolments and graduates, 2022/2023. Released: 20.11.2024. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/241120/dq241120b-eng.htm?indid=7262-5&indgeo=0>.

5 International Students in Canada Infographic – Canadian Bureau for International Education. URL: <https://cbie.ca/media/facts-and-figures/international-students/>.

6 Education Indicators in Canada: An International Perspective, 2020 // Statistics Canada, 14.12.2020. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/81-604-x/2020001/hl-fs-eng.htm>.

Таблица. Количество обучающихся иностранных студентов в странах G7
Table. Number of international students studying in G7 countries

	Количество обучающихся иностран- ных студентов, ЮНЕСКО (2022)	Доля от студентов, получающих высшее образование, ЮНЕСКО (2022)
Италия	89 946	6,9%
Япония	199 298	5,1%
Франция	263 459	9,1%
Канада	336 837	18,6%
Германия	403 473	11,9%
Великобритания	674 931	21,6%
США	1 057 188*	5,6%

Источники: UNESCO, *IIE Open Doors report, [1]

Sources: UNESCO, *IIE Open Doors report, [1]

школьников и студентов, хотя по сравнению с предыдущим годом произошло сокращение численности обучающихся в Канаде индийцев на 32%. За ней с заметным отставанием идет Китай, в том числе Гонконг (10%). В пятерку также входят Филиппины (4%), Франция (3%) и Нигерия (5%). Из стран ЮСМКА в десятку входит только Мексика, и численность мексиканских студентов сравнительно небольшая (2%)⁷. Наблюдается расхождение между типами предпочитаемых учебных заведений высшего образования в зависимости от родной страны студента. Так, студенты из Индии, Мексики и стран Южной и Центральной Америки предпочитают обучение в колледжах, в то время как студенты из других азиатских стран, в том числе Китая, из Африки, Европы и из США чаще выбирают университетское образование⁸.

52,3% обучающихся в Канаде иностранных студентов – мужского пола, что больше внутриканадского показателя (около 40%). Наибольшая доля студенток в среднем наблюдается среди приехавших на учебу из США и других американских стран (55%), а также из Европы (54%) и Китая (52%)⁹.

Также наблюдается половой разрыв в связи с направлением обучения: в среднем численность юношей, обучающихся по естественно-научным и технико-инженерным программам (STEM), превышает численность девушек на 45%, что совпадает с описанной Е.В.Израэлян тенденцией низкого уровня вовлеченности канадков в получение STEM-знаний [2], за исключением непосредственно естественно-научных направлений, где девушек больше (52,8% от общей численности учащихся по направлению иностранцев). По программам бизнеса, общественных наук,

⁷ International Students in Canada Infographic – Canadian Bureau for International Education. URL: <https://cbie.ca/media/facts-and-figures/international-students/>.

⁸ Usher A. A Brief Look at International Students in Canada, Part 2 // Higher Education Strategy Associates, 23.09.2023. URL: <https://higherstrategy.com/a-brief-look-at-international-students-in-canada-part-2/>.

⁹ Там же.

гуманитарных исследователей и искусств (BHASE) доля обучающихся женщин сопоставима с долей женщин на естественно-научных направлениях (53,3%)¹⁰.

Говоря о наиболее типичном возрасте зарубежных студентов, среди обучающихся в Канаде в 2022–2023 учебном году, включая учеников старших классов средней школы, наибольшая доля иностранцев приходилась на когорту 20–29 лет (25,7% среди 20–24 лет и 28,2% среди 25–29 лет). После 30 лет доля иностранных студентов снижается. По данным Статистической службы Канады, на 1–2 позициях как у канадцев, так и канадских иностранных студентов находятся 2-х и 3-летние программы высшего профессионального образования, дающие возможность дальнейшего трудоустройства, но без предоставления диплома бакалавра. Специалист Института образовательных исследований Торонтского университета М.Л.Сколник полагает, что это связано с особенностью структуры высшего профессионального образования Канады в рамках международной системы высшего образования, чью основу составляют образовательные программы, ориентированные на получение прикладной профессии, а не ученой степени [4]. Это подтверждают сотрудники исследовательского центра Стратегических партнеров высшего образования (Higher Education Strategy Associates, HESA), выделяя сравнительно высокую долю студентов, обучающихся по программам высшего образования ниже уровня бакалавров (24%) из-за существования особых категорий колледжей, университетов и политехнических институтов, не имеющих полномочий на выдачу степеней, а также разных подходов отдельных провинций к структуре высшего образования и роли колледжей в ней [5].

В Канаде наблюдаются провинции с непропорционально выраженным присутствием иностранных студентов. Около половины всех держателей студенческих виз (включая школьников, учащихся краткосрочных программ и студентов профессиональных программ без выдачи дипломов о высшем образовании) в 2024 г. концентрировались в Онтарио (49%), еще 21% – в Британской Колумбии, также 13% и 7% приходились на Квебек и Альберту соответственно¹¹. Хотя зарубежные учащиеся поступают и в учебные заведения других провинций, в том числе северных провинций и территорий (за исключением Нунавута), их численность существенно ниже. Наблюдается различие и в типах предпочитаемых учебных заведений в различных провинциях. Согласно данным доклада «Состояние высшего образования в Канаде в 2023 г.» HESA, в 2021–2022 гг. в атлантических провинциях доля иностранных студентов в университетах составляла 23,9% при среднем по Канаде показателе 17,6%. Одновременно с этим в Онтарио, фактическом центре международного образования в Канаде, наиболее предпочитаемыми иностранцами образовательными учреждениями оказались колледжи, где почти каждый третий учащийся (35,7%) приехал из-за рубежа при среднем канадском показателе для колледжей 21,9%. Наименьшая доля иностранных учащихся колледжей наблюдалась в Квебеке (4,5%) [5].

¹⁰ Там же.

¹¹ International Students in Canada Infographic – Canadian Bureau for International Education. URL: <https://cbie.ca/media/facts-and-figures/international-students/>.

В силу особенностей функционирования канадских высших учебных заведений, которые могут не иметь достаточного количества мест в общежитиях и не обязуют иностранных студентов проживать исключительно в них, рост численности иностранных студентов, вынужденных искать съемное жилье на время учебы, в ближайшее время осложнен, в том числе из-за роста цен на съемное жилье, подстегнувшего жилищный кризис в ряде провинций¹².

Профильная и ценовая сегментация рынка образовательных программ для зарубежных учащихся

В соответствии с конституционным актом 1867 г. в Канаде существует децентрализованный порядок урегулирования вопросов в сфере образования, т.е. каждая провинция самостоятельно определяет нормы и издает соответствующие законы. Большинство вузов финансируется из средств федерального и регионального бюджета, также имеются частные вузы и университеты с религиозной направленностью. Из-за особенностей государственного устройства Канады такие факторы, как язык обучения, продолжительность и стандарты образовательного компонента, требования к поступающим, финансирование и предметы, зависят в большей степени от региона. Можно сказать, что у каждой провинции своя собственная система, отражающая особенности того региона, в котором существует: культурные, исторические, географические и т.д.

Согласно данным Канадского информационного центра международных учетных данных (Canadian Information Centre for International Credentials, CICIC), в Канаде насчитывается 235 университетов (из них 141 государственный) и 366 колледжей и институтов (из них 209 государственных)¹³, не считая частных профессиональных колледжей и училищ, где по итогам обучения иностранец может получить только сертификат о профессиональном образовании. В отличие от школ, не все канадские образовательные организации высшего и среднего профессионального образования имеют аккредитацию для обучения иностранцев (DLI), однако число аккредитованных кампусов достигает 1 580¹⁴. Среди канадских университетов выделяется т.н. «группа U15», в которую входят 15 крупнейших канадских исследовательских университетов (6 в Онтарио – Университет МакМастера, Университет Куинс, Университет Торонто, Университет Ватерлоо, Университет Западного Онтарио и Университет Оттавы; 3 в Квебеке – Университет МакГилл, Университет Монреаля и Университет Лавала; 2 в Альберте – Университет Альберты и Университет Калгари; по одному в Британской

¹² Berrada M. The fragile state of student housing // University Affairs, 11.11.2024. URL: <https://universityaffairs.ca/features/the-fragile-state-of-student-housing/>.

¹³ Directory of Educational Institutions in Canada, Canadian Information Centre for International Credentials. URL: https://www.cicic.ca/869/do_an_advanced_search_in_the_directory_of_educational_institutions_in_canada.canada.

¹⁴ Designated learning institutions list // Government of Canada official site. URL: <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/services/study-canada/study-permit/prepare/designated-learning-institutions-list.html>.

Колумбии, Новой Шотландии, Манитобе и Саскачеване – Университет Британской Колумбии, Университет Далхаузи, Университет Манитобы и Университет Саскачевана). На долю данной группы приходится 80% университетских научных исследований и 70% всех докторских защит на территории Канады. Существует и канадский аналог Лиги Плюща – Лига Клена, в которую входят 4 самых старых университетов «свободных искусств» на восточном побережье Канады: Акадийский университет и Университет св. Франциска Ксавье в Новой Шотландии, Университет Маунт-Эллисон в Нью-Брансуике и англоязычный Университет Бишопс в Квебеке.

Большинство канадских профессиональных учебных заведений – частные (66,2%), однако среди вузов доля государственных учреждений составляет 58%. Более 95% всех студентов, включая иностранных, учатся в государственных учреждениях. Это связывают с разницей в подходах к формированию студенческого контингента в данных категориях учебных заведений. Численность учащихся в 75% государственных университетов и колледжей превышает 1 000 человек, в то время как частные вузы рассчитаны на более индивидуальное обучение: в 42,3% – менее 100 студентов, в 38,4% – от 100 до 500 студентов. Частные колледжи пользуются меньшим вниманием со стороны иностранных абитуриентов: по данным Статистической службы Канады, в 2021 г. 3,8% зарубежных студентов посещали один из 245 частных вузов, при этом около 80% из них составляли более 75% студенческого состава в 20 частных колледжах¹⁵.

Государственные вузы в Канаде финансируются почти наполовину из бюджетных средств (53%; среди университетов – 46,7%), что ниже среднего показателя стран ОЭСР (68%)¹⁶. Следует отметить небольшое сокращение расходов Канады на образование разных уровней (с 5,6% ВВП в 2023 г. до 5,3% ВВП в 2024 г.¹⁷) и на НИОКР (с 1,9% в 2021 г. до 1,7% в 2022 г.¹⁸). Вместе с этим расходы на высшее образование из расчета на каждого студента (24 406 долларов США) немного превышали средний показатель для стран ОЭСР (20 000 долларов США)¹⁹.

Для иностранных студентов высшее образование в Канаде полностью платное. Разница в темпе роста цен на обучение в канадских заведениях для граждан и иностранцев с 2006 по 2018 г. составляла дополнительные 3% ежегодно для иностранцев [5]. Кроме того, ни в одной провинции цены на обучение для иностранцев не снижались вплоть до пандемии 2020 г. В результате к 2023 г. средняя стоимость обучения для иностранца в Канаде в пять раз превышала аналогичную

¹⁵ Wall K., Anderson J. International students in private colleges // Statistics Canada, 08.10.2024. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/81-595-m/81-595-m2024003-eng.htm>.

¹⁶ Canada. Education at a Glance 2024. Country Note // OECD (2024). URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/09/education-at-a-glance-2024-country-notes_532eb29d/canada_226b3c2f/2fa77df5-en.pdf.

¹⁷ Там же.
¹⁸ Statistics Canada. Table 27-10-0359-01 Total domestic expenditures on research and development (R&D) as percentage of gross domestic product (GDP), Canada and provinces, and G-7 countries. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=2710035901>.

¹⁹ Canada. Education at a Glance 2024. Country Note // OECD (2024). URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/09/education-at-a-glance-2024-country-notes_532eb29d/canada_226b3c2f/2fa77df5-en.pdf.

для канадского гражданина, а за период с 2019 по 2024 г. она увеличилась на 20% [5]. Без учета расходов на оформление студенческой визы и проживание во время учебы средняя стоимость года обучения по программе бакалавриата составляла в 2024–2025 учебном году 40 114 кан. долл., а по программам магистратуры или докторантуры – 23 233 кан. долл.²⁰ Однако следует отметить, что столь высокий показатель держится в основном за счет наиболее высоких средних цен в Онтарио. Более отдаленные провинциальные высшие учебные заведения, например, в Ньюфаундленде и Лабрадоре, стараются привлекать иностранцев ценами ниже в 1,5–2 раза средней стоимости по Канаде. Следует отметить, что стоимость обучения в канадских университетах, входящих в топ-100 рейтингового агентства Куакауарелли Симонс (Quacquarelli Symonds) (Университете Торонто (Онтарио), Университете МакГилла (Квебек), Университете Британской Колумбии и Университете Альберты), в зависимости от программы сопоставима по цене со средней стоимостью в университетах США (от 67 000 кан. долл.). В связи с этим в ответ на недовольство возросшим числом иностранных студентов представители канадских вузов отмечают значительный вклад данной категории учащихся в бюджеты учебных заведений, который способствует обеспечению достойного уровня высшего образования для канадских студентов.

Основная часть зарубежных учащихся выбирают 2-летние (без степени) и 4-летние (полные) программы уровня бакалавра (35,7% и 16% соответственно). Доля обучающихся по программам магистерского уровня невелика (24,5%), но обучающихся в аспирантуре и докторантуре немногим меньше, чем бакалавров (39,4%). Меньше всего доля обучающихся по среднепрофессиональным программам без получения диплома о высшем образовании (12,4%). Среди иностранных студентов старше 20 лет, впервые поступавших на обучение по программам бакалавриата, средний срок освоения программы составляет примерно 3,71 академических года, однако лишь около половины выпускается в течение 4 лет с момента поступления и две трети – в течение 8 лет²¹. Среди иностранцев, впервые поступавших на обучение по программам магистратуры, мотивация к успешному окончанию обучения заметно выше: при среднем сроке освоения программы немногим более 2 академических лет 69% успешно выпускаются в течение двух лет с момента зачисления, а 90% – в течение четырех лет²². Наибольший средний срок освоения программы характерен для аспирантур – 5,36 академических лет, при этом лишь 55% иностранцев успешно заканчивают ее в течение 6 лет, а около 70% – в течение 8 лет²³.

20 Statistics Canada. Table 37-10-0045-01 Canadian and international tuition fees by level of study (current dollars) URL: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=3710004501>.

21 Statistics Canada. Table 37-10-0136-03 Persistence and graduation of undergraduate degree students, within Canada, by student characteristics. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=3710013603>

22 Statistics Canada. Table 37-10-0136-04 Graduation of master's degree students, within Canada, by student characteristics. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=3710013604>.

23 Statistics Canada. Table 37-10-0136-05 Persistence and graduation of doctoral degree students, within Canada, by student characteristics. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=3710013605>

Заметную долю образовательных услуг, предоставляемых высшими учебными заведениями Канады, составляют дистанционные образовательные курсы и программы. В отличие от США в Канаде отсутствует требование обязательного присутствия иностранного студента в кампусе во время обучения в колледже, институте или университете, в связи с чем возможна разработка и реализация учреждением программы не только краткосрочных дистанционных курсов с выдачей сертификата, но и профессионального образования, получаемого в гибридном или полностью удаленном режиме с последующей выдачей степени до магистра включительно. Стоимость обучения при этом часто не отличается от очных программ и курсов, что позволяет студенту сэкономить на проживании и оплате сопутствующих расходов. В случае обучения по дистанционной программе иностранцу не нужно подавать заявку на получение студенческой визы, однако обучение в рамках подобной программы не сможет быть использовано в дальнейшем в качестве причины для получения визы на въезд в Канаду²⁴. Ограничения будут действовать и в случае подачи иностранным студентом заявления на разрешение на работу в Канаде: с 1 сентября 2024 г. в программе PGWP могут участвовать только обучающиеся программ с долей очного обучения не менее 50%.

Разработка и реализация дистанционных программ может осуществляться как силами канадских вузов, в том числе специализирующихся на онлайн-образовании (Университет Томпсон Риверс в Британской Колумбии, Университет Атабаски в Альберте), так и совместно с существующими образовательными онлайн-платформами (EdX, Coursera, Udacity). По оценке специалистов Канадской исследовательской ассоциации электронного образования²⁵, в 2019 г. 66% высших учебных заведений Канады предлагали хотя бы один дистанционный курс, причем на долю полностью удаленных программ приходилось 9% в университетах и 11% в колледжах. До пандемии удаленные курсы были востребованы у 29% канадских и 10% иностранных студентов²⁶. После 2020 г. произошел резкий рост количества программ, преподаваемых полностью удаленно, и в 2021 г. их доля составляла 76% в университетах и 74% в колледжах. На начало же 2024–2025 учебного года доля удаленных курсов составляла всего лишь 8% от всех университетских курсов (из них 68% – для программ не выше бакалавриата), предлагаемых к изучению в канадских вузах²⁷. Следует отметить, что опрошенные в рамках упомянутого исследования сотрудники колледжей (42%) и университетов (57%) также в меньшей степени рассчитывали на интерес к подобным программам со стороны иностранных студентов по сравнению с канадскими учащимися (76% и 64% соответственно)²⁸.

24 Online and distance learning // Government of Canada official site. URL: <https://www.educanada.ca/study-plan-etudes/online-learning-enseignement-en-ligne.aspx?lang=eng>.

25 2024 Pan-Canadian Report on Digital Learning. URL: https://cdlra-acrfl.ca/wp-content/uploads/2024/12/2024-Pan-Canadian-Report_EN.pdf.

26 Bush O. Distance and E-Learning Statistics in Canada // Made in CA: Canadian Statistics, 25.10.2024. URL: <https://madeinca.ca/distance-e-learning-statistics-canada/>.

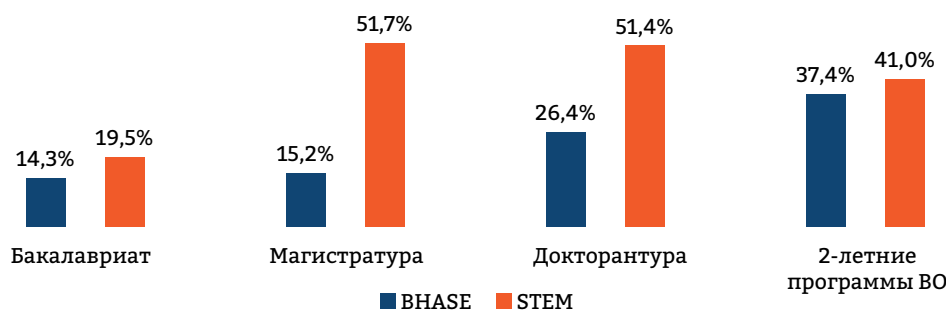
27 Там же.

28 Johnson N. 2021 Special Topics Report: The Growth of Online Learning and Digital Learning Resources in Canadian PostSecondary Education // Canadian Digital Learning Research Association. URL: https://cdlra-acrfl.ca/wp-content/uploads/2022/04/2021_special-topics_en.pdf.

Во многом это связано со значительной ролью дистанционных курсов и программ для жителей удаленных канадских территорий и возросшим желанием канадских студентов оптимизировать свой учебный план за счет смешанного обучения.

Рисунок. Доля иностранных студентов в общем студенческом контингенте канадских вузов по программам групп BHASE и STEM (2022–2023 учебный год)

Figure. Share of international students in the total student body of Canadian universities in BHA and STEM programs (2022–2023 academic year)

Источник: Statistics Canada
Source: Statistics Canada

Следует отметить, что группа направлений BHASE (Business, Humanities, Art, Social Science, Education) является в целом более многочисленной по сравнению со STEM (Science, Technology, Engineering, Mathematics) из-за бизнес-программ как наиболее популярных для приезжающих на учебу в Канаду. В результате по направлениям BHASE в 2022–2023 учебном году обучалось 62,5% иностранных студентов, хотя их доля в сравнении с канадскими студентами заметно ниже (14,3% по полным программам бакалавриата, 15,2% от общего числа обучающихся в магистратуре и 26,4% – в аспирантуре). Наибольшая доля иностранных студентов программ BHASE наблюдалась среди учащихся 2-летних программ высшего образования без получения диплома бакалавра (35%). Несмотря на меньшую численность обучающихся в Канаде по естественно-научным и технико-инженерным программам (36,5% от общей численности), их доля среди канадских обучающихся была более заметна, особенно в магистратуре и аспирантуре: 41% среди учащихся 2-летних программ высшего образования, 19,5% по полным программам бакалавриата, 51,7% в магистратуре и 51,4% в аспирантуре (в Квебеке соответствующие показатели в магистратуре и аспирантуре достигают 53,4% и 61,8%)²⁹.

²⁹ Statistics Canada. Table 37-10-0163-01. Postsecondary enrolments, by International Standard Classification of Education, institution type, Classification of Instructional Programs, STEM and BHASE groupings, status of student in Canada, age group and gender. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/t1/tbl1/en/tv.action?pid=3710016301>.

Статистика возвратной миграции зарубежных выпускников канадских образовательных программ

Дополнительным преимуществом Канады в борьбе за иностранных студентов до недавнего времени оставались правовые особенности пребывания обучающихся. В 2002 г. правительство Канады приняло Закон об иммиграции и защите беженцев (Immigration and Refugee Protection Act, IRPA)³⁰, в рамках которого стало рассматривать данную категорию иностранцев, пребывающих в Канаде, в качестве одного из наиболее желательных вариантов потенциальной рабочей силы, т.н. «идеальных иммигрантов». С 2005 г. для иностранных выпускников высших учебных заведений, намеревавшихся получить ВНЖ, был отменен 60-дневный срок на поиск работы строго по направлению полученной подготовки. В 2005–2008 гг. была разработана программа выдачи разрешений на работу (от 8 месяцев до 3 лет) для недавних зарубежных выпускников образовательных программ канадских вузов³¹. С 2008 г. была запущена федеральная иммиграционная программа для иностранных выпускников канадских вузов (Canadian Experience Class / CES), а вслед за ней с 2010 г. стали появляться региональные аналоги (Programme de l'expérience québécoise / PEQ в Квебеке, с 2015 г. в Онтарио и с 2019–2022 гг. в остальных провинциях и территориях – Provincial Nominee Program / PNP), не учитывавшие иных требований к опыту работы в канадских компаниях, кроме как полной или частичной занятости в течение года (или 1 560 часов)³² из трех лет, предшествовавших подаче заявления.

В результате в 2023–2024 учебном году 70% зарубежных студентов были готовы подать заявление на разрешение на работу в Канаде после окончания обучения, а 57% зарубежных студентов, учащихся в Канаде, вне зависимости от направления обучения рассчитывают на получение ВНЖ. Вместе с этим следует отметить существование устойчивой доли последующей миграции иммигрантов из Канады в другие страны (цифра в исследованиях колеблется от 5,1% в первые пять лет³³ до 34% в течение двадцати лет с момента получения ВНЖ³⁴), и с наибольшей

³⁰ Evaluation of the International Student Program // Government of Canada official site. URL: <https://www.canada.ca/en/immigration-refugees-citizenship/corporate/reports-statistics/evaluations/international-student-program-2010/background.html>.

³¹ Formanowicz D., Zhang T., Banerjee R., Ahmed R., Garcia-Sitton I. Between Privilege and Precarity: The Migration Journeys of Former International Students in Canada // Working Paper No. 2024/12, Toronto Metropolitan Centre for Immigration and Settlement (TMCIS) and the CERC in Migration and Integration at Toronto Metropolitan University. URL: <https://www.torontomu.ca/content/dam/centre-for-immigration-and-settlement/tmcis/publications/workingpapers/wp-formanowicz-zhang-banerjee-ahmed-garcia-sitton.pdf>.

³² CEC: Canadian Experience Class Eligibility Criteria // Cohen Immigration Law – Canada Immigration Lawyers, 12.07.2023. URL: <https://www.canadavisa.com/canadian-experience-class.html>.

³³ Bérard-Chagnon J., Hallman, S., Dionne M.-A., Tang J., St-Jean B. Emigration of Immigrants: Results from the Longitudinal Immigration Database // Statistics Canada, 02.02.2024. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/91f0015m/91f0015m2024002-eng.htm>.

³⁴ Monteiro S., Guccini F. and Hamman L. The Leaky Bucket 2024: A Closer Look at Immigrant Onward Migration in Canada // Ottawa: The Conference Board of Canada, 2024. URL: https://forcitizenship.ca/wp-content/uploads/2024/11/the-leaky-bucket_2024.pdf.

вероятностью среди уехавших в течение этого срока оказываются иностранные студенты, особенно франкоговорящие, не имевшие иного основания для пребывания в Канаде (вне зависимости от провинции) до получения ВНЖ, кроме учебы³⁵. Также статус иммигранта, получившего образование в Канаде, часто сопровождается такими характеристиками, как высокий уровень образования и статус инвестора или предпринимателя на момент получения ВНЖ или гражданства. В совокупности эти характеристики коррелируют с наивысшей долей последующей миграции в долгосрочной перспективе. С учетом ранее представленной информации о профилях подготовки, выбираемых иностранцами в рамках получения высшего образования в Канаде, можно предположить отсутствие в мотивах выбора направления обучения учета трудовых потребностей в предполагаемых местах дальнейшего проживания в Канаде, что может осложнять их дальнейшую профессиональную самореализацию и в конце концов – адаптацию в канадском обществе. По данным Статистической службы Канады, касающимся канадской диаспоры, около 15% канадцев, проживающих за рубежом, являются натурализованными гражданами³⁶. Глубинные интервью с иностранными студентами государственных университетов Канады в рамках исследования Университета Торонто Метрополитен 2024 г.³⁷ показали как факторы, коррелирующие либо помогающие адаптации иностранных студентов (обучение в университете, участие в профессиональных программах провинций, поддержка от членов расширенной семьи, диаспоры или университетских аффинити-групп³⁸), так и осложняющие ее (учет страны исхода при выдаче визы и определении срока ее действия, обособленное поведение канадских студентов).

Выводы

За последние 30 лет Канада значительно продвинулась по пути коммерческого развития национальной системы образования в рамках глобальной сети образовательных услуг. Основным источником иностранных студентов на протяжении всей истории развития данной отрасли оставались страны Индо-Тихоокеанского региона. Большинство иностранцев поступает в государственные

³⁵ Там же.

³⁶ Bérard-Chagnon J., Canon L. The Canadian diaspora: Estimating the number of Canadian citizens who live abroad // Statistics Canada, 13.04.2022. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/91f0015m/91f0015m2022001-eng.htm>.

³⁷ Formanowicz D., Zhang T., Banerjee R., Ahmed R., Garcia-Sitton I. Between Privilege and Precarity: The Migration Journeys of Former International Students in Canada // Working Paper. No. 2024/12, Toronto Metropolitan Centre for Immigration and Settlement (TMCIS) and the CERC in Migration and Integration at Toronto Metropolitan University. URL: <https://www.torontomu.ca/content/dam/centre-for-immigration-and-settlement/tmcis/publications/workingpapers/wp-formanowicz--zhang--banerjee--ahmed--garcia-sitton.pdf>.

³⁸ Аффинити-группа – группа лиц, сформированная вокруг общего интереса или общей цели. Они не находятся под эгидой госучреждения, а их цели носят некоммерческий характер, несмотря на возможное наличие членских взносов. Примерами таких групп могут быть как клубы по интересам, так и студенческие объединения и кружки в вузах США и Канады.

учебные заведения Онтарио и Британской Колумбии, что на фоне жилищного кризиса вызвало у жителей данных провинций недовольство ростом численности зарубежных студентов.

Несмотря на преимущественное поступление иностранцев на очные программы по изучению бизнеса, общественных и гуманитарных наук и искусств, в высокотехнологических и естественно-научных направлениях, наиболее ресурсозатратных, в том числе из-за расходов на лаборатории, иностранные учащиеся более заметны и играют важную роль как с точки зрения мирового рынка образовательных услуг, частью которого являются канадские учебные заведения, так и с точки зрения глобальных научно-технологических разработок с участием обученных в Канаде специалистов.

В результате проведенных реформ в сфере миграционной политики и трудового законодательства Канаде удалось достигнуть существенных успехов в привлечении студентов из-за рубежа, но не в удержании их на канадском рынке труда. Несмотря на предлагаемые условия начала карьеры по профилю полученного образования с возможностью постоянного проживания в Канаде, в зависимости от обстоятельств 46% зарубежных обучающихся сомневаются или остаются не заинтересованными. В условиях постепенного сокращения государственного финансирования высшего образования, вне зависимости от уменьшения количества мест для иностранных студентов, университеты, институты и колледжи в большинстве провинций в ближайшее время продолжат рассчитывать на иностранцев как существенный источник финансирования канадского высшего образования.

Список литературы

1. Головко-Охременко А.А., Честнягина К.С. Иностранные студенты образовательных программ США: феномен американской образовательной иммиграции [International Students of US Educational Programs: the Phenomenon of American Educational Immigration] // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1. С. 116–134. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-116-134](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-116-134).
2. Исраелян Е.В. Гендерное образование в высшей школе Канады: достижения и проблемы [Gender Education in Canadian Universities and Colleges: Achievements and Challenges] // Гендерная политика в России и в мире: экономика, управление, общество: материалы Всероссийской научной конференции, Иваново, 25 июня 2021 года. Иваново: Ивановский государственный университет, 2021. С. 167. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46590813_95725991.pdf.
3. Судибор О.Л. Зарубежный опыт принятия управленческих решений в области интернационализации высшего образования: Канада [Foreign Experience in Making Management Decisions in the Field of Internationalization of Higher Education: Canada] // Мировая экономика и профессиональное образование в новых геополитических условиях: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию университета «Туран», 6 октября 2017 г. Алматы: Университет «Туран», 2017. С. 279–285.
4. Skolnik M.L. Canada's High Rate of Short-Cycle Tertiary Education Attainment: a Reflection of the Role of its Community Colleges in Vocational Education and Training // Journal of Vocational Education & Training. 2021. Vol. 73. Issue 4. P. 543–565. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/figure/10.1080/13636820.2020.1744692?scroll=top&needAccess=true>.
5. Usher A., Balfour J. The State of Postsecondary Education in Canada, 2023. Toronto: Higher Education Strategy Associates, 2023. P. 76–82. URL: https://higherstrategy.com/wp-content/uploads/2023/09/SPEC-2023_v3.pdf.

Информация об авторах

ГОЛОВКО-ОХРЕМЕНКО Александра Андреевна. Младший научный сотрудник Отдела внутриполитических исследований Института США и Канады имени академика Г.А.Арбатова РАН. <https://orcid.org/0000-0002-4598-8126>. Адрес: Российская Федерация, 121069, г. Москва, Хлебный пер., 2/3. a.golovko-okhremenko@iskran.ru

ЕРЕМИНА Ксения Сергеевна. Младший научный сотрудник Отдела внутриполитических исследований Института США и Канады имени академика Г.А.Арбатова РАН. <https://orcid.org/0000-0001-6499-8066>. Адрес: Российская Федерация, 121069, г. Москва, Хлебный пер., 2/3. k.eremina@iskran.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 6 августа 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Golovko-Okhremenko A.A., Chestnyagina K.S. International Students of US Educational Programs: the Phenomenon of American Educational Immigration. *Rossiia i Mir: Nauchnyj Dialog* [Russia & World: Sc. Dialogue]. 2025; 1:116–134 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1\(15\)-116-134](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-1(15)-116-134).
2. Israelian E.V. Gender Education in Canadian Universities and Colleges: Achievements and Challenges. *Gender Policy in Russia and the World: Economics, Management, and Society: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*, Ivanovo, June 25, 2021. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet [Ivanovo State University]. 2021. 167 p. [In Russian]. Available from: https://elibrary.ru/download/elibrary_46590813_95725991.pdf.
3. Sudibor O.L. Foreign Experience in Making Management Decisions in the Field of Internationalization of Higher Education: Canada. *World Economy and Professional Education in New Geopolitical Conditions: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 25th Anniversary of Turan University*, October 6, 2017. Almaty: Universitet «Turan» [Turan University]. 2017:279–285 [In Russian].
4. Skolnik M.L. Canada's High Rate of Short-Cycle Tertiary Education Attainment: a Reflection of the Role of its Community Colleges in Vocational Education and Training // *Journal of Vocational Education & Training*. 2021; 73(4):543–565 [In English]. Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/figure/10.1080/13636820.2020.1744692?scroll=top&needAccess=true>.
5. Usher A., Balfour J. *The State of Postsecondary Education in Canada*, 2023. Toronto: Higher Education Strategy Associates, 2023:76–82 [In English]. Available from: https://higherstrategy.com/wp-content/uploads/2023/09/SPEC-2023_v3.pdf.

About the authors

Alexandra A. GOLOVKO-OKHREMENKO. Junior researcher in the Department of Domestic Policy Studies at the Institute for USA and Canadian Studies named after Academician G.A.Arbatov of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0002-4598-8126>. Address: 2/3, Khleby Lane, Moscow, 121069, Russian Federation. a.golovko-okhremenko@iskran.ru

Ksenia S. EREMINA. Junior researcher in the Department of Domestic Policy Studies at the Institute for USA and Canadian Studies named after Academician G.A.Arbatov of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0001-6499-8066>. Address: 2/3, Khleby Lane, Moscow, 121069, Russian Federation. k.eremina@iskran.ru

Contribution of the authors

The authors declare no conflicts of interests.

Article info

Received: August 6, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The authors have read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-168-178](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-168-178)

«Халяльные» кафе Москвы как пространство репрезентации «мусульманскости»: постановка проблемы

Тохир Сафарбекович Каландаров✉

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

tohir_s70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8454-1784>

Аннотация. Статья посвящена «халяльной» индустрии, а именно – «халяльным» кафе и ресторанам в Москве. Термин «халяльность» воспринимается по-разному среди рестораторов и владельцев кафе (именно поэтому мы предпочли заключить его в кавычки). Данная тема является достаточно актуальной по разным причинам. Во-первых, исследований по этой теме на основе московского материала чрезвычайно мало, во-вторых, сейчас происходит бурный рост появления таких заведений. Исследование основано на анализе работ десяти кафе и одного ресторана в Москве, которые позиционируют себя как «халяльные». Все эти одиннадцать объектов были выбраны путем применения методики выборки, управляемой респондентами RDS (Respondent Driven Sampling), которая широко используется, в том числе в России, для сбора данных о маргинальных труднодостижимых группах, таких как мигрантские сообщества. В статье представлено пять полуструктурных интервью с владельцами или администраторами кафе; также нами было использовано включенное наблюдение во всех этих заведениях. Пока это только предварительные выводы, так как двухгодичный проект «Культура повседневности мусульман Москвы: пространства, сети и практики» находится в начале своего осуществления. Тем не менее уже обрисовываются первые контуры «большой картины», которая в дальнейшем может показать достаточно весомое пространство Москвы, где важное место занимают мусульманские сообщества.

Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ (№ гранта 25-28-01536 «Культура повседневности мусульман Москвы: пространства, сети и практики»).

Ключевые слова: мусульманские сообщества Москвы, «халяльные» кафе, «мусульманскость», «халяль»-индустрия, сунниты, шииты

Для цитирования: Каландаров Т.С. «Халяльные» кафе Москвы как пространство репрезентации «мусульманскости»: постановка проблемы // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 168-178, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-168-178](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-168-178)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-168-178](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-168-178)

“Halal” Cafés in Moscow and “Muslimness”: Problem Statement

Tokhir S. Kalandarov✉

The Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

tohir_s70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8454-1784>

Abstract. This article examines the halal industry, specifically “halal” cafés and restaurants in Moscow. Given the varying perceptions of halality among restaurateurs and café owners, we use scare quotes to emphasize the contested nature of the term “halal”. This topic is quite relevant for various reasons, there is a significant lack of research on this topic based on material from Moscow; secondly, there has been a rapid growth in the emergence of such restaurants and catering establishments. The study draws on an analysis of the operations of ten cafés and one restaurant in Moscow that present themselves as “halal”. These eleven sites were recruited using Respondent-Driven Sampling (RDS), a method widely used, including in Russia, to collect data on marginalized, hard-to-reach groups such as migrant communities. The article presents five semi-structured interviews with owners or administrators and employed participant observation in all of these establishments. So far, these are only preliminary conclusions, since the two-year project “The Culture of everyday Life of Moscow Muslims: spaces, networks and practices” is at the beginning of its implementation. Nevertheless, the broad contours of the “big picture” are beginning to emerge, pointing to a substantial segment of Moscow’s urban space where Muslim communities play a significant role.

The study was conducted with financial support from the Russian Science Foundation (grant no. 25-28-01536, “Culture of Everyday Life of Moscow Muslims: Spaces, Networks and Practices”).

Keywords: Moscow’s Muslim communities, ‘halal’ cafés, Muslimness, halal industry, Sunni Muslims. Shia Muslims

For citation: Kalandarov T.S. “Halal” Cafés in Moscow and “Muslimness”: Problem Statement. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 4(18): 168-178. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-168-178](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-168-178)

Введение

Различные московские мусульманские сообщества в настоящее время включились и освоились в пространстве столичного мегаполиса как составляющая общей религиозной мозаики. Это является отражением и продолжением различных процессов в экономических, социальных и политических сферах / направлениях, которые затронули различные регионы ближнего и дальнего зарубежья, а также многие российские области.

Последователи ислама представлены различными группами, в большинстве случаев мигрантами из Средней Азии, с Северного и Южного Кавказа, немногочисленными «старожилами» – татарами, а также выходцами из стран Ближнего и Среднего Востока, которые в основной своей массе принадлежат к суннитской ветви ислама и в меньшинстве – к шиитской (шииты-имамиты и исмаилиты). За постсоветский период эти группы выстроили свои взаимоотношения с городским пространством, властями, во внутригрупповом и межгрупповом взаимодействии с другими мусульманами. Поле этого взаимодействие не статично, а во многом динамично развивается параллельно с развитием города, его инфраструктуры. Присутствие мусульман ощущается не только в дни больших религиозных праздников, но и в повседневной жизни москвичей. Сегодня уже никого не удивит реклама «халяльной» продукции в магазинах, предложением «халяльных туров» крупнейшими российскими туроператорами или разнообразием этнических кафе и ресторанов, подчеркивающих исламский маркер, как и коммерческих предложений товаров и услуг для мусульман. Все это привлекает внимание самого широкого круга специалистов – антропологов, религиоведов, социологов и политологов. Особое место в таком большом исследовательском поле, как Москва, занимает вопрос изучения так называемых «халяльных»¹ кафе / ресторанов.

Общепит становится важным сектором повседневной религиозности мусульман Московского региона. На примере религиозно маркированных сетей кафе столичного региона автор попытается проанализировать работу «халяльных» кафе. Перед автором стоят следующие вопросы: насколько эти кафе наделяются религиозным значением, почему арендаторы / собственники маркируют свои кафе религиозными символами, насколько ребрендинг основан на маркетинге и т.д. и т.п. Важным исследовательским вопросом является то, насколько эти «халяльные» кафе становятся религиозно-символической площадкой и насколько комфортны для коммуникации мусульман. Ценовая политика «халяльных» кафе также занимает важное место в данном исследовании. Другими словами, автор анализирует, почему мусульмане чаще всего выбирают именно такие «халяльные» кафе. Там дешевле кормят или присутствует фактор доверия посетителей к «халяльным» продуктам, используемым при приготовлении блюд?

¹ «Халяль» – букв. означает «дозволенность, разрешенность, законность». Подробнее об этом см.: [4].

Несмотря на то, что о мусульманском маркетинге достаточно много пишут в России (см., например: Рычкова и др. [14]), такая тема, как «халяльные» кафе и рестораны Москвы, еще недостаточно освещена в научной литературе.

Материалы и методы

В данной статье мы опираемся на идеи «вернакулярной / живой / проживаемой / повседневной религии», позволяющей уйти от разделений на «высокую» (институализированную, основанную на текстах, элитарную) и «низкую» (неинституализированную, «народную») религию. Это позволяет перейти к рассмотрению различных религиозных практик, формирующих повседневность мусульман Москвы. В качестве исследовательских методов мы использовали метод полевой этнографической работы (опрос, интервью, включенное наблюдение), цифровую этнографию (анализ социальных сетей), а также анализ современной литературы по проблематике антропологии религии.

Результаты исследований

Наше исследование направлено на изучение вопросов, касающихся мусульманских повседневных практик, в которые входят не только практики поклонения, но и различные процессы потребления товаров и услуг, благодаря которым практикующий мусульманин находится в религиозном (символическом и коммуникационном) пространстве. Все это в совокупности, на наш взгляд, строится на повседневных проживаемых практик, которые вкуче составляют образ мусульманина. По мнению автора, общепит становится одним из столпов повседневной религиозности, так как мусульмане наделяют его религиозным значением. Количество «халяльных» кафе и ресторанов в Москве быстро растет, и это, на первый взгляд, наводит на мысль, что это связано с духовной потребностью мусульманского населения мегаполиса. Однако когда мы глубже стали рассматривать данную ситуацию, оказалось, что не все так однозначно. Наши интервью с владельцами и администраторами таких заведений показывают, что важное значение имеет также маркетинговый ход. Другими словами, предприниматели из области общепита уловили момент, что ребрендинг может стать ключевым фактором привлечения клиентов. Например, на мой вопрос информантам о том, что они знают о Международном центре стандартизации и сертификации «Халяль» при Духовном Управлении мусульман РФ (ДУМ РФ) и Совете муфтиев России, не было дано ни одного точного ответа. На сайте этого центра указано, что Международный центр стандартизации и сертификации – МЦСиС «Халяль» – единственная организация на территории Российской Федерации, получившая полномочия от председателя Совета муфтиев России, председателя Духовного управления мусульман Российской

Федерации, муфтия шейха Равиля Гайнутдина на осуществление деятельности по сертификации продукции и услуг «Халяль»². Приводим отрывок из нашего интервью с владельцем «халяльного» кафе в Москве в районе рынка «Мандарин».

Автор: Вы сами себя называете «халяльное» кафе или получили сертификат соответствия?

Респондент: Мы покупаем продукты у наших постоянных поставщиков, которые имеют ферму в Пензе. У них все мясо «халяльное». У них на ферме работают мусульмане. Там вручную со словами «бисмиллях» режут животных и разделывают³. Кровь животного должна выходить. То есть, чтобы убивали животное не с помощью тока. Когда мы покупаем мясо у них, на коробках есть этикетка «Халяль».

Автор: И Вы верите, если есть этикетка с надписью «Халяль», значит мясо «халяльное»?

Респондент: Конечно, верим. Это же наши знакомые мусульмане. Они из Чечни и Ингушетии. Много лет в этом бизнесе.

(Полевые материалы авторского исследования, март 2025 г.)

Как видим из данного отрывка, владелец кафе не знает о существовании МЦСиС «Халяль». Он уверен, что достаточно купить продукты для своего заведения с этикетками «Халяль». Более того, наш информант убежден, что даже куриная продукция, которую он покупает у своих поставщиков, также является «халяльной» продукцией. С трудом верится, что многочисленные кафе и рестораны такого типа обеспечивают куриной продукцией, разделанной именно по этой схеме, описанной выше⁴.

Конечно, такие центры сертификации действуют и в регионах России (Дагестан, Татарстан). Появляются и другие центры: к примеру, уже в 2017 г. в России существовало 12 организаций, которые занимались сертификацией на рынке «халяль» [17, с. 76], однако к их работе есть определенные претензии⁵ (подробнее см.: [17, с. 79–89]).

Изучая «халяльную» индустрию, журналистка О.Малышева приходит к выводу, что «в большинстве случаев никакой крайней приверженности исламу ни владельцы, ни менеджеры компаний-производителей не испытывают. Компании просто верно попадают в тренд: продажа еды под брендами, связанными с религией, располагает покупателя к производителю»⁶. Действительно, конфессионально маркированная продукция больше привлекает покупателей, причем это характерно не только для мусульман, но и для представителей других религий и конфессий. К примеру, во время православных праздников в разы увеличивается продажа освященных куличей и т.д. и т.п.

² О МЦСИС «Халяль» // Международный Центр стандартизации и сертификации «Халяль» при Духовном управлении мусульман РФ. URL: <https://halalcenter.ru/o-czentre/>.

³ Требования к правильному забою описаны в работах: [7, с. 61–65; 4, с. 60–81].

⁴ В России наибольшую долю в объеме производства «халяльных» продуктов занимает мясо кур, ежегодно около 100 тыс. тонн [16, с. 185].

⁵ Дашковский И. Конфессиональный маркетинг // Коммерсант Деньги. 25.07.2016. № 29. С. 23. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3036715>; Проценко Н. Российский халяль: между ростом и профанацией. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/06/14/rossiyskiy-halyal-mezhdu-rostom-i-profanaciey>.

⁶ Малышева О. Маркетинг или религия. URL: <http://www.eg.ru/daily/melochi/53853>.

Также во время месяца поста у мусульман «халяльные» кафе, которые работают исключительно для ифтара⁷, зарабатывают больше, чем в обычные месяцы.

Следующая тема, о которой нам было интересно узнать у наших информантов, – это вопрос о доступности цен в таких заведениях.

Автор: Теперь поговорим о ценообразовании в вашем кафе. Как вы думаете, у вас цены ниже или выше, чем у других соседних кафе, которые не заявляют о себе как о «халяльных» кафе?

Респондент: Там, где дешевле, они жульничают. Уменьшают вес блюд, клиенты же не будут проверять, сколько грамм мяса в их блюде. Мы так не делаем. У нас цены не дешевле, чем у конкурентов. У нас хороший повар и продукты качественные. Поэтому у нас цены не могут быть дешевле, чем у конкурентов. У нас есть постоянные клиенты. Они доверяют нам, каждый день ходят к нам обедать или ужинать.

(Полевые материалы авторского исследования, март 2025 г.)

Как становится ясно из интервью, так называемые «халяльные» кафе в своей политике ценообразования не придерживаются логики понижения цен; наоборот, в таких кафе или ресторанах цены чуть выше, чем у аналогичных заведений данного сегмента. Получается, бренд «халяльный» служит как маркетинговый ход. Заведения, которые так себя маркируют, зарабатывают больше⁸, чем их конкуренты, которые не маркируют себя как предприятия «халяльной» кухни.

«Халяльные» кафе становятся площадкой для коммуникации мусульман. Е.А.Варшавер и А.Л.Рочева, изучая сообщества кафе в Москве, пришли к выводу, что эти сообщества не складываются по этническому принципу [2, с. 113]. Действительно, если мы посмотрим на Среднюю Азию в XIX и начале XX в., принадлежность к мусульманской умме была основой для групповой и индивидуальной идентичности коренного населения. На вопрос о национальности / этносе неизменно следовал четкий ответ: «Я мусульманин». Причем собственно этническая идентичность не играла сколько-нибудь важную роль в самоидентификации индивидов. Конечно, мусульманская идентичность⁹ в первую очередь подразумевала принадлежность к какому-то определенному мазхабу, в данном случае – к ханафитскому мазхабу. В данной статье под термином «религиозной идентичности» мы вслед за С.В.Рыжовой понимаем «связующее звено между институциональной религиозностью и личными религиозными мотивами» [13, с. 118]. Наши наблюдения также показывают, что в эти кафе люди приходят не по этническому принципу, а в основном по религиозной самоидентификации¹⁰.

⁷ Ифтар – вечерний прием пищи у мусульман во время исламского месяца Рамадан.

⁸ По словам А.А.Белик, в 1990-е гг. россиянам в качестве ценностного идеала была предложена алчность и культ наживы [1, с. 38].

⁹ В данной статье не будем останавливаться на теме религиозности, отсылаем читателей к работам С.Д.Лебедева, Ю.Ю.Синелиной, Е.В.Пруцковой, В.А.Тишкова, В.В.Степанова, А.А.Ожигановой, Ю.В.Филиппова и др.

¹⁰ О сложностях критерия религиозности см.: [9, с. 153–168].

Несмотря на то, что исследователи отмечают производство и потребление «халяльных» товаров и услуг как популярную тенденцию у современных мусульманских семей [6, с. 224], отметим, что наши полевые исследования показывают, что в подавляющем большинстве своем посетителями «халяльных» кафе в Москве являются мужчины без своих жен и детей. В основном в этих кафе обедают или ужинают трудовые мигранты из Средней Азии или с Кавказа. Другое дело – рестораны, которые позиционируют себя как «халяльные». Там, безусловно, цены намного выше, чем в кафе, и туда ходят мусульмане со своими семьями. По нашим наблюдениям, это москвичи, которые предпочитают проводить вечерний отдых с семьей в ресторане. Посетители таких ресторанов демонстрируют свою визуальную мусульманскую идентичность. Мужчины – обычно с ухоженными бородами и в солидной одежде, а жены и дочери старше 10–12 лет – в платках из дорогих тканей. Когда такая семья за столом, считается дурным тоном разговаривать с ними и мешать трапезе. Исследователям остается только понаблюдать за их столом.

Общеизвестно, что двигателем торговли является реклама. На мой вопрос о том, как владельцы таких заведений рекламируют себя для привлечения новых клиентов, мои информанты отвечали, что в основном клиентов привлекают посредством «сарафанного радио». Один из моих информантов отвечает: «Мы вкусно и по доступной цене готовим блюда, поэтому наши клиенты рассказывают своим друзьям и знакомым о нас, те, в свою очередь, приходят к нам и рассказывают далее. Таким образом, как видите, у нас всегда есть клиенты. Никогда пусто не бывает у нас. Думаю, скоро откроем свой телеграм-канал. Там будем рекламировать свое кафе. Можно будет фото и видео там опубликовать. Есть один молодой родственник, он разбирается в этих делах, обещал сделать» (полевые материалы авторского исследования, март 2025 г.).

По подсчетам специалистов, в Европе¹¹ объем потребления только пищевых продуктов «халяль» оценивается примерно в 67 млрд евро в год [3, с. 36]. Понятно, что этот объем растет и в России. Р.Давыдова в своей статье приводит прогнозы на 2025 г. По ее прогнозам, в 2025 г. доля продуктов «халяль» будет составлять не менее 20% от всей произведенной в мире продукции [3, с. 36]. Все эти прогнозы и наши наблюдения в Москве говорят о том, что индустрия «халяльной» продукции является достаточно прибыльным бизнесом¹².

Выводы

Полученные данные помогут составить общую картину повседневной кухни мусульман Москвы. Следует сразу оговориться, что пока мы имеем только предварительные выводы. Для нас было важно спросить у наших информантов, что

¹¹ Историография этого вопроса в западной науке приведена в статье Ахмеда Аллам [20, р. 656–658].

¹² По подсчетам специалистов, к 2030 г. мусульмане составят 26,4% от общего населения мира [19, р. 173]. Мировой рынок «халяль» насчитывает 4 трлн долл., при этом более 60% здесь занимают продукты питания [5, с. 12].

такое «халяльное» кафе с точки зрения категории практики, а не категории анализа. Наши информанты обладали неполной информацией относительно «халяльности» своих заведений. Никто из наших информантов не знал о существовании Международного центра стандартизации и сертификации «Халяль» при ДУМ РФ.

При этом клиенты доверяют этим заведениям. Они верят в «халяльность» блюда. Клиенты-мусульмане доверяют «своим» больше, чем людям вне мусульманского сообщества. Некоторые «халяльные» кафе предоставляют пространство для религиозных практик мусульман (отдельная молельная комната). Создается так называемая «мусульманскость». Хотя, согласно Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях», религиозные обряды должны совершаться в культовых помещениях¹³.

Таким образом, вопрос о том, может ли «халяльное» кафе стать общественным институтом для мусульман Москвы, остается открытым.

Как показывают наши предварительные анализы цен в таких заведениях, средний чек в них не ниже, а в некоторых случаях выше, чем в обычных московских кафе. Таким образом, маркируя свое заведение «халяльностью», владельцы такого бизнеса, скорее всего, исходят из маркетинговых соображений. Желание заработать на этом стоит выше, чем духовная потребность мусульман Москвы¹⁴.

Полученные результаты исследования могут носить прогностический характер, так как позволяют сформировать представление о тенденциях изменения городского пространства с учетом увеличения вклада мусульман в городскую инфраструктуру, а также определить характер и траекторию выстраивания взаимодействий и взаимоотношений мусульманского мигрантского и принимающего сообществ. При этом следует сразу оговориться, что появление «халяльных» заведений в Московском регионе отнюдь не должно восприниматься как дихотомия («исламская цивилизация» против «христианской цивилизации»)¹⁵.

Список литературы

- Белик А.А. Этнос, религия, личность (На примере воздействия «новых» религий на личность и на этноконфессиональную ситуацию в г. Москве в 90-е годы) [Ethnos, Religion, Personality (Based on the Impact of "New" Religions on the Personality and on the Ethno-Confessional Situation in Moscow in the 90s)] // Московский регион: этноконфессиональная ситуация. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 22–39.
- Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве [Cafe Communities as an Environment for the Ethnic Integration of Migrants in Moscow] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3. С. 104–114.
- Давыдова Р. Халяль движет рынком [Halal Drives the Market] // Мясные технологии. 2012. № 8. С. 36–41.

¹³ О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049359>.

¹⁴ Следует отметить, что есть исследования, где религиозный фактор на рынке «халяль» считается важнейшим [16, с. 49].

¹⁵ Подробнее об этой конфронтационной парадигме см.: [9]. Более того, кухня играет важную роль в динамике дружественности между странами. Подробнее об этом см.: [8].

- Дозволенное и запретное в питании и не только. Пособие по фикху [Permitted and Prohibited in Food and More. A Guide to Fiqh]. Казань: Издательский дом «Хузур» – «Спокойствие», 2020. 112 с.
- Загоровская В. Халяль на экспорт [Halal for Export] // Птицепром. 2015. № 2(26). С. 11–14. URL: <http://sfera.fm/editions/sfera/pticeprom/20>.
- Калина Н.М., Усова К.Е. Мода как способ репрезентации ценностей мусульманской семьи [Fashion as a Way of Representation of Muslim Family Values] // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 4. С. 222–226.
- Камали М.Х. Характеристики халала и харاما в шариате и халал-индустрии [The Parameters of Halal and Haram in Shariah and the Halal Industry] / пер. с англ. П.Коротчикова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2024. 96 с.
- Комлева В.В. Динамика дружелюбности коммуникационных режимов стран ближнего зарубежья (по результатам ежегодного мониторинга) [Dynamics of Friendliness of Communication Regimes of Neighboring Countries (Based on the Results of Annual Monitoring)] // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 1(7). С. 24–39. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1\(7\)-24-39](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1(7)-24-39).
- Лебедев С.Д. Религиозность: в поисках «рубикона» [Religiosity: in Search of the "Rubicon"] // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 153–168.
- Майтдинова Г.М., Сажин В.И., Мамадазимов А.М., Загребин А.Е. Межцивилизационный диалог в Центральной Азии: взгляды российских и таджикских ученых [Intercivilizational Dialogue in Central Asia: Views of Russian and Tajik Scientists] // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2(12). С. 136–159. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-136-159](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-136-159).
- Ожиганова А.А., Филиппов Ю.В. Новая религиозность в современной России: учения, формы, практики [New Religiosity in Modern Russia: Teachings, Forms, Practices]. М.: ИЭА РАН, 2006. 300 с.
- Пруцкова Е.В. Операционализация понятия «религиозность» в эмпирических исследованиях [Operationalization of the Concept of "Religiosity" in Empirical Research] // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2(30). С. 268–293.
- Рыжова С.В. Особенности изучения религиозной идентичности россиян [Peculiarities of Studying Religious Identity of Russians] // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 118–127.
- Рычкова Н.В., Столярова Г.Р., Рычков С.Ю., Шакнис Ж.Б. Халяльный маркетинг в поликультурном регионе [Halal Marketing in a Multicultural Region] // Регионоведение. 2018. № 2. С. 278–295. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.103.026.201802.278-295>.
- Синелина Ю.Ю. О критериях определения религиозности населения [On the Criteria for Determining the Religiosity of the Population] // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 89–96.
- Столярова Г.Р., Рычкова Н.В., Рычков С.Ю. Религиозные детерминанты культуры питания современных городских мусульман (на примере татар и таджиков г. Казани). [Religious Determinants of Food Culture of Modern Urban Muslims (Using the Example of Tatars and Tajiks of Kazan)]. Казань: «Грумант», 2018. 320 с.
- Шовхалов Ш.А. Рынок халяль в России: теория, практика и перспективы развития [Halal Market in Russia: Theory, Practice and Development Prospects]. М.: ИНФРА-М, 2020. 243 с.
- Этническое и религиозное многообразие России [Ethnic and Religious Diversity of Russia] / под ред. В.А.Тишкова, В.В.Степанова. Изд. 2-е, испр. и дополн. М.: ИЭА РАН, 2018. 561 с.
- Akyol M., Kilinc O. Internet and Halal Tourism Marketing // Turkish Studies – International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. 2014. Vol. 9/8. P. 171–186. <https://doi.org/10.7827/TurkishStudies.7278>.
- Allam A. Marketing of Halal Meat in the United Kingdom: Supermarkets Versus Local Shops // British Food Journal. 2008. Vol. 110, № 7. P. 655–670. <https://doi.org/10.1108/00070700810887149>.

Информация об авторе

КАЛАНДАРОВ Тохир Сафарбекович. Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН России. <https://orcid.org/0000-0001-8454-1784>. Адрес: Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. tohir_s70@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28 августа 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Belik A.A. Ethnos, Religion, Personality (Based on the Impact of "New" Religions on the Personality and on the Ethno-Confessional Situation in Moscow in the 90s). Moskovskij region: etnokonfessional'naya situaciya. M.: IEA RAN [Moscow region: the ethno-confessional situation. Moscow: IEA RAS], 2000:22–39 [In Russian].
- Varshaver E.A., Rocheva A.L. Cafe Communities as an Environment for the Ethnic Integration of Migrants in Moscow. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2014; 3:104–114 [In Russian].
- Davydova R. Halal Drives the Market. Myasnye tehnologii [Meat Technologies]. 2012; 8:36–41 [In Russian].
- Permitted and Prohibited in Food and More. A Guide to Fiqh. Kazan: Izdatelskij dom «Xuzur» - «Spokojstvie» [Huzur Publishing House – "Serenity"], 2020:112 [In Russian].
- Zagorovskaya V. Halal for Export. Pticeprom [Poultry Industry]. 2015; 2(26):11–14 [In Russian]. Available from: <http://sfera.fm/editions/sfera/pticeprom/20>.
- Kalina N.M., Usova K.E. Fashion as a Way of Representation of Muslim Family Values. Vestnik ekonomiki, prava i sociologii [Bulletin of Economics, Law and Sociology].2018; 4:222–226 [In Russian].
- Kamali M.X. The Parameters of Halal and Haram in Shariah and the Halal Industry / Transl. from English P.Korotchkova. St.Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie [St.Petersburg Oriental Studies], 2024. 96 p. [In Russian].
- Komleva V.V. Dynamics of Friendliness of Communication Regimes of Neighboring Countries (Based on the Results of Annual Monitoring). Rossiya i mir: nauchniy dialog [Russia & World: Sc. Dialogue]. 2023; 1(7):24–39 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1\(7\)-24-39](https://doi.org/10.53658/RW2023-3-1(7)-24-39).
- Lebedev S.D. Religiosity: in Search of the "Rubicon". Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal]. 2005; 3:153–168 [In Russian].
- Maytdinova G. M., Sazhin V.I., Mamadazimov A.M., Zagrebina A.E. Intercivilizational Dialogue in Central Asia: Views of Russian and Tajik Scientists. Rossiya i mir: nauchniy dialog [Russia & World: Sc. Dialogue]. 2024; 2(12):136–159 [In Russian]. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2\(12\)-136-159](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-2(12)-136-159).
- Ozhiganova A.A., Filippov Yu.V. New Religiosity in Modern Russia: Teachings, Forms, Practices. Moscow IEA RAN [IEA RAS], 2006. 300 p. [In Russian].
- Pruczkova E.V. Operationalization of the Concept of "Religiosity" in Empirical Research. Gosudarstvo, religiya, cerkov v Rossii i za rubezhom [State, Religion, Church in Russia and Worldwide] 2012; 2(30):268–293 [In Russian].
- Ryzhova S.V. Peculiarities of Studying Religious Identity of Russians. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Research]. 2016; 10:118–127 [In Russian].
- Rychkova N.V., Stolyarova G.R., Rychkov S.Yu., Shaknis Zh.B. Halal Marketing in a Multicultural Region. Regionologiya [Russian Journal of Regional Studies]. 2018; 2:278–295 [In Russian]. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.103.026.201802.278-295>.

15. Sinelina Yu.Yu. On the Criteria for Determining the Religiosity of the Population. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Research]. 2001; 6:89–96 [In Russian].
16. Stolyarova G.R., Rychkova N.V. Rychkov S.Yu. Religious Determinants of Food Culture of Modern Urban Muslims (Using the Example of Tatars and Tajiks of Kazan) Kazan': «Grumant» [«Grumant»], 2018. 320 p. [In Russian].
17. Shovkhalov Sh.A. Halal Market in Russia: Theory, Practice and Development Prospects Moscow: INFRA-M [INFRA-M], 2020. 243 p. [In Russian].
18. Ethnic and Religious Diversity of Russia / Edited by V.A.Tishkov, V.V.Stepanov. Second ed. Moscow: IEA RAN [IEA RAS], 2018. 561 p. [In Russian].
19. Akyol M., Kilinc O. Internet and Halal Tourism Marketing. Turkish Studies – International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. 2014; 9/8:171–186 [In English]. <https://doi.org/10.7827/TurkishStudies.7278>.
20. Allam A. Marketing of Halal Meat in the United Kingdom: Supermarkets Versus Local Shops. British Food Journal. 2008; 110(7):655–670 [In English]. <https://doi.org/10.1108/00070700810887149>.

About the author

Tokhir S. KALANDAROV. CandSc. (Hist.). Senior Researcher at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0001-8454-1784>. Address: 32a, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russian Federation. tohir_s70@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: August 28, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 327; 94

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-179-191](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-179-191)

Социально-экономическое положение женщин в Иране к началу Конституционной революции 1905–1911 гг. как кризисогенный фактор общественных отношений

Светлана Александровна Кавун✉

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
svetlana.sepideh@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6601-5000>

Аннотация. Объектом исследования в настоящей статье является анализ основных особенностей социально-экономического положения женщин в Иране к началу Конституционной революции 1905–1911 гг. Исследование базируется на тщательном анализе персоязычных источников и литературы, ранее не задействованных в рамках российских исторических исследований. Особое внимание уделяется специфике положения женщин в различных сферах общественной жизни: социальной, семейной, экономической и образовательной. В рамках анализа выделяются три основные категории иранских женщин: горожанки, оседлые крестьянки и кочевницы. Каждая из этих категорий рассматривается с точки зрения их социально-бытовых функций, роли в семейной структуре и правового статуса. Особое внимание уделяется экономическому вкладу каждой из этих групп, при этом основное внимание уделяется городскому населению как наиболее изученной части иранского общества начала XX в. Также проводится оценка образовательных возможностей для женщин в этот период. Автор

стремится раскрыть проблему специфической роли женщин в иранском обществе как одного из ключевых факторов, способствовавших кризису общественных отношений в начале прошлого века. На основании проведенного анализа формулируется перечень основных пунктов общественного запроса на ликвидацию неравного положения женщин в различных сферах жизни. Эти пункты рассматриваются как необходимые условия для дальнейшего формирования и развития женского движения в Иране. Исследование представляет собой попытку всестороннего анализа положения женщин в иранском обществе на рубеже веков, а также выявления ключевых факторов, способствовавших возникновению и развитию женского движения в этой стране.

Ключевые слова: Иран, права женщин, гендерная сегрегация, патриархальные отношения, женское образование, хиджаб, семейное право, махр

Для цитирования: Кавун С.А. Социально-экономическое положение женщин в Иране к началу Конституционной революции 1905–1911 гг. как кризисогенный фактор общественных отношений // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 179-191, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-179-191](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-179-191)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-179-191](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-179-191)

Women's Social-Economic Position in Iran by the 1905–1911 Constitutional Revolution as a Crisis-Ridden Factor of the Public Affairs

Svetlana A. Kavun✉

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
svetlana.sepideh@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6601-5000>

Abstract. This article examines the key aspects of women's socio-economic status in Iran at the beginning of the Constitutional Revolution of 1905–1911. This research is based on a thorough analysis of Persian-language sources and literature that has not been previously included in Russian historical studies. Special attention is given to the specifics of women's status in various areas of public life: social, family, economic and educational. The analysis identifies three main groups of Iranian women: urban, sedentary peasants and nomadic women. Each group is examined in terms of its socio-domestic roles, role in a family structure and legal status. Special emphasis is placed on the economic contributions of each group, with a focus on urban populations as the most researched segment of Iranian society during the early 20th century. A review of educational opportunities available to women during this time period is also presented. The author seeks to uncover the specific role of women in Iranian society as one of the key factors contributing to the crisis of social relations at the beginning of the last century. Based on the analysis conducted, a list of key points for public demand to eliminate women's inequality in various spheres of life has been formulated. These points are considered necessary conditions for further formation and development of women's movements in Iran. The study attempts to comprehensively analyze the position of women in Iranian society at the turn of the century, as well as to identify the key factors that contributed to the emergence and development of the women's movement in this country.

Keywords: Iran, women's rights, gender degregation, patriarchal relations, female education, hijab, family law, mahr

For citation: Kavun S.A. Women's Social-Economic Position in Iran by the 1905–1911 Constitutional Revolution as a Crisis-Ridden Factor of the Public Affairs. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 4(18): 179-191. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-179-191](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-179-191)

Введение

Специфическое положение женщин в восточных, и особенно мусульманских, странах долгое время является весьма интригующим объектом исследования ввиду внешней закрытости жизни женского сообщества в условиях существования различных барьеров в его взаимодействии с мужской частью населения. В связи с этим большой интерес представляет ситуация с положением женщин в Иране, уникальной с религиозно-этнической точки зрения стране Ближнего Востока, с которой Россию связывает история многовековых экономических контактов и внешнеполитических связей. Еще больше остроты этой теме придает уникальное социально-политическое устройство Исламской Республики, где вплоть до недавнего времени имели место женские протесты, что демонстрирует наличие в этой стране сложного комплекса нерешенных проблем, накопленных столетиями. К сожалению, в отечественной иранистике до сих пор существуют пробелы в изучении женского вопроса, особенно на ранних этапах. Для восполнения этих пробелов мы считаем необходимым начать анализировать ситуацию с положением женщин к началу первой иранской Конституционной революции 1905–1911 гг., давшей стране Конституцию и парламент, рассмотреть социальные, семейные, экономические и образовательные права иранок для понимания основных пунктов общественного запроса на ликвидацию женского неравноправия в этой стране.

Материалы и методы

В ходе написания статьи были использованы разного рода исторические источники и научная историческая литература. К первой группе относятся воспоминания современников и современниц самых разных профессий и национальностей, путешествовавших или постоянно проживавших в Иране в указанный период: инструктора Персидской казачьей бригады Мисль-Рустема, представителя российского правительства и горнопромышленного товарищества Сергея Ломницкого, азербайджанского писателя и просветителя Мирзы Фатали Ахундова, французского историка Генри Рене д'Аллеманя, каджарской принцессы Тадж-ос-Солтане, сестры милосердия и супруги члена британской христианской миссии в Исфагане Клары Колливер-Райс. Слабое развитие социального законодательства (напомним, что первая Конституция в Иране была принята только в 1906 г.) не позволила задействовать

законодательные источники, однако в некоторых случаях для пояснения семейных норм были задействованы цитаты из Корана. Из научной исторической литературы были задействованы преимущественно монографии иранских авторов, не переведенные на иностранные языки: Б.Дельриш «Женщина в каджарскую эпоху» (1996) [18], М.Х.Хосров-Панах «Цели и борьба иранских женщин» (2002) [17], Б.Хеджази «История женщин» (2009) [16], Ф.Зульфакари «Анализ изменения социально-экономического положения женщин в каджарскую эпоху до и после Конституционной революции» (2019) [19], два сборника «Биографии и научные работы шиитских женщин в исламских науках» (2018) [20] и «Социальная история женщин в каджарскую эпоху» (2021) [14], а также четыре научные статьи. Из англоязычной исторической литературы был использован фундаментальный труд Х.Седги «Женщины и политика в Иране» [8] и монография Х.Худфар «Женское движение в Иране» [7]. На русском языке ценные сведения были почерпнуты из переведенного сочинения Х.Фархуджасте «Семья в Иране» (2009) [6] и коллективной монографии Л.М.Раванди-Фадаи и Т.Атабаки «Жертвы времени» (2020) [1]. При написании статьи были использованы как универсальные научные, так и специальные исторические методы, а именно: метод актуализации, ретроспективный, типологический и хронологический.

Результаты исследования

Социально-экономическое положение женщин в Иране к началу Конституционной революции 1905 г. можно условно рассматривать с четырех позиций: положение в общественной жизни, семье, экономике и образовании. В общественной жизни вне дома из-за абсолютной визуальной закрытости в виде хиджаба женщины были полностью лишены индивидуальности и поэтому их взаимодействие и любые контакты с посторонними мужчинами были не только невозможны, но и предосудительны и даже наказуемы. Несмотря на робкие попытки смягчить данные требования к внешнему облику женщин и критику со стороны интеллектуалов, завуалированность женщин сохранялась, имея, правда, под собой не только религиозно-культурные, но и исторические, а также социально-экономические основания. Полное господство патриархальных отношений определяло и положение женщины внутри семьи, что выражалось в отсутствии свободного выбора спутников жизни и частоты беременности в условиях низкого уровня медицины и высокой детской смертности, наличии полигинии и существовании рабства, допустимости домашнего насилия, а также в ущемлении прав женщин на развод и опеку над детьми. Единственная привилегия мусульманских женщин в Иране на получение махра (любого ценного имущества) при заключении брака на практике часто становилась профанацией. Анализ участия женщин в экономической сфере позволяет сделать вывод об их довольно высокой активности как в сельской местности, так и в городах, где они не только выполняли всю работу, связанную с устройством и поддержанием жилища, но и трудились на производстве продукции сельского хозяйства, животноводства и мануфактур, а также заполняли

собой всю сферу услуг, выполняемых для удовлетворения запросов состоятельных дам в условиях гендерной сегрегации. В экономической сфере, однако, негативным фактором являлось доминирование всё тех же патриархальных отношений, которые, с одной стороны, выстраивали гендерную иерархию и препятствовали профессиональному росту женщин, а с другой – лишали их возможности самостоятельно распоряжаться заработком. Критической оставалась ситуация и в женском образовании, которое, по сути, было малодоступным для большинства иранок. Женские школы, образованные иностранными религиозными миссиями, по религиозным соображениям не могли обеспечить потребности в образовании всем иранским девочкам, не говоря уже о взрослых женщинах, а первые попытки самих иранцев открывать школы нового образца вместо немногочисленных религиозных мактабов встречали острую критику иранского духовенства. Все перечисленные ограничения прав и свобод женщин уже к началу Конституционной революции прекрасно осознавались иранскими интеллектуалами и интеллектуалками и становились кризисогенным фактором общественных отношений, что проявилось как в ходе Конституционной революции 1905–1911 гг., так и в более поздние периоды.

Социальная сфера

В социальном плане главная особенность женского существования в каджарском Иране начала XX в. заключалась в наличии жесткой гендерной сегрегации населения. Закрытость женщин выражалась внешне в строгом ношении хиджаба с полным закрытием тела от головы до щиколотки, включая лицо. Покрывало для лица имело лишь прорезь для глаз, но и она затягивалась сеткой из ниток [4, с. 100]. О вреде для зрения от постоянного ношения на глазах сетки никто не рассуждал. В среде просветителей еще со второй половины XIX в. раздавалась критика по поводу закрытости женщин. Так, известный азербайджанский писатель и философ, тесно связанный с Ираном, Мирза Фатали Ахундов отмечал: «На каком основании шариат, опираясь на стих Корана о “хиджабе” (о необходимости затворничества женщин), осуждает женский пол на вечное угнетение, делает женщин несчастными на всю жизнь и лишает их жизненных благ?» [2, с. 103]. Вторил ему и другой иранский интеллектуал и писатель того же периода Мирза Ага-хан Кермани: «Закрытость [женщин] полностью лишила их возможности взаимодействовать с мужчинами», «Иранские женщины не только примитивны в разных суждениях и приравнены к положению рабов, но и лишены всяких знаний» [21, р. 114–115]. При этом самым главным негативным последствием женской необразованности мыслитель считал невозможность таких матерей воспитать достойное, интеллектуально развитое молодое поколение. Однако не стоит в этом вопросе опираться только на мнение просветителей, наделяя их функциями высшего морального камертона. Дело в том, что оба они в значительной мере отошли от ислама, проявляя симпатии к зороастризму либо встав на позиции атеизма или бахаизма, поэтому позволяли себе подчас чрезмерно жесткую критику современного им иранского мусульманского общества. В сущности, жизнь большинства женщин в Иране и тогда проходила не в научных штудиях (хотя

многие состоятельные иранки были прекрасно для своего времени образованны), а в активном социально-культурном взаимодействии, просто реализовывалось оно по большей части в моногендерном кругу. Так, иранки каджарского периода имели широкий спектр досуга и в зависимости от своего материального достатка могли выбрать шоппинг, паломничества, прогулки, посещение бань и услуги «бьюти-индустрии» того времени, охоту, совместные религиозные собрания в мечетях и частных домах, увеселительные музыкальные праздничные мероприятия у родственниц или подруг или организацию оных в собственном доме [13, р. 42–44].

На правовом уровне обязательность ношения такого облачения закреплялась предписанием шариата и устоявшейся многовековой практикой. Правда, имеются свидетельства современников, что еще Насреддин-шах в конце своего правления пытался разрешить женщинам появляться с открытыми лицами, но под влиянием духовенства вынужден был отказаться от этой идеи и даже принял специальный указ отправлять женщин, показавших постороннему свое лицо, на стирку солдатского белья [3, с. 111]. Стоит, однако, отметить, что традицию ношения хиджаба можно считать частью социально-религиозного мировоззрения иранского общества, но можно привести и более рационалистические объяснения. Так, например, логически все предписания по поводу внешнего вида женщины поясняет теория современного иранского этнолога Фатеме Мусави-Вияе [14, р. 62–64]. Согласно ее «теории безопасности», наличие перманентных угроз из-за существования в иранском обществе разных открыто или тайно враждовавших между собой социальных групп, отличавшихся друг от друга этнически, религиозно и культурно, вынуждало женщин превентивно соблюдать меры предосторожности. Проживать эти группы могли весьма компактно, даже гомогенными кварталами в черте отдельно взятого города. При слабом развитии государственной централизации и контроля эта вражда при любом удобном случае приводила к набегам и погромам, сопровождавшимся изнасилованиями и пленением женщин. Так, проживание в непосредственной близости от туркменских племен на северо-востоке Ирана было чревато постоянными набегами и захватами в рабство сельских жителей, поэтому деревни защищали каменными стенами, а для дозора строили «туркменские башни». Та же исследовательница приводит и другую, «аграрную» теорию, объясняющую приниженное общественное положение иранских женщин. Суть теории сводится к тому, что в условиях аграрного характера доиндустриального общества Ирана основной трудовой единицей считался физически более крепкий мужчина, а женщина играла вспомогательную роль и могла иметь значение только в качестве «товара на брачном рынке». Подобное отношение к девочкам, девушкам и женщинам обуславливало жесткий контроль за соблюдением их нравственности и, как следствие, гендерную сегрегацию [14, р. 60].

Семья

Как и в других доиндустриальных обществах, в каджарском Иране господствовала патриархальная семья, а коллективистское мировоззрение оценивало брак в первую

очередь не как союз конкретных мужчины и женщины, а своего рода объединение двух семей, кланов или династий. Девушка в возрасте 7–13 лет была полностью лишена права не только самостоятельно выбирать себе мужа, но даже встречаться с ним до свадьбы [18, р. 22]. Формально на церемонии заключения брака в присутствии муллы невеста должна была подтверждать согласие, однако договор от ее лица подписывал отец [9, р. 376].

Ввиду низкого уровня медицины и оказания врачебной помощи детская смертность в Иране XIX в. была крайне высокой (по самым оптимистическим подсчетам, в возрасте до пяти лет умирала половина детей). По этой причине женщинам приходилось часто беременеть, однако на каждую сотню родов приходилась одна смерть роженицы, а в среднем иранская женщина рожала за свою жизнь по 10 детей [14, р. 46–48].

Полигиния считалась узаконенной шиитским фикхом, поэтому разрешалось одновременно иметь четырех постоянных жен, неограниченное количество временных, а также допускались половые связи с рабынями. Данное положение вещей подвергалось критике прогрессивных мыслителей. Упомянутый выше Ахундов писал: «Улемы наши говорят, что собственники невольниц кормят и одевают их и потому имеют право пользоваться ими. Да зачем же они собственники их? Зачем божество допускает рабство? Оно противно правам человека» [2, с. 105].

В полигинической семье существовала иерархия жен, во главе которой стояла старшая, если она, конечно, родила мужу наследника, ниже стояли другие постоянные супруги по хронологии их вступления в брак, а уже после них временные жены и рабыни. Любопытную зарисовку таких отношений оставила в своих воспоминаниях дочь Насреддин-шаха, каджарская принцесса Тадж-ос-Солтане. Например, старшая жена шаха хранила личные деньги и драгоценности мужа и вела их опись, поэтому после смерти супруга вся семейная «казна» или ее большая часть доставалась родне старшей жены в обход всех других. Так как получить наследство от мужа могли только постоянные четыре жены, всех остальных женщин, не успевших родить детей, могли вернуть в дом их родственников [11, р. 67]. Помимо ненадежного материального обеспечения, женщины шахского гарема не имели никаких более весомых и официально признанных прав вмешиваться в политические дела или хотя бы отчасти влиять на правителя. Любые попытки этого жестко пресекались евнухами либо не выдерживали «внутривидовой» конкуренции.

Специфическими были брачные отношения в племенах. В качестве примера приведем классификацию брачных союзов бахтияр второй половины XIX в. Бахтиярский хан в качестве старшей жены имел соответствующую ему по статусу женщину родом тоже из ханской семьи, которая обеспечивала мужу прочный племенной союз; вторая происходила из зависимого или менее многочисленного племени, с которым желают поддерживать дружеские отношения; третья была родом из крестьян или слуг хана, ее могла выбрать мать будущего хана еще совсем девочкой и вырастить в качестве будущей жены для своего сына. Иногда третью и последующих супруг выбирала старшая жена, предпочитая таких девушек, которые в будущем не смогут составить конкуренцию лично ей [10, р. 63–64]. Вместе с тем стоит отметить, что под влиянием модернизации к началу XX в. многоженство в высших слоях иранского общества сошло на нет либо резко сократилось, а в средних – и вовсе не было нормой [16, р. 169].

Обязательным понятием в семейном праве каджарского периода являлся «махр», что в современной трактовке понимается как имущество, переходящее во владение женщины при заключении брака или спустя определенный срок после него. Махр являлся обязательным условием брака, важным условием его легитимности. Условия выплаты махра оговаривались в каждом отдельном случае, и только родственники невесты могли добиться для нее наибольших выгод, хотя современники отмечают, что на практике женщина получала свой махр только в случае развода по инициативе мужа или его смерти [9, р. 366].

Имеющиеся источники позволяют проанализировать семейный статус персиянок каджарского периода. Лишь незначительная часть брачных договоров имела раздел о семейных правах женщины, к которым могли относиться выбор места жительства или согласие на переезд с мужем в другой город, право требовать развод в случае отсутствия материального обеспечения со стороны супруга или его исчезновения, содержание детей женщины от предыдущего брака или ее согласие с тем, что муж может взять себе новую жену [12, р. 43]. Беспрепятственным правом на развод обладали только мужчины. Если инициатором развода была женщина, то ей приходилось и доказывать обоснованность своих требований, то есть иметь надежную защиту в лице других родственников мужского пола, и отказываться от своего махра [6, с. 50]. Расторгнуть брак было возможным только при согласии мужа. Что касается детей, то, по шариату, в случае развода забота о них поручалась отцу или – при его отсутствии – деду по отцовской линии.

Роль в экономике

Как отмечает иранская гендерная исследовательница и историк Хамиде Седги, в каджарский период «чем выше находились женщины по социальной лестнице, тем более они были закрыты и менее мобильны» [8, р. 29]. Лишь недостаточное материальное обеспечение, находившееся в прямой зависимости от общественного статуса, вынуждало женщин искать трудовую занятость вне дома, однако во всех сферах формировавшейся в стране рыночной экономики господствовала гендерная субординация. Согласно троичной классификации женского социума каджарского периода, приводимой Фатеме Мусави-Вияе, женщин можно было условно разделить на три основные страты: крестьянки, кочевницы и горожанки. В среде оседлых земледельцев женщины не только вместе с мужчинами принимали участие в сборе урожая, работая при этом по 12 часов в сутки на рисовых и табачных полях [17, р. 136], но также выполняли работу, которая считалась традиционно женской: запасали продовольствие, производили домашний текстиль, заготавливали кизяк и прочее топливо. Вдобавок ко всему названному кочевницы обязаны были еще сами устанавливать и обустроить временные жилища. В качестве экономического ресурса женщины из зажиточных слоев могли использовать собственное движимое и недвижимое имущество (водные ресурсы, земельные участки, сады, скот), которым владели на правах наследства, приданного или махра. В городах из-за перманентной занятости мужчин вне дома иранки низшего достатка занимались не только домашними обязанностями, но и ремесленным производством на дому,

особенно ткачеством, ковроткачеством и разного рода рукоделием для продажи. В мануфактурном производстве труд женщин использовался в ковроткачестве, шелковой, парчовой и спичечной промышленности, но их заработная плата была как минимум в три раза меньше, чему у мужчин [1, с. 139–140]. Так, на производстве ковров оплата женщин, девушек и даже девочек (начиная с возраста пяти лет) к началу XX в. составляла всего лишь один цент в день [8, р. 30–31]. Экономически активные горожанки также выполняли вспомогательную бытовую функцию служанок, нянек и кормилиц в богатых домах. Помимо этого, категорию работающих женщин, оказывавших услуги широким слоям городского населения, составляли знахарки, повивальные бабки, банщицы, цирюльницы (занимавшиеся также кровопусканием и удалением зубов), портнихи, вышивальщицы, вязальщицы, булочницы, прачки, руководительницы религиозных служб [19, р. 5]. В условиях господства патриархальных отношений женщина либо сама отдавала свой заработок главе семейства, либо клиенты оплачивали оказанные услуги ему непосредственно.

Образование

Постепенное развитие и частичная модернизация Ирана под влиянием Российской империи, США, Великобритании, Франции и других европейских стран не могли не затронуть образовательной сферы – сначала мужской, а потом и женской. К концу XIX в. в Иране функционировала целая сеть школ, основанная иностранными религиозными миссиями, однако неверно думать, что женское образование создавалось только усилиями иностранцев. Чисто иранское женское образование осуществлялось в двух формах: на дому при помощи родственников или домашних учителей (что само по себе обходилось дорого и поэтому было распространено только среди аристократии) и в начальных религиозных школах (мактабах). В исключительных случаях девушкам позволяли продолжить образование в шиитских духовных академиях (хоузах) [20, р. 396], однако в первом иранском университете Дар-оль-Фонун, образованном в 1851 г., обучение девушек не допускалось вовсе. В мактабах первым обязательным условием было изучение арабского языка, Корана, основ исламского вероучения, а также классической иранской литературы и некоторых точных наук. Преподавали в мактабах выпускницы самих этих школ или духовных академий [20, р. 397–398]. Девочки могли начинать учебу с 5 лет, причем кое-где даже допускалось совместное обучение с мальчиками, однако заканчивалось оно в момент полового созревания девиц примерно в 9 лет [19, р. 58], поэтому считать такое образование достаточным весьма проблематично. Вместе с тем в мактабах, как частных образовательных организациях, не существовало единых стандартов и государственного контроля, применялись физические наказания, а занятия могли проходить в самых разных местах: в доме учителя (или во внутреннем дворе дома совместного проживания), мечети, базарной лавке или просто на перекрестке дорог [15, р. 90].

К началу XX в. в Иране сформировалась тонкая прослойка образованных женщин с активной гражданской позицией, однако их количество было ничтожно мало, если учитывать, что до Конституционной революции 1905–1911 гг. просто грамотными

были всего лишь 2% иранок, происходивших, как правило, из семей аристократии или духовенства [20, р. 396]. Поголовно неграмотной оставалась не только женская, но и мужская часть кочевых племен, в которых лишь верхушка начала получать образование, и то только после Конституционной революции [18, р. 123–124]. Первые попытки создавать школы по европейскому образцу и принимать в них девочек вызвали резкие нападки со стороны ортодоксально настроенного духовенства. В частности, попечитель самого богатого вакфами медресе «Мерви» моджтахед Фазлулла Нури издал фетву, в которой объявил такие школы несоответствующими шариату [7, р. 10].

Выводы

Как видно из проведенного анализа, на женскую часть населения Ирана к началу Конституционной революции 1905–1911 гг. распространялся целый перечень социальных, семейных, экономических и образовательных ограничений, которые являлись прямым следствием господства в стране патриархальных отношений. Так, в социальной сфере имела место гендерная сегрегация при обязательном условии для женщин соблюдать хиджаб в общественных местах. В семейных делах женщина была лишена права выбора спутника жизни, должна была мириться с правом супруга на полиганию, была крайне ограничена в праве на развод, полностью лишалась опеки над детьми, легко становилась жертвой домашнего насилия. Конечно, в отличие от европейских женщин иранские получали махр при заключении брака, однако они не могли определить его размер и принудить супруга к его выплате. При активном участии женщин в экономической жизни страны, в сельской, кочевой и городской экономике, в личном хозяйстве они выполняли также традиционно женские обязанности, так называемую «вторую смену», полностью лишаясь права на отдых. При этом в условиях гендерной сегрегации финансовые расчеты за женский труд производились между мужчинами, поэтому возможности воспользоваться плодами своего труда у женщины также были ограничены. Как следствие, отставало и женское образование, существовавшее для широких слоев в немногочисленных начальных школах (мактабах), а высшее образование и вовсе было под запретом. Попытки прогрессивно настроенной интеллигенции открывать новые женские школы по европейскому образцу вызывали резкий протест духовенства. Все перечисленные ограничения по праву можно считать кризисогенным фактором общественных отношений в Иране к середине 1900-х гг., которые и стали предпосылками зарождения в стране мощного движения за права женщин в последующие годы [6].

Список литературы

- Атабаки Т., Раванди-Фадаи Л. Жертвы времени [Victims of Their Faith]. Москва: ИВ РАН, 2020. 532 с.
- Ахундов М.Ф. Избранные философские сочинения [Selected Philosophical Works]. Баку: АН АССР, 1953. 380 с.
- Ломницкий С. Персия и персы [Persia and the Persians]. Санкт-Петербург: издание А.С.Суворина, 1902. 407 с.

- Мисль-Рустем. Женщины в Персии [Women in Persia] // Исторический журнал. 2015. № 11. С. 92–107.
- Тарасова С.А. Достижения Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране в спектре идеи об установлении женского равноправия [Achievements of the 1905–1911 Constitutional Revolution in Iran in the Shift towards Women's Equality] // Восток (Oriens). 2024. № 5. С. 177–188. <https://doi.org/10.31696/S086919080031062-5>.
- Фархуджаста Х. Семья в Иране [Family in Iran]. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. 190 с.
- Hoodfar H. The Women's Movement in Iran: Women at the Crossroads of Secularization and Islamization. Grabels: Women Living under Muslim Laws, 1999. 46 p.
- Sedghi H. Women and Politics in Iran. New York: Cambridge University Press, 2007. 341 p.
- «سواط، نارمت. یعیس اضرمالغ همجرت. لوا دلج. یرایتخب ات ناسارخ زا. هنر یرناه، یناملاد (د'آلлемانی А.Р. Путевые заметки от Хорасана до Бахтиярии [From Khorasan to Bakhtiariya]. Перевод Г.Р.Самии. Т. 1. Тегеран: Тавос, 1999).
- 1383، رادباتک: نارمت. دازآ دللادسا همجرت. نانآ یگدنز مسر و هار و یناری ناز. سیار رویلوک ارالک (Колливер-Райс К. Иранские женщины и традиции их жизни [Iranian Women and the Traditions of Their Lives]. Перевод А.Азад. Тегеран: Кетабдар, 2004. 246 с.). URL: <https://dl.persianpdf.com/adabiat/%D8%B2%D9%86%D8%A7%D9%86%20%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86%DB%8C%20.pdf>.
11. (Воспоминания Таж-ос-Салтане. История Ирана [Memories of Taj-os-Saltan. The History of Iran]. URL: <https://dl.persianpdf.com/tarikh/khaterate-tajalsaltane.pdf>.
12. دانسا ساسا رب هیراجاق نارود رد نیشنرهش ناز قوق یناوخزاب. ب، یمیرک، ا، هانایا یرقاب (Багери-Абияне Е., Кяrimi Б. Анализ прав городских женщин в каджарскую эпоху по материалам документов архива «Женский мир в каджарскую эпоху» [Rereading Urban Women's Rights during the Qajar Era on Basis of Archival Documents of "Women's World in the Qajar Era"] // Социально-исторические исследования, 2020. № 2. С. 35–62).
13. ممانرفس هاگدی رب هیکت اب راجاق مرود رد ناز یرامتجا تیعضو یررب. ر.م. ملع، س. یرایند (Донияри С., Алам М.-Р. Исследование социального положения женщин в период Каджаров с опорой на взгляды авторов путевых заметок [Analysis of Women's Social Position in the Qajar Era Based on Travelles' Views] // Джонди-Шапур. 2016. № 6. С. 34–57).
14. 355. ص 1400، ثلاث رشن، نارمت. س. م. یعیفس یروآدرگ. راجاق رصع رد ناز یرامتجا خیرات (Социальная история женщин в каджарскую эпоху [Women's Social History in the Qajar Era] / Составитель М.С.Шафии. Тегеран: Нашр-е салес, 2021. 355 с.).
15. 1387. ممانشناد // داشاضر رصع نایپ ات ییارگون زاغ زا ناز شزوم دور. س. یناسرف یرات (Тараби-Фарсани С. Обучение женщин с начала модернизации до конца правления Реза-шаха [Women's Educational Process from the Beginning of Modernization to the End of Reza-Shah Era] // Энциклопедия. 2008. № 3. С. 89–101).
16. 464. ص 1388، ارس هدیصق: نارمت. امناخ خیرات. ب. یراج (Хеджази Б. История женщин [Women's History]. Тегеран: Гасиде-сара, 2009. 464 с.).
17. 336. ص 1381، زورما یرای: نارمت. یناری ناز هزرابم و اه فده. ح.م. هانپورس (Хосров-Панах М.Х. Цели и борьба иранской женщины [Iranian Woman's Goals and Buttle]. Тегеран: Пайям-е емруз, 2002. 336 с.).
18. 254. ص 1375، هروس تاراشتنا مسوم: نارمت. راجاق مرود رد ناز. ب. شیرلد (Дельриш Б. Женщина в каджарскую эпоху [Woman in Qajar Era]. Тегеран: Суре, 1996. 254 с.).
19. مطورش بالقان زادعب و لبعی هیراجاق مرود رد ناز یداصتقا و یرامتجا الوحت ریس یررب. ف. یراقفلود. (Зульфагари Ф. Анализ изменения социально-экономического положения женщин в каджарскую эпоху до и после Конституционной революции [Research of the Women's Evolution in Qajar Era before and after the Constitutional Revolution]. Тегеран: Дибодохт, 2019. 108 с.).
20. 448. ص 1397، بللط (Фагиhi-Могаддас Н. Биографии и научные работы шиитов в исламских науках [Shiite Women's Personalities and Works in the Islamic Studies]. Кум: Имам Али бин Аби Талеб, 2018. 448 с.).
21. 132. ص 99 – 132 (Газальсофла М.Т., Нурия-Дехкорди Н. Мирза Ага-хан Кермани и критика традиции [Mirza Agha-Khan and the Critics of Tradition] // Политические науки. 2013. № 3. С. 99–132).

Информация об авторе

КАВУН Светлана Александровна. Соискатель Института востоковедения Российской академии наук. <https://orcid.org/0009-0000-6601-5000>. Адрес: Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12. svetlana.sepideh@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 22 июля 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Atabaki T., Ravandi-Fadai L. Victims of Their Faith. Moscow: IV RAN [Institute of Oriental Studie], 2020. 532 p. [In Russian].
- Akhundov M.F. Selected Philosophical Works. Baku: AN ASSR [Academy of Sciences of the ASSR], 1953. 380 p. [In Russian].
- Lomnitskiy S. Persia and the Persians. St. Petersburg: Izdanie A.S.Suvorina [Edition of A.S.Suvorin], 1902. 407 p. [In Russian].
- Misl-Rustem. Women in Persia. Istoricheskij zhurnal [Historical Journal]. 2015; 11:92–107 [In Russian].
- Tarasova S.A. Achievements of the 1905-1911 Constituional Revolution in Iran in the Shift towards Women's Equality. Vostok (Orients) [Orients (Orients)]. 2024; 5:177–188 [In Russian]. <https://doi.org/10.31696/S086919080031062-5>.
- Farhujaste H. Family in Iran. St.Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie [Petersburg Oriental Studies], 2009. 190 p. [In Russian].
- Hoodfar H. The Women's Movement in Iran: Women at the Crossroads of Secularization and Islamization. Grabels, 1999. 46 p. [In English].
- Sedghi H. Women and Politics in Iran. New York: Cambridge University Press, 2007. 341 p. [In English].
- 1378, سواط: نارهت. یعیس اضرمالغ ممچرت. لوا دلج. یرایتخب ات ناسارخ زا هنر یرناه، یناملاد (D'Allemani A.R. From Khorasan to Bakhtiariya. Translated by G.R.Samia. Vol. 1. Tehran: Tavos, 2000) [In Persian].
- رادیاتک: نارهت. دازآ مللادسا ممچرت. نانآ یگدنز مسر و هار و یناریا نانز. سیار رویللوک ارالک 1383 (Colliver-Rice K. Iranian Women and the Traditions of Their Lives. Translated by A.Azad. Tehran: Ketabdar, 2004. 246 p.) [In Persian]. Available from: <https://dl.persianpdf.com/adabiat/%D8%B2%D9%86%D8%A7%D9%86%20%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86%DB%8C%20.pdf>.
11. ینارایا خیرات رشن. هنطلسلا جات تارطاخ (Memories of Taj-os-Saltan. The History of Iran) [In Persian]. Available from: <https://dl.persianpdf.com/tarikh/khaterate-tajalsaltane.pdf>.

- یویشرا دانسا ساسا رب هیراجاق نارود رد نیشنرهش نانز قوقح یناوخزاب. ب. یمیرک، ا. هنایبا یرقاب 35–62 (Bagheri Abyaneh E., Karimi B. Rereading urban women's rights during the Qajar era on basis of archival documents of "Women's world in the Qajar era". Social History Studies. 2020; 2:35–62) [In Persian].
- نآگدنسیون هاگدی ساسا رب راجاق هرود رد نانز یعامتجا تیعضو یسرربرا ما مالآ، سا یرایونود 34-57. (Doniyari S., Alam M.-R., Analysis of women's social position in the Qajar era based on travelles' views. Jondy-Shapur. 2016; 6:34–57) [In Persian].
1400. 355 (Women's Social History in the Qajar Era. Ed. M.S.Shafii. Tehran: Nashr-e sales, 2021. 355 p.) [In Persian].
3. هرامش. 1387. ممانشناد // داشاضر رصع نایاپ ات ییارگون زاغزا نانز شزوم دنور. س یناسرف یبارت 101–89. (Tarabi-Farsani M. Women's Educational Process from the Beginning of Modernization to the End of Reza-Shah Era. Encyclopedia. 2008; 3:89–101) [In Persian].
16. 464 (Hejazi B. Women's History. Tehran: Ghaside-sarah, 2009. 464 p.) [In Persian].
17. 336 (Khosrowpanah M.H. Iranian Woman's Goals and Buttle. Tehran: Payam-e emruz, 2002:336) [In Persian].
18. 254 (Delrish B. Woman in Qajar Era. Tehran: Surah, 1996. 254 p.) [In Persian].
19. بالبقن زا دعب و لبق هیراجاق هرود رد نانز یداصتقا و یعامتجا لوحت ریس یسررب. ف یراقفلوڈ (Zulfaqari F. [Research of the Women's Evolution in Qajar Era before and after the Constitutional Revolution], Tehran: Dibadokht, 2019. 108 p.) [In Persian].
20. یبانب یلع امام تاراشتنا: بق. یمالس مولع رد هغیش ناواناب یلمع راشا و اه تیصخش. ن سدقم یهقیف (Faqihi-Moqaddas N. Shiite Women's Personalities and Works in the Islamic Studies. Qom: Imam Ali bin Abi Taleb, 2018. 448 p.) [In Persian].
21. 1392، موس هرامش. یسایس مولع // تنس دقن و ینامرک ناخاقا ازریم. ن، یدرکهد نایرون، بت. م یلفسلزق (Mirza Agha-Khan and the Critics of Tradition]. Political Sciences. 2013; 3:99–132) [In Persian].

Information about the author

Svetlana A. KAVUN. Postgraduate of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0009-0000-6601-5000>. Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. svetlana.sepideh@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: July 22, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

POWER, POLITICS, STATE

Political institutions, processes and technologies

Вполне корректным будет констатировать, что летом 2025 г. для Ирана наступил «момент истины», когда решается, каким путем дальше пойти.

Сажин В.И.

Ирано-израильская война: предпосылки, итоги и последствия

Ни всевозможные блокировки со стороны западных правительств, ни попытки глобалистских и европейских СМИ дискредитировать RT и Sputnik в глазах западного обывателя – все из вышеперечисленного смогло лишь замедлить, но не окончательно остановить «экспансию» российских нарративов.

Деремян Н.М.

Механизмы и стратегии проникновения российских нарративов в западный публичный дискурс

Сохранение регуляторного статус-кво в Республике Узбекистан создает кумулятивную угрозу: технологии, призванные служить развитию, превращаются в фактор системной уязвимости.

Василенко А.В.

Политические риски в сфере искусственного интеллекта: сравнительный анализ

В настоящее время военно-гражданские отношения также претерпевают существенные трансформации, а отдельные феномены не являются типичными для государств эпохи модерна (например, деятельность негосударственных военных акторов, усиление роли религиозных институтов и т.д.), а более характерны для Средневековья и эпохи Возрождения, обращение к историческому опыту может принести определенные исследовательские результаты.

Салаватов И.Х.

Генезис научных представлений о военно-гражданских отношениях до XX в.

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

**РОССИЯ
И МИР**
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Ирано-израильская война: предпосылки, итоги и последствия

Владимир Игоревич Сажин✉

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
vsaj1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1429-476X>

Аннотация. В данной работе автор предпринял попытку проследить предпосылки, итоги и последствия войны между Ираном и Израилем, которую можно назвать неожиданной, но ожидаемой. Ирано-израильская война лета 2025 г. явилась наиболее острой, вооруженной формой перманентного конфликта между этими странами, длящегося более 45 лет. Основатель и первый лидер Исламской Республики Иран (ИРИ) аятолла Хомейни еще до прихода к власти в своих статьях и речах выступал с критикой Государства Израиль, утверждая незаконность и недопустимость его существования, необходимость его уничтожения. Данная концепция стала стержнем государственной идеологии ИРИ – хомейнизма, или неошиизма. Определяются три этапа противостояния двух стран: первый – конец 80-х гг. XX в. – 2003 г., характеризующийся пропагандистской борьбой; второй – 2003 – 2024 гг., где главным фактором стала ядерная программа Ирана, и стороны перешли к обоюдным более активным подрывным действиям. Третий этап, 2024 г. – настоящее время, отличается прямым вооруженным столкновением. Конфликт Ирана и Израиля на протяжении более четырех десятилетий приобретал различные формы – от информационных войн, через прокси-, кибервойны к горячей войне 2025 г. Горячая война ИРИ – Израиль имела свои особенности, основные из которых это расстояние между воюющими сторонами, отсутствие линии боевого соприкосновения, невозможность использования сухопутных сил и приоритет ракетных сил и беспилотников, а также агентурной и космической разведок. Таким образом, летом 2025 г. для Ирана наступил «момент истины», когда решаются вопросы дальнейшей судьбы страны.

Ключевые слова: Иран, Израиль, ирано-израильский конфликт, «Двенадцатидневная война», ядерное оружие, последствия

Для цитирования: Сажин В.И. Ирано-израильская война: предпосылки, итоги и последствия // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 194-209, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-194-209](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-194-209)

Iran-Israel War: Background, Outcome and Consequences

Vladimir I. Sazhin✉

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vsaj1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1429-476X>

Abstract. The author attempted to trace the background, outcome, and consequences of the war between Iran and Israel, which can be described as unexpected but expected. The Iran-Israel war in the summer of 2025 was the most acute, armed form of permanent conflict between these countries, which has lasted for over 45 years. Even before coming to power, Ayatollah Khomeini, the founder and first leader of the Islamic Republic of Iran (IRI), criticized the State of Israel in his articles and speeches, arguing that its existence was illegal and unacceptable, and that its destruction was necessary. This concept has become the core of the state ideology of Iran – Khomeinism or neo-Shiism. There are three distinct stages of confrontation between the two countries. The first was the end of the 80s of the twentieth century, characterized by propaganda confrontation. The second, 2003–2024, saw Iran’s nuclear program become the primary factor, and both sides moved toward more active subversive actions. The third stage, from 2024 to the present, is characterized by direct armed conflict. The Iran-Israel conflict has taken various forms over the course of more than four decades: from information wars, proxy wars, and cyberwars to the “hot” war of 2025. The Iran-Israel war had its own unique characteristics, the most important of which were the distance between the warring parties, the absence of a line of contact, the impossibility of using ground forces, and the priority given to missile forces and drones, as well as human and space intelligence. Thus, the summer of 2025 marked the “moment of truth” for Iran, when the country’s future fate are being resolved.

Keywords: Iran, Israel, Iran-Israel conflict, twelve-day war, nuclear weapons, consequences

For citation: Sazhin V.I. Iran-Israel War: Background, Outcome and Consequences. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 4(18): 194-209. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-194-209](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-194-209)

Введение

Ирано-израильская «Двенадцатидневная война» была предопределена всей историей развития отношений между Исламской Республикой Иран (ИРИ) и Государством Израиль (начиная с Исламской революции 1979 г.). Подобная фатальность обусловлена глубокими антагонистическими философско-идеологическими ирано-израильскими противоречиями, культивируемыми исламскими властями Ирана на протяжении всех 46 лет существования ИРИ.

Источником и первоосновой неприятия исламским Ираном Израиля было и остается учение лидера Исламской революции и основателя ИРИ аятоллы Хомейни, провозглашающее нелегитимность появления Государства Израиль, незаконность и недопустимость его существования, необходимость его уничтожения. Данная концепция стала стержнем государственной идеологии ИРИ. Все ее лидеры, официальные лица скрупулезно придерживались этой концепции, устно и письменно повторяя константу: «Израиль должен быть уничтожен». Главный лозунг «Марг бар Эсраиль!» – «Смерть Израилю!»

Израиль, который на протяжении многих лет имел хорошие деловые отношения с шахским Ираном, со своей стороны, расценил идеологию и политику исламского Ирана как экзистенциальную угрозу существованию еврейского государства.

Материалы и методы

Исламская Республика Иран на протяжении всей своей 46-летней истории всегда привлекала внимание исследователей и журналистов. Одним из важных вопросов, вокруг которого шли дискуссии – отношения ИРИ и Израиля в различных аспектах [3; 5; 7; 12], а также влияние на них иранской ядерной программы [6; 10; 11; 14] и процесса усиления военной мощи Ирана [4; 6; 9; 11; 14]. Безусловно, взгляды авторов расходятся в некоторых оценках причин напряженности отношений этих двух стран. В свою очередь, автор данной статьи рассматривает предпосылки многолетнего ирано-израильского конфликта как результат воздействия государственной идеологии ИРИ – хомейнизма, оформившейся на базе учения основателя Исламской Республики аятоллы Хомейни¹ [1; 2; 4; 5; 8].

Ирано-израильская война 2025 г. стала высшей точкой противостояния двух стран. На конец августа, то есть всего через два с половиной месяца после окончания войны, пока еще не вскрыты все ее стороны, поэтому глубокие, многоплановые исследования ждут своего часа. Вследствие актуальности этого

1 Bargoziye az sokhane emam khomeini rahbare mostazefine jahan. (Перс. яз.) [Из высказываний имама Хомейни – вождя угнетенных мира] / Отдел изучения ислама при Министерстве исламской ориентации. Тегеран. Б/г. 91; Конституция Исламской Республики Иран // Весна свободы. Москва: изд. Посольства ИРИ в РФ, 1994. 73 с.

военно-политического явления основной базой данной работы стали материалы СМИ, интернет-ресурсов, заявления различных политических и общественных деятелей. При этом анализ и синтез были главными для авторов общенаучными методами, которые подчинялись принципу исторического исследования – принципу историзма, который предполагает изучение исторического явления в процессе его последовательного развития.

Результаты исследования

Ирано-израильский конфликт и предпосылки войны

Конфликт между ИРИ и Израилем возник практически сразу после Исламской революции и прошел несколько этапов. Эти этапы условно можно определить так: первый этап – конец 80-х гг. XX в. (завершение Ирано-иракской войны, в которой, кстати, Израиль, рассматривая Ирак как большую себе угрозу, помогал ИРИ) – нулевые года XXI в. Этот период двусторонних отношений характеризовался активным информационно-идеологическим и пропагандистским противостоянием. Второй этап: 2003–2024 гг. В этот период главным фактором, беспокоящим не только Израиль, но и все мировое сообщество, стала ядерная программа ИРИ.

Напомним, история иранской ядерной программы началась еще в 50-х гг. XX в. Шах Мохаммад Реза Пехлеви имел амбициозные планы в ядерной сфере, планируя создать более 20 ядерных блоков АЭС. После Исламской революции новый иранский лидер аятолла Хомейни запретил все работы в ядерной области как противоречащие исламу. Однако во время Ирано-иракской войны (1980–1988 гг.) Ирак применил против Ирана химическое оружие, и руководство ИРИ приняло решение возобновить ядерную деятельность, причем скрытно, без информирования МАГАТЭ и его контроля. При тайной помощи отца пакистанской атомной бомбы Абдулы Кадир Хана в ИРИ были созданы основы ядерных технологий, в том числе и их военная составляющая (план «Амад»). Нелегальная иранская ядерная деятельность, в том числе план «Амад», была вскрыта в 2002–2003 гг. Под давлением мирового сообщества ИРИ стала сотрудничать с МАГАТЭ и свернула этот План. Однако, как выяснилось позже, не совсем свернула. Ученые, работавшие в его рамках, продолжили под эгидой Корпуса стражей исламской революции (КСИР) свои исследования и организационную работу.

Под руководством физика-ядерщика и по совместительству генерала КСИР Мохсена Фахризаде, убитого в 2020 г., иранцы сделали много в деле развития ядерных технологий и ядерной инфраструктуры. М.Фахризаде в 2010 г. сформировал Организацию оборонных инноваций и исследований (Sazmane Pazhuhesh va Nou-avardiye Defai – SPND, перс. яз.) как дочернюю структуру Министерства обороны

ИРИ – преемницу плана «Амад»². По данным МАГАТЭ, эта организация связана с «возможными военными аспектами ядерной программы Ирана». В США считают, что «в первую очередь SPND отвечает за исследования в области разработки ядерного оружия»³.

После выхода в 2018 г. США из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) активность ядерной деятельности ИРИ значительно возросла. Начиная с 2019 г. ИРИ все дальше уходила от требований СВПД, нарушая установленные соглашениями рамки. Это касается и количества, и качества центрифуг, обогащающих уран, и уровней обогащения урана, и объемов его запасов.

Так, в соответствии с СВПД в ИРИ могут функционировать только центрифуги первого поколения – не столь производительные IR-1 в количестве не больше 6 104 единиц. В 2025 г. на обогатительных заводах Натанз и Фордо работали и испытывались центрифуги новых поколений – от IR-2 до IR-9 общим числом более 20,5 тыс. По мощности и эффективности обогащения весь нынешний комплекс центрифуг в ИРИ эквивалентен приблизительно 50–60 тыс. центрифуг IR-1. МАГАТЭ подтвердило, что каскады IR-6 активно используются для наращивания производства урана, обогащенного до 60%⁴.

Вопреки требованиям СВПД Иран с 2019 г. резко увеличил наработку обогащенного урана и хранимое его количество. По оценкам МАГАТЭ, по состоянию на 17 мая 2025 г. общие запасы обогащенного до различных уровней урана составляли 8 413,3 кг (разрешено по СВПД – 300 кг урана, обогащенного только до 3,67%). Это количество включало: низкообогащенного урана 7 730,2 кг (разрешено, как указано выше, – 300 кг), а также 274,5 кг урана с обогащением 20% и 408,6 кг урана с обогащением 60%⁵.

В своем докладе от 2 июня 2025 г. генеральный директор МАГАТЭ выразил претензии к Ирану, заключающиеся в препятствии контрольной деятельности Агентства, в значительном увеличении объемов производства и накопления высокообогащенного урана. Иран стал единственным в мире государством, не обладающим ядерным оружием, которое производит уран 60% обогащения. Все это не дает возможности Агентству быть уверенным в мирном характере ядерной программы Ирана⁶.

² Mohammadreza Giveh. SPND Legal and Budget Analysis // The Institute for Science and International Security. 23.10.2024. URL: <https://isis-online.org/isis-reports/spnd-legal-and-budget-analysis.pdf>.

³ Organization of Defensive Innovation and Research // Iran Watch. 22.08.2019. URL: <https://www.iranwatch.org/iranian-entities/organization-defensive-innovation-and-research>.

⁴ Anna Erickson. Why the US bombed a bunch of metal tubes – a nuclear engineer explains the importance of centrifuges to Iranian efforts to build nuclear weapons // The Conversation. 01.07.2025. URL: <https://theconversation.com/why-the-us-bombed-a-bunch-of-metal-tubes-a-nuclear-engineer-explains-the-importance-of-centrifuges-to-iranian-efforts-to-build-nuclear-weapons-259883>.

⁵ Доклад Генерального директора МАГАТЭ // Проверка и мониторинг в Исламской Республике Иран в свете резолюции 2231 (2015) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. 02.06.2025. GOV/2025/24// URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/25/06/gov2025-24_rus.pdf.

⁶ Там же.

Действительно, зачем Ирану уран, обогащенный до 60%, если таковой не используется в мирных целях, а является материалом для дальнейшего обогащения до 90%, то есть до оружейного урана?

Таким образом, состояние ядерной программы ИРИ на май 2025 г. свидетельствует о том, что эта страна уже обладает научными и технологическими возможностями в течение нескольких недель создать основу для ядерного заряда (уран 90%), а затем в течение года-двух и боевой ядерный заряд, и ядерную боеголовку для баллистической ракеты.

Это приводило израильское руководство в гнев. Известно, что в этой стране ИРИ рассматривают как экзистенциальную угрозу еврейскому государству, которая возрастет до абсолюта, если Тегеран создаст ядерное оружие.

На втором этапе (десятилетия – 2024 г.) кроме ядерной проблемы для Израиля озабоченность вызывала и ракетная программа ИРИ. Сегодня ракетные войска и подразделения беспилотных летательных аппаратов – дронов составляют главную ударную мощь вооруженных сил ИРИ. Иран обладает многочисленными семействами ракет и беспилотников, выполняющих различные боевые задачи в тактическом и оперативном звене.

В последние годы реальной угрозой для Израиля стала так называемая «Ось сопротивления», успешно ведшая против этой страны гибридную войну. Главным организатором и куратором этой «Оси» и ее деятельности был генерал КСИР Касем Солеймани (убит в 2020 г.). Ливанская «Хезболла» являлась главной ударной силой в составе этой «Оси», которая включала также группировки шиитов в Сирии, Ираке, Афганистане, Пакистане, йеменское движение хуситов, а также аффилированные с ИРИ, но напрямую не подчиняющиеся ему суннитские группировки, действующие в Газе – «Исламский джихад» и ХАМАС.

Как пояснил командующий Аэрокосмическими силами КСИР бригадный генерал Амир Али Гаджизаде, погибший 13 июня 2025 г. в результате удара ВВС Израиля, «все члены “Оси сопротивления” едины, и мы должны объединить наши усилия по выводу американских сил из региона и уничтожению сионистского режима...»⁷.

Наблюдатели называли «Ось сопротивления» «ядерным оружием» ИРИ.

Итак, анализируя отношения Ирана и Израиля на протяжении более четырех десятилетий, можно констатировать, что они проходили сложный путь от информационных войн, через прокси-, кибервойны к горячей войне 2025 г, открывшей третий этап в ирано-израильском противостоянии. Правда, «проба пера» двух противников состоялась в 2024 г. обмелами ракетно-дроновыми ударами, которые многие наблюдатели тогда расценили как демонстрационно-показательные.

⁷ Иран мобилизует «ось сопротивления» на выдавливание США с Ближнего Востока // Eurasia Daily (EADaily). 16.02.2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/02/16/iran-mobilizuet-os-soprotivleniya-na-vydvallivanie-ssha-s-blizhnego-vostoka>.

Особенности Ирано-израильской войны

13 июня 2025 г. Израиль в рамках операции «Восстающий лев» («Rising Lion») нанес авиационно-ракетный удар по Ирану. Началась Ирано-израильская война, которую можно назвать неожиданной, но ожидаемой.

Возникает вопрос: почему именно в этот день, а не раньше и не позже? Ведь напряженность между Израилем и ИРИ была перманентной на протяжении десятков лет, и враждующие стороны постоянно готовились к силовому противостоянию. Ответ надо искать в политике, пожалуй, самого радикального, антииранского правительства Израиля за всю его историю во главе с премьером Б.Нетаньяху, которое не преминуло воспользоваться как никогда благоприятно сложившейся ситуацией. Летом 2025 г. для Израиля звезды сошлись над Ираном.

К этому времени ИРИ, как было отмечено выше, практически вплотную приблизилась к технико-технологической возможности создания ядерного оружия.

Здесь следует уточнить, что из этого неоспоримого факта не следует, что Тегеран стал бы изготавливать собственно саму атомную бомбу. Не исключено, что «ядерная игра» ИРИ заключалась в том, чтобы достичь такого развития ядерной инфраструктуры, техники и технологий, когда до физического создания ядерного оружия оставалось бы несколько месяцев после принятия политического решения руководством страны. Как утверждает г-жа Маюми Фукусима (Mayumi Fukushima), специалист по ядерной безопасности из Университета Стэнтона (США), отказ от создания ядерных бомб при сохранении и постоянной модернизации соответствующих ядерных технологий может дать государству рычаги воздействия на переговорах, зачастую несоразмерные с его возможностями⁸.

Примечательно, что автор этой статьи еще 20 лет назад отмечал, что ядерная политика ИРИ не направлена на реальное создание ядерного оружия, а только на имитацию его создания. Так, на Международном семинаре «Иран: момент истины» Европейского форума по безопасности Центра европейских политических исследований (CEPS), состоявшегося в Брюсселе в июне 2005 г., он сказал, что целью Ирана является «создание такого муляжа атомной бомбы, который на высокотехнологичной научной и производственной базе можно было бы быстро превратить в реальное атомное оружие, одновременно шантажируя как врагов, так и партнеров» [15, p. 146].

Таким образом, Иран без атомной бомбы, но вооруженный возможностью быстрого ее создания, входит в первые ряды кандидатов на звание ядерной державы и тем самым обеспечивает себе привилегии и мощные козыри в сложных ситуациях при возможных политических конфронтациях, при ведении различных диалогов и переговоров⁹.

⁸ Mayumi Fukushima. No-Go Negotiations: Iran May Not Be in a Rush to Get Nuclear Weapons // National Interest. 27.06.2021. URL: <https://nationalinterest.org/feature/no-go-negotiations-iran-may-not-be-rush-get-nuclear-weapons-188540>.

⁹ Подробнее см.: Michal Smetana. How Iran Overplayed its Hand // War on the Rocks. 14.07.2025. URL: <https://warontherocks.com/2025/07/how-iran-overplayed-its-hand/>.

Хотя такое положение тоже не устраивает Израиль, все же принятие им решения ударить по Ирану в середине июня, по всей вероятности, в первую очередь диктовалось другим. А именно – резкой интенсификацией Ираном производства баллистических ракет. По данным израильской разведки, к 2025 г. Иран создал арсенал из примерно 2 500 высокоэффективных ракет, способных нанести огромный ущерб. К марту 2026 г. он планировал иметь уже 4 000 таких ракет, а к 2027 г. – 8 000. По мнению Израиля, угроза применения этих ракет становилась реальной угрозой, готовой сокрушить оборону еврейского государства, а если Израиль будет застигнут врасплох, – лишить израильские военные возможности эффективного реагирования¹⁰. Политическое и военное руководство Израиля решило поспешить и не ждать появления в Иране еще нескольких тысяч эффективных баллистических ракет.

Немаловажную роль в выборе времени атаки сыграл также тот факт, что Иран в 2025 г. был ослаблен как экономическими проблемами внутри страны, так и практическим обнулением возможностей использовать прокси-силы из «Оси сопротивления» против еврейского государства. Израиль позаботился об этом, разгромив «Хезболлу» и частично ХАМАС, которые отказались активно содействовать ИРИ в «Двенадцатидневной войне». Подарком Израилю стало свержение в конце 2024 г. режима Асада в Сирии, основного союзника Ирана на Ближнем Востоке. Военно-политический фон в ближневосточном регионе благоприятствовал Израилю.

Не стоит также забывать, что Израиль в течение десятилетий успешно создавал разветвленную агентурную базу в Иране, которая в последние месяцы была специально подготовлена и нацелена на выполнение конкретных задач в час икс. Затягивание или перенос начала операции «Восстающий лев» могли бы отрицательно сказаться на психологическом состоянии израильской агентуры и дать возможность иранской контрразведке нейтрализовать ее деятельность.

Следует добавить, что важнейшим элементом во всем комплексе факторов, подвинувших военно-политическое руководство Израиля на начало операции против Ирана, было согласие президента США Дональда Трампа. Не случайно, что он дал Ирану 60-дневный срок для дипломатических переговоров, который истек 12 июня. Час икс не случайно был установлен военно-политическим руководством Израиля именно 13 июня.

Итак, в этот день израильским авиационно-ракетным атакам в основном в центральной и западной частях страны подверглись системы ПВО, ракетные установки и склады, военные базы, центры принятия решений, предприятия, выпускающие боевую технику, ядерные центры по обогащению урана, другие ядерные объекты. Разведка осуществила ряд диверсионных актов.

В ночь на 22 июня США осуществили операцию «Полуночный молот» («Midnight Hammer»), нанеся бомбовый удар противобункерными сверхтяжелыми авиабомбами

¹⁰ David Horowitz. Israel was facing destruction at the hands of Iran. This is how close it came, and how it saved itself // The Times of Israel. 30.06.2025. URL: <https://www.com/israel-was-facing-destruction-at-the-hands-of-iran-this-is-how-close-it-came-and-how-it-saved-itself/>.

GBU-57 МОР по ядерным объектам в Фордо и Натанзе, а также крылатыми ракетами – в Натанзе и Исфахане.

В ответ Иран, осуществляя операцию «Правдивое обещание 3» («Vadehe Sadeg-3», перс. яз.) подверг Израиль ракетному широкомасштабному обстрелу.

24 июня Иран и Израиль согласились на прекращение огня.

Итоги и последствия Ирано-израильской войны

Ирану были нанесены чувствительные людские и материальные потери. Институт науки и международной безопасности (ISIS), специализирующийся на проблемах нераспространения ядерного оружия и на вопросах ядерных вооружений, сразу после заключения перемирия между ИРИ и Израилем провел предварительную оценку причиненного Ирану ущерба. Так, по его данным, было уничтожено или серьезно повреждено большинство центрифуг на объекте в Натанзе, нанесен значительный ущерб подземному предприятию на объекте Фордо, подверглись разрушению несколько предприятий на ядерном комплексе в Исфахане, включая один, используемый для преобразования обогащенного урана в металлический уран (что необходимо для создания взрывного устройства), и другой, где природный уран преобразуется в гексафторид урана для дальнейшего обогащения, а также хранилища природного и обогащенного урана¹¹.

По информации ISIS, в целом атаки Израиля и США фактически уничтожили иранскую программу центрифужного обогащения. Масштабные атаки на иранские объекты и персонал, занятый производством ядерного оружия, осложнили любые попытки превратить оружейный уран в ядерное взрывное устройство. Инфраструктура Ирана, необходимая для создания ядерного оружия, серьезно пострадала. Время, необходимое Ирану для создания даже просто взрывного устройства, не говоря уже о ядерной боеголовке для ракет, значительно увеличилось¹².

Однако при этом отмечается, что в ИРИ остаются запасы урана с обогащением 60%, 20% и 3–5%, а также изготовленные, но еще не установленные центрифуги в Натанзе и Фордо. Эти не уничтоженные компоненты, по мнению сотрудников Института ISIS, могут быть использованы в будущем для производства оружейного урана¹³.

Кроме ядерных объектов, были уничтожены и другие стратегические промышленные, нефтяные, военные объекты¹⁴, центры принятия решений, а также жилые кварталы. В результате израильских ударов погибли, по

различным данным, 1 060¹⁵ – 1 190¹⁶ человек (в том числе 30 высокопоставленных иранских военных и около 15 ученых-ядерщиков), более 4 500 человек получили ранения.

Предварительные открытые данные свидетельствуют об уроне от разрушений в Иране на десятки млрд долларов США. Так, финансовые потери от уничтожения оборудования только на одном объекте Натанз превышают \$5 млрд¹⁷. При этом в финансовые потери от ущерба не входят затраты на собственно ведение войны – расходы ракет, дронов и т.д., что, по предварительным оценкам, составляет порядка \$5 – \$6 млрд.

Хотя официальных финансовых оценок иранская сторона не предоставила, консенсус среди международных экспертов таков: ущерб крайне серьезен, устранение последствий потребует масштабных вложений и значительного времени.

Израиль, несмотря на хорошо подготовленную противовоздушную и противоракетную оборону, также понес серьезные потери от ударов Ирана по его территории баллистическими ракетами. Наиболее эффективными были удары тремя новейшими ракетами «Хорремшехр» с разделяющимися боеголовками. Атаки же иранских дронов были отражены не только израильскими ПВО, но и системами США, Великобритании со своих баз и боевых кораблей, а также Иордании, Саудовской Аравии.

Согласно анализу спутниковых данных, проведенному в Университете штата Орегон, информация об иранских ракетных ударах по Израилю подтверждает успешные удары по ключевым объектам инфраструктуры и военным объектам. В результате атак Аэрокосмические силы КСИР поразили пять военных целей. Среди них несколько зданий Министерства обороны и штаб-квартира разведывательной службы «Моссад», а также авиабазы «Овда» и «Неватим», на которых размещены истребители F-16 и F-35 соответственно. В список пораженных целей вошли порт и нефтеперерабатывающий завод в Хайфе, аэропорт Бен-Гурион, Институт науки и технологий Вейцмана, Университет Бен-Гуриона, штаб-квартира оборонной фирмы Rafael, Израильский центр ядерных исследований в Тель-Авиве, а также промышленные объекты в городе Кирьят-Гате¹⁸. В различных городах страны были разрушены или повреждены 2 305 квартир в 240 зданиях. От 13 до 18 тыс. израильтян были вынуждены покинуть свои дома, большинство из них были переселены в гостиницы за счет правительства. В результате иранских ударов погибли 28 человек

11 David Albright and Spencer Faragasso. Post-Attack Assessment of the First 12 Days of Israeli and U.S. Strikes on Iranian Nuclear Facilities // The Institute for Science and International Security. 24.06.2025. URL: <https://isis-online.org/isis-reports/post-attack-assessment-of-the-first-12-days-of-israeli-strikes-on-iranian-nuclear-facilities>.

12 Там же.

13 Там же.

14 Там же.

15 Here is a summary of today's events // The Guardian. 08.07.2025. URL: <https://www.theguardian.com/world/live/2025/jul/08/iran-killed-war-israel-gaza-middle-east-crisis-live?filterKeyEvents=false&page=with%3Ablock-686d23c78f082b1b947533a9#block-686d23c78f082b1b947533a9>.

16 Twelve Days Under Fire: A Comprehensive Report on the Iran-Israel War // Hrana – News Agency. 28.06.2025. URL: <https://www.en-hrana.org/twelve-days-under-fire-a-comprehensive-report-on-the-iran-israel-war/>.

17 Сколько стоила война Израиля и Ирана? // TRT Global. 24.06.2025. URL: <https://trt.global/russian/article/312a1f9ca57e>.

18 Iran's Missile Strikes Hit Five Military Bases and 40 Infrastructure Targets Across Israel // Military Watch Magazine. 06.07.2025. URL: <https://militarywatchmagazine.com/article/iran-missile-strikes-five-military-bases-infrastructure-israel>.

(из них только один военнослужащий) и более 3 000 получили ранения¹⁹. Данное количество жертв объясняется хорошо организованной гражданской обороной, отлаженной системой раннего предупреждения населения об ударах, постоянно действующими различными современными бомбоубежищами, укрытиями, безопасными комнатами в количестве более 1 млн единиц.

В налоговом ведомстве страны отметили, что никогда прежде не сталкивались с подобным уровнем разрушений в истории страны, хотя в ходе многочисленных войн она неоднократно подвергалась ракетным атакам и терактам. В то же время, по данным израильского Минфина, совокупные расходы – как военные, так и гражданские – могут составить до \$12 млрд.

Специалисты предварительно подсчитали, что затраты Израиля на противостояние с Ираном достигали \$1 млрд за каждый день ведения войны²⁰.

В ожидании кардинальных решений

«Двенадцатидневная война», как наиболее острое вооруженное противостояние в рамках почти 50-летнего конфликта между Ираном и Израилем, закончилась. Но сам конфликт не исчерпан, он перешел в новую фазу – фазу ожиданий кардинальных решений.

Руководство ИРИ оказалось перед судьбоносным выбором, диктуемым вызовами со стороны Запада: или пойти на ядерные переговоры с США, или усилить конфронтацию с противниками.

Первый вариант предполагает практически капитуляцию ИРИ, поскольку условия сделки, которая должна завершить переговоры, включают радикальные требования администрации Трампа: запрет на обогащение урана на территории Ирана; вывоз всего накопленного обогащенного урана из ИРИ, усиление и расширение контроля за ядерной деятельностью ИРИ не только со стороны МАГАТЭ, но и США; запрет на разработку, производство и использование баллистических ракет средней дальности (от 500 до 5 000 км). Американцы хотят, чтобы у Ирана остались только тактические ракеты дальностью до 300 км, так как тогда КСИР не сможет достать ни до основных американских баз в регионе, ни до Израиля. Это также прекращение активной военно-политической деятельности на Ближнем Востоке и поддержки антиизраильских группировок во многих странах.

19 Israeli military official confirms Iran missiles hit some IDF sites last month // The Times of Israel. 08.07.2025. URL: <https://www.timesofisrael.com/israeli-military-official-reveals-iran-missiles-hit-some-idf-sites-last-month>; David Horovitz Israel was facing destruction at the hands of Iran. This is how close it came, and how it saved itself // The Times of Israel. 30.06.2025. URL: <https://www.com/israel-was-facing-destruction-at-the-hands-of-iran-this-is-how-close-it-came-and-how-it-saved-itself/>; Наиль Джафаров. В Израиле подсчитали ущерб от войны с Ираном // Anna-news.info. 10.07.2025. URL: <https://anna-news.info/v-izraile-podschitali-ushherb-ot-vojny-s-iranom/>.

20 Роман Мамчиц, Алексей Подымов. Иран vs Израиль: время оценить экономический ущерб // Военное обозрение. 01.07.2025. URL: <https://topwar.ru/267193-iran-vs-izrail-vremja-ocenit-jekonomicheskij-uscherb.html>.

Второй сценарий: Тегеран отвергает все требования Вашингтона, и даже на переговорах с «евротройкой» (Великобритания, Франция, Германия – ЕЗ) отклоняет все основные предлагаемые пункты возможной сделки с ней. ЕЗ требует от Тегерана возвращения к ядерным переговорам с Вашингтоном и заключения с ним сделки, возобновления сотрудничества с МАГАТЭ и согласия на добровольный вывоз за рубеж остатков высокообогащенного урана. В противном случае «евротройка» угрожает ввести режим «мгновенного возврата» (snapback), который автоматически восстановит все санкции Совета Безопасности ООН, снятые в рамках СВПД²¹.

В случае отказа от договоренностей с США и ЕЗ Иран предстанет не только перед угрозой snapback, но и перед реальной вероятностью новых воздушно-ракетных ударов со стороны Израиля и США. Более того, западноевропейские авторы СВПД – Франция, Великобритания и Германия – заявили, что в целом поддерживают Америку в ее акциях предотвратить появление ядерного оружия в Иране, причем в крайнем варианте – силовом.

Еще один вариант, схожий с предыдущим по своим последствиям, возможен даже в случае готовности Тегерана идти на компромиссы, но одновременно при активной деятельности по восстановлению ядерного и военного потенциалов, понесших ущерб от американо-израильских ударов. Любой признак их реанимации будет casus belli для американцев и израильтян. Президент Трамп неоднократно заявлял, что в случае попыток восстановления ядерной инфраструктуры и новых шагов к созданию ядерного оружия США нанесут удар по Ирану²².

Какой из вариантов выберет Иран, сказать трудно. Иранские официальные лица заявляют, что ядерная программа – это национальная гордость Ирана, поэтому они собираются развивать свою ядерную инфраструктуру в мирных целях. Тегеран имеет собственную позицию по ракетной программе и не собирается уменьшать арсенал своих ракет. Поэтому пока очень трудно найти точки соприкосновения, которые привели бы в итоге к какому-то компромиссному решению. США требуют де-факто капитуляции Ирана в ядерных, ракетных и внешнеполитических региональных вопросах.

Президент России Владимир Путин в этой связи высказал конструктивную мысль: «Было бы правильным всем вместе поискать пути прекращения боевых

21 Режим snapback – это часть СВПД, одобренного и утвержденного Резолюцией 2231 Совета Безопасности ООН. Согласно этому документу, любая из шести мировых держав – авторов СВПД – имеет право инициировать процесс восстановления международных санкций против Ирана в случае признания его нарушителем требований СВПД и указать на то, что она считает нарушением. (Сегодня – кроме США, которые вышли из СВПД в 2018 г.) Если эти опасения не будут устранены, санкции автоматически возобновятся через 30 дней. Согласно Резолюции 2231, это означает, что прежние международные санкции «будут применяться так же, как и раньше», то есть до заключения ядерной сделки.

22 Daniel B. Shapiro. Netanyahu's trip to Washington ends with conflicting signals // Atlantic Council. 12.07.2025. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/menasource/netanyahus-trip-to-washington-ends-with-conflicting-signals/>; Трамп анонсировал новые удары по Ирану // Avia.pro. 16.07.2025. URL: <https://avia.pro/news/tramp-anonsiroval-novye-udary-po-iranu>; Трамп: если Иран попытается восстановить ядерный потенциал, США вернутся // ТАСС. 07.08.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24723995>.

действий и найти способы договориться всем участникам этого конфликта друг с другом с тем, чтобы обеспечить как интересы Ирана, с одной стороны, на мирную атомную деятельность, разумеется, <...> – так и обеспечить интересы Израиля с точки зрения безусловной безопасности еврейского государства»²³.

Война и внутривнутриполитическая ситуация в ИРИ

В свою очередь, президенту ИРИ Масуду Пезешкиану сегодня, как никогда раньше, необходимо ядерное соглашение, гарантирующее снятие санкций. Экономическая, социально-политическая ситуация в стране сложная. Летом 2025 г. остановка усугубилась небывалой жарой, засухой, дефицитом питьевой воды и электроэнергии. Вопрос здесь не только в том, что еще одна порция многосторонних международных санкций может привести к кризисной экономике Ирана, отягощенную последствиями войны, к коллапсу. В стране растет недовольство проводимой властями политикой во многих сферах. Причем это недовольство распространено в самых различных группах населения, даже в таких провластных структурах, как армия, КСИР, духовенство, не говоря уже о молодежи, интеллигенции.

Не случайно, что 180 общественных и политических деятелей Ирана поставили свои подписи под обращением к президенту страны М.Пезешкиану с призывом начать в стране кардинальные перемены. Подписанты акцентируют внимание на том, что недавнее военное противостояние с Израилем должно стать исторической отметкой, на которой пора отказаться от политики дискриминации, внешней изоляции и неэффективности в управлении страной²⁴.

Еще более конкретно высказался бывший посол Ирана в Азербайджане Афшар Солеймани. Он заявил, что в нынешней ситуации Иран должен принимать трудные решения. По его словам, благосостояние иранского народа, национальная безопасность, целостность страны и национальные интересы не могут быть принесены в жертву обогащению урана. Напомнив о недавних ирано-американских ядерных переговорах и военных ударах Израиля и США по Ирану, Солеймани подчеркнул, что Иран сейчас слаб перед лицом мировых держав. Выражая надежду на предстоящие переговоры между европейской тройкой и Ираном, он отметил, что эти переговоры могут отсрочить использование «механизма запуска» в рамках СВПД и достичь дипломатического успеха в направлении снижения напряженности между мировыми странами и Ираном²⁵.

Безусловно, достижение Ираном соглашения, близкому к СВПД, дало бы

²³ Путин призвал обеспечить интересы как Ирана, так и Израиля // РИА Новости. 19.06.2025. URL: <https://ria.ru/20250619/putin-2023731371.html>.

²⁴ Андрей Петров. Общественные и политические деятели Ирана призвали власти к кардинальным переменам // Вестник Кавказа. 09.07.2025. URL: <https://vestikavkaza.ru/news/obsestvennye-i-politicheskie-deateli-irana-prizvali-vlasti-k-kardinalnym-peremenam.html>.

²⁵ Бывший посол Ирана в Азербайджане: Нельзя приносить благосостояние народа в жертву обогащению урана // Оху.аз. 21.07.2025. URL: <https://oxu.az/ru/v-mire/byvshij-posol-irana-v-azerbajdzhanе-nelzya-prinosit-blagosostoyanie-naroda-v-zhertvu-obogasheniya-urana>.

возможность президенту Пезешкиану, с одной стороны, удовлетворить противников обнуления ядерной программы, с другой – противников эскалации ядерной деятельности, чреватой новой войной с США и Израилем.

Выводы

Таким образом, вполне корректным будет констатировать, что летом 2025 г. для Ирана наступил «момент истины», когда решается, каким путем дальше пойти. Однако прогнозировать, какой из вариантов выберет Иран, как поведут себя Великобритания, Франция и Германия, что предпримет Израиль, какое настроение будет у Трампа, ныне чрезвычайно сложно. При этом было бы правильным утверждать, что Ирано-израильская «Двенадцатидневная война» лета 2025 г. и нынешняя напряженность, связанная с комплексом многоаспектных антагонистичных проблем между двумя странами, являются следствием многолетнего конфликта Ирана и Израиля. Конфликт во многом порожден исторической проблемой государственной идеологии ИРИ, которая не допускает существования еврейского государства, влияя в той или иной степени на политику иранского руководства. В этой парадигме конфликт в различных проявлениях и формах закончен будет не скоро, и не исключено периодическое обострение ситуации, вплоть до возобновления жесткой военной конфронтации.

Список литературы

1. Ансари Х. Имам Хомейни. Политическая борьба от рождения до кончины [Imam Khomeini. Political Struggle from Birth to Death]. М.: Палей, 1999. 448 с. ISBN 5-86020-261-X.
2. Жуков Д.А. Небо над Ираном ясное: очерк политической биографии имама Хомейни [The Sky over Iran is Clear: an Essay on the Political Biography of Imam Khomeini]. URL: https://iran1979.ru/wp-content/uploads/2020/03/Dmitry_Zhukov_-_Put_k_svbode_Imam_Khomeyni_1.pdf.
3. Месамед В.И. Иран-Израиль: от партнерства к конфликту [Iran-Israel: from Partnership to Conflict] / Институт Ближнего Востока. М., 2009. 376 с.
4. Сажин В.И. Корпус стражей исламской революции Ирана – государство в государстве [The Islamic Revolution Guards Corps of Iran: a State within a State] // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10(3). С. 83–109. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-3-83-109>.
5. Сажин В.И. Теория, политика и практика иранского антисиионизма [Theory, Policy and Practice of Iranian anti-Zionism] // Восточная аналитика. 2023. № 14(3). С. 147–158. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-03-147-158>.
6. Сажин В.И. Вооруженные силы Исламской Республики Иран: десятилетия в бушующем, неспокойном мире [Armed Forces of the Islamic Republic of Iran: Decades in a Raging, Turbulent World] // Восточная аналитика. 2024. № 15(4). С. 169–193. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-169-193>.
7. Хазанов А.М., Гасратян С.М., Олимпиев А.Ю. Ирано-израильские отношения в хорошую и плохую погоду [The Iran-Israel Relations in Good and Bad Weather] / отв. ред. У.З.Шарипов; Институт востоковедения РАН. М.: ЮНИТИ, 2022. 231 с.
8. Хомейни Р.М. Путь к свободе: речи и завещание [The Path to Freedom: Speeches and Testament]. М.: Палей, 1999. 419 с.
9. Хоффман Б. Терроризм – взгляд изнутри [Terrorism of Views from Within]. М.: Ультра. Культура, 2003. 252 с.

10. Iran in the 21st Century: Politics, Economics & Conflict. Iranian Studies / H.Katouzian, H.Shahidi. Routledge, 2007. 320 p. ISBN 9781134077601.
11. Morag N. The strategic impact of an Iranian nuclear weapons capability on Israel // Nuclear Threats and Security Challenges / S.Apikyan, D.Diamond (eds.). Springer, 2015. P. 135–145. https://doi.org/10.1007/978-94-017-9894-5_13.
12. Parsi T. Israeli-Iranian relation assessed: Strategic competition from the power cycle perspective // Iran in the 21st Century: Politics, Economics & Conflict / H.Katouzian, H.Shahidi (eds.). Routledge, 2008. P. 136–157. ISBN 0-203-93977-8.
13. Razoux P. The Iran-Iraq War. Cambridge, Mass: Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2015. 688 p. ISBN 978-0-674-08863-4.
14. Rezaei F. Iran's Nuclear Program: A Study in Proliferation and Rollback. Springer, 2017. 272 p. ISBN 9783319441207.
15. Sazhin V. Iran's Nuclear Program. A Russian Perspective // Readings in European Security. Vol. 3. Iran: the Moment of Truth. Centre for European Policy Studies, Brussels & International Institute for Security Studies. London. 2005. P. 137–148. ISBN 92-9079-590-5.
16. Sanaei M., Karami J. Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges // Russia in Global Affairs. 2021. № 3. P. 25–49. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-3-25-49>.

Информация об авторе

САЖИН Владимир Игоревич. Кандидат исторических наук. Старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. <https://orcid.org/0000-0003-1429-476X/>. Адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12. vsaj1@yandex.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 августа 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Ansari. H. Imam Khomeini. Political Struggle from Birth to Death. Moscow: Paleya, 1999. 448 p. [In Russian]. ISBN 5-86020-261-X.
2. Zhukov D.A. The Sky over Iran is Clear: an Essay on the Political Biography of Imam Khomeini [In Russian]. Available from: https://iran1979.ru/wp-content/uploads/2020/03/Dmitry_Zhukov_-_Put_k_svoode_Imam_Khomeyni_1.pdf.
3. Mesamed V.I. Iran-Israel: from Partnership to Conflict / Institute of the Middle East, Moscow, 2009. 376 p. [In Russian]. ISBN 978-5-89394-210-1.
4. Sazhin V.I. The Islamic Revolution Guards Corps of Iran: a State within a State. Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law]. 2017; 10(3):83–109 [In Russian]. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-3-83-109>.

5. Sazhin V.I. Theory, Policy and Practice of Iranian anti-Zionism. Vostochnaya analitika [Eastern Analytics]. 2023; 14(3):147–158 [In Russian]. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-03-147-158>.
6. Sazhin V.I. Armed Forces of the Islamic Republic of Iran: Decades in a Raging, Turbulent World. Vostochnaya analitika [Eastern Analytics]. 2024; 15(4):169–193 [In Russian]. <https://doi.org/10.31696/22275568-2024-04-169-193>.
7. Khazanov A.M., Gasratyan S.M., Olympiev A.Y. The Iran-Israel Relations in Good and Bad Weather / ed. by U.Z.Sharipov; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow: UNITY, 2022. 231 p. [In Russian]. ISBN 978-5-238-03534-5.
8. Khomeini R.M. The Path to Freedom: Speeches and Testament. Moscow, 1999. 419 p. [In Russian]. ISBN 5-86020-262-9.
9. Hoffman B. Terrorism of Views from Within. Moscow: Ultra. Kultura, 2003. 252 p. [In Russian].
10. Iran in the 21st Century: Politics, Economics & Conflict. Iranian Studies. / H.Katouzian, H.Shahidi. Routledge, 2007. 320 p. [In English]. ISBN 9781134077601.
11. Morag N. The strategic impact of an Iranian nuclear weapons capability on Israel. Nuclear Threats and Security Challenges / S.Apikyan, D.Diamond (Eds.). Springer, 2015:135–145 [In English]. https://doi.org/10.1007/978-94-017-9894-5_13.
12. Parsi T. Israeli-Iranian relation assessed: Strategic competition from the power cycle perspective. Iran in the 21st Century: Politics, Economics & Conflict / H.Katouzian, H.Shahidi (eds.). Routledge, 2008:136–157 [In English]. ISBN 0-203-93977-8.
13. Razoux P. The Iran-Iraq War. Cambridge, Mass: Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2015. 688 p. [In English]. ISBN 978-0-674-08863-4.
14. Rezaei F. Iran's Nuclear Program: A Study in Proliferation and Rollback. Springer, 2017. 272 p. [In English]. ISBN 9783319441207.
15. Sazhin V. Iran's Nuclear Program. A Russian Perspective. Readings in European Security. Vol. 3. Iran: the Moment of Truth. Centre for European Policy Studies, Brussels & International Institute for Security Studies. London. 2005:137–148 [In English]. ISBN 92-9079-590-5.
16. Sanaei M., Karami J. Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges. Russia in Global Affairs. 2021; 3:25–49 [In English]. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-3-25-49>.

About the author

Vladimir I. SAZHIN. CandSc. (History). Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0000-0003-1429-476X>. Address: 12, Rozhdestvenka St., Moscow, 107031, Russian Federation. vsaj1@yandex.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: August 12, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

Механизмы и стратегии проникновения российских нарративов в западный публичный дискурс

Николай Михайлович Деремян✉

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

nderemyan@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-9626-8557>

Аннотация. В данном исследовании рассматривается комплексный процесс проникновения российских нарративов в западный публичный дискурс, с выделением конкретных механизмов и стратегий, а также применяющих их структур. Актуальность исследования обусловлена ключевой ролью информационного пространства и технологий «мягкой силы» в современном геополитическом ландшафте, а также усилением конфронтации между Россией и Западом. В рамках анализа были разработаны концептуальные основы технологий «мягкой силы», выявлены их функциональные взаимосвязи и синергетический потенциал. Эмпирическая база исследования включает материалы российских (RT, Sputnik, ТАСС и др.) и западных (Bloomberg, The Guardian, New York Times) СМИ, официальные документы и интернет-ресурсы. Методологическая основа исследования базируется на применении сравнительно-сопоставительного метода, контент-анализа и дискурс-анализа, что позволило провести многоаспектное исследование механизмов распространения нарративов. В результате исследования были идентифицированы ключевые российские нарративы, их негативное восприятие в западном дискурсе и их влияние на формирование общественного мнения. Также были проанализированы события, способствовавшие активизации распространения российских нарративов в

западной общественной среде. Особое внимание было уделено выявлению «скрытой» сети распространения нарративов и анализу ее ключевых участников. Исследование показало, что эффективность российских нарративов достигается благодаря целенаправленному продвижению через различные платформы, комплексному использованию различных инструментов и активному применению «скрытых» каналов коммуникации. В заключительной части исследования подчеркивается важность инвестиций в технологии «мягкой силы» как стратегического инструмента для достижения внешнеполитических целей России в условиях современной геополитической конкуренции.

Ключевые слова: нарратив, информационное противоборство, медиа, «мягкая сила», Россия, США, Запад

Для цитирования: Деремян Н.М. Механизмы и стратегии проникновения российских нарративов в западный публичный дискурс // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 210-224, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-210-224](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-210-224)

Original Article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-210-224](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-210-224)

Mechanisms and Strategies for the Infiltration of Russian Narratives into Western Public Discourse

Nikolai M. Deremian✉

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

nderemyan@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-9626-8557>

Abstract. This study examines the complex process of Russian narratives' infiltration into Western public discourse, highlighting specific mechanisms and strategies, as well as the structures that employ them. The relevance of the study stems from the key role of information space and soft power technologies in the contemporary geopolitical landscape, as well as from the intensifying confrontation between Russia and the West. This analysis develops a conceptual framework for soft power technologies, identifying their functional interrelations and synergistic potential. The empirical base includes materials for the study from Russian media (RT, Sputnik, TASS), Western media (Bloomberg, The Guardian, New York Times), official documents, and online resources. The study's methodological framework utilizes comparative and contrastive methods, content analysis, and discourse analysis, enabling a multifaceted study of the mechanisms of narrative dissemination. The study identified key Russian narratives, their negative perception in Western discourse, and their influence on public opinion. Events that contributed to the increased dissemination of Russian narratives in Western public opinion were also analyzed. Particular attention was paid to identifying the "hidden" network of narrative dissemination and analyzing its key

players. The study found that the effectiveness of Russian narratives is achieved through targeted promotion across various platforms, integrated use of various tools and active use of “covert” communication channels. The final section emphasizes the importance of investing in soft power technologies as a strategic tool for achieving Russia’s foreign policy goals in contemporary geopolitical competition.

Keywords: narrative, information warfare, media, soft power, Russia, USA, West

For citation: Deremian N.M. Mechanisms and Strategies for the Infiltration of Russian Narratives into Western Public Discourse. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 4(18): 210-224. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-210-224](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-210-224)

Введение

Современное информационное пространство, характеризующееся высокой степенью фрагментации и перенасыщением контента, имеет ключевое значение для борьбы за смыслы и интерпретации событий, продвигаемые посредством онлайн-ресурсов. Это пространство представляет собой основу публичного дискурса, открывая возможности для воздействия на сознание людей и вынуждая государства вести конфликты не только в реальном, но и в виртуальном мире. Нарративы, тиражируемые в СМИ и призванные формировать общественное мнение, нередко приводят к поляризации общества и его расколу на множество конфликтующих между собой групп.

Западный публичный дискурс продолжает являться оплотом антироссийской повестки и в рамках стратегий европейских государств, в частности, стран Евросоюза, также закономерно противодействует любым проявлениям нежелательного влияния в целях «противостояния ложным нарративам»¹. Однако после января 2025 г. и инаугурации 47-го президента Соединенных Штатов Дональда Трампа отмечается смена внешнеполитического курса Америки как лидера «коллективного Запада», повлекшая за собой явное и открытое распространение российских нарративов. В данной связи особенно остро встает вопрос о механизмах и стратегиях проникновения таких нарративов в западный публичный дискурс, анализе возможных методов обхода действующих ограничений для более эффективной реализации и достижения целей внешней политики России.

Большинство из существующих методик «мягкой силы» было разработано американскими учеными и специалистами, что говорит о статусе США как родоначальника стратегий по информационному противоборству начиная как минимум с 1920-х гг. Тем не менее происходящие в настоящий момент события стимулируют развитие технологий как по популяризации нарративов в публичном пространстве, так и по противодействию этому. В первом принимают участие различные структуры и институты – от правительственных до негосударственных

¹ Саммит Евросоюза выступил в пользу новых санкций против РФ и усиления информационной войны // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17356171>.

и некоммерческих организаций, что позволяет диверсифицировать каналы распространения информации и усложнить поиск первоначального источника.

В данной статье рассматривается сложный и многоуровневый процесс проникновения нарративов в медиапространство, подразумевающий под собой диверсифицированные инструменты влияния и коммуникационные каналы. Российским нарративам, несмотря на всевозможные ограничения и блокировки, все равно удается получить достаточно широкое распространение в западном публичном поле. Это предполагает использование проработанных стратегий и механизмов для успешного продвижения и формирования положительного образа России в сознании западного обывателя, что определенно является непростой задачей в условиях усиленного противостояния.

Материалы и методы

Концептуальные основы настоящего исследования базируются на работах таких американских ученых, как Дж.Най, У.Липпман и Дж.Шарп [5; 6; 9; 10; 16; 17; 19], их критике [12], а также других работах западных и российских исследователей на темы когнитивной, информационной и гибридной войны [1; 2; 11], политического дискурса в условиях цифровой трансформации [4], конкретных стратегий внедрения [8; 18], в том числе российских нарративов в европейское медиаполе [13–15; 20]. Методология исследования включает в себя сравнительный, нарративный, контент- и дискурс-анализ ведущих западных информационных агентств, а также их сопоставление с российскими медиаресурсами для выявления преобладающих коннотаций – языковых единиц, определяющих эмоциональное значение обозначаемого объекта [7]. Целью данной статьи является определить и с помощью системного подхода структурировать применяемые практики проникновения российских нарративов в западный публичный дискурс. Актуальность заключается в том, что несмотря на кратковременную «оттепель» в российско-американских отношениях, представляется необходимым зафиксировать рост пророссийских нарративов в публичном медиапространстве и проанализировать существующие механизмы и стратегии проникновения для выделения наиболее адекватных и подходящих.

Политический нарратив понимается как особое повествование, в котором присутствуют определенного рода видение объективной реальности субъектом и его отношение к излагаемым фактам или событиям. Оно не просто содержит связанное описание политических действий, но позволяет понять и оценить их². Более четким определением следует считать стратегический нарратив, сформулированный Л.Розель и др. [18], представляющий собой специальный вид использования нарративов ради легитимизации конфликтов и состоящий из следующих компонентов: герой или акторы, изображаемые как важный элемент

² Нарратив // Новый дипломатический словарь. URL: <https://dipslo.ru/ru/narrativ>.

повествования; обстановка, окружающая среда или пространство; конфликт или действие; резолюция или рекомендуемое решение.

В контексте так называемой «четвертой промышленной революции» [1] и формирования «полицентричного мира» [3, с. 77–84] глобалистские структуры играют ключевую роль в составлении, подготовке и распространении антироссийских нарративов, а также осуществлении контроля и надзора над западными медиаресурсами. Шиловский выделяет различные категории институтов «глубинного государства» (deep state) [11], включенных в регулирование и управление коммуникационными каналами: мировые дискуссионные (аналитические) центры и международные организации, глобалистская агентура в структурах власти, ведущие разведывательные службы, мировые финансовые центры и транснациональные корпорации (ТНК), институты массовой культуры (киноиндустрия, шоу-бизнес) и т.д. Следует заметить, что корректнее будет назвать эти структуры «глубинной властью» (deep power), поскольку большинство из них не являются государственными и, пусть часто и имеют определенные связи с правительствами различных стран, тем не менее представляют собой отдельную категорию организаций и сообществ. В данном исследовании основной упор сделан на разборе теоретического базиса манипуляций общественным сознанием и прицельном изучении публичных медиаагентств, в частности таких ключевых российских площадок, как RT и Sputnik, включая их многочисленные сети по продвижению положительного внешнего образа России.

Результаты исследования

Истоки появления инструментария и технологий «мягкой силы»

Для начала обратимся к самому понятию «мягкая сила», сформулированному его главным популяризатором в лице американского политолога Дж.Най [16; 17] как способность страны добиваться желаемых результатов в мировой политике с помощью убеждения, а не принуждения, а также использования культурных и политических ценностей, воспринимаемых морально допустимыми и легитимными, в целях повышения уровня привлекательности страны и стимулирования других государств следовать за лидером. Несмотря на новый виток интереса к традиционным политикам «жесткой силы», в том числе в России, крайне трудно отрицать растущую важность «мягкой силы» в современном мире и более легкой проницаемости государств по отношению к массовым информационным потокам [6].

В своей теории Най отмечает, что информационная революция ускорила глобализацию и привела к децентрализации власти, позволяя негосударственным субъектам (например, ТНК) принимать участие в глобальных процессах. Он также указывает на крайне высокую скорость темпов развития информационных потоков, за которыми не успевают национальные правительства. Однако многие из этих

проблем предвосхитил У.Липпман еще в начале XX в., описав основные принципы контроля над информацией и ее распространением, буквально заложив основы для дальнейших исследований в этой сфере. На самом деле концепция Найа может быть дополнена идеями Липпмана о стереотипах, «псевдосреде», различием между новостями и истиной. Так, псевдосреда, понимаемая как отражение внешнего мира и построение его внутреннего образа, основанного на стереотипах – «картинах, которые индивид рисует сам или получает от кого-то другого» [5]. Как раз в ее рамках и может работать принцип привлекательности и реализовываться «мягкая сила». Стереотипы, содержащие эмоциональные предустановки, позволяют создавать благоприятные условия для убеждения и формирования выгодной для государства картины мира. Более того, четкое разделение между новостями и истиной, а также их функциями, состоящими в сигнализации о случившемся событии и установлении причинно-следственной связи на основе скрытых фактов, можно совместить с нарративными политиками, которые направлены именно на закладывание определенных смыслов в освещение происходящих в мире событий.

Еще одним теоретиком, чье имя плотно связано с коммуникативными практиками и методами ненасильственного воздействия, безусловно, является Дж.Шарп. В своих работах американский ученый сформулировал 198 методов ненасильственной борьбы [9], направленных на смену политического режима и ставших впоследствии настоящим руководством к действию для «цветных революций». Как и Най, Шарп превозносит ненасилие над насилием, указывая на большую эффективность и внешнюю привлекательность первого. Несмотря на то, что все концепции имеют разные первоначальные цели, мы можем проследить тесную связь между ними и составить целую картину инструментов «мягкой силы». Так называемое «политическое джиу-джитсу» Шарпа с его методами ненасильственной борьбы является прямым отражением принципов «мягкой силы», поскольку само по себе опирается в том числе на внешнюю помощь со стороны иностранных правительств и международных организаций [19]. В то же время «мягкая сила» государства заключается в том, чтобы без использования насилия влиять не только на общемировые, но и на внутренние процессы в других государствах, мобилизуя общественность. Теория общественного мнения Липпмана также может быть использована как дополнение к двум вышеуказанным концепциям. Ненасильственные методы могут создавать альтернативные картины реальности в глазах общественности, особенно с помощью СМИ, формируя коллективную «псевдосреду» и подкрепляя единство, уверенность в правильности своих действий. Следует отметить, что Шарп, наряду с Липпманом, подчеркивает важность правдивости информации, однако в данном случае советует избегать преувеличений или небрежности, чтобы не допустить снижения доверия [19].

Таким образом, можно выделить общую «нить», связывающую все три концепции – каждый из авторов признает ограниченность прямого, насильственного подхода к политике и управлению, подчеркивая фундаментальную роль восприятия, контроля и распространения информации (или ее искажений) и нематериальных

факторов в формировании политической реальности. Все они, так или иначе, приходят к выводу, что для эффективного управления и достижения желаемых целей необходимо глубокое понимание того, как люди воспринимают мир, как формируются их мнения и как можно влиять на эти процессы. Именно для этой цели и были разработаны все технологии по продвижению стратегических нарративов, которые распространяются при помощи целой цепочки многочисленных организаций.

От теории к практике: информационное противоборство между Россией и Западом

Кроме американского взгляда на преимущества «мягкой силы» присутствует и критика вышеуказанных концепций. В частности, Н.В.Юдин констатирует двусмысленность определения как специфического типа силового поведения и как самостоятельного вида силы, а также ресурсоориентированность данной теории [12]. Методы Шарпа также становятся объектом критики. Например, А.О.Наумов, руководитель Центра изучения проблем «мягкой силы» и «цветных революций» факультета государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова, заявил, что ненасильственные методы используются только «пока это выгодно», а как только преимущество переходит на сторону противников режима, допустимыми становятся и другие способы, включая «порчу имущества и захват территорий»³. В данном контексте действительно можно констатировать двойное назначение данных инструментов, ведь их конечная цель состоит в получении желаемых результатов при некоем допустимом уровне насилия – «умная сила» Ная как сочетание насилия с ненасилием [17], определенные методы Шарпа, включающие «ненасильственное овладение землей», «ненасильственные рейды-налеты» и «ненасильственное вторжение» [9]. Несмотря на содержание прилагательного «ненасильственный» в каждом из них, эти способы сами по себе предполагают некий уровень вмешательства, которое, в свою очередь, может не только спровоцировать оппонента применить насилие, но и стать поводом для умышленного применения силы с противостоящей политическому режиму стороны.

Тем не менее происходящая трансформация медийного пространства и цифровизация [1], в том числе переход политического дискурса в виртуальное пространство [4], делают названные выше инструменты неотъемлемой частью и ключевым механизмом когнитивной (информационно-психологической) войны. Рассматривая информационное противоборство между Россией и странами «коллективного Запада», уходящее своими корнями еще во времена холодной войны между США и СССР, следует обратить внимание на приоритетное значение СМИ и их роль в воздействии на общественность.

³ Таинственный мистер Шарп. Как американский ученый написал книгу, ставшую инструкцией для цветных революций по всему миру // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2023/03/06/sharp/>.

До недавнего времени отмечался успех антироссийской политики, проводимой в западных странах, особенно Западной Европы и ЕС в целом. Это достигалось за счет использования целого ряда технологий и стратегий, позволяющих устранить «российский голос» в европейском медиадискурсе. Наиболее частым нарративом, изначально содержащим в себе негативную коннотацию и использующимся большинством западных обозревателей и СМИ в отношении российских медиаресурсов, является дезинформация [20]. Многочисленные организации и фонды ведут свою деятельность по отслеживанию и противодействию любым проявлениям альтернативной западной точки зрения.

Здесь на общем фоне выделяется EUvsDisinfo (Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям), созданная ЕС ради «противостояния дезинформационным кампаниям, проводимыми Россией». В 2020 г. на это государственное учреждение Еврокомиссия выделила €4 млн⁴, что говорит о повышенном внимании европейских политиков к распространению российских нарративов в западном публичном дискурсе. На вышеуказанном ресурсе регулярно публикуются материалы антироссийского характера с прозападными нарративами, например, «Кремль вовсе не стремится к миру», «Спектакль на День Победы», «Переписывание истории» и т.д. Там же содержится и база данных «случаев дезинформации в прокремлевских изданиях», что представляет собой попытку «разоблачить частичное, искаженное или ложное изображение реальности»⁵. Небезынтересным представляется тот факт, что веб-сайт доступен на 12 различных языках, в том числе русском, что говорит о возможном намерении воздействовать и на российскую аудиторию, которое обречено на неудачу ввиду блокировки сайта в РФ⁶.

Российские нарративы и западный дискурс

Как уже отмечалось ранее, российские нарративы являются объектом пристального внимания со стороны западных, в особенности европейских, государств. В данном контексте стоит также отметить популярность данной темы в западном академическом дискурсе ввиду наличия множества исследований, посвященных ей [13-15; 18; 20]. Часть из этих исследований опирается на базу данных EUvsDisinfo [14], другие фокусируются на анализе профессиональных медиа [20] и хештегов в социальных сетях [15]. Каждая из представленных работ преследует разные цели, но содержит определенные негативные коннотации в отношении российских нарративов – чаще всего они называются просто «дезинформацией» [13–15], хотя некоторые исследователи признают, что «тесно взаимосвязаны, но не идентичны» [20]. В то же время существуют отдельные исследования, выполненные при финансовой поддержке некоммерческих организаций (НКО), являющихся частью

⁴ В ЕК рассказали о тратах на борьбу с российской «дезинформацией» // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/3015366>.

⁵ Conclusions – 19 and 20 March 2015 // Council of the European Union. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-11-2015-INIT/en/pdf>.

⁶ Сайт euvsdisinfo.eu заблокирован в России решением Роскомнадзора 04.10.2022.

общей структуры «глубинной власти». Так, исследование М.Бокши и др. [13] было профинансировано и издано Германским фондом Маршалла Соединенных Штатов (GMF)*⁷, признанным в 2018 г. нежелательной организацией в Российской Федерации. Это доказывает непосредственное участие иных организаций в формировании западного академического дискурса, что делает необходимым тщательное применение процедур проверки фактов при изучении данных материалов.

Основные российские нарративы, представленные в ранее указанных исследованиях [13; 20], включают в себя такие, как «Русский мир», «западная русофобия», «общеславянский народ» и др. Авторы характеризуют их как «империалистические», «историко-ревизионистские», «ложные или вводящие в заблуждение» [13–15; 20]. Все это подкрепляет негативное представление о российских медиаресурсах, которые изображаются как главный источник неправдивой и заведомо ложной информации.

Однако следует отметить появление новых, «косвенных» российских нарративов, которые стали активно распространяться после инаугурации 47-го президента Соединенных Штатов Америки Дональда Трампа, произошедшей в январе текущего года. Во время своей предвыборной кампании Трамп делал множество заявлений, включая широко известное обещание завершить украинский конфликт в течение суток после вступления в должность⁸. Несмотря на тот факт, что впоследствии это обещание так и не было исполнено, с приходом во власть нового американского лидера начался переговорный процесс между Россией и Украиной, что ознаменовало определенный прорыв информационной и политической изоляции со стороны западного мира. Трамп неоднократно делал противоречивые, с точки зрения западных аналитиков, заявления, называя Путина «очень умным и хитрым человеком»⁹, а также открыто признавшись в «любви к русскому народу»¹⁰. Все эти заявления получили широкое распространение в СМИ и стали четким отражением смены внешнеполитического курса Америки, неся в себе достаточно положительную коннотацию о России и ее лидере. Это явно контрастирует с привычным портретом, который все это время «рисовали» западные медиа. Поэтому неудивительно, что многие глобалистские ресурсы отреагировали на это негативно и обвинили президента США в том, что он «говорит американцам то, что хочет услышать Путин»¹¹. Однако сложившаяся благоприятная атмосфера «относительного доверия между Москвой и Вашингтоном»¹² позволяет российским нарративам фактически

беспрепятственно, пусть и, вероятнее всего, временно, проникать в западное медиаполе через уста первого лица США.

Другим событием, серьезно повлиявшим на популяризацию российских нарративов в западном обществе, стала состоявшаяся в марте 2025 г. 97-я церемония вручения кинопремии «Оскар 2025». Триумфальную победу завоевал фильм «Анора», ставший лауреатом в наибольшем количестве номинаций, включая «Лучший фильм года»¹³. В снятом американским режиссером Шоном Бейкером фильме принимало участие множество актеров из России, в числе которых были исполнивший главную роль Марк Эйдельштейн, а также Юра Борисов, ставший первым российским актером, номинированным на «Оскар». Несмотря на появление российских актеров на главных экранах всего мира, данное событие вызвало дискуссию в российском обществе о том, следует ли считать это «победой или позором России»¹⁴, в то время как глобалистские медиаплатформы распространяли нарративы о «радости государственных пропагандистов»¹⁵ и о том, что это событие «в Москве восприняли как национальную победу» и «возвращение страны на мировую сцену»¹⁶.

Как отмечает А.И.Соловьев, уровень институциональной поддержки при использовании «идеологизированных аппаратов» (киноиндустрии, театрального и художественного искусства, системы образования и др.) способен побудить достаточное количество людей переформулировать свою идентичность и интересы [8]. Это, в свою очередь, свидетельствует о важной роли киноиндустрии в части формирования представления об окружающем мире и его объектах, что действительно позволяет рассматривать победу фильма с участием российских актеров в общественно значимом событии мирового масштаба как положительного для внешнего образа России. Однако сам сюжет фильма, представляющий собой смесь стереотипов о российских олигархах и бандитах, не дает в полной мере оценить это произведение как успех России на мировой арене и делает его противоречивым.

Блокировки ресурсов и сеть распространения

Блокировки российских медиаресурсов часто происходят в западном политическом пространстве. Иницируются они под эгидой «борьбы с пропагандой и дезинформацией», однако факт цензуры российских СМИ остается фактом¹⁷. Наиболее

7 Германский фонд Маршалла США включен в перечень иностранных НКО Министерством юстиции Российской Федерации.

8 Трамп пообещал решить украинский конфликт за сутки // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63d360439a7947779b610d1a>.

9 Трамп назвал Путина очень умным // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250226/putin-2001815677.html>.

10 Трамп признался, что любит русский народ и не хочет вводить санкции // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2025/01/24/trump-priznalsia-chto-liubit-russkij-narod-i-ne-hochet-vvodit-sankcii.html>.

11 Trump Tells Americans What Putin Wants Them to Hear // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/features/2025-trump-putin-policy/>.

12 Диалог Путина и Трампа решает стратегическую проблему // Взгляд. URL: <https://vz.ru/opinions/2025/6/5/1336796.html>.

13 The 97th Academy Awards 2025 // Академия кинематографических искусств и наук. URL: <https://www.oscars.org/oscars/ceremonies/2025>.

14 Победа или позор России? О чем фильм «Анора», победивший на «Оскаре» // NEWS.ru. URL: <https://news.ru/culture/pobeda-ili-pozor-rossii-o-chem-film-anora-pobedivshij-na-oskare>.

15 Russian state propagandists overjoyed at Anora's Oscar triumph // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/film/2025/mar/03/anora-oscar-triumph-russian-state-propagandists-overjoyed>.

16 I Loved 'Anora,' but I Still Hope It Loses at the Oscars // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2025/02/27/opinion/anora-oscars-russian-propaganda.html>.

17 Репрессии в отношении российских медиа, СМИ и журналистов за рубежом // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/journalist_help/repressions/.

важным здесь предстают ограничения ЕС и США против российских информационных агентств Sputnik и RT, в то время как блокировка последнего в Соединенных Штатах в сентябре 2024 г. была сопряжена с отдельным судебным делом¹⁸. В частности, в деле выдвигаются обвинения о спонсировании RT консервативных американских блогеров через подставные компании и юридические лица. Ответом главного редактора Маргариты Симоньян стало заявление о «паранойе западных СМИ» и что «блогеры, конечно, все отрицают»¹⁹.

Были и другие обвинения со стороны западных аналитиков и обозревателей. В 2022 г., сразу после блокировки телеканала в ЕС, Симоньян заявила, что «ни один сотрудник ни в одной стране не будет сокращен»²⁰. Также она неоднократно косвенно подтверждала наличие «скрытой сети» медиа и новостных ресурсов, позволяющих успешно обходить блокировки и продолжать распространение российских нарративов даже там, где этому препятствуют. Западные исследователи также подтверждают наличие такой скрытой системы по распространению российских нарративов [13; 14], в том числе посредством ботов в социальных сетях [15].

Такая скрытая сеть включает в себя, согласно М.Бокше и др. [13], несколько ступеней «пирамиды амплификации», сверху вниз – от меньшего количества аудитории к большему: государственные медиа, задающие тон обсуждению и выделяющие вопросы для дальнейшего обсуждения «по ступеням»; «дружелюбные голоса» – аналитики, эксперты или иностранные политики, публично подтверждающие российские нарративы и придающие им большую убедительность; «дезинформационные сайты», которые использует более жесткие формулировки и внедряют в нарративы «расизм и ксенофобию»; группы в социальных сетях, часто берущие новости с «дезинформационных сайтов» и делящиеся ими на медиаплатформах; пользователи, тролли и боты в социальных сетях – усиливают охват «ложной информации».

Следует отметить, что исследование основано на нескольких устаревших данных, когда, например, RT и Sputnik еще не были заблокированы в странах ЕС. За это время медиаресурсы успели эволюционировать, и теперь их еще сложнее обнаружить²¹. Поэтому представляется возможным констатировать, что продвижение российских нарративов включает в себя как открытые, так и скрытые каналы распространения.

18 Two RT Employees Indicted for Covertly Funding and Directing U.S. Company that Published Thousands of Videos in Furtherance of Russian Interests // U.S. Department of Justice. URL: <https://www.justice.gov/archives/opa/media/1366266>.

19 Все западные СМИ зашлись в приступе паранойи // Маргарита Симоньян. Telegram. URL: <https://t.me/margaritasimonyan/14213>.

20 Симоньян о решении запретить работу RT и Sputnik в ЕС // RT на русском. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/968866-rt-evropa-zapret>.

21 За три года RT создал целую сеть тайных проектов, чтобы обходить запреты // Маргарита Симоньян. Telegram. URL: <https://t.me/margaritasimonyan/14736>.

Выводы

Технологии «мягкой силы», разработанные американскими учеными в течение прошлого столетия, нашли свое обширное применение в информационной войне. Российские нарративы получили «второе дыхание» после начала 2025 г., однако их распространение началось задолго до этого. Множество событий способствовали их продвижению в западном публичном дискурсе, что позволяет говорить об успехе России в этом отношении. Тем не менее данное достижение может быть обусловлено стечением обстоятельств и являться временным.

Несмотря на это, обширные и отлаженные сети по распространению российских нарративов могут помочь зафиксировать этот результат. Ни всевозможные блокировки со стороны западных правительств, ни попытки глобалистских и европейских СМИ дискредитировать RT и Sputnik в глазах западного обывателя – все вышеперечисленное смогло лишь замедлить, но не окончательно остановить «экспансию» российских нарративов. В то время как меры противодействия укрепляются, технологии по распространению информации также эволюционируют. А это означает, что при инвестировании в разработку таких технологий и их применении у России есть шанс закрепить и даже приумножить свои достижения в информационном поле.

Таким образом, механизмы и стратегии проникновения российских нарративов опираются на многоуровневую систему различных медиаплатформ, задействуя социальные сети для повышения охватов. Благодаря этому продвигаемые нарративы получают широкое распространение в западном публичном дискурсе, что позволяет говорить об эффективном применении инструментов «мягкой силы».

Список литературы

1. Алексеев А.П., Алексеева И.Ю. Цифровизация и когнитивные войны [Digitalization and Cognitive Wars] // Философия и общество. 2021. № 4(101). С. 39–51. <https://doi.org/10.30884/jfo/2021.04.02>.
2. Ермикова М.С. Американская школа исследований информационных войн [American School of Information Wars Studies] // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2018. Т. 14. № 1. С. 117–138.
3. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля [Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field]: монография / отв. ред. И.С.Семененко; ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь Мир», 2023. 512 с.
4. Коньков А.Е. Политический дискурс в условиях расширения цифрового пространства [Political Discourse in the Context of the Expansion of the Digital Space] // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. № 14–1. С. 119–121.
5. Липпман У. Общественное мнение [Public Opinion]. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
6. Най Д. Мягкая мощь. Как я спорил с Бжезинским и Киссинджером [Soft Power. How I Argued with Brzezinski and Kissinger]. М.: Родина, 2023. 256 с.
7. Новиков О.Г., Филиппов А.Р. Механизмы манипуляции общественным сознанием [Mechanisms for Manipulating Public Consciousness] // Власть. 2024. Т. 32. № 3. С. 94–100. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-3-94-100>.
8. Соловьев А.И. Нарративы в пространстве власти. Возможности и пределы нарративных

- политик [Narratives in the Area of Power. The Possibilities and Limits of Narrative Politics] // Политическая наука. 2025. № 2. С. 18–40. <https://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.01>.
9. Шарп Дж. 198 методов ненасильственных действий [198 Methods of Nonviolent Action] // Философские науки. 1990. № 12. С. 33–40.
 10. Шарп Дж. Ненасильственная борьба: лучшее средство решения политических и этических конфликтов [Nonviolent Struggle: a Better Means of Resolving Acute Political and Ethical Conflicts] // Философские науки. 1990. № 11. С. 78–83.
 11. Шиловский С. Гибридная война «Deep State» против России [Hybrid War of Deep State against Russia] // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2023. № 6–1. С. 375–379.
 12. Юдин Н.В. Жесткий взгляд на «Мягкую силу». Критический анализ монографии Дж.Ная «Будущее власти» [Hard Look at Soft Power: Critical Reflections on 'The Future of Power' by Joseph S.Nye] // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 2. С. 134–163.
 13. Bokša M. et al. Russian Information Warfare in Central and Eastern Europe: Strategies, impact, countermeasures // Rethink.CEE Policy Paper. 2019. № 15. P. 1–26. URL: https://www.researchgate.net/publication/350090507_Russian_Information_Warfare_in_Central_and_Eastern_Europe_Strategies_impact_countermeasures.
 14. Cristina M. Arribas et al. Information manipulation and historical revisionism: Russian disinformation and foreign interference through manipulated history-based narratives // Open Research Europe. 2023. № 3. <https://doi.org/10.12688/openreseurope.16087.1>.
 15. Marigliano R. et. al. Analyzing digital propaganda and conflict rhetoric: a study on Russia's bot-driven campaigns and counter-narratives during the Ukraine crisis // Social Network and Analysis Mining. 2024. Vol. 14, article number 170. <https://doi.org/10.1007/s13278-024-01322-w>.
 16. Nye J. Bound to Lead. New York, 1990. 260 p.
 17. Nye J. Soft power: means to success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004. 191 p.
 18. Roselle L. et al. Strategic narrative: a new means to understand soft power // Media, War & Conflict. 2014. Vol. 7. № 1. P. 70–84. <https://doi.org/10.1177/1750635213516696>.
 19. Sharp G. From dictatorship to democracy. East Boston, 2010. 112 p.
 20. Tolz V., Hutchings, S. Truth with a Z: disinformation, war in Ukraine, and Russia's contradictory discourse of imperial identity // Post-Soviet Affairs. 2023. № 39(5). P. 347–365. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2023.2202581>.

Информация об авторе

ДЕРЕМЯН Николай Михайлович. Студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. <https://orcid.org/0009-0009-9626-8557>. Адрес: Российская Федерация, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, 49. nderemyan@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 4 августа 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Alekseev A.P., Alekseeva I.Yu. Digitalization and Cognitive Wars. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. 2021; 4(101):39–51 [In Russian]. <https://doi.org/10.30884/jflo/2021.04.02>.
2. Ermikova M.S. American School of Information Wars Studies. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [POLITEX: Political Expertise]. 2018; 14(1):117–138 [In Russian].
3. Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field: monograph / Ed. by Irina Semenenko; Primakov National Research. Institute of World Economy and International Relations RAS (IMEMO). Moscow: Izdatelstvo VES MIR [Publishing House "All the World"], 2023. 512 p. [In Russian].
4. Konkov A.E. Political Discourse in the Context of the Expansion of the Digital Space. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: Trends and Prospects of Development]. 2019; 14–1:119–121 [In Russian].
5. Lippman W. Public Opinion. Moscow: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie» [Institute of Public Opinion Foundation], 2004 [In Russian].
6. Nye J. Soft Power. How I Argued with Brzezinski and Kissinger. Moscow: Rodina [Motherland], 2023. 256 p. [In Russian].
7. Novikov O.G., Philippov A.R. Mechanisms for Manipulating Public Consciousness. *Vlast' [Power]*. 2024; 32(3):94–100 [In Russian]. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-3-94-100>.
8. Soloviev A. I. Narratives in the Area of Power. The Possibilities and Limits of Narrative Politics. *Politicheskaya nauka* [Political science]. 2025; 2:18–40 [In Russian]. <https://www.doi.org/10.31249/poln/2025.02.01>.
9. Sharp G. 198 Methods of Nonviolent Action. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. 1990; 12:33–40 [In Russian].
10. Sharp G. Nonviolent Struggle: a Better Means of Resolving Acute Political and Ethical Conflicts. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. 1990; 11:78–83 [In Russian].
11. Shilovskiy S. Hybrid War of Deep State against Russia. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Great Eurasia: Development, Security, Cooperation]. 2023; 6–1:375–379 [In Russian].
12. Yudin N.V. Hard Look at Soft Power: Critical Reflections on 'The Future of Power' by Joseph S.Nye. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of Moscow University, Ser. 25. International Relations and World Politics]. 2014; 2:134–163 [In Russian].
13. Bokša M. et al. Russian Information Warfare in Central and Eastern Europe: Strategies, impact, countermeasures. *Rethink.CEE Policy Paper*. 2019; 15:1–26 [In English]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/350090507_Russian_Information_Warfare_in_Central_and_Eastern_Europe_Strategies_impact_countermeasures.
14. Cristina M. Arribas et al. Information manipulation and historical revisionism: Russian disinformation and foreign interference through manipulated history-based narratives. *Open Research Europe*. 2023; 3 [In English].
15. Marigliano R. et. al. Analyzing digital propaganda and conflict rhetoric: a study on Russia's bot-driven campaigns and counter-narratives during the Ukraine crisis. *Social Network and Analysis Mining*. 2024; 14(170) [In English]. <https://doi.org/10.1007/s13278-024-01322-w>.
16. Nye J. Bound to Lead. New York, 1990. 260 p. [In English].
17. Nye J. Soft power: means to success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004. 191 p. [In English].
18. Roselle L. et al. Strategic narrative: a new means to understand soft power. *Media, War & Conflict*. 2014; 7(1):70–84 [In English]. <https://doi.org/10.1177/1750635213516696>.
19. Sharp G. From dictatorship to democracy. East Boston, 2010. 112 p. [In English].
20. Tolz V., Hutchings, S. Truth with a Z: disinformation, war in Ukraine, and Russia's contradictory discourse of imperial identity. *Post-Soviet Affairs*. 2023. 39(5):347–365 [In English]. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2023.2202581>.

About the author

Nikolai M. DEREMIAN. Student of the Financial University under the Government of the Russian Federation. <https://orcid.org/0009-0009-9626-8557>. Address: 49, Leningradsky Ave, Moscow, 125993, Russian Federation. nderemyan@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: August 4, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

POWER, POLITICS, STATE

Political institutions, processes and technologies

Научная статья

Политические науки

УДК 327

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-225-238](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-225-238)

Политические риски в сфере искусственного интеллекта: сравнительный анализ

Антон Владимирович Василенко✉

Независимый исследователь, Москва, Россия

anton.vasilenko25@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-7575-8382>

Аннотация. Исследование, представленное в статье, направлено на выявление системных угроз политической стабильности и цифровому суверенитету Республики Узбекистан, обусловленных фрагментарностью правового регулирования в области искусственного интеллекта (ИИ). На основании сравнительного анализа регуляторных моделей Узбекистана, Российской Федерации и Республики Казахстан были выявлены критические пробелы в системе правового регулирования ИИ в Узбекистане. В частности, отсутствуют специализированные законодательные акты, регулирующие использование ИИ, этические нормы его применения, прямые запреты на использование манипулятивных технологий, таких как deepfake, механизмы оценки рисков внедрения ИИ, четкое разграничение ответственности за причиненный вред, а также развитая национальная инфраструктура и эффективные инструменты подготовки кадров. В контексте медиаэкологической теории Маршалла Маклюэна, рассматривающей ИИ как «внешний мозг», указанные пробелы формируют порочный круг взаимосвязанных политических рисков. Когнитивная уязвимость населения, известная как «brain rot», в сочетании с нерегулируемыми синтетическими медиа (deepfake) создает условия для массовых манипуляций. Технологическая зависимость от зарубежных платформ и отток специалистов приводят к утрате цифрового суверенитета. Некритичное внедрение ИИ в государственный сектор при отсутствии механизмов ответственности подрывает институциональное доверие. В статье приведены доказательства того, что сохранение текущего регуляторного подхода превращает ИИ из инструмента развития в источник системной уязвимости. Для минимизации этих рисков необходимо незамедлительное принятие комплексного законодательства,

учитывающего передовой опыт соседних государств и отвечающего современным вызовам в области правового регулирования ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Республика Узбекистан, регулирование ИИ, deepfake, brain rot, иллюзия компетентности, технологический суверенитет

Для цитирования: Василенко А.В. Политические риски в сфере искусственного интеллекта: сравнительный анализ // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 225-238, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-225-238](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-225-238)

Original Article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-225-238](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-225-238)

Political Risks in Artificial Intelligence: A Comparative Analysis

Anton V. Vasilenko✉

Independent Researcher, Moscow, Russia

anton.vasilenko25@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-7575-8382>

Abstract. The study presented in this article aims to identify systemic threats to political stability and digital sovereignty in the Republic of Uzbekistan caused by fragmented legal regulation in the field of artificial intelligence (AI). A comparative analysis of regulatory models in Uzbekistan, Russia and Kazakhstan revealed critical gaps in legal frameworks for AI, specifically, there is a lack of specialized legislation on use of AI, ethical standards, and a direct prohibition on manipulative techniques such as deepfakes, mechanisms for risk assessment, clear delineation of responsibility for harm, and the development of national infrastructure with effective training tools. In the context of Marshall McLuhan's media ecological theory, which views AI as an "external brain," these gaps create a vicious cycle of interrelated political risks. The population's cognitive vulnerability, known as "brain rot," combined with unregulated synthetic media (deepfakes), creates the conditions for mass manipulation. Technological dependence on foreign platforms and the exodus of specialists lead to the loss of digital sovereignty. The uncritical implementation of AI in the public sector without accountability mechanisms undermines institutional trust. The article provides evidence that maintaining the current regulatory approach turns AI from a tool for development into a source of systemic vulnerability. In order to minimize these risks, it is necessary to immediately adopt comprehensive legislation that takes into account best practices from neighboring countries and addresses current challenges in the legal regulation of AI.

Keywords: artificial intelligence, Republic of Uzbekistan, AI regulation, deepfake, brain rot, illusory competence, technological sovereignty

For citation: Vasilenko A.V. Political Risks in Artificial Intelligence: A Comparative Analysis. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 4(18): 225-238, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-225-238](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-225-238)

Введение

Стремительное проникновение технологий искусственного интеллекта (ИИ) в ключевые сферы общественной жизни, включая государственное управление, образование и медиакоммуникации, порождает комплекс новых вызовов для национальной безопасности и социально-политической стабильности государств. Особую актуальность эти вызовы приобретают для развивающихся стран, где регуляторные механизмы зачастую не успевают за скоростью технологических изменений¹. Республика Узбекистан (РУ), активно внедряющая ИИ в рамках утвержденной Стратегии развития до 2030 г., не является исключением.

Как отмечают современные и классические исследователи, технологии, изначально воспринимаемые как инструмент прогресса, способны обнажать и усиливать системные риски, связанные с человеческой природой и институциональными ограничениями. Интернет, задуманный как глобальное хранилище знаний, трансформировался в среду распространения дезинформации и поляризации [3]. Социальные сети, эксплуатирующие биологические механизмы вознаграждения, влияют на когнитивные функции пользователей [4]. Современные системы ИИ, делегирующие когнитивные функции человека (анализ данных, генерация контента, поддержка решений), несут новые угрозы: создание сверхреалистичных дипфейков (deepfakes) для манипуляции общественным мнением², распространение низкокачественного контента, ведущего к «когнитивной деградации» («brain rot») [9], формирование иллюзии компетентности и зависимости от алгоритмических решений³. Эти риски напрямую затрагивают политическую сферу, угрожая дестабилизацией, эрозией доверия к институтам власти и потерей цифрового суверенитета.

Несмотря на осознание рисков на глобальном уровне (принципы ОЭСР⁴, Регламент ЕС об ИИ⁵) и активную разработку регуляторных рамок в соседних

1 World Bank (2023). Digital Policy in Transition Economies: Institutional Lag and Innovation Challenges. P. 7. URL: <https://openknowledge.worldbank.org>.

2 ИМЭМО РАН. Искусственный интеллект для войны и мира: подводя итоги года // Официальный сайт ИМЭМО, 2023. URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/artificial-intelligence-for-war-and-peace-summing-up-the-year>.

3 Walther C.C. Intelligence Illusion: What Apple's AI Study Reveals About Reasoning // Forbes, 2025. URL: <https://www.forbes.com/sites/corneliawalther/2025/06/09>.

4 Recommendation of the Council on OECD Legal Instruments Artificial Intelligence // OECD. URL: https://weclglobal.org/uploads/2019/07/2019_OECD_Recommendations-AI.pdf.

5 Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г., устанавливающий гармонизированные правила в отношении искусственного интеллекта и вносящий поправки в Регламенты (ЕС) № 300/2008, (ЕС) № 167/2013, (ЕС) № 168/2013, (ЕС) 2018/858, (ЕС) 2018/1139 и (ЕС) 2019/2144 и Директивы 2014/90/ЕС, (ЕС) 2016/797 и (ЕС) 2020/1828 (Закон об искусственном интеллекте) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng>.

государствах – Российской Федерации (РФ)⁶ и Республике Казахстан (РК)⁷, – в Узбекистане сохраняется фрагментарность правового регулирования ИИ. Основываясь преимущественно на внесении поправок в существующие акты и декларативной Стратегии, система РУ демонстрирует значительные пробелы по ключевым аспектам: отсутствие этических принципов, запретов на опасные применения (включая deepfake в политическом контексте), механизмов управления рисками и оценки соответствия, четкого разграничения ответственности, а также развитой национальной инфраструктуры и реальных инструментов поддержки⁸.

Проблема исследования заключается в отсутствии комплексного сравнительного анализа регуляторных подходов к ИИ в РУ, РФ и РК, ориентированного на выявление конкретных пробелов узбекистанского регулирования и оценку связанных с ними политических рисков в контексте современных вызовов (deepfake, brain rot, потеря технологического суверенитета, отток кадров).

Целью данного исследования является проведение сравнительного анализа правовых и стратегических подходов к регулированию ИИ в РФ, РК и РУ для определения ключевых недостатков регуляторной модели Узбекистана и оценки потенциальных политических рисков, обусловленных этими недостатками.

Материалы и методы

Концептуальной основой для анализа трансформации когнитивных процессов и коммуникаций под влиянием ИИ служат подходы к пониманию медиа канадского философа и футуролога Маршалла Маклюэна. В фундаментальном труде «Понимание медиа: внешние расширения человека» (1964) Маклюэн утверждает, что любая технология является продолжением (протезом) человеческих органов или функций (колесо – ноги, одежда – кожа, электрические медиа (ТВ, радио) – центральная нервная система), создавая эффект «глобальной деревни» [4]. Экстраполируя эту концепцию на современность, ИИ можно интерпретировать как формирование «внешнего мозга» – технологического расширения, берущего на себя функции биологической когнитивной системы: хранение и обработку информации (память), генерацию текстов и идей (мышление), прогнозирование (принятие

решений). Подобное «делегирование» когнитивных функций, предупреждал Маклюэн, несет риск снижения критической рефлексии и зависимости от технологических посредников [4]. Современные исследования подтверждают и конкретизируют эти риски в контексте ИИ, выявляя ключевые феномены, в том числе имеющие политические и социальные последствия:

- Иллюзия компетентности – феномен, при котором пользователи приписывают себе знания и аналитические способности, фактически генерируемые ИИ-системой (например, при использовании генеративных моделей для написания текстов или анализа данных). Это ведет к переоценке собственной экспертизы, снижению мотивации к глубокому освоению материала и неадекватной оценке рисков [2]. В политическом контексте это проявляется как у чиновников, некритично делегирующих решения ИИ-алгоритмам в управлении или правоприменении, так и у граждан, формирующих политические суждения на основе поверхностно усвоенного ИИ-контента, что снижает качество публичной дискуссии и повышает манипулятивность⁹.

- «Brain rot» как метафора когнитивной деградации – термин, получивший распространение в научной коммуникации (в т.ч. как «Слово года 2024» по версии «Оксфордского словаря»¹⁰), описывает комплекс негативных когнитивных эффектов от потребления низкокачественного, часто генерируемого ИИ контента (абсурдные видео, упрощенные нарративы), оптимизированного исключительно для удержания внимания. Исследования фиксируют связь такого контента с фрагментацией внимания, снижением способности к концентрации, критическому анализу и долгосрочному запоминанию сложной информации [9]. Политический риск заключается в формировании электората, восприимчивого к упрощенным популистским лозунгам, манипуляциям и неспособного к анализу комплексных политических программ, что подрывает основы демократического дискурса и стабильность [6].

- Deepfake как инструмент политической дестабилизации: технологии синтетических медиа (deepfake), позволяющие создавать сверхреалистичные подделки видео- и аудиозаписей публичных лиц, представляют собой качественно новый уровень информационной угрозы. Уже упомянутая концепция Маршалла Маклюэна, описывающая медиа как «внешние расширения», которые искажают восприятие реальности, здесь достигает апогея [4]. Эмпирические исследования и инциденты (например, фейковое видео спикера Палаты представителей США Нэнси Пелоси в 2022 г.¹¹) демонстрируют высокую эффективность deepfake в подрыве доверия к политическим институтам [7], разжигании социальной розни, фальсификации

⁶ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/.

⁷ Об искусственном интеллекте: проект Закона Республики Казахстан (январь 2025 г.) // Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34868071.

⁸ Об утверждении Стратегии развития искусственного интеллекта в Республике Узбекистан на период до 2030 года: Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-123 от 01.10.2024 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/7158606>.

⁹ Walther C.C. Intelligence Illusion: What Apple's AI Study Reveals About Reasoning // Forbes, 2025. URL: <https://www.forbes.com/sites/corneliawalther/2025/06/09>.

¹⁰ «Brain rot» named Oxford Word of the Year 2024 // Oxford Languages, 2024. URL: <https://corp.oup.com/news/brain-rot-named-oxford-word-of-the-year-2024/>.

¹¹ Fact Check: Video features deepfakes of Nancy Pelosi, Alexandria Ocasio-Cortez and Joe Biden // Reuters, 2023. URL: <https://www.reuters.com/article/fact-check>.

событий и манипуляции электоральным поведением [1]. Риск усугубляется скоростью распространения такого контента в социальных сетях и трудностью его оперативного опровержения.

Идеи Маклюэна находят развитие у ключевых теоретиков цифрового общества:

- Элвин Тоффлер («Третья волна», 1980) прогнозировал переход к «супериндустриальному обществу», где информация становится ключевым ресурсом власти [8]. Его концепт «футурошока» (дезориентация от ускорения изменений) объясняет уязвимость общества к ИИ-рискам: технологии развиваются быстрее, чем способность институтов к адаптации.
 - Мануэль Кастельс («Информационная эпоха», 1996) показал, что сетевая структура общества усиливает асимметрию контроля над данными [3]. Для Узбекистана это означает риск потери технологического суверенитета и зависимость от зарубежных ИИ-платформ.
 - Нил Постман («Развлекаемся до смерти», 1985) утверждал, что медиаформат (например, телевидение) определяет содержание политики, вытесняя рациональный дискурс развлечением [11]. ИИ-генерация brain rot-контента – логичное продолжение этой тенденции в эпоху алгоритмов.
- Рассмотренные концепции ученых-футурологов и экстраполяция этих идей на современные негативные проявления в сфере ИИ позволяют сформулировать ключевые политические риски для Республики Узбекистан через призму упомянутых цифровых и медиафеноменов. В Таблице 1 выделены ключевые соответствия между теоретическими концепциями и специфическими рисками ИИ для Узбекистана.

Таблица 1. Синтез теорий применительно к ИИ-рискам
Table 1. Synthesis of theories applied to AI risks

Научный концепт	Политический риск для Узбекистана
Маклюэн: «Внешний мозг» – Иллюзия компетентности	Чиновники или граждане переоценивают свои силы, делегируя решения ИИ – Эрозия экспертизы
Тоффлер: «Футурошок» – Скорость изменений	Регуляторы РУ не успевают за ИИ-инновациями – Правовой вакуум
Кастельс: Сетевая власть – Контроль данных	Зависимость от зарубежных платформ – Потеря технологического суверенитета
Постман: Триумф развлечений – Brain rot	Алгоритмический контент разрушает критическое мышление – Уязвимость к популизму

Источник: составлено автором по материалам [3–5; 8]
Source: compiled by the author based on materials from [3–5; 8]

Синтез выявленных рисков, основанный на рассмотренных теориях, демонстрирует их взаимоусиливающий характер. Порочный круг когнитивной зависимости (Маклюэн), где ИИ, как «внешний мозг», ослабляет критическое мышление («иллюзия компетентности»), создавая аудиторию, уязвимую к генерируемому им же манипулятивному контенту (brain rot, deepfake), снижает саму способность общества распознавать угрозы. Этот риск усугубляется институциональным отставанием (Тоффлер): скорость ИИ-развития («футурошок») создает высокую вероятность правового вакуума, при котором регуляторы Республики Узбекистан не успевают адаптировать нормы к новым вызовам, оставляя риски, описанные Маклюэном и Постманом, без адекватного ответа. Дополнительным фактором является угроза технологическому суверенитету (Кастельс): зависимость от зарубежных ИИ-платформ («сетевая власть») означает, что контроль над данными и алгоритмами находится вне юрисдикции Узбекистана, что потенциально ограничивает возможности страны в противодействии манипуляциям (deepfake) и защите от когнитивной деградации (brain rot). Наконец, эрозия публичной сферы (Постман), вызванная доминированием алгоритмического развлекательного контента (brain rot) и усиленная эффектами «иллюзии компетентности» (Маклюэн), напрямую повышает уязвимость общества к упрощенным популистским нарративам, подрывая основы рационального политического диалога.

Таким образом, эффективность государственной политики Республики Узбекистан по противодействию этому комплексу взаимосвязанных рисков напрямую зависит от способности законодательства и институтов адаптироваться к скорости изменений (преодолевая «футурошок» Тоффлера), обеспечивать технологический суверенитет (вопреки вызовам «сетевой власти» Кастельса) и защищать когнитивные способности граждан от деградации (нивелируя эффекты Маклюэна и Постмана). Далее будет проанализировано, насколько текущее законодательство Узбекистана в сфере ИИ соответствует этим вызовам в сравнении с законодательством соседних стран.

Результаты исследования

Сравнительный анализ нормативно-правовых баз РФ, РК и РУ по семи ключевым критериям регулирования ИИ, разработанным автором, выявил существенные различия в подходах и значительные пробелы в системе Узбекистана. Основные результаты структурированы в соответствии с методологическими критериями (Таблица 2).

Таблица 2. Сравнительный анализ подходов к регулированию ИИ в РФ, РК и РУ
Table 2. Comparative analysis of approaches to AI regulation in the Russian Federation, Kazakhstan and the Republic of Uzbekistan

Критерий	Республика Узбекистан (РУ)	Республика Казахстан (РК)	Российская Федерация (РФ)
K1. Структура регулирования	Отсутствие базового закона. Регулирование через поправки в Законы «Об информатизации», «Об электронном правительстве» ¹² и Стратегию до 2030 г. ¹³	В первом чтении принят специальный Закон «Об искусственном интеллекте» (2025) ¹⁴ с четкой архитектурой норм	Указ Президента № 490 (2019) + Национальный Закон «Об искусственном интеллекте на стадии разработки» (2025) ¹⁶
K2. Этические принципы	Отсутствуют. Стратегия ¹⁷ упоминает «общечеловеческие ценности» без расшифровки применительно к ИИ	Закреплены 7 принципов: человекоцентричность, прозрачность, безопасность, конфиденциальность, инклюзивность, подотчетность, устойчивость ¹⁸	Этические нормы включены в Национальную стратегию ¹⁹ . «Доверенный ИИ», приоритет человека, недискриминация
K3. Запрещенные применения	Нет прямых запретов. Не регулируются деерфейк, системы социального рейтинга, автономное оружие	Четкий запрет: манипуляции сознанием (вкл. деерфейк без маркировки), социальный рейтинг, оценка поведения, автономное оружие ²⁰	Запрет на использование ИИ для угроз безопасности (Стратегия ²¹). Госдума рассматривает поправки о деерфейке ²²
K4. Управление рисками	Нет требований к оценке рисков ИИ-систем. Не созданы механизмы контроля	Обязательная оценка рисков на всех этапах жизненного цикла ИИ. Сертификация систем «высокого риска» ²³	Создание Центра развития ИИ (2025) для координации оценки рисков. Требования к «критическим» ИИ-системам в Стратегии ²⁴
K5. Инфраструктура	Отсутствует национальная платформа, песочницы, механизмы доступа к госданным для разработчиков	Запущена Национальная платформа ИИ (QazaI) с открытыми библиотеками данных, API и тестовой средой ²⁵	Развертывание Единой платформы данных в рамках реализации Указа Президента РФ ²⁶
K6. Ответственность	Не разграничена. Нет специальных норм об ответственности за вред от ИИ-решений	Четкое разделение: разработчик → оператор → пользователь. Гражданско-правовая ответственность за дискриминационные / вредоносные решения ²⁷	Регулируется общими нормами ГК РФ. Законопроект об искусственном интеллекте (2025) ²⁸ вводит понятие «оператор ИИ» и его ответственность
K7. Господдержка	Декларативные положения Стратегии ²⁹ . Нет механизмов финансирования, налоговых льгот, грантов	Фонд QazTech Ventures, налоговые каникулы для ИИ-стартапов, гранты на исследования, льготные кредиты ³⁰	Бюджет на исследования (2025), субсидии компаниям, акселераторы в рамках реализации Указа Президента РФ ³¹

Источники: составлено автором
Source: compiled by the author

12 О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с совершенствованием законодательства в сфере обеспечения кибербезопасности: Закон Республики Узбекистан от 20.09.2024 № 390-964 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/7108725>.

13 Об утверждении Стратегии развития искусственного интеллекта в Республике Узбекистан на период до 2030 года: Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-123 от 01.10.2024 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/7158606>.

14 Об искусственном интеллекте: проект Закона Республики Казахстан (январь 2025 г.) // Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34868071.

15 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/.

16 Авторы законопроекта об искусственном интеллекте пояснили суть инициативы // РБК, 2025. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/04/2025/67fe02d89a79472cf8ca1af4.

17 Там же.

18 Об искусственном интеллекте: проект Закона Республики Казахстан (январь 2025 г.) // Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34868071.

19 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/.

20 Об искусственном интеллекте: проект Закона Республики Казахстан (январь 2025 г.) // Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34868071.

21 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/.

22 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности): законопроект № 718538-8 (16.09.2024 – 14.10.2024) // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8>.

23 Об искусственном интеллекте: проект Закона Республики Казахстан (январь 2025 г.) // Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34868071.

24 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/.

25 Об искусственном интеллекте: проект Закона Республики Казахстан (январь 2025 г.) // Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34868071.

26 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/.

27 Об искусственном интеллекте: проект Закона Республики Казахстан (январь 2025 г.) // Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34868071.

28 Авторы законопроекта об искусственном интеллекте пояснили суть инициативы // РБК, 2025. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/15/04/2025/67fe02d89a79472cf8ca1af4.

29 Об утверждении Стратегии развития искусственного интеллекта в Республике Узбекистан на период до 2030 года: Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-123 от 01.10.2024 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/7158606>.

30 Об искусственном интеллекте: проект Закона Республики Казахстан (январь 2025 г.) // Zakon.kz. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34868071.

31 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/.

Ключевые выводы по критериям:

- Правовая неопределенность (K1). Узбекистан – единственная из трех стран без специализированного закона или его проекта. Регулирование фрагментарно, что создает правовой вакуум для разработчиков и пользователей. РК демонстрирует наиболее продвинутое законодательную базу.

- Этические аспекты (K2). Отсутствие этических принципов ИИ в РУ контрастирует с детально проработанными нормами РК и РФ. Это повышает риски дискриминационных решений в госсекторе.

- Уязвимость к манипуляциям (K3). Неспособность РУ противодействовать deepfake (из-за отсутствия запретов и требований к маркировке) создает критический риск политических провокаций. РК устанавливает здесь «золотой стандарт».

- Слепое внедрение (K4). Отсутствие оценки рисков в РУ повышает вероятность внедрения опасных ИИ-систем в госуправлении, ведущего к техногенным авариям или утечкам данных. Механизмы РК и РФ обеспечивают контроль.

- Технологическая зависимость (K5). Отсутствие инфраструктуры в РУ усиливает зависимость от зарубежных платформ, создавая угрозу утраты технологического суверенитета в сфере ИИ. РК и РФ активно развивают национальные аналоги.

- Безнаказанность (K6). Неразграниченная ответственность в РУ делает невозможным привлечение виновных к ответу за вред от ИИ-решений (например, дискриминация при оказании госуслуг). РК предлагает четкую модель.

- Утечка кадров (K7). Декларативность поддержки в РУ при активных мерах РК и РФ создает высокий риск оттока специалистов и стартапов за рубеж.

Обсуждение

Политические риски регуляторных пробелов Узбекистана

Сравнительный анализ выявил системные недостатки регулирования ИИ в РУ. Ниже обсуждается, как эти пробелы (в контексте медиаэкологической теории Маклюэна и современных вызовов) формируют конкретные угрозы политической стабильности, суверенитету и доверию населения к государственным институтам.

Риск массовых манипуляций и дестабилизации

Отсутствие этических принципов (K2) и прямых запретов на использование deepfake в политических целях (K3) создает в РУ опасный правовой вакуум. В условиях растущего распространения brain rot-контента, снижающего критическое мышление населения, синтетические медиа (deepfake) становятся идеальным инструментом для:

- фальсификации выступлений политиков (пример: поддельное видео президента / министров с провокационными заявлениями, особенно в периоды выборных кампаний);

- разжигания межэтнической / межрегиональной розни (пример: фейковые видео «нападений» на фоне напряженности);

- подрыва легитимности выборов (пример: «доказательства» фальсификаций от ИИ-ботов).

Как показывает опыт США (кейс Пелоси³²), даже единичный инцидент может спровоцировать волну насилия. Для РУ, где медиаэкосистема уязвима, а население активно пользуется соцсетями, отсутствие механизмов блокировки и маркировки deepfake (как в РК) является непосредственной угрозой национальной безопасности. Концепция Маклюэна о медиа как «внешних расширениях», искажающих реальность [4], здесь реализуется в наиболее опасной форме.

Утрата цифрового суверенитета и технологическое отставание

Зависимость от иностранных ИИ-платформ из-за отсутствия национальной инфраструктуры (K5) и отток ИИ-кадров / стартапов зарубеж из-за декларативной поддержки (K7) ведут к утрате суверенитета:

- технологического; данные граждан и госорганов РУ обрабатываются на зарубежных серверах, подчиняясь чужим юрисдикциям (напр., законам США / ЕС);

- интеллектуального; разработка критически важных ИИ-решений (для госуправления, безопасности) зависит от иностранных компаний или уехавших специалистов.

Вместо усиления когнитивного суверенитета РУ рискует стать потребителем чужих, потенциально враждебных «когнитивных расширений». Опыт Казахстана (нацплатформа QazAI) и России (Единая платформа данных) демонстрирует путь к технологической независимости, закрытый для РУ из-за пробелов в K5 и K7.

Эрозия институционального доверия и «правовой беспредел»

Внедрение ИИ в госсектор без оценки рисков (K4) и при неразграниченной ответственности (K6) чревато:

- дискриминационными решениями алгоритмов (напр., при назначении пособий, одобрении кредитов), что вызовет волну недовольства и судебных исков;

- техногенными сбоями (напр., коллапс системы «электронного правительства» из-за ошибки ИИ), подрывающими доверие к цифровизации;

- безнаказанностью разработчиков / операторов за вредоносные ИИ-действия.

Феномен «иллюзии компетентности» усугубляет риск: чиновники, переоценивающие свои навыки работы с ИИ, будут некритично доверять алгоритмам. В отличие от РК, где закон четко распределяет ответственность, правовой вакуум РУ превращает ИИ в «черный ящик», ошибки которого исправить невозможно. Это непосредственно угрожает социальной стабильности и репутации государственных институтов.

32 Fact Check: Video features deepfakes of Nancy Pelosi, Alexandria Ocasio-Cortez and Joe Biden // Reuters, 2023. URL: <https://www.reuters.com/article/fact-check>.

Взаимосвязь рисков

Выявленные регуляторные пробелы образуют систему взаимно усиливающих рисков, где игнорирование одного компонента катализирует кризис в смежных сферах:

- нерегулируемые deepfake (K3) в условиях массовой когнитивной уязвимости (brain rot) создают идеальную среду для фальсификации политической реальности, провоцируя социальные взрывы;
- отсутствие национальной инфраструктуры (K5) на фоне оттока кадров (K7) консервирует технологическую зависимость, передавая контроль над данными и алгоритмами внешним игрокам;
- «слепое» внедрение ИИ в госсектор (K4) при правовой безнаказанности (K6) усугубляется «иллюзией компетентности» чиновников, превращая алгоритмы в инструмент институциональной дискредитации.

Эта триада рисков формирует порочный круг: технологическая зависимость ограничивает возможности противодействия deepfake, а эрозия доверия к институтам снижает способность общества распознавать манипуляции, усиливая когнитивную уязвимость.

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует, что фрагментарное регулирование искусственного интеллекта в Республике Узбекистан формирует системные угрозы политической стабильности, технологическому суверенитету и социальному доверию. Сравнительный анализ с опытом РФ и РК выявил критические пробелы: отсутствие базового закона об ИИ, этических принципов, запретов на манипулятивные технологии (deepfake), механизмов оценки рисков и ответственности, а также национальной инфраструктуры. Эти пробелы создают благоприятную среду для реализации ключевых рисков, теоретически предсказанных в рамках медиаэкологической парадигмы Маклюэна и развитых футурологами.

Нерегулируемое распространение синтетических медиа (K3) в условиях когнитивной уязвимости населения («brain rot») превращает ИИ в инструмент политической дестабилизации. Технологическая зависимость от зарубежных платформ (K5) и отток кадров (K7) подрывают цифровой суверенитет, переводя Узбекистан в позицию потребителя враждебных «когнитивных расширений». Одновременно «слепое» внедрение ИИ в госсектор (K4) при правовой безнаказанности (K6) усугубляется «иллюзией компетентности» чиновников, приводя к эрозии институционального доверия.

Взаимосвязь этих рисков образует порочный круг: технологическое отставание ограничивает возможности противодействия deepfake, эрозия доверия снижает резистентность к манипуляциям, а когнитивная деградация усиливает восприимчивость к популизму. В контексте теории Маклюэна ИИ, как «внешний

мозг», не только генерирует угрозы, но и ослабляет способность общества к их распознаванию, реализуя предупреждение Тоффлера о «футурошоке» – стремительном отставании институтов от технологий.

Таким образом, сохранение регуляторного статус-кво в РУ создает кумулятивную угрозу: технологии, призванные служить развитию, превращаются в фактор системной уязвимости. Преодоление этого сценария требует не декларативных мер, а конвертации теоретических императивов в правовые решения, как это продемонстрировали соседние государства. Будущее политической стабильности Узбекистана зависит от способности трансформировать осознание рисков в эффективную архитектуру технологического суверенитета.

Список литературы

1. Виноградова Е.А. Потенциальные угрозы несанкционированного использования политических дипфейков в период политических выборов: международный опыт [Potential Threats of Unauthorized Use of Political Deepfakes during Political Elections: International Experience] // Мировая политика. 2024. № 3. С. 44–60. URL: <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2024.3.71519>. EDN: KNTVCO. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71519.
2. Grgić-Hlača N. et al. Knowing About Knowing: An Illusion of Human Competence Can Hinder Appropriate Reliance on AI Systems // Proceedings of the ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. 2024. P. 1–15. URL: <https://doi.org/10.1145/3544548.3581025>.
3. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Oxford: Blackwell, 2000. 608 p.
4. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. New York: McGraw-Hill, 1964.
5. Postman N. Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business. New York: Penguin Books, 1985. 184 p.
6. Rădulescu B.-G. The Threat of Algorithmic Populism: Intelligence Strategies for Safeguarding Democracy // Intelligence Info 2025. Vol. 8(1). P. 33–49. URL: <https://www.intelligenceinfo.org/the-threat-of-algorithmic-populism-intelligence-strategies-for-safeguarding-democracy/>.
7. The Political Economy of Attention // Annual Review of Anthropology. 2023. Vol. 52. P. 287–304. URL: <https://www.annualreviews.org/content/journals/10.1146/annurev-anthro-101819-110356>.
8. Toffler A. The Third Wave. New York: Bantam Books, 1980.
9. Yousef A.M.F., Alshamy A., Tlili A., Metwally A.H.S. Demystifying the New Dilemma of Brain Rot in the Digital Era: A Review // Brain Sci. 2025. № 15. P. 283. URL: <https://doi.org/10.3390/brainsci15030283>.

Информация об авторе

ВАСИЛЕНКО Антон Владимирович. Независимый исследователь. <https://orcid.org/0009-0004-7575-838>. Адрес: Российская Федерация, г. Москва. anton.vasilenko25@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 11 июля 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Vinogradova E.A. Potential Threats of Unauthorized Use of Political Deepfakes during Political Elections: International Experience. *Mirovaya Politika* [World Politics], 2024; 3:44–60 [In Russian]. <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2024.3.71519>. EDN: KNTVCO. Available from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71519.
2. Grgić-Hlača N. et al. Knowing About Knowing: An Illusion of Human Competence Can Hinder Appropriate Reliance on AI Systems. *Proceedings of the ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*. 2024:1–15 [In English]. <https://doi.org/10.1145/3544548.3581025>.
3. Castells M. *The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Oxford: Blackwell, 2000. 608 p. [In English].
4. McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. New York: McGraw-Hill, 1964 [In English].
5. Postman N. *Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business*. New York: Penguin Books, 1985 [In English].
6. Rădulescu B.-G. The Threat of Algorithmic Populism: Intelligence Strategies for Safeguarding Democracy. *Intelligence Info* 2025; 8(1):33–49 [In English]. Available from: <https://www.intelligenceinfo.org/the-threat-of-algorithmic-populism-intelligence-strategies-for-safeguarding-democracy/>.
7. The Political Economy of Attention. *Annual Review of Anthropology*. 2023; 52:287–304 [In English] Available from: <https://www.annualreviews.org/content/journals/10.1146/annurev-anthro-101819-110356>.
8. Toffler A. *The Third Wave*. New York: Bantam Books, 1980 [In English].
9. Yousef A.M.F., Alshamy A., Tlili A., Metwally A.H.S. Demystifying the New Dilemma of Brain Rot in the Digital Era: A Review. *Brain Sci*. 2025; 15:283 [In English]. <https://doi.org/10.3390/brainsci15030283>.

About the author

Anton V. VASILENKO. Independent Researcher. <https://orcid.org/0009-0004-7575-838>. Address: Moscow, Russian Federation. anton.vasilenko25@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: July 11, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

POWER, POLITICS, STATE

Political institutions, processes and technologies

Научная статья

Политические науки

УДК 321.01

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-239-254](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-239-254)

Генезис научных представлений о военно-гражданских отношениях до XX в.

Ильяс Хасымович Салаватов✉

Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской
Федерации, Москва, Россия
il.salavatov@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8602-2816>

Аннотация. Статья представляет собой комплексное исследование исторической эволюции военно-гражданских отношений сквозь призму теоретических концепций и идей, сформировавшихся до начала XX в. В работе рассматриваются воззрения мыслителей Античности, Средневековья, эпохи Возрождения и Нового времени относительно формирования военных институтов, принципов рекрутирования, динамики взаимоотношений между военными и гражданскими структурами, а также вопросов разграничения полномочий между военным и политическим руководством, участия военных в государственных переворотах и их взаимодействия с религиозными институтами. Методологической основой исследования является междисциплинарный подход, интегрирующий элементы политической философии, истории военного дела, социологии и культурологии. В рамках данного подхода проводится сравнительный анализ теоретических концепций различных исторических эпох, что позволяет выявить преемственность и трансформацию ключевых идей в контексте изменяющихся социально-политических условий. Результаты исследования демонстрируют высокую значимость обращения к историческому опыту для глубокого понимания современных трансформаций в области военно-гражданских отношений. В частности, анализ античных и средневековых источников позволяет осмыслить генезис концепций гражданского контроля над армией, а также механизмы легитимации военной власти. Эпоха Возрождения и Нового времени, в свою очередь, раскрывает эволюцию идей о профессионализации

армии, роли военного лидерства в политической жизни и влиянии религиозных институтов на военную организацию. Особое внимание уделяется вопросам взаимодействия военных и гражданских структур в условиях политических кризисов и нестабильности. Исследование показывает, что исторические прецеденты участия военных в государственных переворотах не только подтверждают их потенциальную роль как политической силы, но и выявляют сложные механизмы взаимодействия с гражданским обществом и политическими элитами.

Ключевые слова: военно-гражданские отношения, военные институты, военные перевороты, частные военные компании, рекрутирование

Для цитирования: Салаватов И.Х. Генезис научных представлений о военно-гражданских отношениях до XX в. // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 239-254, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-239-254](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-239-254)

Original Article

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-239-254](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-239-254)

The Genesis of Scientific Ideas About Military-Civil Relations Before the 20th Century

Ilyas Kh. Salavatov✉

MGIMO University, Moscow, Russia

il.salavatov@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8602-2816>

Abstract. The article is a comprehensive study of the historical evolution of civil-military relations through the prism of theoretical concepts and ideas formed before the beginning of the 20th century. The work examines the views of thinkers of antiquity, the Middle Ages, the Renaissance and Modern times regarding the formation of military institutions, the principles of recruitment, the dynamics of relations between military and civilian structures, as well as issues of the division of powers between military and political leadership, military participation in coups and their interaction with religious institutions. The methodological basis of the research is an interdisciplinary approach that integrates elements of political philosophy, military history, sociology and cultural studies. Within the framework of this approach, a comparative analysis of theoretical concepts from different historical eras is carried out, which makes it possible to identify the continuity and transformation of key ideas in the context of changing socio-political conditions. The results of the study demonstrate the high importance of referring to historical experience for a deep understanding of modern transformations in the field of civil-military relations. In particular, the analysis of ancient and medieval sources makes it possible to comprehend the genesis of the concepts of civilian control over the army, as well as the mechanisms of legitimization of military power. The Renaissance and Modern Times, in turn, reveal the evolution of ideas about the professionalization of the army, the role of military leadership in political life, and the influence of religious institutions on military organization. Special attention is paid to the issues of interaction between military and civilian structures in

the context of political crises and instability. The study shows that historical precedents of military involvement in coups not only confirm their potential role as a political force, but also reveal complex mechanisms of interaction with civil society and political elites.

Keywords: civil-military relations, military institutions, military coups, private military companies, recruitment

For citation: Salavatov I.Kh. The Genesis of Scientific Ideas About Military-Civil Relations Before the 20th Century. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 4(18): 239-254. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-239-254](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-239-254)

Введение

В настоящее время в научной литературе не существует общепринятого определения военно-гражданских отношений, однако в наиболее широком смысле их можно охарактеризовать как отношения, возникающие между военными институтами и обществом в целом, государственными органами и политиками [9].

Академическая теория военно-гражданских отношений сформировалась в XX в. в США, когда усложнение отношений и связанных с ними проблем привело к необходимости их детального изучения: после Второй мировой войны и в ходе холодной войны значительно увеличилось количество профессиональных военнослужащих, произошло активное развитие и усложнение военных институтов, а также возникла необходимость анализа процессов, происходящих в Советском Союзе. Теоретические основы исследования данной темы были заложены в работах С.Хантингтона «Солдат и государство» (1957) [16] и М.Яновица «Профессиональный солдат» (1960) [17]. Данное направление активно развивается, поскольку тема предоставляет широкое поле для исследований из-за динамичных изменений в военной сфере и обществе. Работы современных авторов направлены на изучение обширного круга вопросов военно-гражданских отношений: военные перевороты, политический контроль над военными, сотрудничество между военными и гражданскими институтами [9], различные аспекты взаимодействия в отдельных областях [7; 11] и т.д.

Полноценно дихотомия «военный» – «гражданский» сформировалась в дискурсе только приблизительно в XVIII в., когда слово «гражданский» стали использовать в его современном значении как «невоенный» (ранее оно использовалось для обозначения вопросов, связанных с гражданским правом)¹; также в это время начали закладываться основы права войны, и возникла необходимость разделять комбатантов и некомбатантов. Тем не менее те или иные вопросы, касающиеся военно-гражданских отношений, рассматривались мыслителями на протяжении всей истории, хотя и достаточно фрагментарно, поскольку их работы были направлены на изучение более широких вопросов, например, военной стратегии, государственного устройства или вопросов справедливой войны. Поэтому современные авторы, как правило, уделяют больше внимания изучению более проработанной современной теории военно-

1 Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/civilian>.

гражданских отношений, а идеи мыслителей других эпох упоминают вскользь. Вместе с этим существуют теории, предполагающие возврат общества к определенным практикам, характерным для государств, существовавших в эпохи до модерна [10], в том числе в контексте отдельных аспектов военно-гражданских отношений [24], для анализа и понимания которых важно изучить существовавшие в то время теоретические подходы. Таким образом, для более широкого раскрытия происходящих процессов следует углубиться в историю вопроса и обратиться к текстам ранних авторов.

Материалы и методы

В качестве источников использованы работы по политологии и философии, написанные до XX в., в которых имеются упоминания вопросов отношений между военными и гражданскими на институциональном или индивидуальном уровне. Такой выбор накладывает определенные ограничения – так, исключение работ историков не позволяет детально описать исторический контекст, соответствующий периоду, в котором работал тот или иной исследователь. Также отказ от использования в качестве источников религиозных текстов, которым приписывается божественное происхождение, несколько ограничивает область исследования, поскольку многие элементы военно-гражданских отношений, например, исламской или иудейской цивилизаций, строятся именно на таких текстах. Еще одной методологической проблемой является то, что рассматриваемые авторы использовали терминологию, отличающуюся от современной (и в отдельных случаях, например, слово «воин» может иметь несовпадающие смыслы в разных культурах и исторических контекстах), поэтому в работе делаются определенные допущения с целью обобщения рассматриваемых феноменов.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы обобщить и систематизировать идеи авторов, работавших в период до XX в., которые высказывались по теме военно-гражданских отношений, для последующего использования этой теоретической базы в исследованиях. Основными задачами работы являются: выделить основные темы, касающиеся отношений между военными и гражданскими на институциональном и индивидуальном уровнях; определить и сравнить позиции авторов, высказавшихся по теме; оценить применимость рассмотренных теорий в современных политических исследованиях.

Результаты исследования

Ключевые темы дискуссий

Одним из наиболее важных вопросов в рамках рассматриваемой темы являются принципы формирования военных институтов и рекрутирования военных, поскольку для появления военно-гражданских отношений было необходимо в

первую очередь возникновение военных как класса или касты, то есть группы людей с особыми интересами и ценностями, для которых военное дело стало профессией. Также здесь важно понимать, какое отношение к военному делу имеют простые граждане: должны ли они служить в армии и если да, то как долго и какие связи у них формируются с армией? Первые регулярные армии возникли еще в Месопотамии в IX в. до н.э. [35, р. 115], а еще раньше в Древней Индии сформировалась варно-кастовая система, предполагавшая наличие людей, профессионально занимающихся военным делом [29]. Стоит отметить довольно гибкий подход к набору на службу в Древней Индии – несмотря на то, что, как правило, приоритет отдавался кшатриям (Камандаки [19], Ману [23]), Чанакья допускал использование в качестве воинов и представителей каст торговцев и ремесленников, отмечая, что при должной подготовке они не уступают в бою кшатриям [21]. В античном же мире была распространена концепция гражданина-воина, то есть военное дело не было отдельной профессией, а было долгом каждого гражданина, и армия фактически представляла собой ополчение под руководством полководцев из аристократии, для которых военная карьера была вторичной по отношению к политической [31]. На этом фоне выделяется труд Платона «Государство», в котором он в размышлениях об идеальном государстве отмечает необходимость наличия отдельного сословия «стражей», которые должны по природе обладать определенными качествами, а также рассуждает об особой системе воспитания для таких «стражей» [5]. Нельзя сказать, что данные идеи являются инновационными для античного общества, поскольку, по словам Плутарха, определенное внимание идее разделения воинов от людей, занимающихся физическим трудом, уделял еще Ликург после посещения Египта, где он увидел такую систему [28], однако новизна в работе Платона заключается во встраивании данной концепции в модель государственного устройства, а также в идее создания системы военного образования. Тем не менее эти идеи Платона не были в полной мере реализованы на практике вплоть до XVII–XVIII вв., когда начали возникать первые военные академии². Примечательно, что античная концепция граждан-воинов нашла широкий отклик в работах мыслителей более поздних эпох. Так, Макиавелли говорит о предпочтительности использования граждан-ополченцев в сравнении с наемниками, поскольку считал, что последние нестойки и склонны к измене [3], а Монтескье видит в Римской республике идеал общества, отмечая то, что в ней удалось осуществить синтез аристократических военных ценностей и ценностей патриотичных граждан [26]. Несколько иначе на проблему смотрит Гоббс – хотя его концепция общественного договора предполагает обязанность подданных воевать за государство, в ней также признается неотчуждаемое право на самозащиту, которая в условиях боя может выражаться в форме бегства. Поэтому он предлагает по-разному относиться к тем, кто стал солдатом по собственной воле, и к тем, кому было приказано

2 Academia Militaire di Moderna. URL: <http://www.esercito.difesa.it/en/organization/The-Chief-of-General-Staff-of-the-Army/Training-Specialization-and-Doctrine-Command/Training-Command-and-Application-School-of-the-Army/Military-Academy/Pagine/History-and-traditions.aspx>.

сражаться. Так, Гоббс допускает в отдельных случаях возможность освобождения от воинской обязанности тех, кто предоставил более сильного солдата (наемника) вместо себя или тех, кто заведомо слаб духом. Однако те подданные, которые поступили на службу добровольно или взяли задаток, имеют право бежать только по разрешению своего начальника [1, с. 159]. Таким образом, у Гоббса формируется идея о возможности совмещения использования наемников и ополченцев. Кант же, напротив, выступал за отказ от профессиональных армий в пользу ополчения из граждан, поскольку считал, что использование людей как машин для убийства за деньги нарушает индивидуальные права человека [20, р. 111]. Примерно в то же время возникают и начинают внедряться идеи о системе всеобщего призыва [32] и создаются первые военные учебные заведения (а также гражданские, с изучением предметов, связанных с военным делом) [37], что приводит к формированию профессиональных военных как самостоятельного класса, а не части аристократических элит. В дальнейшем именно растущая политическая значимость этой группы и приведет к возникновению интереса к исследованию военно-гражданских отношений политологами XX в. Вместе с этим на фоне становления индустриального капитализма Маркс проводит параллели между капиталистическим управлением и современной ему армией: он говорит о промышленных офицерах и унтер-офицерах, которые требуются для управления массой рабочих [4]. Таким образом, он видит в системе организации армии отражение существующего способа производства. При этом Маркс, как и Энгельс, критически относится к регулярным армиям, поскольку считает, что вооруженное ополчение из рабочих способно к более эффективной мобилизации по сравнению с регулярными войсками. Кроме того, некоторые исследователи полагают, что Маркс видит в качестве основного источника кадров для вооруженных сил так называемую «резервную армию рабочих» [12, р. 135] – молодых безработных, сельских жителей и люмпен-пролетариата [4, с. 106]. Достаточно глубоко в исследуемый вопрос погружается Алексис де Токвиль и формирует собственную теорию, проводя сравнительный анализ военной службы в демократических и аристократических государствах. Он утверждает, что в демократических государствах широко практикуется призывная служба и ее бремя равномерно ложится на все общество, что приводит к тому, что почти все граждане проходят через военную службу, но мало кто выбирает военную профессию, в отличие от аристократических государств, где солдат добровольно или по принуждению поступает на службу на всю жизнь. Де Токвиль полагает, что рядовые солдаты демократических стран максимально приближены к гражданскому населению и разделяют с ним общие ценности, в то время как солдаты аристократических стран теряют связь со своими согражданами и становятся для них чужаками, а офицеры, наоборот, поддерживают тесные отношения с гражданским обществом. Он также отдельно выделяет особый класс унтер-офицеров, который в аристократических странах мало отличим от простых солдат, поскольку у унтер-офицеров нет возможности дослужиться до офицерского звания, но в демократических странах обретает политическую субъектность, поскольку имеет собственные интересы и устремления [36].

Вторым субъектом рассматриваемых отношений являются «гражданские», то есть «не военные», которые могут быть для военных согражданами или жителями других стран. Если с первыми так или иначе военные находятся в постоянном взаимодействии, то со вторыми они сталкиваются в ходе войн. Следовательно, возникает вопрос о том, кого можно считать некомбатантами, а кого – полноценными участниками войны и как к ним следует относиться в ходе боевых действий. Этому вопросу внимание уделяться начало достаточно поздно, и до сих пор он вызывает много противоречий. Поздние исследователи даже отмечают, что Аврелий Августин, который, следуя христианской этике, должен был бы выступать за защиту невинных жертв войны, мог сознательно избегать эту тему, и предлагают ряд возможных объяснений. Например, тем, что он считал, что в несправедливом государстве, против которого ведется война, не может быть невинных граждан [15], или его предпочтением этики добродетелей этике принципов (к которым относилась бы защита некомбатантов) [22, р. 32]. Поэтому одним из первых авторов, кто уделил внимание этой теме, можно считать исламского мыслителя Мухаммад аш-Шайбани. В его работах мир делится на две части: «Дом Мира» (мусульманские территории) и «Дом Войны» (территории, неподконтрольные халифату). Он также делит на группы население «Дома Мира»; оно состоит из: мусульман, которые должны откликнуться на призыв взять в руки оружие; защищаемых людей – немусульман, которые платят налог правителю; повстанцев – мятежных мусульман, несогласных с властью халифа, которых нужно по возможности вернуть к праведной жизни; разбойников и вероотступников, которых нужно призвать к покаянию или наказать. Внутри каждой из этих групп он выделял некомбатантов – женщин, детей, стариков и инвалидов, кроме тех, кто взял в руки оружие. Аш-Шайбани описывал правила отношения к тем или иным группам, в зависимости от того, на территории какого из «Домов» велась война. Также он затрагивал тему сопутствующего ущерба и считал допустимым непреднамеренное убийство некомбатантов, если основной целью выступали комбатанты [27, р. 8]. В дальнейшем возвращение внимания к данной теме произошло в эпоху Просвещения, и современное международное право войны во многом основывается на идеях Руссо, который, развивая теорию общественного договора, утверждал, что декларация войны не оправдывает убийство людей, не являющихся солдатами, а является предупреждением гражданам страны, что если они возьмут в руки оружие, то будут считаться комбатантами. Допустимо и обратное: если солдат сложил оружие, то он также не считается комбатантом [30].

Значительное внимание уделялось вопросу угрозы участия военных в государственных переворотах и возможности измены правителю в трактатах индийских авторов. Чанакья отмечает риск восстания армии наравне с возможностью переворота, который могут организовать вельможи или жрецы. С учетом отсутствия жесткой монополии на насилие в Древней Индии он подробно рассматривает механизмы по обеспечению контроля над группами, имеющими военный потенциал: он призывает правителей быть бдительными к кланам воинственных земледельцев, поскольку из-за брачных союзов они могут объединиться против правителя.

Также он предлагает принимать лесные вооруженные племена в состав армии, но не ради боевых качеств, а ради обеспечения контроля над этими племенами. В самой же армии он рекомендует не давать полный контроль над войском главному военачальнику, а иметь отдельные контингенты, которые ему не подчиняются, чтобы при необходимости пресечь попытку переворота. Чанакья пишет и об использовании шпионов для наблюдения не только за границей, но и внутри страны, что можно считать прообразом современных спецслужб [21]. Камандаки уделяет этой теме несколько меньше внимания и говорит о предпочтительности выбора воинов из семей лояльных на протяжении поколений, а также о необходимости обеспечения должного уровня денежного довольствия во избежание подкупа воинов противников [19]. Данная тема также упоминается в работах древнеримского историка и мыслителя Тацита, где он рассматривает участие римских легионеров в гражданских войнах и солдатских бунтах. В первом случае солдаты просто следовали за своими генералами, а во втором Тацит пишет, что при снижении уровня дисциплины и наличии зачинщиков войска теряют управляемость и восстают [18]. Таким образом, он не рассматривает солдат как самостоятельную политическую силу, а скорее он видит в них толпу, либо которой правят низменные желания, либо которая оказывается под контролем тех или иных политических сил. Можно считать, что такое положение дел сохранялось долгое время, поскольку военные не обладали выраженной субъектностью, а выступали в роли инструмента политических элит, поэтому проблема военных переворотов начинает широко раскрываться только в работах авторов XIX–XX вв., а ранее ей не уделялось значительного внимания. С философской точки зрения отправной точкой обретения политической субъектности военными можно считать выступление Дж.Р.Скотта, в котором он призвал военных выступить проводниками социальной справедливости во благо слабых, угнетенных и презираемых [33], таким образом связав идею справедливости с идеей воинского долга, а объяснение возникновения этой субъектности можно найти в исследованиях Алексиса де Токвиля, который, развивая идею об отличиях военных в демократических и аристократических государствах, рассматривал их военную социальную структуру. Армии аристократических государств, по Токвилю, имеют низкий протестный потенциал, поскольку офицеры консервативны, тесно связаны с гражданским обществом и рассчитывают после непродолжительной службы в молодости перейти в зрелом возрасте к гражданской жизни без утраты социального статуса, а рядовые солдаты из низших сословий полностью подчиняются офицерам из-за огромного разрыва в уровне образования и финансовом и социальном положении. Токвиль теоретизирует, что протестным потенциалом могли бы обладать офицеры демократических государств, которые теряют связь с обществом и привержены интересам армии, однако отвергает эту идею, аргументируя это тем, что офицерами в таких странах становятся люди из низших классов, добившиеся чина своими заслугами, которые ценят свои достижения и боятся их потерять. Поэтому Токвиль считает высшее командование демократических армий группой, наименее склонной к революциям. Простые же солдаты в таких армиях разделяют интересы

общества в целом и не успевают за короткий срок службы сформировать какие-либо групповые интересы. Исключением здесь являются унтер-офицеры демократических армий, в которых Токвиль видит максимальный протестный потенциал, поскольку они связали свою жизнь с армией, но, в отличие от офицеров, находятся в угнетенном положении и их единственной мечтой является получение офицерского звания, однако они никогда не уверены, смогут ли они его добиться. Поэтому Токвиль полагает, что эти люди стремятся к войне любой ценой, а если им не дают воевать, то они начинают выступать за революцию и пытаются сместить своих командиров и занять их места [36].

Еще одной важной темой военно-гражданских отношений является баланс полномочий между военной и гражданской элитой. Здесь стоит отметить работу древнекитайского теоретика Сунь Цзы, который рассматривал сферы ответственности правителя (политического лидера) и полководца в ходе ведения военных действий. Сунь Цзы относит к компетенциям правителя вопросы начала войны [6, с. 6] и вопросы снабжения вооруженных сил [6, с. 3]. При этом правитель должен также иметь определенные компетенции в области военного дела для понимания принципов ведения войны и во избежание совершения стратегических ошибок [6, с. 4]. Полководец же подчиняется приказам правителя, но обладает широкими полномочиями относительно выбора стратегии и тактики, причем Сунь Цзы считает, что полководец должен иметь право в отдельных случаях действовать вопреки приказам правителя, если они препятствуют достижению победы [6, с. 8, 11]. Таким образом, Сунь Цзы предлагает концепцию четкого разграничения функций гражданского и военного управления, при которой, несмотря на наличие иерархии, политическое и военное руководство занимается решением задач в рамках своих компетенций, а взаимодействие преимущественно сводится к координации по наиболее глобальным вопросам. В схожем ключе пишет Мориц Саксонский, который выступает за то, что военные командиры должны иметь свободу действий и в их дела не должны вмешиваться политики и чиновники [32]. Камандаки, напротив, считает, что военная стратегия должна полностью подчиняться воле правителя [19], а Чанакья предполагает активное участие правителя в военных делах: он должен регулярно проверять тренировки воинов и собственным примером демонстрировать им, что они вместе служат общему делу [21]. Клаузевиц в своей работе «О войне» исходит из идеи о том, что война всегда является продолжением политики, и считает, что споры между политическими и военными интересами могут представлять собой лишь недоразумения [2]. Однако его последователь Мольтке представил другую трактовку идей Клаузевица. По его мнению, политическое руководство страны должно принимать решение о начале войны и ее целях, но с момента начала войны и до начала мирных переговоров дела военные должны находиться в ведении генералов [13, р. 655].

В качестве отдельной подтемы можно выделить отношения между военными и религиозными институтами, причем она освещается преимущественно в произведениях христианских авторов. Если в других культурах военное дело

органично встраивалось в религиозную систему (в политеических религиях практически повсеместно присутствовали боги войны, в иудаизме имеются понятия «обязательных» (милхэмет хова) и «разрешенных войн» (милхэмет решут) [34, р. 298], а в исламе священная война (джихад) является одним из важных элементов религиозного учения), то ранние христианские теоретики столкнулись с проблемой необходимости обоснования допустимости военной службы. Раннее христианство предполагало отказ от насилия, из-за чего христиане избегали участия в войнах. Так, например, хотя святой Мартин Турский после принятия христианства два года прослужил в римской армии, но ушел со службы, когда появилась необходимость идти в бой [14]. Однако для сохранения позиций христианства и его дальнейшего распространения требовалось участие в войнах, поэтому уже в работах Аврелия Августина начинает формироваться близкая к другим авраамическим религиям идея о «справедливой войне», которая ведется по божественной воле. Августин пишет, что участие в такой войне не может быть грехом, потому что Бог не может требовать того, что неправильно [22]. Причем он идет дальше и заявляет о том, что не будет вины солдата, который будет участвовать в войне даже за «нечестивого правителя» или под началом «нечестивого командира», поскольку долгом солдата является послушание [8]. В схожем ключе пишет и Фома Аквинский, который призывает христиан видеть в физической справедливой войне божественную духовную цель. Он более подробно раскрывает эту тему и пишет об этике убийства в справедливой войне, используя аристотелевское учение о первоначалах: конечной причиной является мир, формальной причиной – власть, меч – это причина материальная, а солдат становится действующей причиной. Поэтому, исходя из этой иерархии, Аквинский при рассмотрении вопроса убийства на войне в большей степени концентрируется именно на правителях, а не солдатах, которые просто осуществляют их волю [25]. Фактически идеи этих авторов заложили основы отношений христианской церкви к военному делу, что в дальнейшем позволило организовывать крестовые походы и привело к возникновению духовно-рыцарских орденов.

Обсуждение

Рассмотренные материалы позволяют сделать определенные выводы о развитии военно-гражданских отношений и о ключевых подходах, использовавшихся мыслителями до XX в. Во-первых, очевидно, что военно-гражданские отношения динамичны и сильно зависят от культурного и исторического контекста. Во-вторых, многие из рассматриваемых вопросов не утратили актуальности на сегодняшний день, и их обсуждение продолжается в научной литературе. В-третьих, в более поздних работах можно увидеть влияние трансформаций в рамках перехода к обществу модерна (разделение труда и профессиональная специализация, исчезновение аристократии, бюрократический контроль и т.д.), что привело к возникновению ряда проблем, изучением которых занимается современная теория военно-гражданских отношений.

Определим, насколько рассмотренные идеи применимы к современным исследованиям. Если говорить о месте военных в структуре общества, то очевидными являются существенные изменения структуры общества и армии, произошедшие в XIX в. и описанные де Токвилем – авторы описывали отношения, характерные для государств с аристократической системой, поэтому во многом их идеи оказываются нерелевантными в современных условиях. Однако эти теории могут оказаться полезными для исследования государств с более консервативными политическими системами, например, монархий Персидского залива, где еще сохраняется класс аристократии, который играет значительную роль в вооруженных силах этих стран.

Проблема отношений с некомбатантами в ходе вооруженных конфликтов остается важной, однако можно считать, что она в значительной степени потеряла дискуссионность, т.к. современное международное гуманитарное право, основанное на идеях философов эпохи Просвещения, признается большинством акторов, и отход от этих норм трактуется однозначно негативно. Разумеется, на практике часто происходит отход от этих норм, но в рамках общественно-политического дискурса они перешли в разряд догматов, и в научной литературе уже ставится вопрос не о формате регулирования отношений между комбатантами и некомбатантами, а о способах реализации общепринятых принципов на практике. Таким образом, данное направление можно считать одним из немногих примеров, когда общественная дискуссия привела к формированию универсально признаваемых правил отношений.

При анализе вопроса военных переворотов интересным наблюдением является то, что им уделялось большое внимание в трактатах индийских авторов, но в других текстах он упоминается лишь вскользь, из чего можно сделать вывод о том, что риск военных переворотов обусловлен особенностями социально-политического устройства общества. С учетом обширной практики военных переворотов и установления военных диктатур в XX–XXI вв. научный и практический интерес имеют исследования причин и предпосылок таких явлений. Таким образом, в качестве перспективных тем исследования можно выделить поиск факторов, обеспечивающих низкий протестный потенциал военных в обществах до эпохи модерна, а также изучение опыта Древней Индии и поиск параллелей с современными государствами.

Несмотря на то, что в данной работе исследование взаимодействия военных и религиозных институтов сводится только к рассмотрению опыта христианской церкви из-за методологических ограничений, по рассмотренным материалам можно сделать вывод о значительном влиянии религиозных институтов на военно-политическую ситуацию. Подобные процессы можно наблюдать и сегодня, когда формируются религиозно-политические идеологии, подталкивающие к вооруженным конфликтам. Таким образом, на основе работ Аврелия Августина можно изучать формирование идеологии применения вооруженной силы, которая строится на религиозных текстах. Еще одним направлением исследований в рамках данного направления может стать анализ влияния религиозных институтов на боеспособность войск.

Вопрос разграничения полномочий между военным и политическим руководством также остается актуальным. Значительная часть современных исследований посвящена вопросу гражданского контроля над вооруженными силами, однако открытым остается вопрос о влиянии этого контроля на эффективность деятельности вооруженных сил и, как следствие, на национальную безопасность. Также с возникновением феномена частных военных компаний (ЧВК) возникают существенные усложнения существовавших ранее отношений. Если во времена Макиавелли наемники не имели существенного политического веса и речь шла только об эффективности их боевого применения, то сегодня руководство ЧВК имеет тесные связи с военными институтами, государственными органами, политическими элитами и руководством транснациональных корпораций, что делает такие компании актором во внутренней и международной политике.

Выводы

Подводя итоги данного исследования, можно отметить, что развитие военно-гражданских отношений является динамичным процессом, который тесно связан с развитием общества. Работы авторов ранних исторических периодов позволяют изучить генезис ключевых вопросов, связанных с возникновением военной службы как профессии, отношениями между военными и политическими институтами, угрозами военных переворотов и т.д. Данное исследование показывает, что к началу XX в. произошли существенные изменения в военно-гражданских отношениях и постепенное накопление проблем в этой сфере, что привело к возникновению необходимости более детального анализа данной вопроса и дало импульс научным исследованиям, начавшимся в середине XX в. С учетом того, что в настоящее время военно-гражданские отношения также претерпевают существенные трансформации, а отдельные феномены не являются типичными для государств эпохи модерна (например, деятельность негосударственных военных акторов, усиление роли религиозных институтов и т.д.), но более характерны для Средневековья и эпохи Возрождения, обращение к историческому опыту может принести определенные исследовательские результаты. Так, в качестве перспективных направлений исследований можно выделить сравнение средневекового опыта использования наемников с деятельностью современных ЧВК, изучение влияния социально-политической структуры общества на протестный потенциал в военной среде, анализ влияния религиозных институтов на формирование военной идеологии и т.д.

Таким образом, изучение исторической динамики развития и трансформации военно-гражданских отношений на основе анализа генезиса научных представлений о них не только раскрывает ключевые аспекты их эволюции, но и предоставляет ценный контекст для понимания текущих политических процессов.

Список литературы

1. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Leviathan, or the Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviathan.pdf.
2. Клаузевиц К. О войне [On War]. URL: <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/08.html>.
3. Макиавелли Н. Государь [The Prince]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/mak/eav/ell/makeavelli/gosudar/index.htm>.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Капитал [Capital] / под ред. В.Адоратского. М.: ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б), 1937. Т. 17.
5. Платон. Государство [The Republic]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Platon_Gosudarstvo.pdf.
6. Сунь-Цзы. Искусство войны [The Art of War]. URL: <https://artsakhlib.am/wp-content/uploads/2020/02/%D0%A1%D1%83%D0%BD%D1%8C-%D0%A6%D0%B7%D1%8B-%D0%98%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE-%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D1%8B-.pdf>.
7. Antoni N., Giannopapa C., Schrogl K. Legal and Policy Perspectives on Civil-Military Cooperation for the Establishment of Space Traffic Management // Space Policy. 2020. Vol. 53. <https://doi.org/10.1016/j.spacepol.2020.101373>.
8. Augustine A. Contra Faustum. URL: <https://www.newadvent.org/fathers/140622.htm>.
9. Brooks R.A. Integrating the Civil-Military Relations Subfield // Annual Review of Political Science. 2019. Vol. 22. P. 379–398. URL: <https://www.annualreviews.org/doi/10.1146/annurev-polisci-060518-025407>.
10. Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. Columbia University Press, 1977.
11. Campioni L., Poltronieri F., Stefanelli C., Suri N., Tortonesi M., Wrona K. Enabling Civil-Military Collaboration for Disaster Relief Operations in Smart City Environments // Future Generation Computer Systems. 2023. Vol. 139. № 3. P. 181–195. <https://doi.org/10.1016/j.future.2022.09.020>.
12. Chorley-Schulz J. Soldiers and the State in Marx and Engels // Marxism and the Capitalist State: Towards a New Debate. / ed. by R.Hunter, R.Khachaturian, E.Nanopoulos. Cham: Springer International Publishing, 2023. P. 121–139. https://doi.org/10.1007/978-3-031-36167-8_6.
13. Dimitriu G. Clausewitz and the Politics of War: a Contemporary Theory // The Journal of Strategic Studies. 2020. Vol. 43. № 5. P. 645–685. <https://doi.org/10.1080/01402390.2018.1529567>.
14. Fahey J.J. Peace, War and the Christian Conscience. Forgotten Books, 2018. 26 p.
15. Hartigan R.S. St. Augustine on War and Killing: The Problem of the Innocent // Journal of the History of Ideas. 1966. № 27. P. 195–204.
16. Huntington S.P. The Soldier and the State; the Theory and Politics of Civil-Military Relations. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1957.
17. Janowitz M. The Professional Soldier: A Social and Political Portrait. Glencoe, Illinois: Free Press, 1960.
18. Kajanto I. Tacitus Attitude to War and the Soldier // Latomus. 1970. № 29(3). P. 699–718.
19. Kamandaki. Kamandakiya Nitisara or the Elements of Polity / ed. Manmatha Nath Dutt. Elysium Press, 1896.
20. Kant I. Perpetual Peace / tr. M.C.Smith. URL: <https://www.gutenberg.org/files/50922/50922-h/50922-h.htm>.
21. Kautilya. Arthashastra / tr. R.Shamasastri. URL: <https://library.bjp.org/jspui/bitstream/123456789/80/1/R.%20Shamasastri-Kautilya%27s%20Arthashastra%20%20%20%281915%29.pdf>.
22. Langan J. The Elements of St. Augustine's Just War Theory // The Journal of Religious Ethics. 1984. Vol. 12. № 1. P. 19–38.
23. Manu. The Laws of Manu / tr. G.Bühler. // Sacred Texts. URL: <https://sacred-texts.com/hin/manu.htm>.
24. McFate S. The Modern Mercenary: Private Armies and What They Mean for World Order. Oxford University Press, 2014.
25. Miller R.B. Aquinas and the Presumption against Killing and War // The Journal of Religion. 2002. № 82(2). P. 173–204.
26. Montesquieu C.L. Considérations sur les Causes de la Grandeur des Romains et de Leur Décadence (3e éd.) / éd. par M.L'abbé, C.Blanchet. Paris: C.Delagrave, 1907.
27. Philosophers of War: The Evolution of History's Greatest Military Thinkers. Vol. 1 / ed. D.Coetzee, L.Eysturid. Praeger, 2013. 191 p. URL: http://digitalcommons.imsa.edu/hss_pr/8/.
28. Plutarch. Lysurgus. URL: <https://classics.mit.edu/Plutarch/lycurgus.html>.

29. Raj E.S. The Origins of the Caste System // Transformation. 1985. № 2(2). P. 10–14.
30. Rousseau J. Du Contract Social ou Principes du Droit Politique. URL: <https://www.earlymoderntexts.com/assets/pdfs/rousseau1762.pdf>.
31. Runciman W.G. Greek Hoplitae, Warrior Culture, and Indirect Bias // The Journal of the Royal Anthropological Institute. 1998 № 4(4). P. 731–751.
32. Saxe M. Mes Reveries. Amsterdam, Leipzig, 1757. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k865593>.
33. Scott J.R. The Citizen Soldier. A Sermon Preached at the Chapel of the Marine School, Dublin, before His Grace the Duke of Leinster, and the regiment Dublin volunteers commanded by him, on Sunday, November the 5th 1780 // Eighteenth Century Collections Online. P. 1–24. URL: <https://wellcomecollection.org/works/hb2wcy9x>.
34. Solomon N. Judaism and the Ethics of War // International Review of the Red Cross. 2005. № 87(858). P. 295–392. URL: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/irrc_858_solomon.pdf.
35. The Oxford Handbook of the State in the Ancient Near East and Mediterranean / ed. P.F.Bang, W.Scheidel. Oxford Academic, 2013. 576 p.
36. Tocqueville A. Democracy in America // Classics in Political Science. Indianapolis: Liberty Fund, 2010. URL: <https://www.marxists.org/reference/archive/de-tocqueville/democracy-america/ch40.htm>.
37. White C.E. Scharnhorst's Mentor: Count Wilhelm zu Schaumburg-Lippe and the Origins of the Modern National Army // War in History. 2017. № 24(3). P. 258–285.

Информация об авторе

САЛАВАТОВ Ильяс Хасымович. Аспирант кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. <https://orcid.org/0009-0003-8602-2816>. Адрес: Российская Федерация, 119454, г. Москва, пр. Вернадского, 76. il.salavatov@my.mgimo.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 13 августа 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

1. Hobbes, T. Leviathan, or the Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil [In Russian]. Available from: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf
2. Clausewitz C. On War [In Russian]. Available from: <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/08.html/>
3. Machiavelli N. The Prince [In Russian]. Available from: <https://www.booksite.ru/fulltext/mak/eav/ell/makeavelli/gosudar/index.htm/>.

4. Marx K., Engels F. Capital. Ed. by V.Adoratsky. Moscow: PARTIZDAT CzK VKP(b) [PARTIZDAT of the Central Committee of the CPSU(b)], 1937; 17 [In Russian].
5. Plato. The Republic [In Russian]. Available from: https://www.civisbook.ru/files/File/Platon_Gosudarstvo.pdf.
6. Sun Tzu. The Art of War [In Russian]. Available from: <https://artsakhlib.am/wp-content/uploads/2020/02/%D0%A1%D1%83%D0%BD%D1%8C-%D0%A6%D0%B7%D1%8B-%D0%98%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE-%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D1%8B.pdf>.
7. Antoni N., Giannopapa C., Schrogl K. Legal and Policy Perspectives on Civil–Military Cooperation for the Establishment of Space Traffic Management. Space Policy. 2020; 53 [In English]. <https://doi.org/10.1016/j.spacepol.2020.101373>.
8. Augustine A. Contra Faustum [In English]. Available from: <https://www.newadvent.org/fathers/140622.htm>.
9. Brooks R.A. Integrating the Civil–Military Relations Subfield. Annual Review of Political Science. 2019; 22:379–398 [In English]. Available from: <https://www.annualreviews.org/doi/10.1146/annurev-polisci-060518-025407>.
10. Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. Columbia University Press, 1977 [In English].
11. Campioni L., Poltronieri F., Stefanelli C., Suri N., Tortonesi M., Wrona K. Enabling Civil–Military Collaboration for Disaster Relief Operations in Smart City Environments. Future Generation Computer Systems. 2023; 139(3):181–195 [In English]. <https://doi.org/10.1016/j.future.2022.09.020>.
12. Chorley-Schulz J. Soldiers and the State in Marx and Engels. Marxism and the Capitalist State: Towards a New Debate. Ed. by R.Hunter, R.Khachaturian, E.Nanopoulos. Cham: Springer International Publishing, 2023:121–139 [In English]. https://doi.org/10.1007/978-3-031-36167-8_6.
13. Dimitriu G. Clausewitz and the Politics of War: A Contemporary Theory. The Journal of Strategic Studies. 2020; 43(5):645–685 [In English]. <https://doi.org/10.1080/01402390.2018.1529567>.
14. Fahey J.J. War and the Christian Conscience. Forgotten Books, 2018:26 [In English].
15. Hartigan R.S. St.Augustine on War and Killing: The Problem of the Innocent. Journal of the History of Ideas. 1966; 27:195–204 [In English].
16. Huntington S.P. The Soldier and the State; the Theory and Politics of Civil-Military Relations. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1957 [In English].
17. Janowitz M. The Professional Soldier: A Social and Political Portrait. Glencoe, Illinois: Free Press, 1960 [In English].
18. Kajanto I. Tacitus Attitude to War and the Soldier. Latomus. 1970; 29(3):699–718 [In English].
19. Kamandaki. Kamandakiya Nitisara or the Elements of Polity. Ed. Manmatha Nath Dutt. Elysium Press, 1896 [In English].
20. Kant I. Perpetual Peace. Tr. M.C.Smith [In English]. Available from: <https://www.gutenberg.org/files/50922/50922-h/50922-h.htm>.
21. Kautilya. Arthashastra Tr. R.Shamasastri [In English]. Available from: <https://library.bjp.org/jspui/bitstream/123456789/80/1/R.%20Shamasastri-Kautilya%27s%20Arthashastra%20%20%20%281915%29.pdf>.
22. Langan J. The Elements of St.Augustine's Just War Theory. The Journal of Religious Ethics. 1984; 12(1):19–38 [In English].
23. Manu. The Laws of Manu. Tr. G.Bühler [In English]. Available from: <https://sacred-texts.com/hin/manu.htm>.
24. McFate S. The Modern Mercenary: Private Armies and What They Mean for World Order. Oxford University Press, 2014 [In English].
25. Miller R.B. Aquinas and the Presumption against Killing and War. The Journal of Religion. 2002. 82(2):173–204 [In English].
26. Montesquieu C.L. Considérations sur les Causes de la Grandeur des Romains et de Leur Décadence (3e éd.). Ed. par M.L'abbé, C.Blanchet. Paris: C.Delagrave, 1907 [In French].
27. Philosophers of War: The Evolution of History's Greatest Military Thinkers. Vol. 1. Ed. D.Coetzee, L.Eysturild. Praeger, 2013. 191 p. [In English]. Available from: http://digitalcommons.imsa.edu/hss_pr/8/.
28. Plutarch. Lycurgus [In English]. Available from: <https://classics.mit.edu/Plutarch/Lycurgus.html>.
29. Raj E.S. The origins of the caste system. Transformation. 1985; 2(2):10–14 [In English].
30. Rousseau J. Du Contract Social ou Principes du Droit Politique [In French]. Available from: <https://www.earlymoderntexts.com/assets/pdfs/rousseau1762.pdf>.
31. Runciman W.G. Greek Hoplitae, Warrior Culture, and Indirect Bias. The Journal of the Royal Anthropological Institute. 1998; 4(4):731–751 [In English].
32. Saxe M. Mes reveries. Amsterdam, Leipzig, 1757 [In French]. Available from: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k865593>.

33. Scott J.R. The Citizen Soldier. A Sermon Preached at the Chapel of the Marine School, Dublin, before His Grace the Duke of Leinster, and the regiment Dublin volunteers commanded by him, on Sunday, November the 5th 1780. Eighteenth Century Collections Online:1-24 [In English]. Available from: <https://wellcomecollection.org/works/hb2wcy9x>.
34. Solomon, N. Judaism and the Ethics of War. International Review of the Red Cross. 2005; 87(858):295-392 [In English]. Available from: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/irrc_858_solomon.pdf.
35. The Oxford Handbook of the State in the Ancient Near East and Mediterranean / ed. P.F.Bang, W.Scheidel. Oxford Academic, 2013. 576 p. [In English].
36. Tocqueville A. Democracy in America. Classics in Political Science. Indianapolis: Liberty Fund, 2010 [In English]. Available from: <https://www.marxists.org/reference/archive/de-tocqueville/democracy-america/ch40.htm>.
37. White C.E. Scharnhorst's Mentor: Count Wilhelm zu Schaumburg-Lippe and the Origins of the Modern National Army. War in History. 2017; 24(3):258-285 [In English].

About the author

Ilyas Kh. SALAVATOV. Postgraduate Student of Department of Political Theory at MGIMO University. <https://orcid.org/0009-0003-8602-2816>. Address: 76, Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation. il.salavatov@my.mgimo.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: August 13, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.

ВЛАСТЬ, ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО

Политические институты, процессы и технологии

POWER, POLITICS, STATE

Political institutions, processes and technologies

Рецензия

УДК 32.001

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-255-261](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-255-261)

Политические науки

Рецензия на монографию

В.В.Комлевой,

Х.П.Нигматуллаевой

«Современная политическая

мысль Таджикистана»

Зафар Шерали Сайидзода (Зафар Шералиевич Саидов)✉

Институт изучения проблем стран Азии и Европы Национальной академии наук Таджикистана, Душанбе, Таджикистан
zafar.saidov.61@mail.ru

Аннотация. Рецензия посвящена анализу монографии В.В.Комлевой и Х.П.Нигматуллаевой «Современная политическая мысль Таджикистана» (Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2025 г.). Работа рассматривается как первое в российской науке комплексное исследование становления и развития национальной школы таджикской политической мысли. Отмечается высокая актуальность темы, связанная с необходимостью углубления научного диалога и взаимопонимания между странами Центральной Азии и Россией. В рецензии подчеркивается методологическая строгость исследования, охватывающего широкий корпус таджикских научных публикаций 2000–2024 гг. и использующего историко-генетический, сравнительный и содержательный анализ. Авторский коллектив убедительно демонстрирует эволюцию научных представлений о государственности, идентичности, идеологии и внешней политике Таджикистана, выявляя внутреннюю логику формирования национальной политологической традиции. Отмечаются высокая научная новизна и концептуальная цельность монографии, ее вклад в развитие сравнительной политологии и региональных исследований. Работа признана академически

значимой, методологически выверенной и рекомендована к широкому научному и учебному использованию.

Ключевые слова: таджикская политическая мысль, таджикская политология, научная школа политологии в Таджикистане, таджикские научные связи, таджикские центры изучения политики, политика Таджикистана, таджикская идентичность, государственность, религия и политика

Для цитирования: Сайидзода З.Ш. Рецензия на монографию В.В.Комлевой, Х.П.Нигматуллаевой «Современная политическая мысль Таджикистана» // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 255-261, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-255-261](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-255-261)

Review

Political Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-255-261](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-255-261)

Review of the Monograph by V.V.Komleva, H.P.Nigmatullayeva “Modern Political Thought in Tajikistan”

Zafar Sh. Sayidzoda (Zafar Sh. Saidov)✉

Institute for the Study of Asian and European Problems, National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan
zafar.saidov.61@mail.ru

Abstract. This review analyses the monograph by V.V.Komleva and Kh.P.Nigmatullaeva, “Modern Political Thought in Tajikistan” (Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, 2025). The work may be considered as the first comprehensive study in Russian scholarship on the formation and development of a national school of political thought in Tajikistan. The topic is highly relevant due to the need for deeper scholarly dialogue and mutual understanding between Central Asian countries and Russia. The review emphasizes the methodological rigour of the study, which covers a wide range of Tajik academic publications from 2000-2024 and uses historical, genetic, comparative and substantive analyses. The authors convincingly demonstrate the evolution of scholarly understanding of Tajikistan’s statehood, identity, ideology and foreign policy, revealing the inner logic behind the formation of a national political science tradition. The high scientific novelty and conceptual integrity of the monograph are noted as well as its contribution to the development of comparative politics and regional studies. The work can be recognized as academically significant and methodologically verified, and it is recommended for wide scientific and educational use.

Keywords: Tajik political thought, Tajik political science, scientific school of political science in Tajikistan, Tajik scientific relations, Tajik centers for the study of politics, politics of Tajikistan, Tajik identity, statehood, religion and politics

For citation: Sayidzoda Z.Sh. Review of the Monograph by V.V.Komleva, H.P.Nigmatullayeva “Modern Political Thought in Tajikistan”. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 4(18): 255-261. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-255-261](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-255-261)

Актуальность и научная значимость темы

Монография В.В.Комлевой и Х.П.Нигматуллаевой является первым в российской политологической и востоковедческой литературе системным исследованием современного состояния и эволюции политической мысли Таджикистана. Актуальность этой работы обусловлена рядом взаимосвязанных факторов.

Во-первых, Таджикистан занимает особое место в политическом пространстве Центральной Азии, являясь не только ключевым участником региональных интеграционных процессов, но и носителем уникального опыта постсоветского государственного строительства. Изучение политической рефлексии в этой стране позволяет глубже понять общие закономерности трансформации государственности, идеологии и идентичности в постсоветских обществах.

Во-вторых, в российской научной литературе до настоящего времени наблюдался ощутимый дефицит комплексных трудов, посвященных национальным школам политической мысли постсоветских государств. Таджикистан, при всем богатстве историко-культурного и интеллектуального наследия, редко становился предметом самостоятельного анализа. В этом смысле рассматриваемая монография восполняет существенный пробел и создает прочную основу для дальнейших междисциплинарных исследований в области сравнительной политологии, регионоведения и международных отношений.

В-третьих, исследование отражает важнейшую тенденцию современной гуманитарной науки – переход от внешнего наблюдения к партнерскому диалогу и «взаимопознанию» научных школ постсоветского пространства. В этом отношении труд Комлевой и Нигматуллаевой имеет не только академическое, но и культурно-дипломатическое значение, будучи органичной частью программы «научной дипломатии», о которой пишет авторский коллектив в предисловии.

Научно-методологическая база исследования

Монография отличается методологической строгостью и многоуровневым подходом к анализу политической мысли. Авторы опираются на совокупность историко-генетического, содержательного, сравнительного и библиографического методов, что позволило им реконструировать внутреннюю логику формирования таджикской политической науки. Особое внимание уделяется источниковедческой работе: анализируются диссертации, научные статьи и монографии таджикских исследователей на русском и таджикском языках за период 2000–2024 гг., а также ряд ключевых публикаций 1990-х гг.

Значимым методологическим достоинством является стремление авторов к систематизации идейного поля таджикской политологии через выявление устойчивых тематических и концептуальных «узлов»: государственность, институт

президентства, партийная система, национальная идентичность, идеологические основания, политическая культура, безопасность и внешняя политика. Такое тематическое структурирование отражено в композиции книги и придает ей целостность, академическую прозрачность и аналитическую глубину.

Важно отметить, что авторы не ограничиваются констатацией фактов, но стремятся выявить внутренние механизмы формирования таджикской школы политической мысли, ее концептуальные источники и методологические ориентиры. Особый интерес представляет анализ теоретико-методологических заимствований таджикских ученых из западной и российской политологической традиции, а также попытка адаптации этих подходов к национальному контексту.

Структура и содержание работы

Монография состоит из предисловия, вступительных слов и трех содержательных глав, завершающихся обобщающим заключением. Структура выстроена логично и отражает последовательное движение от анализа институциональных основ таджикской государственности к изучению культурно-идеологических и внешнеполитических аспектов.

Первая глава, посвященная вопросам политической системы и государственности, демонстрирует широкий обзор научных работ таджикских исследователей, рассматривающих эволюцию национальных институтов власти, партийную систему, президентство и политические элиты. Авторы тщательно показывают, как в таджикской научной среде осмысливается природа президентской власти, особенности партийного строительства и баланс между традиционными и модернизационными элементами в политической структуре.

Вторая глава акцентирует внимание на вопросах идентичности, идеологии и политической культуры. Именно этот раздел можно считать наиболее концептуальным: в нем реконструируется эволюция представлений таджикских исследователей о национальной идее, духовных основах государственности и месте ислама в политическом дискурсе. Особый интерес вызывает анализ поисков таджикской модели идеологии, призванной объединить традиционные ценности и требования модернизации. Здесь чувствуется стремление авторов не просто систематизировать взгляды, но уловить динамику смыслов, возникающих в национальной политической мысли в контексте постсоветских трансформаций.

Третья глава посвящена вопросам национальной безопасности и внешней политики. Комлева и Нигматуллаева убедительно показывают, что таджикская политическая мысль постепенно выходит за рамки внутренней проблематики и формирует собственное понимание внешнеполитических приоритетов, угроз и вызовов. Авторы выделяют тенденцию к сочетанию прагматизма и идейного суверенитета, что отражает специфический тип политического мышления, складывающийся на пересечении геополитических и цивилизационных влияний.

В заключении подводятся итоги многолетнего развития таджикской политической науки, определяются ее характерные черты: ориентация на государственность, синкретизм методологических подходов, обращение к вопросам идентичности и национального самосознания. Авторы справедливо делают вывод о становлении в Таджикистане самостоятельной школы политической мысли, которая, несмотря на относительную молодость, демонстрирует интеллектуальную зрелость и потенциал к дальнейшему развитию.

Научная новизна и вклад в политологию

Новизна монографии заключается в системном представлении таджикской политической науки как самостоятельного направления общественной мысли, обладающего собственными методологическими координатами и интеллектуальными традициями. Впервые в российской литературе предпринята попытка рассмотреть таджикскую политологию не как производное от советской или западной, а как самостоятельный феномен, находящийся в процессе институционализации.

Существенный вклад работы заключается также в том, что авторы формируют методологический инструментарий, применимый к исследованию политической мысли и других стран Центральной Азии. В этом смысле монография выполняет функцию своеобразного «пилотного проекта» в рамках более широкой исследовательской программы Дипломатической академии МИД России и Национального института развития коммуникаций, направленной на изучение интеллектуальных традиций региона.

Кроме того, труд Комлевой и Нигматуллаевой представляет значительный интерес для специалистов по сравнительной политологии, постсоветским исследованиям, региональным элитам и вопросам идентичности. Для российской политической науки это издание открывает новые горизонты диалога и совместных исследований с таджикскими коллегами.

Стиль, язык и оформление

Монография написана академически корректным, строгим и в то же время выразительным языком. Стиль изложения отличается аналитической ясностью, структурной логикой и уважением к национальной научной традиции. Отдельно следует отметить корректность цитирования, богатую библиографию и тщательную проработку терминологического аппарата. Все эти качества делают труд не только исследовательским, но и учебно-методическим ресурсом для преподавателей, аспирантов и студентов, интересующихся политическими процессами в Центральной Азии.

Оценка и рекомендации

Монография «Современная политическая мысль Таджикистана» – яркий пример научного синтеза, в котором сочетаются историко-аналитическая глубина, сравнительная перспектива и уважительное отношение к исследуемому материалу. Книга не только восполняет информационный и концептуальный пробелы, но и задает направление для формирования нового поля исследований: компаративной политической мысли постсоветских стран.

Работа будет полезна:

- политологам, востоковедам, историкам, специалистам по международным отношениям;
- экспертам в области внешней политики и национальной безопасности;
- преподавателям и студентам гуманитарных и политологических направлений;
- исследователям, занимающимся проблематикой Центральной Азии и постсоветского пространства.

Итоговое заключение

Монография В.В.Комлевой и Х.П.Нигматуллаевой представляет собой фундаментальное исследование, обладающее несомненной научной новизной и практической значимостью. Работа отвечает высоким академическим требованиям, отличается оригинальностью постановки проблемы и широтой охвата материала.

Можно с полным основанием утверждать, что данное издание станет ключевой вехой в осмыслении современного таджикского политического дискурса и внесет весомый вклад в развитие российской политической науки, укрепление научно-культурных связей между Россией и Таджикистаном.

Рецензия однозначно положительная. Монографию следует рекомендовать к широкому научному и учебному использованию.

Список литературы

Комлева В.В., Нигматуллаева Х.П. Современная политическая мысль Таджикистана [Modern Political Thought in Tajikistan]. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2025. 304 с.

Информация об авторе

САЙИДЗОДА Зафар Шерали (САИДОВ Зафар Шералиевич). Доктор исторических наук. Заведующий отделом СНГ Института изучения проблем стран Азии и Европы Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: Республика Таджикистан, 734025, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33. zafar.saidov.61@mail.ru

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о рецензии

Поступила в редакцию: 28 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

References

Komleva V.V., Nigmatullayeva H.P. Modern Political Thought in Tajikistan. Moscow: Diplomaticeskaya akademiya MID Rossii [Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia], 2025. 304 p. [In Russian].

About the author

Zafar Sh. SAYIDZODA (Zafar Sh. SAIDOV). DSc. (Hist.). Head of the CIS Department at the Institute for Asian and European Studies of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 33, Rudaki Avenue, Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan. zafar.saidov.61@mail.ru

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Information about the review

Received: October 28, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций

приглашает к сотрудничеству в научных проектах

Результаты совместных научных исследований публикуются в журналах, коллективных монографиях, научных докладах. Разработанные рекомендации и предложения направляются в правительственные учреждения и международные организации.

Коммуникационные режимы и коммуникационные порядки в международной практике: международная научная лаборатория открыта для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Тематические линии исследований:

- теория и методология исследования коммуникационных режимов в странах и регионах;
- модуляция и фрагментация мирового коммуникационного порядка;
- модели и типы страновых коммуникационных режимов;
- социокультурные факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- политические факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- управляемость коммуникационных режимов;
- дружелюбность коммуникационных режимов;
- проблемы информационной безопасности в некоторых типах коммуникационных режимов;
- влияние новых акторов и новых практик на правила и структуры коммуникационных режимов.

Рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов – международная экспертная группа открыта для ученых, аналитиков, специалистов в области международных отношений, политической регионалистики, международной коммуникации, информационной политики, социальной инженерии, связей с общественностью, массмедиа. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций разработал методику анализа и оценки дружелюбности страновых коммуникационных режимов. Первый рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов стран был опубликован в декабре 2021 года. Приглашаем ученых и аналитиков из разных стран войти в состав экспертов.

Международные гуманитарные коммуникации – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Проект реализуется с целью разработки и апробации моделей и технологий международных гуманитарных коммуникаций, направленных на развитие добрососедских отношений. Тематические линии исследований:

- системы международного гуманитарного сотрудничества в интеграционных объединениях (СНГ, ШОС, ЕАЭС, ЕС и др.);
- институционализация международных гуманитарных коммуникаций;
- трансграничные, приграничные модели гуманитарных коммуникаций;
- стратегии и приоритеты языковой и культурной политики стран добрососедства;
- политика социальной памяти в постсоветских странах;
- цифровые форматы международных гуманитарных коммуникаций.

Пояс добрососедства – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Пояс добрососедства – группа стран, с которыми граничит Российская Федерация, и стран, с которыми Россия непосредственно не граничит, но исторически имеет или налаживает культурные, хозяйственные, политические связи. Проект направлен на поиск направлений, перспективных участников, моделей и технологий развития добрососедских отношений, профилактику возможных конфликтов и улучшение взаимопонимания между странами и народами. Участники проекта свободны в выборе тематик исследования при условии формирования международных коллективов и их соответствия концепту добрососедства. Концепт добрососедства отражает содержательную и ценностную сторону соседства – мир, взаимопомощь, уважение ценностей и традиций друг друга, расширение сфер и инструментов сотрудничества.

Цифровые решения межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога. Мониторинг цифровых проектов открыт для авторов проектов межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога из России и зарубежных стран. Цель мониторинга – выявление и поддержка лучших проектов в сфере межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога в цифровой среде. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует популяризации и реализации лучших цифровых решений для развития межкультурного, межнационального и межконфессионального диалога.

Международные НКО и гражданские коммуникации – международная лаборатория, открыта для экспертов из России и зарубежных стран. Цель научного проекта – разработка предложений по оптимизации использования ресурсов международных НКО для развития добрососедских отношений и дружественного гражданского диалога. Тематические линии исследований:

- организационно-правовые, культурные, политические, экономические факторы деятельности международных НКО;
- модели и технологии работы международных НКО.

Научная дипломатия – научный и издательский проект открыт для ученых из России и зарубежных стран. Проект направлен на развитие научных коммуникаций и разработку моделей международного научного сотрудничества. Тематические линии исследований:

- государственная политика и стратегии стран в сфере международного научного сотрудничества;
- совершенствование направлений и инструментов межстрановых научных коммуникаций;
- дипломатическая миссия ученых;
- новые технологии сотрудничества молодых ученых.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует в развитии программ международной мобильности молодых ученых. Аспиранты и начинающие ученые из разных стран включаются в проекты Института и в совместные проекты Института и научно-образовательных учреждений России и зарубежных стран.

Институт издает научный журнал «Россия и мир: научный диалог – Russia & World: Scientific Dialogue» (РИНЦ, ВАК) и приглашает авторов к публикациям (<https://www.russia-world.ru/jour/index>).

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Научный рецензируемый журнал

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик РАН, профессор, научный руководитель Института востоковедения РАН (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук, заместитель директора по медиа-деятельности Национального исследовательского института развития коммуникаций, заместитель директора Центра стратегических исследований в области энергетики и цифровой экономики МИЭП МГИМО (У) МИД России

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

ЖУЛИКОВА Ольга Валентиновна – кандидат социологических наук, доцент, эксперт Национального исследовательского института развития коммуникаций (Россия)

Редактор-переводчик – д-р культурологии, профессор Т.Г.Бортникова

Корректор – канд. фил. н. И.А.Емелин

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский.

МАКЕТ И ПРЕДПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА

Издательский дом Perspectum

г. Москва, Коробейников пер., 22, стр. 1

Тел. +7 495 146 83 02. Подписано в печать 01.12.2025

Отпечатано

ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»

Московская область, г. Подольск, Революционный проспект, 80/42 Тираж 500 экз.

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

Peer-reviewed academic journal

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), Full member of the Russian Academy of Sciences, professor, Scientific Supervisor of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Russia)

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), professor, Deputy Director for Research of the National Research Institute for the Communications Development (Russia)

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law), Deputy Director for Media Activities of the National Research Institute for the Communications Development, Deputy Director of the Center for Strategic Studies in the Sphere of Energy and Digital Economy MIEP MGIMO (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

EXECUTIVE EDITOR

Olga V. ZHULIKOVA – CandSc (Soc.), Associate Professor, expert of the National Communications Development Research Institution (Russia)

Editor-translator – DSc. (Cultural studies), Professor Tatiana G. Bortnikova

Proofreader – CandSc (Filol.) Ilya A. Emelin

Languages for publishing articles in the journal: Russian, English.

LAYOUT AND PREPRESS

Publishing House Perspectum

22, building 1, Korobeynikov Lane, Moscow Tel. +7 495 146 83 02

Signed in the press on 01.12.2025

Printed in the LLC «Podol'skaya fabrika ofsetnoj pečhati» 80/42, Revolyucionnyj prospect, Podolsk, Moscow oblast

Circulation 500 copies

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 >

> УДК: 327 ББК 66.4

perspectum

ЧЕЛОВЕК и МИР
ДИАЛОГ

Порадуй себя или подари другу

Доставляем журналы лично в руки

Оформление и дизайн этого выпуска журнала выполнены по мотивам творчества Аристарха Васильевича Лентулова (1882—1943).

Он должен был пойти по пути своего отца, сельского священника, даже поступил в духовное училище, но любовь к рисованию привела в художественные мастерские передвижников, а потом к педагогу Академии художеств Д. Кардовскому и к французским живописцам.

Основатель знаменитого объединения «Бубновый валет», целью которого было, по словам Петра Кончаловского, «потребность пойти в атаку против старой живописи». Критики называли их «московскими сезаннистами», а в историю изобразительного искусства они вошли как яркие представители авангарда.

Помимо живописи, Лентулов занимался книжной иллюстрацией, преподавал, оформлял спектакли. В 1925 г. на Международной выставке современных декоративных и промышленных искусств в Париже удостоился золотой медали за декорации к опере А. Рубинштейна «Демон», поставленной в филиале Большого театра.